

QUAESTIO ROSSICA

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

Kholopstvo in Russia:
Paradoxes of an Archaic Institution

Russian Roulette with Napoleon:
Moscow, 1812

Constructivist Architecture:
An Oxymoron of the Stalin Era

ISSN 2311-911X (print)
ISSN 2313-6871 (online)

QUAESTIO ROSSICA

QR.URFU.RU

Vol. 4 | 2016 | № 3

Журнал основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год (апрель, июнь,
сентябрь, декабрь)

Established in 2013
Published 4 times a year (April, June,
September, December)

Учредитель – Уральский федераль-
ный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина
(УрФУ)
620000, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51

Founded by Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(UrFU)
51, Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg,
Russia

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013

Journal Registration Certificate
PI № FS77-56174 as of 15.11.2013

«Quaestio Rossica» – рецензируемый научный журнал, сферой интересов которого являются исследования в области культуры, искусства, истории, археологии, лингвистики и литературы России. Задача журнала – расширить представления о российском гуманитарном дискурсе в пространстве мировой науки. Приоритет отдается публикациям, в которых исследуются новые исторические и литературные источники, выполняются требования академизма и научной объективности, историографической полноты и полемической направленности. К публикации принимаются статьи на русском, английском, немецком и французском языках. Полнотекстовая версия журнала находится в свободном доступе на сайте журнала и размещается на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полная информация о журнале и правила оформления статей размещены на сайте: <http://qr.urfu.ru>

“Quaestio Rossica” is a peer-reviewed academic journal focusing on the study of Russia’s culture, art, history, archaeology, literature and linguistics. The journal aims to broaden the idea of Russian studies within discourse in the humanities to encompass an international community of scholars. Priority is given to articles that consider new historical and literary sources, that observe rules of academic writing and objectivity, and that are characterized not only by their critical approach but also their historiographic completeness. The journal publishes articles in Russian, English, German and French. A fulltext version of the journal is available free of charge on the journal’s website and is published in the database of the Russian Science Citation Index of the Russian Universal Scientific Electronic Library. For more information on the journal and about article submission, please consult the journal’s website: <http://qr.urfu.ru>

Журнал индексируется в *Web of Science*.

The journal is indexed in *Web of Science*.

Подписка на журнал осуществляется по каталогу «Пресса России».
Подписной индекс издания 43166.

Адрес редакции: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Россия, 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, оф. 262
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Board Address: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. Office 262, 51 Lenin Ave., 620000, Yekaterinburg, Russia
E-mail: qr@urfu.ru

Editorial Staff

Editor-in-Chief: Prof. **F.-D. Liechtenhan** (France, Paris-Sorbonne University; French National Centre for Scientific Research); Section Editors: *Historical Studies* – Prof. **Dmitry Redin** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS), Prof. **Vladimir Arakcheev** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); *Cultural Studies and Philology* – Prof. **Larisa Soboleva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Reviews Section Editor: Dr **Dmitry Spiridonov** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Lead Translator: Dr **Tatiana Kuznetsova** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Executive Secretary Associate: Dr **Konstantin Bugrov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS)

Editorial Board

Prof. **Vladimir Abashev** (Russia, Perm State National Research University); Prof. **Elena Berezovich** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); PhD **Matthew Binney** (USA, Seattle, Eastern Washington University); Dr hab. **Artur Gorak** (Poland, Lublin, Maria Curie-Skłodowska University); Dr **Julia Zapariy** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Natalia Kupina** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Holger Kusse** (Germany, Dresden University of Technology); Prof. **Oleg Leybovich** (Russia, Perm State Academy of Art and Culture); PhD **Jordan Lyutskanov** (Bulgaria, Sofia, Bulgarian Academy of Sciences); PhD **Graham H. Roberts** (France, Paris West University Nanterre La Defense); Prof. **Elena Sozina** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Dmitry Serov** (Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management); PhD **Michel Tissier** (France, University of Rennes 2); Prof. **Daniel Waugh** (USA, Seattle, University of Washington)

Editorial Council

Prof. **Evgeniy Anisimov** (Russia, Saint Petersburg Institute of History of RAS); Dr **Evgeniy Artemov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Sergio Bertolissi** (Italy, University of Naples "L'Orientale"); Prof. **Paul Bushkovitch** (USA, New Haven, Yale University); Prof. **Boris Gasparov** (USA, New York, Columbia University); Prof. **Elena Glavatskaya** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Igor Danilevsky** (Russia, Moscow, National Research University – Higher School of Economics); Prof. **Chester Dunning** (USA, College Station, Texas A & M University); Prof. **Elena Dergacheva-Skop** (Russia, Novosibirsk State National Research University); Prof. **Andrey Zorin** (UK, University of Oxford); PhD **Andrey Keller** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Prof. **Tatiana Krasavchenko** (Russia, Moscow, Institute for Scientific Information of Social Sciences of RAS); Prof. **Arto Mustajoki** (Finland, University of Helsinki); Prof. **Maureen Perrie** (UK, University of Birmingham); Prof. **Vladimir Petrukhin** (Russia, Moscow, The Institute of Slavic Studies of RAS); Prof. **Rudolf Pihoya** (Russia, Moscow, Institute of Russian History); Dr **Igor' Poberezhnikov** (Russia, Yekaterinburg, Institute of History and Archaeology, UB of RAS); Prof. **Olga Porshneva** (Russia, Yekaterinburg, UrFU); Dr hab. **Yakub Sadovski** (Poland, Krakow, Pontifical University of John Paul II); Prof. **Gyula Szvak** (Hungary, Budapest, Eotvos Lorand University); Prof. **Natalia Fateyeva** (Russia, Moscow, The Russian Language Institute of RAS)

Logo & cover design – **Konstantin Pervukhin**

Редакционная коллегия

Главный редактор: проф. **Ф.-Д. Лиштенав** (Франция, Париж, Сорбонна; Национальный центр научных исследований); ответственные редакторы: *по историческим наукам* – проф. **Д. А. Редин** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН), проф. **В. А. Аракчеев** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); *по культурологии, искусствоведению и филологии* – проф. **Л. С. Соболева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); отдел рецензий: доц. **Д. В. Спиридонов** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); редактор перевода: доц. **Т. С. Кузнецова** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); ответственный секретарь: к. и. н. **К. Д. Бугров** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН)

Члены редколлегии

Проф. **В. В. Абашев** (Россия, Пермский государственный научно-исследовательский университет); проф. **Е. Л. Березович** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); PhD **М. Бинне** (США, Сизтл, Университет Восточного Вашингтона); д. и. н. **А. Горак** (Польша, Люблин, Университет Марии Склодовской-Кюри); к. и. н. **Ю. В. Запарий** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Н. А. Купина** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Х. Куссе** (Германия, Дрезденский технический университет); проф. **О. Л. Лейбович** (Россия, Пермская государственная академия искусства и культуры); PhD **Йордан Люцканов** (Болгария, София, Институт литературы БАН); PhD **Г. Робертс** (Франция, Университет Западный Париж-Нантер-ля-Дефанс); проф. **Д. О. Серов** (Россия, Новосибирский государственный университет экономики и управления); проф. **Е. К. Созина** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); PhD **М. Тиссье** (Франция, Ренн, Университет Ренн 2); проф. **Д. Уо** (США, Сизтл, Университет Вашингтона)

Редакционный совет

Проф. **Е. В. Анисимов** (Россия, Санкт-Петербург, Институт истории РАН); д. и. н. **Е. Т. Артемов** (Россия, Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН); проф. **С. Бертолисси** (Италия, Неаполитанский Восточный университет); проф. **П. Бушкович** (США, Нью-Хейвен, Йельский университет); проф. **Б. М. Гаспаров** (США, Нью-Йорк, Колумбийский университет); проф. **Е. М. Главацкая** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **И. Н. Данилевский** (Россия, Москва, Высшая школа экономики); проф. **Ч. Даннинг** (США, Колледж-Стейшен, Техасский университет A&M); проф. **Е. И. Дергачева-Скоп** (Россия, Новосибирский государственный научно-исследовательский университет); проф. **А. Л. Зорин** (Великобритания, Оксфордский университет); PhD **А. В. Келлер** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); проф. **Т. Н. Красавченко** (Россия, Москва, ИНИОН РАН); проф. **А. Мустайоки** (Финляндия, Хельсинский университет); проф. **М. Перри** (Великобритания, Университет Бирменгема); проф. **В. Я. Петрухин** (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН); проф. **Р. Г. Пихоя** (Россия, Москва, Институт российской истории и археологии УрО РАН); **О. С. Поршнева** (Россия, Екатеринбург, УрФУ); д. и. н. **Я. Садовский** (Польша, Краков, Папский университет Иоанна Павла II); проф. **Д. Свак** (Венгрия, Будапешт, Университет им. Лорана Этвёша); проф. **Н. А. Фатеева** (Россия, Москва, Институт русского языка РАН)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Vox redactoris

Vladimir Arakcheev, Konstantin Bugrov. The Creation of Social Space in Russia: From Slavery to Constructivism [in English, in Russian] 7

Vladimir Arakcheev, Konstantin Bugrov. The Creation of Social Space in Russia: From Slavery to Constructivism [in English, in Russian] 7

Problema Voluminis

Большевизм в кирпиче и бетоне: прошлое и настоящее советского конструктивизма

Bolshevism in Brick and Concrete: The Past and Present of Soviet Constructivism

Thomas Flierl. The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1928–1933)..... 19

Thomas Flierl. The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1928–1933)..... 19

Евгения Конышева. «Солнце, воздух и дом для всех»? Советские вариации европейского опыта жилищного строительства в годы первых пятилеток 34

Eugenia Konysheva. ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans. 34

Михаил Ильченко. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. . . 55

Mikhail Ilchenko. Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s 55

Михаил Тимофеев. От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иванова . . 72

Mikhail Timofeev. From ‘Red Manchester’ to ‘Red Disneyland’: Constructivist Architecture and the Representation of Ivanovo 72

Пространство социального в России: Средневековье и Новое время

Social Space in Russia: The Middle Ages and Modern Period

Адриан Селин. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.)..... 93

Adrian Selin. Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries..... 93

Владимир Аракчеев. Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту..... 111

Vladimir Arakcheev. Kholopstvo (Slavery) in 17th-century Russia: An Institution That Did not Result in a Caste 111

Содержание	Contents
<i>Маргарита Дадыкина.</i> Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.) 123	<i>Margarita Dadykina.</i> Managing Space: The Structure and Organisation of the Communication System in the Spaso-Prilustky Monastery (16 th – 17 th Centuries) 123
<i>Дорена Кароли.</i> Распространение европейской образовательной модели детских яслей (crèches) в России. 141	<i>Dorena Caroli.</i> The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia 141

Origines

<i>Дмитрий Лисейцев.</i> Служилые люди Пскова в событиях Смутного времени (по материалам челобитных) 161	<i>Dmitry Liseytshev.</i> The Service People of Pskov in the Time of Troubles (with Reference to Petitions) 161
--	---

Disputatio

<i>Олег Хоруженко.</i> Опыт нового прочтения родословной легенды князей Фоминских-Травиных: сюжет свадебной порчи 175	<i>Oleg Khoruzhenko.</i> A New Reading of the Genealogy of the Princes Fominsky-Travin: A Story of Wedding Hexes. 175
<i>Дмитрий Редин.</i> Реформы местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации 190	<i>Dmitry Redin.</i> Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation 190
<i>Владимир Земцов.</i> Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога 217	<i>Vladimir Zemtsov.</i> Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue 217
<i>Сергей Нефёдов.</i> Московское студенчество накануне революции 1905 г.: анатомия протеста. 235	<i>Sergey Nefedov.</i> The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution: Anatomy of a Protest 235

Recensiones

<i>Sergey Postnikov, Leonid Smirnov.</i> The History of Constructivism in the Urals: 21st-century Studies 257	<i>Sergey Postnikov, Leonid Smirnov.</i> The History of Constructivism in the Urals: 21 st -century Studies. 257
<i>Олег Горбачёв.</i> «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции 268	<i>Oleg Gorbachev.</i> Broad is My Native Land: The Dimensions of Russian Migration 268
Об авторах 282	On the Authors 282
Сокращения 286	Abbreviations 286

VOX REDACTORIS

DOI 10.15826/QR.2016.3.171

THE CREATION OF SOCIAL SPACE IN RUSSIA: FROM SLAVERY TO CONSTRUCTIVISM

For *Quaestio Rossica's* third issue of 2016, we have selected two major topics that seem quite distant from each other at first glance: the first is related to the history of Russia as the Middle Ages faded into modernity, while the second deals with the first Five-Year Plans in the USSR. What these two topics have in common is the continued interest of historians in manifestations of the social. Indeed, the concept of the social can be manifested in various spheres: legal norms, economic principles, and ways of inhabiting the environment. These incarnations often differ dramatically from the common view of social processes as rational and well-organised phenomena.

The first topic (*Problema voluminis* section) is dedicated to the actual materials with which Russia's 20th century was built, and is accordingly entitled 'Bolshevism in Brick and Concrete: Soviet Constructivism in the Past and Present'. It opens with an article by *Thomas Flierl* (University of Konstanz, Germany), a former Senator for Science, Research, and Culture in Berlin: "The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure 1928–1933". The IV *Congrès International d'Architecture Moderne* (CIAM), initially conceived as an ambitious demonstration of avant-garde architecture in the capital of the world's first 'proletarian state', never actually took place, and instead came to represent another step towards the rupture between the Soviet establishment and functionalist architecture. Not only were there ideological differences, but the general instability in Stalin's USSR also imposed insurmountable obstacles on the road to holding an international convention of architects. The period when a rigid administrative management system in the USSR was formed simultaneously proved to be an epoch of social turbulence: the idea of an architecture congress in Moscow ultimately vanished into this chaos.

The forced mobilisation required to salve the urgent need for socialist buildings produced social and administrative disarray. Constructivist architecture may be considered a visible manifestation of this tumult, its enshrinement in brick and Concrete (a paradoxical situation for an architectural style supposedly based on rationality and functionalism). *Eugenia Konysheva* (South Ural State University, Chelyabinsk, Russia) has offered a piece on precisely this subject: "Sun, Air, and Homes for All? Soviet Variations on the European Experience of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans" is dedicated to examining the architectural

specifics of Ural and Siberian *sotsgorodki* ('social towns'), such as Kuznetsk, Magnitogorsk, and Orsk. All of these examples were planned and constructed with the participation of European experts, led by the famous Ernst May. However, the experiences of Weimar Germany proved inapplicable to Soviet conditions, both because of the lack of resources and the authorities' inability to set definitive, clear, and constant goals.

In his work "Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s", *Mikhail Ilchenko* (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg, Russia) discusses the architecture of the legendary *sotsgorodok* Uralmash, a giant heavy machinery plant in Sverdlovsk/Yekaterinburg, and places it into a broad historical and cultural context. The author concludes that Uralmash has value beyond its reputation as one of the most compelling examples of this international style. Indeed, the improvisation demonstrated by architects and engineers in the ever-transforming social context of industrialisation is fundamental to understanding the artistic value of this particular complex: this suggests we should not be bound by strict stylistic definitions when evaluating the success, failure, or heritage of architectural projects. The social and administrative turmoil during the first Five-Year Plans is therefore a fundamental criterion to consider when judging the significance of various Constructivist creations like Uralmash.

The USSR never came to possess Weimar-style living quarters, but something rather different; nonetheless, the Soviet style of mass housing is no less valuable and meaningful for the history of architecture. How does Russia's Constructivist heritage function today? How do local communities become aware of it, preserve it, and actualise it? Can we turn the urban heritage of the early Stalin era, haphazardly scattered across Russia, into cultural capitals despite all of the aforementioned problems of these ambitious social projects? *Mikhail Timofeev's* (Ivanovo State University, Russia) "From 'Red Manchester' to 'Red Disneyland': Constructivist Architecture and the Representation of Ivanovo" relates the story of the architectural heritage of a major centre of the Soviet textile industry in these terms. According to the author, Ivanovo is immersed in the riches of the Soviet past and thus can function as a kind of 'Red Disneyland' today, a cultural reserve of socialism's legacy.

Finally, in *Recensiones*, *Sergey Postnikov* and *Leonid Smirnov* (Ural State University of Architecture and Art, Yekaterinburg) have provided their research on the "History of Constructivism in the Urals: 21st-century Studies": this complements the issue's journey into the history of Soviet Constructivism by offering a comprehensive review of the newest literature on the topic.

The section *Social Space in Russia: Medieval and Modern Perspectives* opens with a work by *Adrian Selin* (Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia): "Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Development of a Small Social Group in the Late

16th and Early 17th Centuries”. The article focuses on the ethnic and confessional identities of Novgorod Tatars, a group constituted by both Muslims and the so-called *novokreshcheny* (newly-baptised). They were military servitors who had been drafted from among the Turkic peoples of the Volga, the Black Sea, and Central Asia. The mobilisation of these servicemen was meant to draw upon their outstanding combat potential: it was Sigismund von Herberstein who first noted how determinedly the Tatars fought. However, the fact that they were given estates in the Novgorod region inhabited almost exclusively by an Orthodox population gave rise to a contradiction, one that solved only with the gradual conversion of these Muslims to Orthodoxy. Such complex forms of inter-confessional interaction in the 16th and 17th centuries, the author argues, may have contained the potential to help resolve similar ethnic conflicts in the future.

It seems that there is no more common a phenomenon in the world than slavery. Even apparently universal concepts like ‘feudalism’, ‘democracy’, and ‘revolution’ cannot be applied to all countries or civilisations. Slavery, however, has arguably been ubiquitous: it survived in the United States until as late as 1865, and still exists in many places in perverted, undocumented forms. Russia was no exception. The phenomenon of *kholopstvo* in Russian history is explored in *Vladimir Arakcheev’s* (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, Yekaterinburg) article, “Slavery in 17th-century Russia”. It is extremely difficult to write about *kholopstvo* for a number of reasons. Firstly, the source base is deficient: as is well known, the archive of the *Kholopskiy Prikaz*, the central governmental organisation for the regulation of slavery in Moscow, burnt down in 1682. Thus, most of the sources upon which historians draw when researching slavery come from Novgorod. Secondly, writing the history of slavery in one’s own country cannot but provoke one to recall Lermontov’s famous line about Russia as ‘the country of slaves’ and thereby ignite a desire to ‘whitewash’ this blot out of the historical narrative. As such, it is important to interact with international scholars working in the same field: thus, *Arakcheev* enters into a dialogue with Richard Hellie’s use of the notion of ‘caste’ to designate this particular social category.

Meanwhile, in her contribution “Managing Space: The Structure and Organisation of the Communication System in a Monastic Economy from the 16th to the 18th Centuries”, *Margarita Dadykina* (Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russia) outlines the history of the economic activity in a major Russian monastery. Monasteries were powerful commercial actors, driving and dominating trade not only in their own environs, but also throughout various regions; their convoys sailed both across the Russian North and down the Volga, delivering grain, salt, fish, leather, and other goods to the various corners of the country.

The section ends with *Dorena Caroli’s* (University of Macerata, Italy) “The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia”.

Analysing the development and function of nurseries in late imperial Russia, the author concludes that while they resembled their European counterparts, the quality of care provided remained inadequate even as the First World War broke out.

While *Dmitry Liseyev's* (Institute of Russian History, RAS, Moscow) contribution has thematic parallels with the pieces mentioned above, we have placed into the *Sources* section of this issue, since it largely deals with the innovative use of documentary evidence. Entitled "The Service People of Pskov in the Times of Troubles", it proffers vivid sketches of the 17th-century civil war as it unfolded in Northwestern Russia. The accounts of two military servicemen who petitioned for a fair assessment of their past achievements from the Muscovite government show the complexity of human destinies during a vicious internecine conflict. The author discovers omissions and lapses in their stories, leading him to justly suggest that one of the soldiers had switched sides to join Bolotnikov's rebel army: however, favoured by fortune, he was able to escape punishment and provide a narrative of himself as a 'servant of the tsar' who had served his sovereign with considerable 'bravery'.

This issue's *Disputatio* section includes various articles that we have not sought to unite under a common theme. It opens with *Oleg Khoruzhenko's* (Institute of Russian History, RAS, Moscow) "A New Reading of the Genealogy of the Princes Fominsky-Travin: A Story of Wedding Hexes". The author thoroughly explores the legend surrounding the divorce of the Moscow Grand Duke Simeon Gordyi (the Proud) and examines its folk origins. Dmitry Redin (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia) looks at "Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation": he proposes the existence of 'ordinary' and 'extraordinary' systems of local governance, the clash between which undermined the effectiveness of Peter the Great's *Polizeistaat*. *Vladimir Zemtsov's* (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia) work, "Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue", introduces a new perspective on Napoleon's occupation of Moscow by analysing the varieties in Muscovite behavioural strategies in relation to the occupying forces. Finally, *Sergey Nefedov* (Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg) has contributed "The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution". Here, he evaluates the extent to which Moscow students instigated the revolution; on the basis of archival data, he discovers that the student movement unfolded spontaneously, without the influence of any political parties.

The issue concludes with *Recensiones*, which, besides the piece already mentioned, contains *Oleg Gorbachev's* (Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia) extensive review of *Broad is My Native Land: The Dimensions of Russian Migration* by Lewis H. Siegelbaum and Leslie Page Moch. The reviewer surveys the attitudes towards migration

demonstrated by Siegelbaum and Moch, who focus on migrants themselves rather than the states between which they move, and describes the individual practices established by migrants as they shifted between social spaces. The choice to centre the narrative on migrants and not states dissolves the traditional division between voluntary and forced migration; however, it also leads to a logical contradiction, since it is impossible to ignore the factor of coercion in 20th-century Russian history. Nonetheless, it is concluded that the book under review is to be recommended for the way in which it considers Russian migrations in terms of the global context.

*Vladimir Arakcheev, Konstantin Bugrov,
Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch),
Yekaterinburg, Russia.
Translated by Anna Dergacheva*

Для третьего номера *Quaestio Rossica* в качестве основных были избраны две, на первый взгляд, далеко отстоящие друг от друга проблемы: одна из них связана с историей России на рубеже Средневековья и Нового времени, а другая – с эпохой первых пятилеток в СССР. Их, однако, роднит неизменный интерес историков к различным проявлениям социального, ибо реализуется оно разными путями: в норме закона, способах хозяйствования, способах обживания окружающего пространства. Проявления эти зачастую разительно отличаются от устоявшихся представлений о направленных, рациональных, хорошо организованных социальных процессах. Впрочем, Первый раздел журнала посвящен вполне реальным стройматериалам и носит заглавие «Большевизм в кирпиче и бетоне: прошлое и настоящее архитектуры конструктивизма». Открывает его работа Томаса Флирля (*Thomas Flierl*, Берлин) «The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure 1928–1933». IV Всемирный конгресс современных архитекторов (CIAM), задуманный как амбициозная манифестация авангардной архитектуры в столице первого в мире «пролетарского государства», так и не состоялся, став еще одним шагом к разрыву между советским истеблишментом и архитектурной практикой функционализма. Непреодолимой преградой на этом пути оказались не только идеологические расхождения между ними, но и общая нестабильность сталинского СССР. Период становления жесткой командно-административной системы управления оказался одновременно эпохой социальной турбулентности, и в этом хаосе сгинула идея конгресса в Москве.

Мобилизационное форсирование строительства социализма действительно оборачивалось социальным и административным хаосом; конструктивистская архитектура вполне может считаться его зримым проявлением, зафиксированным в кирпиче и бетоне (парадоксальный эффект для архитектуры, стремящейся к рационализму и функционализму). Статья *Евгении Конышевой* (Челябинск) «“Солнце, воздух и дом для всех”? Советские вариации европейского опыта жилищного строительства в годы первых пятилеток» посвящена архитектурной специфике уральских и сибирских соцгородов Магнитогорска, Кузнецка, Орска, созданных при участии европейских специалистов во главе со знаменитым Э. Маем. Не только дефицит ресурсов, но и хаотичная постановка целей привели к тому, что опыт Веймарской Германии на советской почве оказался неприменимым: экономичное жилье в советских условиях предполагало как можно больший «коэффициент экономности» – побольше жилплощади, поменьше инфраструктуры.

Михаил Ильченко (Екатеринбург) в своей статье «Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг.» анализирует архитектурный комплекс легендарного соцгорода Уралмаша в широком историко-культурном контексте. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на хаос и дезорганизацию, сопровождавшие продвижение конструктивизма вглубь СССР, конструктивистское наследие обладает ценностью не только как одно из проявлений глобального функционалистского стиля. Напротив, импровизация архитекторов и инженеров в изменчивом социальном контексте индустриализации и является залогом ценности архитектурных решений, не связанных рамками стилистических определений. Таким образом, социальный и административный хаос эры первых пятилеток осмыслен здесь как важнейший фактор, придающий значимость конструктивистским локусам – таким, как Уралмаш.

Кварталов в стиле Веймарской Республики в СССР не получилось, но получилось кое-что иное, не менее ценное и значимое для истории. Каким образом конструктивистское наследие функционирует сегодня? Как его осознать, сохраняет, актуализирует местное сообщество? Способны ли мы сегодня превратить хаотично разбросанное по России наследие первых пятилеток в культурный капитал, несмотря на все отмеченные выше проблемы реализации грандиозных социальных проектов, изрядно терявших амбиции при переносе с бумаги в реальную жизнь? Статья *Михаила Тимофеева* (Иваново) «От “красного Манчестера” к “красному Диснейленду”»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново» повествует об архитектурном наследии крупнейшего центра советской текстильной индустрии. По мнению автора, обладающее богатейшим советским прошлым («город первого Совета», «красный Манчестер»), Иваново сегод-

ня способно выступить в роли такого «красного Диснейленда», заповедника культуры эпохи социализма. Важную роль в таком позиционировании способно сыграть архитектурное наследие конструктивизма.

Помещенная в разделе «Recensiones» статья *Сергея Постникова* и *Леонида Смирнова* (Екатеринбург) «History of Constructivism in the Urals: 21st Century Studies» дополняет экскурс в историю советского конструктивизма, представляя собой содержательный обзор новейшей литературы по этой теме.

Раздел «Пространство социального в России: Средневековье и Новоевремя» открывает статья *Адриана Селина* (Москва) «Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.)». Она посвящена особой этноконфессиональной группе новгородских татар и новокрещенов – служилых людей, набравшихся из числа тюркоязычных народов Поволжья, Причерноморья и Средней Азии. Мобилизация этих обобщенно называвшихся татарами (позднее – инородцами) воинов была обусловлена их выдающимся боевым потенциалом: еще Сигизмунд Герберштейн отмечал, насколько упорно сражаются татары. Их появление в новгородских землях в качестве помещиков приводило к определенному противоречию, состоявшему в факте проживания в их поместьях православного населения, противоречию, разрешавшемуся постепенным переходом мусульман в православие. Сложные формы этноконфессионального взаимодействия в XVI–XVII вв. содержали потенциал для разрешения конфликтов на этнической почве в будущем.

Кажется, нет в мире явления более общего для практически всех народов, чем рабство. Не только вызывающее в последнее время все больше вопросов понятие «феодализм», но и понятия «демократия», «революция» применяются отнюдь не ко всем странам и цивилизациям. Рабство же было всеобщим явлением, просуществовавшим даже в США до 1865 г., а в законодательно оформленном виде существующим по сей день. Россия в этом ряду не была исключением, и феномен холопства в XVII в. исследуется в статье *Владимира Аракчеева* (Екатеринбург) «Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту». Писать о холопстве крайне сложно по целому ряду причин. Во-первых, из-за деформированной источниковой базы. Как известно, в 1682 г. в Москве сгорел архив Холопьяго приказа – центрального правительственного учреждения, регулировавшего институт рабства. Большая часть источников, на основании которых историки создают картину холопства в России, имеет новгородское происхождение. Во-вторых, написание истории рабства в своем отечестве не может не отсылать к известным строкам Лермонтова о «стране рабов» и не вызывать желания каким-то образом обелить это явление. Попытка прове-

ритель примененное к этой социальной страте американским русистом Р. Хелли понятие касты представляется удачным способом избежать упрощающего подхода к решению проблемы.

Статья *Маргариты Дадыкиной* (Санкт-Петербург) «Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.)» посвящена истории экономической деятельности одного из крупных русских монастырей. Такие монастыри являлись мощными хозяйствующими субъектами и главными драйверами крупнооптовой торговли, доминировавшими не только в районах расположения своих вотчин, но и в местах промыслов; караваны их судов шли по рекам Русского Севера, Поволжья, доставляя в разные концы страны хлеб, соль, рыбу, кожи и другие товары. Автор предлагает рассмотреть монашеские общины как эффективных организаторов хозяйственных связей, игравших в аграрных экономиках ведущую роль.

Завершает раздел работа *Дорены Кароли* (Мачерата, Италия) «Распространение европейской образовательной модели детских яслей (*crèches*) в России». Анализируя разнообразные параметры функционирования яслей в России XIX – начала XX в., автор приходит к выводу о том, что, хотя развитие ясельных учреждений в России следовало общеевропейскому тренду, их состояние все же оставалось неудовлетворительным.

К этому разделу тематически примыкает и помещенная в раздел «Источники» статья *Дмитрия Лисейцева* (Москва) «Служилые люди Пскова в событиях Смутного времени (по материалам челобитных)», представляющая яркие зарисовки событий гражданской войны начала XVII в. на Северо-Западе России. История двух служилых людей, добивавшихся от правительства справедливой с их точки зрения оценки их прошлых заслуг, показывает сложность людских судеб в эпоху гражданской войны. В изложении из прежних служб видны недомолвки и недосказанности; автор справедливо предполагает, что один из них вполне мог перейти на сторону повстанческой армии И. Болотникова, но судьба уберегла его от возможной расправы, и вот он вновь «слуга царю», напоминаящий ему о своих «подвигах».

Раздел «Disputatio», включающий статьи по различным исследовательским проблемам, не объединенные единой тематикой, открывает статья *Олега Хоруженко* (Москва) «Опыт нового прочтения родословной легенды князей Фоминских – Травиных: сюжет свадебной порчи». Автор детально исследует легенду о разводе московского великого князя Симеона Гордого, доказывая ее фольклорное происхождение. *Дмитрий Редин* (Екатеринбург) в статье «Реформы местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации» выделяет «ординарную» и «экстраординарную» системы местного управления, столкновения между которыми подрывали и ограничивали эффективность петровского *Polizeistaat*.

Статья *Владимира Земцова* (Екатеринбург) «Москва при Наполеоне: социальный опыт кросс-культурного диалога» представляет новый взгляд на историю пребывания наполеоновской армии в Москве, анализируя многообразие стратегий поведения жителей столицы по отношению к оккупантам. Наконец, в работе *Сергея Нефёдова* (Екатеринбург) «Московское студенчество накануне революции 1905 года: анатомия протеста» исследуется вопрос о том, в какой степени студенчество исполняло роль застрельщика революции. Автор на основании архивных данных приходит к выводу, что студенческое движение развернулось стихийно, помимо влияния тех или иных политических партий.

Завершающая номер *Quaestio Rossica* статья *Олега Горбачёва* (Екатеринбург) «“Широка страна моя родная”: измерения российской миграции», помещенная в разделе «Recensiones», посвящена анализу книги «“Широка страна моя родная”: Миграционные практики и режимы миграции в России в XX веке» (авторы – Л. Сигельбаум и Л. Мох). Автор оценивает концепцию миграций, разработанную Сигельбаумом и Мох и ставящую в центр внимания не государство, а самих мигрантов, вырабатывающих индивидуальные практики перемещения в социальном пространстве. Эта концепция упраздняет традиционное деление миграций на добровольные и принудительные, однако ведет к логическому противоречию, поскольку в российской истории XX столетия фактор принуждения игнорировать сложно. Тем не менее, рецензируемое исследование, помещающее российские миграции в глобальный контекст, обладает высокой научной значимостью.

*Владимир Аракчеев, Константин Бугров,
Институт истории и археологии УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия*

Problema Voluminis

**Bolshevism in Brick and Concrete:
The Past and Present of Soviet Constructivism**

Social Space in Russia: The Middle Ages and Modern Period

Problema Voluminis

Большевизм в кирпиче и бетоне:
прошлое и настоящее советского конструктивизма

Пространство социального в России:
Средневековье и Новое время

BOLSHEVISM IN BRICK AND CONCRETE: THE PAST AND PRESENT OF SOVIET CONSTRUCTIVISM

DOI 10.15826/qr.2016.3.173

УДК 72/036(063)+72/038/11+72.035.93+725.1(470-25)

THE 4TH CIAM CONGRESS IN MOSCOW. PREPARATION AND FAILURE (1928–1933)* **

Thomas Flierl

Independent Researcher,
Berlin, Germany

At the first meeting in Zurich
I said right away that I could not imagine
a Congress without the participation
of the Russians.

*Letter by Sigfried Giedion to El Lissitzky.
21 May 1928. GTA archive. Zurich*

The paper deals with the dramatic story of the preparation for (and subsequent failure of) the 4th Congrès internationaux d'architecture moderne (CIAM) conference in Moscow. The offer to host the congress in Moscow was made in 1929, with the planned topic 'Urban Organisation, Urban Construction, and Regional Planning'. Had it taken place in 1930 or 1931, the planned congress would have had an enormous impact. It probably would have been able to counteract the split of the modern urban construction movement into two factions, with those in favour of reconstructing existing cities on the one hand and proponents of building brand new cities on the other. It is widely believed that the congress was moved from Moscow to Athens due to CIAM's protest against the results of the competition for the Palace of Soviets. Indeed, the controversy over this contest certainly delayed the congress. However, the study of the archival sources shows that the postponement was a result of a drastic change in the USSR's domestic policies, which took place before CIAM challenged the results of the competition. The character of the preparation for the congress on the Soviet side in 1929–33 was quite complex. Therefore, the

* In this paper, I follow the outline of my book, which will be published in 2016 by DOM publishers, Berlin. In this publication, more than 150 documents concerning the history of CIAM in Moscow will be presented. The book will be available in German, Russian, and English editions.

** *Citation*: Flierl, T. (2016). The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1929–1933). In *Quaestio Rossica*, vol. 4, № 3, p. 19–33. DOI 10.15826/qr.2016.3.173.

Цитирование: *Flierl T.* The 4th CIAM Congress in Moscow. Preparation and Failure (1929–1933) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 19–33. DOI 10.15826/qr.2016.3.173.

paper pays special attention to the positions and policies of the Soviet officials in charge of the congress: Jurij Larin, Jakov Vajnsenker, Avel Enukidze, and others. The analysis of previously unknown letters and documents shows that, despite the fact that agreements between CIAM and the Soviet side were concluded in December 1932, the congress was postponed (indeed, cancelled) once again in March 1933, this time by Stalin personally, even though Karo Alabjan, the party secretary of USSR Association of Architects, argued against postponement.

Keywords: history of 20th century architecture; constructivism; modernism; Stalinism; 4th International Congress of Modern Architecture.

Статья посвящена драматичной истории подготовки и последовавшего затем провала IV съезда CIAM (Международного конгресса по современной архитектуре) в Москве в 1929 г., главная тема которого была заявлена следующим образом: «Городская организация, городское строительство и региональное планирование». Конгресс в Москве, будь он проведен в 1930 или 1931 г., мог бы оказаться крайне влиятельным. Автор высказывает мысль о том, что участники конгресса могли бы сгладить наметившийся в тот период в среде архитекторов раскол между сторонниками реконструкции существующих городов, с одной стороны, и сторонников вновь возводимых городов – с другой, и, соответственно, раскол между традиционным и современным градостроением. Считается, что конгресс был перенесен из Москвы в Афины из-за протеста CIAM по поводу результатов конкурса проектов Дворца Советов. Изучение архивных источников показывает, что перенос конгресса был результатом резких перемен во внутренней политике СССР, которые произошли еще до того, как его участники подвергли критике конкурс проектов Дворца Советов. Характер подготовки к конгрессу со стороны СССР в 1929–1933 гг. был весьма сложным. В статье уделяется особое внимание позициям и действиям ответственных за конгресс советских чиновников Юрия Ларина и Якова Вайншенкера, Авеля Енукидзе и других. Анализ ранее не известных писем и документов показывает, что, невзирая на соглашения между CIAM и советской стороной, достигнутые в декабре 1932 – марте 1933 г., конгресс был вновь отложен (по сути, отменен), на сей раз лично Сталиным, несмотря даже на протест со стороны партийного секретаря Союза советских архитекторов Каро Алабяна.

Ключевые слова: история архитектуры XX в.; конструктивизм; модернизм; сталинизм; Международный конгресс по современной архитектуре.

At a certain historical moment, there was a strategic convergence between two unequal partners: the international movement Neues Bauen, as represented by the Congrès internationaux d'architecture moderne (CIAM), on the one hand, and the Soviet policy of modernisation and industrialisation within the framework of the first Five-Year Plan on the other. We can

observe two areas of cooperation in particular. Firstly, urban planners and architects from abroad were working in the Soviet Union, and, secondly, there was the idea of organising a CIAM congress in Moscow.

In the autumn of 1930, Ernst May, a prominent member of CIAM, had become head of planning for the newly built cities under the authority of the People's Commissariat for Heavy Industry. Two other members of CIAM, Hans Schmidt from Switzerland and Mart Stam from the Netherlands, along with several hundred foreign specialists, most of them Germans, followed May to the Soviet Union [Flierl]. After a first attempt in Frankfurt am Main in 1929, CIAM, during its third congress in Brussels in November 1930, resolved to hold their next congress, themed 'The Functional City', in Moscow. However, the congress in Moscow never took place. Until now, the lengthy preparations for, and the eventual failure of, the CIAM congress in Moscow have only been investigated using the archives of CIAM in Zürich, Paris, and Rotterdam. Firstly, we have to mention Martin Steinmann's meritorious documentation from 1979. Steinmann shows a certain understanding of the Soviet position; he interprets the cancellation of the congress as a 'consequence of the experiences with urban construction in the period between 1929 and 1932. These experiences led to the realisation that urban planning had no value whatsoever if it was not based on ideological values: the city had to become the very image of life under Socialism. The functional city had little to contribute to the creation of this city' [CIAM: Dokumente 1928–1939, p. 128].

In his book *The CIAM Discourse on Urbanism* [Mumford, 2000] and his essay 'CIAM and the Communist Block' [Mumford, 2009], Eric Mumford reconstructs the debates within CIAM. He mentions in passing that, during the congress in Athens, an invitation to hold the next congress (1934) in Moscow arrived from the Soviet Union. What he does not mention is that, during the CIAM meeting in London in 1934, there was a new offer to hold the subsequent congress in Moscow, initiated by Josep Lluís Sert and directed towards the Association of Soviet Architects. However, other than discussion of the fact that the parties involved were hoping to resume contact with the Soviet Union as late as 1937, research on CIAM completely ignores the Soviet Union after 1933.

The publication *The CIAM and Cornelis Van Eesteren* (2007) by Kees Somer proves very instructive and reliable. Regarding the cancellation from Moscow in 1933, he reaches a tentative conclusion based on the source material then available: 'It is difficult to provide an unambiguous explanation for this postponement. It looks as though the local preparatory committee did not receive enough support for its activities from the authorities, due to the economic and ideological developments...' [Sommer, p. 122].

The most well-informed work dealing with the interaction between architectural developments in the Western world and the Soviet Union has been provided by Jean-Louis Cohen. However, his brilliant book, *Le Corbusier et la Mystique de l'URSS* (1987), focuses chiefly on Corbusier's work and his projects in Moscow. In Cohen's work, the CIAM congress in Mos-

cow remains obscure for the most part. Accordingly, in a text published as late as 2011 [Cohen, p. 12–21], he states that it was CIAM who cancelled their fourth congress as a result of the Soviet Union's hostile stance towards modern architecture. In this, he possibly refers to a draft resolution by Le Corbusier for the Barcelona congress in March 1932, which, however, was never sent in this form. It is absolutely astonishing that this course of events has never been investigated in its entirety. What was the cause of CIAM's protest against the results of the contest to build the Palace of the Soviets? What were the origins of the protest letters and on which discursive situation inside the Soviet Union did they have an impact? Cohen also does not research these questions within their context.

The story of the failed 4th CIAM congress cannot be told without the systematic inclusion of sources from Russian archives that are accessible today. Because of these materials, many documents in Western archives can now be properly understood for the first time. I would like to mention just one aspect of my findings beforehand: between 1929 and 1933, the Politburo of the All-Russian Communist Party alone spent five sessions dealing with the CIAM congress. On 20 March 1933, they decided to postpone it, which essentially meant cancellation. This decision was part of the internal Soviet debate about the right way to industrialise and modernise the country. The planned congress coincided with a period of reorganisation in governmental institutions at the turn of 1931–32, the result of which constituted the final victory of Stalin's violent faction over a Soviet version of Fordism. Architecture and urban construction were both subjects and preminent instruments of this change in socio-political hegemony. The effects of the Stalinist historical narrative, as well as those of the Cold War, can still be felt today in that the individuals who were in favour of extensive cooperation with the Neues Bauen and a different combination of socialism and modernism are, by and large, forgotten, due to the fact that many of them were killed in the course of the 'Great Terror' that began in 1936. Today, the debates, power struggles, and hierarchical shifts on the Soviet side can be illuminated using the Russian archives. At the same time, the drafts of agendas and the abstracts of presentations allow us to discern the outlines of the planned Moscow congress.

A 'Moscow Charter' probably would have been able to counteract the split of the modern urban construction movement into two factions, with supporters for the reconstruction of existing cities on the one side and those in favour of building brand new cities on the other. After the 1933 Moscow congress was cancelled, this split became highly charged, both politically and ideologically, especially when the European dictatorships turned towards Neo-Historicism and during the Cold War.

We have to start by reconstructing the international context of CIAM's foundation, dealing in particular with the close connection between Sigfried Giedion, El Lissitzky, and Hans Schmidt, as well as the contacts between Anatolij Lunacharskij and Le Corbusier from the beginning of the 1920s. Giedion invited El Lissitzky to the foundation of CIAM in 1928, while

Le Corbusier notified Moisej Ginzburg, Nikolaj Ladovskij, and Vladimir Vladimirov from Paris. In letters to El Lissitzky, Giedion confided that 'the supervision lies, in fact, with Moser, Corbusier, Schmidt, and me' (21 May 1928); in the following letter, he wrote: 'The way things have been developing, the true avant-garde will be the defining force of this congress, and this will yield the opportunity to give the movement the direction it will need in the future.' (20 June 1928). Despite this, the foundation of CIAM took place without the Russians: Lissitzky was sick and Ginzburg received the invitation too late. He travelled to Berlin, but did not continue on to Switzerland because he would only have arrived in La Sarraz on the last day of the meeting. The founding assembly of CIAM made Lissitzky the representative for the Soviet Union. He was charged with creating a group to represent his country and was asked to participate in preparatory meetings in the West.

However, Giedion had no concept of the conditions in the Soviet Union. Lissitzky replied: 'I would love to do my best to further the idea of the congress... The problem is that, insofar as travel abroad is concerned, it has to be in accordance with government institutions. In general, to travel to a congress for a few days is a luxury for us. Personally, I'd rather get a construction contract from the state than act as its representative. But I assume that Vesnin or someone else might participate' (2 July 1929).

In preparation for the 2nd CIAM congress in Frankfurt am Main (1929), Giedion contacted the Soviet embassy in Berlin, with Gropius acting as his intermediary. Again, the objective was to invite Soviet representatives (Ginzburg and Lissitzky) and, for the first time, to organise a congress in the Soviet Union. Giedion announced that there would be a proposal in Frankfurt to hold the next congress in Moscow. The topic would be 'Urban Organisation, Urban Construction and Regional Planning'.

This time around, the Soviet side made all the decisions required. The National Institute for Buildings (GIS), where Ginzburg and the Vesnin brothers were members of the housing commission, and the All-Union Council of the Housing Cooperative were designated as contacts of CIAM. On 25 October 1929, following the initiative of the head of government Aleksej Rykov, the Politburo resolved to convoke a 'Congress for the Construction of New Housing' in Moscow in 1930. The invitation was to be issued by the two institutions in charge. As early as 19 October, Gropius telegraphed Giedion that the chance of receiving an invitation in the form of a telegraph from the embassy was '99 per cent'. However, the telegraph arrived a day late. Thus, the CIAM delegates accepted the invitation to Brussels.

At that time, Nikolaj Krestinskij was the Soviet ambassador in Berlin. Later, he would promote the idea of a congress in Moscow as deputy people's commissar of foreign affairs. In 1938, together with Nikolaj Bucharin and the aforementioned Rykov, he was indicted, sentenced to death, and executed.

Although neither Ginzburg nor Lissitzky were present in Frankfurt, a Soviet delegation made a surprise appearance. It was under the guidance of the engineer German Krasin, director of the Institute for Buildings (GIS).

Because of the complicated approval procedure for journeys abroad, Moscow unceremoniously sent the Soviet delegation to Frankfurt straight after attending the 12th congress of the International Federation for Housing and Town Planning in Rome. In Frankfurt, Krasin was an enthusiastic participant; three years later, however, he passed a more negative verdict, which played a fairly significant role in the decision to cancel the Moscow congress.

It was only in 1930, on the occasion of the Brussels congress, that the diplomatic efforts finally proved successful. The telegraph arrived on time, and the delegates resolved to hold their 4th congress in Moscow (Fig. 1).

1. Telegram of the presidium of the Central Council of the Housing Cooperative from 27 November 1931, with an invitation to hold the congress for the construction of new housing in Moscow. GTA. Zurich

Now we must focus upon the state of affairs in Moscow in 1931. It is especially important to give an impression of the work of Margrit Wyss-Vögtlin, the niece of Karl Moser, the honorary president of CIAM, who acted as CIAM's local representative in Moscow. She had a lively correspondence with Giedion, as well as being in touch with the CIAM members working in Moscow (May, Schmidt, and Stam) and the relevant Soviet agencies, especially the All-Union Council of Housing Cooperatives and, later, the newly created Council of Municipal Economy. Her letters paint a vivid picture of the atmosphere in the Soviet capital.

On the Soviet side, the All-Union Council of the Housing Cooperative (Centrozhilsojuz) and the persons linked to it have not been sufficiently acknowledged in the annals of architecture and urban plan-

ning. Jakov L. Vajnsenker had worked there since 1926: he handled most of the correspondence with CIAM. Jurij Larin was the chairman of the All-Russian Housing Cooperative from its inception in 1925 until his death. He had spent years of exile in Germany and Sweden; only in August 1917, through the Menshevik internationalists, did he join the Bolsheviks.

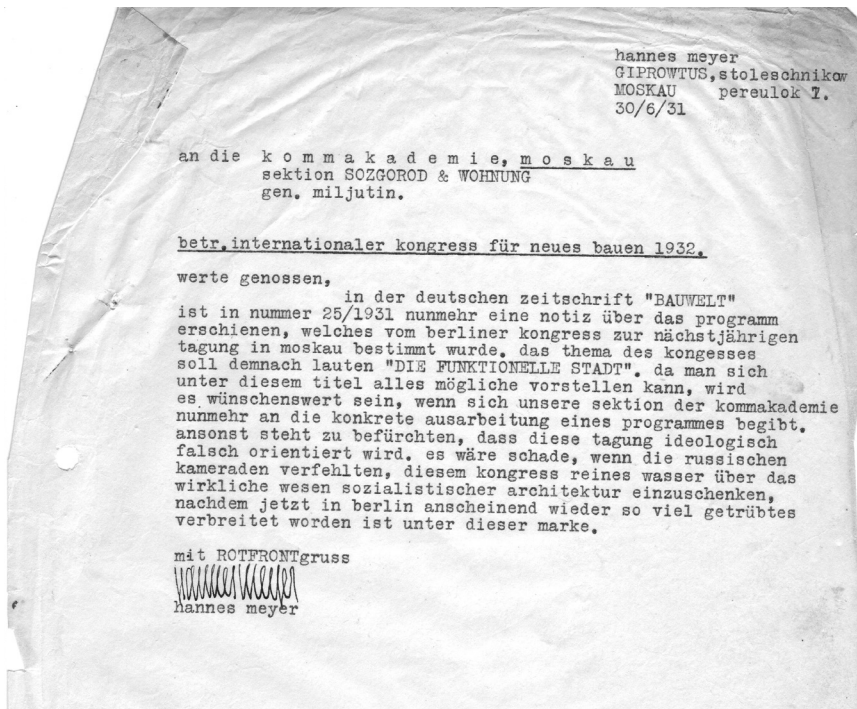
Larin was one of the creators of the national planning board Gosplan. On the occasion of the fifth anniversary of *Centrozhiłsojuz* in 1930, a collection of essays entitled *For a New Way of Living* was published. Larin's text, 'The Development Perspective of the Housing Cooperative' (1928), was placed first. In this essay, he developed a strictly anti-statist concept of the common good: 'The Soviet state is just a temporary means for the victory over the bourgeoisie, in order to ensure the complete development of our social and economic system. Or, to put it another way: the housing cooperative will still be there after the Soviet state has ceased to exist' [Ларин, с. 7]. A draft schematic of a collective house, finished in 1931, presented a housing complex consisting of several buildings with 400 residential units and communal facilities in Ivanovo, close to Moscow: this was designed by Il'ja A. Golosov. The conceptual relation to Bruno Taut's *Carl-Legien-Siedlung* in Berlin is evident.

The *Centrosojuz* Building, designed by Le Corbusier, was commissioned by Isidor Ljubimov, chairman of the Central Association of the Trade, Agriculture, and Housing Cooperatives between 1926 and 1930. In 1930–31, Ljubimov was the director of the Soviet trade mission in Berlin and, in 1932, the people's commissar for light industry in the completed *Centrosojuz* Building. In 1937, he was executed for allegedly being a spy. Between 1930 and 1933, the people's commissar for labour in charge of building cooperatives was Anton Cichon, head of the construction workers' union. He was arrested in 1937 and executed in 1939.

But let's get back to 1931. This year was marked by the enormous contradiction between the great success of the extraordinary CIAM congress in Berlin in June 1931 and the changes that were taking place in the Soviet Union. Because the congress in Moscow was still up in the air in 1931, CIAM held its extraordinary congress in Berlin at the same time as the German Building Exhibition, using the meeting as a preparatory run for the congress in Moscow. Again, it was not possible for Soviet representatives to be present, so Ernst May was the sole lecturer on urban construction in the Soviet Union. He filled the role perfectly, giving a famous talk at the *Preußisches Herrenhaus* in front of a large audience that, for the most part, applauded his efforts. Since the Soviet side had declared Nikolaj Miljutin's book *Sotsgorod* to be the programmatic guideline for the Moscow congress, CIAM was pleased with May's efforts. Boastfully, May told CIAM that he would assume all responsibility for keeping in touch with the Russians. However, he had so many other obligations that he could not really take care of this task. Later, it was apparent that he had misplaced the notorious CIAM questionnaires, the whereabouts

of which was the subject of a lengthy correspondence between Zurich and Moscow: they turned up inside May's desk only months later (they had slipped behind a drawer). Furthermore, the Russians had not designated May's contacts as the ones in charge of the CIAM congress: they had selected the Building Cooperative, whereas May was in correspondence with the People's Commissariat for Heavy Industry, a different institution.

In hindsight, the stagnation of congress preparations in Moscow – and the desperate letters that Giedion wrote to Wyss – can be explained with the strong insecurity felt by those in charge on the Soviet side following the June plenum in 1931. Lazar Kaganovich's speech marked a departure from the idea of the immediate communisation of life in newly constructed cities in favour of an orientation towards the problems of municipal economy in existing cities. Before now, it was unknown that the Politburo, on 23 June 1931, had initially refused the Building Cooperative's plea to convene the congress at the beginning of 1932 (*see colored illustration*). It is possible that Hannes Meyer's intervention played a role in this, too. In a letter addressed to the Communist Academy from 30 June 1931, Meyer had polemicised against the Berlin congress and May's talk. He demanded that they 'come clean with CIAM about the true nature of Socialist architecture' [Letter by Hannes Meyer] (Fig. 2). Despite this, the Politburo reversed its resolution on 15 October 1931.

2. Letter of H. Meyer to the Communist Academy, 30 June, 1931.
Personal archive of Ekaterina Milyutina

This indecisiveness is an indicator of the instability of the situation in the Soviet Union. An internal power struggle was taking place between the aforementioned cooperative movement, the protagonists of the construction of large, new industrial cities (both of which were in favour of *Neues Bauen*), and the Central Administration of Municipal Economy, then part of the People's Commissariat for Interior Affairs (NKVD) and later an independent commissariat. The debate was fuelled by those who desired a 'proletarian architecture': they were backed by certain factions within the Communist Academy and gathered in the All-Union Council of Proletarian Architects (VOPRA). Among them was Hannes Meyer.

In the summer and autumn of 1931, tensions eased a little at first because two measures had been taken as a result of the plenum in June. Firstly, councils of Municipal Economy were created in every Soviet republic, and, secondly, the All-Union Council of Municipal Economy was created as part of the Central Executive Committee of the USSR in order to bridge the divide between different interests and powers.

Backed by the Politburo's resolution from October 1931 concerning the realisation of the 1932 congress, Jurij Larin and Jakov Vajnsenker took the initiative. They formed a 'Commission for the Advancement of the 4th CIAM Congress' within the All-Union Council of the Housing Cooperative. The commission held its first meeting on 12 November 1931, chaired by Jurij Larin. There was even a plan to invite Moisej Ginzburg and Ernst May to the following meeting. It seemed as if a committee with the ability to take action was finally forming on the Soviet side. Wyss, too, wrote a favourable letter to Giedion about the resumption of preparations for the congress. However, Jurij Larin's initiative from 14 December 1931, with the goal of bringing about a resolution from the Council of People's Commissaries that would create a joint commission for the preparation of the congress consisting of both CIAM and Soviet institutions, remained unsuccessful.

On 9 January 1932, Georgij Pjatakov (then a deputy chairman of the Supreme Soviet of the National Economy and later of the People's Commissariat for Heavy Industry) made an attempt to create a purely Soviet committee under the direction of the newly created All-Union Council of Municipal Economy. If nothing else, his efforts meant that the All-Union Council officially assumed responsibility for the preparation of the congress. It assigned Vajnsenker the task of inviting CIAM to the congress in September 1932, which he did on 16 March 1932.

At the same time, a preparatory group consisting of foreign architects working in the Soviet Union formed around Hans Schmidt, Hans Blumenfeld, Fred Forbat, Eugen Kauffmann, Margarete Schütte-Lihotzky, Margrit Wyss, and others. This group made efforts to develop suggestions for the congress in collaboration with their Russian colleagues. In his letter to Giedion from 12 March 1932, Blumenfeld passed on proposals for revising the criteria for the country reports and urban analyses discussed in Barcelona

at the CIRPAC¹ conference. Because of the necessary follow-up work, the congress was postponed until spring 1933, with the mutual agreement of CIAM and the Soviets. There was even a resolution of the Politburo concerning this postponement.

In March 1932, Vajnsenker again convoked the council for the preparation of the International Congress for Urban Construction, and commissions were formed on the subjects of organisation, finance, architecture, and planning, as well as exhibitions. However, this preparatory committee of the All-Union Council of the Housing Cooperative had not been legitimised by either the party or the government.

Did the protest of the CIRPAC conference in Barcelona against the result of the contest for the Palace of the Soviets have an influence upon the failure to realise the 4th CIAM Congress in Moscow? So far, my research in Russian archives has not yielded any proof that the two protest notes – a famous photomontage was attached to the second one (Fig. 3) – ever reached Stalin himself. However, in addition to their meeting in Geneva on 5 March, Le Corbusier's 13 March 1932 letter to Anatolij Lunacharskij, the people's commissar of education, was translated by the latter and sent to Vasilij Mikhailov, the head of administration of the Palace of Soviets.

3. Photomontage (attachment to a letter from 28 April, 1932 sent to Stalin by Giedion and van Eesteren). Inscription: 'Proposed plan for the Palace of the Soviets compared to the pseudo-modernist architecture of supermarkets and churches'. Van Eesteren Foundation. Rotterdam. EEST_4.33-1

¹ The International Committee for the Resolution of Problems in Contemporary Architecture (CIRPAC) was the elected executive body of CIAM.

Mikhailov gave the letter to Vyacheslav Molotov, the chairman of the palace building committee. Molotov, in turn, distributed the letter among the members of the committee, who were all linked directly to Stalin. In this letter, Le Corbusier uttered the famous sentences about the ‘mystique’ of the USSR and the ‘disenchantment’ that was likely to occur as a result of the decision to build the Palace of the Soviets in a style reminiscent of the Italian Renaissance. Indubitably, the concerned authorities in Moscow also noted the publication of an excerpt of the records from the CIRPAC conference in Barcelona in *Die Neue Stadt*: this violated the agreement not to publish any of it. The excerpt contained CIAM’s suggestion to cancel the congress should the result of the contest for the Palace of the Soviets not be reversed. The question over whether CIAM’s protest note ever reached Stalin himself may only ever be resolved through research in the archives of the Russian president or the Russian Federal Security Agency.

Irrespective of this, the decision to use the designs by Ivan Zholtovskij, Boris Iofan, and Hector Hamilton was, of course, trend-setting. Neither Le Corbusier nor the delegates of CIAM in Barcelona had any precise knowledge of the state of the debate surrounding the contest. In my opinion, the attempt to gain influence through Lunacharskij was naive as well, because Lunacharskij was playing a game of his own with Le Corbusier. Lunacharskij was trying to counterbalance Zoltovskij’s reactionary, neo-historicist design with the avant-garde extreme submitted by Le Corbusier in order to grant Iofan victory. In the end, however, Lunacharskij’s strategy failed. The previously unknown Hector Hamilton took Le Corbusier’s place as the winner of the award. This was probably due to a strategic orientation towards the USA and the plans to establish diplomatic relations with them. Albert Kahn’s influence may have also played a role.

In the summer and autumn of 1932, the preparations for the congress stagnated again within the All-Union Council of Municipal Economy. It took a drastic intervention by Nikolaj Krestinskij, the deputy people’s commissar of foreign affairs, against Aleksandr Smirnov, the chairman of the All-Union Council of Municipal Economy, and, afterwards, Lazar Kaganovich for the secretariat of the Central Committee to finally pass a resolution regarding the personnel of the organisation committee in August 1932. Avel Enukidze, secretary of the Central Executive Committee of the USSR, took over the position of chairman.

From the records of the first session under Enukidze on 14 October 1932 and the fact sheet sent to the Council of the People’s Commissars in the same month, we can gather that Enukidze was pursuing a double strategy, which was probably a wise move given the circumstances. On the one hand, he wanted to lessen the status of the 4th CIAM Congress in Moscow by delegating it to Centrozhilsojuz; on the other, he wanted to use the committee under his chairmanship to organise the ‘First International Congress of Urban Construction in the USSR’, a project that was promoted energetically by the People’s Commissariat of Municipal Economy. Enukidze’s idea was backed by a report from German Krasin, who, looking back on his

visits to the conferences in Rome and Frankfurt in 1929, described CIAM as a 'private organisation' which was 'strictly isolated because of an arbitrary set of ideological criteria'. Because of this, the CIAM congress would be unable to accomplish what was expected of a Soviet congress. Krestinskij heard of the idea to unceremoniously turn the 4th CIAM Congress into the 'First International Congress of Urban Construction in the USSR'. On 17 October 1932, he intervened energetically with Enukidze and criticised the fact that 'the creators of the plan to organise the congress do not have a clear concept of the role played by the Soviet organisers in this matter, and that we are pushing our boundaries beyond their limit. We have to understand very clearly that this is the congress of an international institution which has chosen the territory of the USSR for their annual gathering and not the Soviet all-union congress with foreign organisations as its guests' [ГАРФ. Оп. 3316. Д. 2-3].

In December 1932, van Eesteren and Giedion visited the USSR. Extensive records allow for a detailed reconstruction of their stay, the result of which was the well-known agreement to have the congress take place in June 1933. Furthermore, it is possible to imagine what the programme for the 4th CIAM congress in Moscow might have looked like. There are various notes concerning agendas, assembly statutes, central statements for position papers, the choice of Soviet participants, exhibitions, publications, and planned excursions. After the congress had been announced in early 1933, all obstacles seemed to have finally been moved out of the way. What followed instead was the drama of the postponement, and therefore cancellation, of the 4th CIAM congress by Kaganovich and Stalin.

In January and February 1933, the All-Union Council of the Housing Cooperative wrote to Enukidze and the Central Committee in an effort to get their approval for the project. Now, it was money that was the issue: they needed 239 436 rubles. At the same time, the preparatory committee on the Soviet side, which had been supported since autumn 1932 by Centrozhilsojuz, the Association of Architects, and the All-Union Organisation for Foreign Cultural Exchange, was busy making preparations of their own. Although Vajnsenker had learned from a member of Kaganovich's staff that approval for the financial planning was Enukidze's domain, the Orgburo of the Central Committee dealt with this question on 2 March 1933; three days later, it passed a recommendation to the secretariat of the Central Committee that the congress be postponed for financial reasons. Apparently, word of this decision circulated, and this is how, on 8 March 1933, the communist faction of the Association of Architects wrote a remarkable and still completely unstudied letter to Kaganovich. Karo Alabjan, chairman of the Association, pointed to 'a whole number of negative effects'. The repeated postponement by another year and to an uncertain date after the completion of a written agreement and extensive preparations was sure to lead to incomprehension among the directors of CIAM and the congress' foreign participants. So that money was not an issue, Alabjan proposed cancelling the planned exhibition. However, money was not the problem. Just as in

the case with the contest for the Palace of the Soviets in February 1932, the decision regarding the CIAM congress became the medium and manifestation of Stalin's growing dominance over his rivals. Stalin, fully aware that the letter of the Association of Architects painted a realistic picture of the consequences and despite the objection of Krestinskij, whom he hated, sent a letter to the members of the Politburo on 10 March 1933, proposing to postpone the congress. Finally, on 22 March, Vajnshtenker wrote a cancellation letter to Giedion, citing insufficient Soviet preparations as the reason.

There is not enough space here to elaborate fully on CIAM's activities after the Soviet Union's cancellation or on the Soviet Union's stance towards the congress in Athens. During that congress, the USSR conveyed an invitation to CIAM to hold its 5th Congress in Moscow, but it remained unanswered. In 1934, CIAM took the initiative and tried to revive the idea, but to no avail. Conversely, the Soviet 'First International Congress of Urban Construction in the USSR' planned for 1934 did not take place either. The idea for a purely Soviet congress was passed from the People's Commissariat for Municipal Economy to the Association of Soviet Architects. In contrast to the other artists' associations, the constructivists, as well as the institutions for urban construction linked to them, were not inclined to throw in the towel. The First Congress of Soviet Architects took place in 1937; even there, traces of the controversy surrounding modern architecture can be found. Le Corbusier was again invited to Moscow for this meeting. He excused himself, though, citing the fact that the CIAM congress in Paris would take place at the same time.

Had it taken place in 1930 or 1931, the CIAM congress in Moscow would have had an enormous impact. Ernst May's plans for new cities and the paradigm of Sotsgorod as advocated by Nikolaj Miljutin were a good match. In Berlin, May had already discussed the idea of combining different types of housing and changing buildings as needed. The problem of urban centres was also part and parcel of May's plans. This meant that the social evolution of cities, and their representation as a whole, would still have been debated under the dominant influence of Neues Bauen from both theoretical and practical perspectives. Such a congress would have promoted the large-scale implementation of CIAM's guiding principles in the Soviet Union, and would have strengthened the position of the Soviet Modernist faction too. Given the international debate between the backers of the communal economy of existing cities and the supporters of newly constructed cities (two groups which had been split among rival institutions in the Soviet Union with disastrous consequences), a congress in 1932 might have been more interesting than one held in the preceding two years.

During the Soviet preparations for the congress, there was still a balance between the representatives of both sides of these debates. However, the question of a 'new style of architecture' and 'proletarian architecture' was already an issue, one that was prematurely decided when the decision regarding the Palace of the Soviets was made: this inevitably caused a split within the international Modernist community.

The congress in Moscow failed because of the power politics of Stalin and his circle, who were using architecture and urban construction as a means to bring about a change in the political hegemony that would culminate in unlimited dictatorship. In cancelling the congress, not only did the Politburo rebuff supporters of the Neues Bauen outside the Soviet Union, but also, and most importantly, put all friends of CIAM in the Soviet Union on the defensive. I will refrain from enumerating all the functionaries in charge of the CIAM congress who, a few years later, were no longer alive.

None the less, the leadership of CIAM was also at fault for the failure of the Moscow congress. This was made evident by Sigfried Giedion himself. In 1934, albeit without any reference to the Moscow congress, he wrote: 'Today, as there is no longer an inner turmoil [within the Neues Bauen movement], the involvement of the past, of the aesthetics that one had feared for so much, yes, even the task of national representation, have come to life again. All these things have a right to live and they may not be neglected by an architecture that is anchored in life as a whole. However, it is hardly necessary to stress that our relationship with these things follows a new sensibility which, in comparison to former times, has changed radically. But a movement can only deal with all of these questions after the laws of its actions have been established and there is no longer any danger of producing inadequate or clichéd (dishonest) solutions by tackling complicated tasks too early' [Giedion].

The inner logic of CIAM as a movement did not keep up with Soviet developments. Giedion's realisation came too late for Soviet engagement in CIAM. Why Giedion never returned to his attempts to involve the Soviets remains to be explained.

Even Le Corbusier made concessions to the paradigm shift within Soviet architectural politics when he wrote in 1934 that: '1931 – the Palace of the Soviets, the crowning glory of the five-year plan. For reasons whose legitimacy I have to acknowledge given the circumstances, the jury determines that this palace is to be built in the style of the Italian Renaissance.' Corbusier called the decision the result of a 'probably very well thought out psychology. I acknowledge the reasons and I defer to them – not without regret, all the same' [Cohen, 1992]. In 1934, he finally realised that his own project had not been accepted. He still confused Zoltovskij's design with that by Iofan, the latter of which had been chosen for realisation.

Список литературы

- ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 25. Д. 1028.
 Ларин Ю. Перспективы развития жилищной кооперации // За новое жилище : сб. ст. к 5-летию жилищной кооперации / под ред. Ю. Ларина, В. Белоусова. М. : Изд. Центрожилсоюза, 1930. 210 с.
 CIAM : Dokumente 1928–1939 / ed. by M. Steinmann. Basel ; Stuttgart : Birkhäuser, 1979.
 Cohen J.-L. Le Corbusier and the Mystique of the USSR : Theories and Projects for Moscow 1928–1936. Princeton : Princeton Univ. Press, 1992.

Cohen J. Schwierige Begegnung : Die Architektur der Russischen Avantgarde zwischen Ost und West // Baumeister der Revolution : Sowjetische Kunst und Architektur 1915–1935 [Exhibition Catalogue]. Essen : [s. n.], 2001.

Flierl T. Standardstädte : Ernst May in der Sowjetunion 1930—1933. Berlin : Suhrkamp Verlag, 2012.

Giedion S. Leben und Bauen // Neue Zürcher Zeitung. 1934. June 24.

Le Corbusier. Einleitung zum zweiten Band des Oeuvre Complète // Le Corbusier und Pierre Jeanneret – Oeuvre Complète, 1929–1934 / ed. by W. Boesiger. Zürich : Les Ed. d'Architecture, 1974.

Letter by Hannes Meyer to the Communist Academy. June 30, 1931 // Private Archive of Ekaterina Milyutina.

Mumford E. CIAM and the Communist Block // The J. of Architecture. 2009. № 14/2. P. 237–254.

Mumford E. Discourse on Urbanism. Cambridge ; L. : Massachusetts Institute of Technology Press, 2000.

Somer K. The Functional City : The CIAM and Cornelis van Eesteren, 1928–1960. Rotterdam : The Hague, 2007.

References

Cohen, J.-L. (2001). Schwierige Begegnung. Die Architektur der Russischen Avantgarde zwischen Ost und West. In *Baumeister der Revolution. Sowjetische Kunst und Architektur 1915–1935* [Exhibition catalogue]. Essen.

Cohen, J.-L. (1992). *Le Corbusier and the Mystique of the USSR: Theories and Projects for Moscow 1928–1936*. 254 p. Princeton, N. J., Princeton Univ. Press.

Flierl, T. (Hrsg.). (2012). *Standardstädte. Ernst May in der Sowjetunion 1930–1933. Texte und Dokumente*. 553 S. Berlin, Suhrkamp Verlag.

Giedion, S. (1934). Leben und Bauen. In *Neue Zürcher Zeitung*, June 24.

GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of Russian Federation]. Stock 3316. List 25. Dossier 1028.

Larin, Yu. (1930). *Perspektivy razvitiya zhilishchnoy kooperatsii* [Perspectives on the Development of Cooperation in Housing]. In Larin, Yu. & Belousov, V. (Eds.). *Za novoe zhilishche : sbornik statey k 5-letiyu zhilishchnoy kooperatsii*. 210 p. Moscow, Izdanie Tsentrozhilsoyuza.

Le Corbusier. Einleitung zum zweiten Band des Oeuvre Complète. (1974). In Boesiger, W. (Ed.). *Le Corbusier und Pierre Jeanneret – Oeuvre Complète, 1929 – 1934*. 208 p. Zürich, Les Ed. d'Architecture.

Letter by Hannes Meyer to the Communist Academy. June 30, 1931. In *Private archive of Ekaterina Milyutina*.

Mumford, E. (2000). *Discourse on Urbanism*. 395 p. Cambridge, L., Massachusetts Institute of Technology Press.

Mumford, E. (2009). CIAM and the Communist Block. In *The Journal of Architecture*, 14/2, pp. 237–254.

Steinmann, M. (Ed.). (1979). *CIAM: Dokumente 1928 –1939*. 235 p. Basel, Stuttgart, Birkhäuser.

Somer, K. (2007). *The Functional City: The CIAM and Cornelis van Eesteren, 1928–1960*. 271 p. Rotterdam, The Hague.

The article was submitted on 15.06.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.174

УДК 711.41(09)+711.58(09)+728.1(1–21)

**«СОЛНЦЕ, ВОЗДУХ И ДОМ ДЛЯ ВСЕХ»?
ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ МАССОВОГО ЖИЛИЩНОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА И ЕГО СОВЕТСКИЕ ВАРИАЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК**

Евгения Коньшева

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Россия

**‘SUN, AIR, AND HOMES FOR ALL’? SOVIET VARIATIONS
ON EUROPEAN EXPERIENCES OF MASS HOUSING
CONSTRUCTION DURING THE FIRST FIVE-YEAR PLANS***

Eugenia Konysheva

South Ural State University,
Chelyabinsk, Russia

The article is focused on a little-studied aspect of Soviet urban planning – the transformations of foreign experience in the sphere of housing construction during the early Five-Year Plans. The aim is to analyze what the content of such experience was and how it was transformed under the Soviet circumstances. First of all, the article considers the experience of the mass housing construction in Weimar Germany, which in the late 1920s – early 1930s was regarded as a benchmark for the Soviet practice. Attention is paid to the organization of the design and construction of mass housing, financial sources, the planning principles and their social, economic, hygienic and aesthetic grounds. The author examines ways of implementation of “healthy” mass housing, based on such components as light, air, sunshine, hygiene and greenery. In the second part of this article the attention is focused on the specifics of the order system,

* *Citation:* Konysheva, E. (2016). ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174.

Цитирование: Konysheva E. ‘Sun, Air, and Homes for All’? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five Year Plans // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174 / Коньшева Е. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 34–54. DOI 10.15826/qr.2016.3.174.

funding and organization of housing construction in the USSR during the period of industrialization. The attempt of introduction of the European experience is considered through the example of residential housing in “socialist cities” of Magnitogorsk, Novokuznetsk, and Orsk, which were designed by E. May, M. Stam, W. Schwagenscheidt, W. Hebebrandt and other foreign architects invited to the Soviet Union. The author identifies direct origins of certain design decisions in the previous practice of European architects and compares the design intent and the result. It is shown that under the circumstances of different housing policy and accentuation of collectivized housing, European architects sought to preserve the functionality of planning projects and sanitation/hygienic priorities, as well as tried to apply methodology of flexible design – taking into account the perspective transformation of dwellings. Through the prism of the activity of foreign architects in the USSR the author compares Soviet and European concepts of mass housing. Primarily, it is noted that the Soviet practice of mass housing design was subdued to “coefficient of efficiency”, which dominated over concepts of functionality and comfort, demonstrating the pivotal difference in the understanding of mass economic housing in the USSR and Weimar Germany.

Keywords: mass house construction; Socialist Cities; early Five-Year Plans; European architects in the USSR; Weimar Germany.

Статья посвящена малоизученному аспекту советского градостроительства – трансформации зарубежного опыта жилищного строительства в годы первых пятилеток. Рассмотрен опыт массового жилищного строительства в Веймарской Германии, который в конце 1920-х – начале 1930-х гг. расценивался как ориентир для советской действительности. Внимание уделено организации проектирования и строительства массового жилья, финансовым источникам, принципам планировки и их социальным, экономическим, гигиеническим и эстетическим основаниям. Рассмотрены пути реализации идеи массового жилища, основанной на таких составляющих, как свет, воздух, солнце, гигиена и зелень. Приведена на основе документальных материалов специфика системы заказа, финансирования и организации жилищного строительства в СССР периода индустриализации. Попытка внедрения европейского опыта проанализирована на примере жилой застройки «социалистических городов» Магнитогорска, Новокузнецка и Орска, проектировщиками которых являлись приглашенные в Советский Союз иностранные архитекторы Э. Май, М. Стам, В. Швагеншайдт, В. Хебебрандт и др. Выделены истоки тех или иных проектных решений в предшествующей практике европейских архитекторов, сопоставлены проектные замыслы и результаты. Показано стремление европейских архитекторов в условиях иной жилищной политики и при задаче создания коммунального жилья сохранить в проектах функциональность планировки и санитарно-гигиенические приоритеты, а также применить методику гибкого проектирования с учетом перспективной трансформации жилища. Проведено сравнение

советской и европейской концепции массового жилья, отмечена определяющая роль в советской практике проектирования «коэффициента экономичности», который доминировал над понятиями функциональности и комфорта, демонстрируя кардинальную разницу в понимании массового экономичного жилья в СССР и в Веймарской Германии.

Ключевые слова: массовое жилищное строительство; первые пятилетки; соцгорода; европейские архитекторы в СССР; Веймарская Германия.

В начале 1930-х гг. в СССР прибыли тысячи западных специалистов, среди которых были и европейские градостроители и архитекторы. Их опыт был востребован в сфере городского планирования и жилищного строительства, где внутренние возможности явно не соответствовали гигантским масштабам задач форсированной индустриализации. Однако внедрение западного опыта и результаты участия иностранных специалистов в проектировании и застройке советских городов уже с 1932 г. начали оцениваться в негативном ключе, и эта оценка приобрела классовый характер сопоставления капиталистического и социалистического строительства. Обвинения в том, что западные градостроители проектировали в СССР «город однообразно-монотонный, казарменный, подобный по внешнему виду поселкам, которые создает буржуазия зарубежных стран для рабочих» [Гречуха, с. 34], и механически переносили в советские условия «характерные особенности рабочего жилища капиталистических стран» [Казаринова, Павличенков, с. 151], закрепились в советском архитектуроведении с середины 1930-х гг. и господствовали на протяжении всего советского периода.

Конечно, европейские архитекторы обращались к своему предшествующему опыту. Однако за идеологической риторикой оказались скрыты два важнейших аспекта: что представлял собой этот опыт и какие трансформации он претерпел в советских условиях. Рассмотрение этих двух аспектов ставится задачей данной публикации.

Примеры фрагментов городской среды, реализованных в 1930-е гг. по проектам европейских архитекторов, единичны – это жилые кварталы в Магнитогорске, Новокузнецке и Орске, и именно они дают возможность исследования трансформации европейского опыта в советской практике жилищного строительства. Эти объекты проектировали архитекторы «бригады Эрнста Мая» М. Стам (Магнитогорск, Орск), В. Швагеншайдт (Магнитогорск, Новокузнецк), Ф. Форбат (Магнитогорск), Х. Шмидт (Орск), В. Хебебрандт (Магнитогорск), М. Шютте-Лихотски (Магнитогорск, Новокузнецк) и др. Большинство членов этой интернациональной бригады были объединены общим проектным прошлым – реализацией программы «Новый Франкфурт» под руководством Э. Мая (1925–1930). В работе над жилой застройкой кварталов в Орске и Магнитогорске также принимали участие немецкие архитекторы (Х. Абрахам) или архитекторы, связанные с германским «Баухаузом» (Т. Вайнер, К. Пюшель,

Й. Нигеман). Эти факты позволяют ограничиться в данной статье обращением к опыту Веймарской Германии, учитывая факт ее лидирующего положения в европейском массовом жилищном строительстве в «золотые двадцатые годы» (1924–1929) и приоритетный интерес советской стороны именно к ее опыту во второй половине 1920-х гг.

Решение проблемы доступного жилья в Веймарской Республике

С началом индустриальной эпохи и быстрых урбанизационных процессов проблема жилья для рабочих и в целом массового доступного жилища стала чрезвычайно насущной для всех европейских стран. На первом этапе, в середине – второй половине XIX в., доминировало «патерналистское» жилищное строительство отдельных продвинутых предпринимателей, представленное рабочими поселками при фабриках, например, германские «рабочие колонии» сталелитейных фабрик Круппа вблизи Эссена (Вестэнд (Westend), Кроненберг (Kronenberg), Альтенхоф (Altenhof) и др.) и Гминдерсдорф (Gmindersdorf) Луиса Гминдера. Подобное строительство базировалось еще на патриархальной традиции заботы хозяина о своих работниках и сочетало в себе экономические и социальные аспекты [Krämer, S. 9]. На рубеже XIX–XX вв. организация массового жилищного строительства перешла в руки акционерных жилищно-строительных товариществ, опиравшихся на частный капитал, ипотечные банковские кредиты и государственные субсидии¹. Строились как отдельные поселки в традициях поселений-садов (берлинский *Freie Scholle*), так и жилые комплексы внутри городской застройки (жилые комплексы в Берлине для *Berliner Spar- und Bauverein GmbH* архитектора А. Месселя), включая и строительство при промышленных предприятиях (*Siemens* и др.). Однако в условиях массовой миграции в города, характерной для индустриальной эпохи, это не было решением проблемы, и жилищный вопрос не терял своей остроты.

Государственное вмешательство в решение жилищной проблемы в Германии (как и в Европе вообще) резко усилилось после окончания Первой мировой войны, когда жилищный кризис достиг апогея: так, в Германии дефицит жилья колебался в 1918–1935 гг. в пределах 700 тыс. – 1,5 млн квартир [Schulz, 1993, S. 12]. В Веймарской Республике программа жилищного строительства стала важнейшей составляющей социальных программ, и в статью 155 федеральной конституции 1919 г. был включен пункт о намерении государства решить жилищную проблему: «Распределение земли и пользование ею находятся под наблюдением государства, которое предупреждает злоупотребления и стремится каждому немцу обеспечить здоровое жилище, а всем гер-

¹ В Германии, например, в 1912 г. в 1 173 обществах состояло 225 672 члена.

манским семьям, в особенности многодетным, обеспечить домашний очаг и кров для работы, соответствующие их потребностям».

Реальные подвижки в жилищном строительстве стали возможными лишь с 1924 г., с концом гиперинфляции, началом экономического подъема и наступлением «золотых двадцатых». Ввиду малых финансовых возможностей имперской казны, обремененной репарациями и восстановлением экономики, были найдены пути внебюджетного финансирования. Основой финансирования жилищного строительства в Германии стал «подомовой налог» (*Hauszinssteuer*, 1924–1932), поступления от которого формировали государственный фонд для жилищных ссуд (*Hauszinssteuerhypothek*), выдававшихся на 50 лет под 3 % годовых. Эти ссуды («вторая ипотека») выдавались исключительно общественным организациям и только для строительства доступного жилья на периферии городов, где муниципальные власти выделяли участки под застройку на льготных условиях. Эта ипотека покрывала около 50 % всей стоимости строительства, и число новых жилищ, возведенных с ее помощью, в 1924–1930 гг. составляло в разных германских землях от 75 до 90 % [Mengin, p. 69]. Остальные затраты покрывались через ипотечные банки за счет так называемой «первой ипотеки» под 8–9 % годовых (примерно 40 % стоимости строительства) и собственного капитала инвестора или застройщика (10 %). Кроме того, отдельные германские земли могли получить еще и имперскую ссуду под «первую ипотеку» для строительства квартир для госслужащих, и сами госслужащие могли обратиться за ссудой для погашения ипотечного кредита. В результате численность новостроек возросла со 106 502 в 1924 г. до 205 793 в 1926 г. и 317 682 в 1929 г., и Германия значительно опередила по темпам жилищного строительства другие европейские страны [Бунин, Саваренская].

Основными застройщиками в крупных городах выступали многочисленные акционерные некоммерческие жилищно-строительные товарищества, на долю которых после 1924 г. приходилось около половины всех выстроенных жилищ [Schulz, 1997, S. 53]². Организаторами процесса были муниципалитеты, разными путями активно влиявшие на политику жилищно-строительных кооперативов. Муниципалитеты, во-первых, аккумулировали городские земли: в Германии в 1927–1928 гг. удельный вес принадлежавших им земель (не считая улиц) составлял во Фрейбурге 61,6 %, в Ростоке 75,6 %, в Кобленце 52 %, во Франкфурте-на-Майне 39,6 % и в Лейпциге 34,9 % [Бунин, Саваренская]. Во-вторых, они становились крупными акционерами коопера-

² Например, одним из крупнейших застройщиков было берлинское «Акционерное некоммерческое общество жилищ, сбережений и строительства» (*GENAG GmbH*), выстроившее такие поселки как Хуфайзен, Целлендорф, «Хижина дяди Тома», Карл Легини др. В Мюнхене в 1918 г. было создано *Gemeinnützige Baugesellschaft*, инициированное крупными предприятиями, и результатом его деятельности стал поселок «Альте Хайде». Во Франкфурте-на-Майне реализаторами крупномасштабной жилищной программы выступали несколько сообществ – *Aktien Gesellschaft für kleinen Wohnungen*, *GartenstadtAG*, *Nassauische Heimstätte* и др., чьими силами в 1925–1930 гг. была выстроена основная часть поселков «Нового Франкфурта».

тивных жилищно-строительных товариществ³. В-третьих, муниципалитеты учреждали должности городских советников по строительству с соответствующими масштабными руководящими полномочиями по руководству городской застройкой. Так, в подчинении Э. Мая, руководившего градостроительным планированием во Франкфурте-на-Майне в 1925–1930 гг., находились отделы городского и регионального планирования, жилищного планирования и строительства, землеотвода, зеленых насаждений, капитального строительства, типизации жилищного строительства, стройнадзор; под его началом работали сотни сотрудников [Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930, S. 12]. Политическая воля бургомистров приводила на посты руководителей городского строительства такие харизматичные фигуры, определившие новые пути городского планирования, как Э. Май во Франкфурте-на-Майне, М. Вагнер в Берлине, Б. Таут в Магдебурге, Ф. Шумахер в Гамбурге и Кёльне. Кроме того, муниципалитеты выдвигали условия для льготного выделения участков для застройщиков, и касались они не только экономической целесообразности, но прежде всего санитарно-гигиенических норм жилья. В итоге вышеназванных мероприятий во Франкфурте-на-Майне, например, с 1925 по 1933 г. около 90 % нового жилья было выстроено именно в рамках городской строительной программы [Schulz, 1997, S. 158].

Санитарно-гигиенические нормативы стали ключевыми для улучшения массового жилища и кардинальным образом отличали его от перенаселенных многоэтажных домов-казарм для рабочих рубежа XIX–XX вв. с площадью застройки участка до 85–90 %. При этом английская традиция рабочих поселков XIX в., а затем и концепция города и поселка-сада Э. Говарда и Р. Энвина с индивидуальной застройкой в 1920-е гг. из экономических соображений уступали место многоквартирному жилью. С 1926 г. стала очевидной тенденция к переходу от одно- и двухквартирных жилищ к строительству многоквартирных блокированных или секционных домов, а также к приоритету небольших 2–4-комнатных квартир⁴. Но возврат к домам-казармам был уже невозможен. Главным принципом стало «здоровое» жилище, включавшее пять основных составляющих: «свет, воздух, солнце, гигиену и зелень» [Abt, Ruhe, S. 136]. Определялась максимально допустимая интенсивность застройки, впервые зафиксированная в берлинском строительном регулятиве 1925 г. Нормировались абсолютная высота и этажность зданий, а также допустимая площадь и глубина застройки кварталов. Этот берлинский «коэффициент использования участка»

³ Так, в 1922 г. по инициативе бургомистра Л. Ландманна муниципалитет Франкфурга-на-Майне выкупил 90 % акций *Aktien Gesellschaft für kleinen Wohnungen*, и наблюдательный совет общества состоял в большинстве своем из членов магистрата и городского совета [Abt, Ruhe, S. 125].

⁴ В 1926 г., в сравнении с 1924 г., в городах с населением свыше 100 тыс. чел. прирост 5–8-квартирных домов составил 96 %, 9–12-квартирных – 71 %, более 12 квартир – 82 %. В то же время в большой минус ушло как строительство однокомнатных квартир, так и жилищ в 9–10 и более комнат (минус 40–96 %). Доля 2–4-комнатных квартир составляла 71 % нового строительства [Чернеховский, с. 147–150].

вошел затем и в строительное законодательство других европейских городов [Бунин, Саваренская]. Дискуссии о принципах застройки кварталов привели к признанию приоритета свободной застройки – строчной (которая доминировала в практике строительства конца 1920-х гг.) или точечной (башенной), обеспечивавших максимальный доступ воздуха и света в жилище, свободное пространство вокруг домов и возможность применения типизации и индустриального домостроения. Внешнее однообразие перекрывалось прежде всего экономической выгодой и гигиеническими достоинствами и, кроме того, компенсировалось за счет комбинации типов домов, сопоставления масштабов, многообразных приемов озеленения. Застройка предполагала обязательную категорию пространственности, ощущение и переживание открытого, пронизанного воздухом и светом озелененного простора. Непременными элементами являлись и колористическое решение, вариации решений входных групп, приемов остекления, балконов и лоджий. Подобные примеры – например, поселки во Франкфурте (Вестхаузен, Хеллерхоф), Берлине («Карл Легин», Сименсштадт, Хазельзхорст), Карлсруэ (Даммершток) и других городах – служили предметом широкого международного интереса.

Тема массового доступного жилища стала ключевой в функционалистском градостроении и архитектуре 1920-х гг. Крупномасштабные выставки, на которых демонстрировался новый подход к планировке, организовывались практически ежегодно и под характерными названиями: *Die Wohnung* («Жилище», 1927, Штутгарт), *Klein Heim oder kein Heim* («Малое жилище или никакого жилища», 1928, Берлин), *Die Wohnung für das Existenzminimum* («Минимальное жилище», 1929, Франкфурт-на-Майне), *Die wachsende Wohnung* («Растущее жилище», 1929, Кёльн), *Die Wohnung unserer Zeit* («Жилище нашего времени», 1931, Берлин), *Sonne, Luft und Haus für alle!* («Солнце, воздух и дом для всех!», 1932, Берлин) и др. Этой же проблеме посвящались и международные конкурсы, например, *Wohnung für das Existenzminimum* («Минимальное жилище», 1930), *Das wachsende Haus* («Растущий дом», 1931) и др. Несомненно, теория и практика массового жилищного строительства демонстрировали интерпретацию идей фордизма и тейлоризма, которые получили широкое распространение в Германии в эпоху Веймарской Республики [Mythos USA]. В этой парадигме жилище понималось как массовый экономичный продукт, соответственно, при его создании применялись типизированная застройка, стандартизация и типизация жилых секций, нормирование строительных деталей, индустриальные технологии домостроения. Жилище создавало новую «технология жизни», основанную на функциональном детерминизме в тейлористском духе – на функциональных взаимосвязях планировочных фрагментов, на точном расчете временных затрат на перемещения, виды домашних работ и отдыха и т. п.

Особое социальное значение получило строительство так называемого «минимального жилища» – индивидуальной малометраж-

ной квартиры. Именно оно стало темой второго конгресса CIAM во Франкфурте-на-Майне в 1929 г. Место его проведения было выбрано не случайно – программа «Новый Франкфурт» под руководством Э. Мая демонстрировала феноменальные успехи жилищного строительства и в практическом воплощении «минимального жилья». Были разработаны «франкфуртские типы» квартир, где жилая площадь начиналась в однокомнатной квартире от 22,5 м², в двухкомнатной – от 31 м², в трехкомнатной – от 41 м² (при жилищной норме 9 м² на человека) [Frankfurter Typengrundrisse].

«Минимальное жилище» стимулировало поиски оптимальной планировки квартиры. Все секции предполагали квартиры со сквозным проветриванием и освещением. Семейная квартира при минимальной площади предполагала наличие не менее трех комнат с обязательными отдельными спальнями для родителей и детей и категорическим отказом от использования общей комнаты в качестве спальни. Планировка определялась двумя факторами: функциональными взаимосвязями групп помещений (в частности, кухня соединялась с общей комнатой, чтобы расстояние от места приготовления пищи до обеденного стола было минимальным) и пространственной ориентацией помещений (спальни – на восток, общая комната и вспомогательные помещения – на запад). Все квартиры обладали благоустройством – центральным отоплением, отдельными кухнями со встроенным оборудованием («франкфуртские кухни» М. Шютте-Лихотски), обязательно световыми санузлами (как правило, совмещенными) с полноценными или сидячими ваннами или душами, кладовыми, встроенной и трансформирующейся мебелью. Способом расширения жизненного пространства стало широкое применение террас на кровле и индивидуальных садиков.

Подводя некоторые итоги, следует отметить моменты, предопределившие кардинальную разницу в облике рабочих поселков второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. в Европе и в СССР. Заказчиками массового доступного жилища через систему ипотечного кредитования и членство в жилищно-строительных товариществах являлись непосредственные его потребители, и на их среднестатистические потребности ориентировались проектировщики и застройщики (гарантом интересов потребителей выступала муниципальная власть). Потребности эти опирались на традиционные «буржуазные» представления о жилье как исключительно семейном очаге. Трансформация касалась лишь экономически целесообразного перехода от индивидуального дома к многоквартирному жилищу, а общественная составляющая ограничивалась лишь обслуживанием семьи как основной единицы общества (например, организацией централизованного отопления и водоснабжения, коллективных прачечных, устройства площадок для игр и спорта, детских учреждений). При планировании экономичного массового жилья приоритетными были понятия функциональности, гигиены и комфорта, независимо от его размеров и стоимости.

Минимизация стоимости массового жилища производилась не за счет жертвования вышеназванными приоритетами, а за счет снижения проектных и строительных издержек. Непременной была и эстетическая составляющая в модернистском ее понимании геометризации форм и активном использовании плоскостей цвета.

Трансформация европейского опыта в застройке «социалистических городов» (Магнитогорск, Орск, Новокузнецк)

Европейский опыт (прежде всего опыт Веймарской Германии) чрезвычайно привлекал советскую сторону в 1920-е гг., о чем свидетельствуют многочисленные публикации в профессиональной прессе [Коньшева]. Интересовала типология массовой жилой застройки, стандартизация планировочных и конструктивных решений и типизация жилой ячейки. В изданных монографиях и периодической печати рассматривались планировка квартир и функции отдельных помещений, существующие нормативы и их обоснование, примеры рациональных планировок, оборудование кухонь и санузлов. Под влиянием западного опыта «минимального жилища» проектировались некоторые типовые ячейки (Моссовета, Центросоюза и других) – двухквартирные секции с жилой площадью однокомнатной квартиры от 16 м², двухкомнатной от 23 м², трехкомнатной от 46 м²⁵. Пристальное внимание уделялось организации процесса проектирования и строительства, анализировалась финансовая сторона, рассматривались государственные жилищные программы, коммунальная политика и законодательная база. Можно предположить, что эти стороны рассматривались в профессиональном сообществе как возможные для внедрения в советской практике жилищного строительства.

Однако не случайной публикации на эти темы приходится на 1926–1927 гг. (за редким исключением) и затем исчезают. В нэповском СССР середины – второй половины 1920-х гг. государственная администрация, казалось бы, проявляла озабоченность в вопросе жилищного строительства, выпуская одно постановление за другим⁶. В 1929 г. республиканским Наркомздравом совместно со Стройкомом

⁵ Проекты с подробными расчетами были опубликованы в альбоме «Проекты рабочих жилищ», изданном Цekomбанком в 1929 г. Среди авторов проектных и текстовых материалов указаны, например, Г. Вольфензон, Л. Серк, Н. Марковников, О. Вутке – основные информаторы о западном опыте в советской проектной среде [Проекты рабочих жилищ].

⁶ Постановление СНК РСФСР от 15.11.1927 «О мерах по жилищному хозяйству в городских поселениях», постановление ЦИК и СНК СССР от 04.01.1928 «О жилищной политике», постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 31.12.1928 «О политике и практике рабочего жилищного строительства в городах и рабочих поселениях», постановление СНК РСФСР от 06.06.1928 «О мероприятиях по улучшению санитарного состояния рабочего жилищного строительства и благоустройства в рабочих поселках», положение ЦИК и СНК СССР 30.01.1929 «О мерах содействия строительству рабочих жилищ» и др.

Экономического совещания (ЭКОСО) при Совете народных комиссаров РСФСР были утверждены и «Санитарные правила по постройке жилых зданий» с нормой жилплощади 9 м² и объемом 25 м³ на человека и соответствующим планированием и заселением квартиры с высотой не менее 2,6 м, с обязательным прямым освещением и сквозным проветриванием каждого жилого помещения, с нормой застройки участка не свыше 30 % его площади [Сысин]. На первый взгляд, существовала и многоплановая система финансирования и организации жилищного строительства. Застройщиками выступали как муниципальная власть в лице исполкомов, жилищно-строительные кооперативные товарищества, законодательная база для существования которых была зафиксирована в Постановлении ЦИК и СНК СССР от 19 августа 1924 г. «О жилищной кооперации», так и индивидуальные лица «из числа рабочих и служащих». Жилищное строительство субсидировалось из госбюджета и собственных доходов местной и республиканской власти, кредитовалось за счет основных капиталов коммунальных банков, прежде всего Цекомбанка⁷.

Однако реальность практического жилищного строительства демонстрировала иную картину. Существовал еще один крупнейший игрок – государственная промышленность, и его наличие меняло всю картину в сравнении с Европой (где компании также инициировали строительство рабочих поселений, но технология процесса была организована все по той же схеме – через акционерные товарищества). Статистика финансовых вложений в новое жилищное строительство в РСФСР в конце 1920-х гг. демонстрирует следующую характерную картину: удельный вес средств жилкооперации и исполкомов падает с 28 и 35 % в 1926–1927 гг. до 17,5 и 22,6 % в 1929–1930 гг. соответственно; доля же союзной, республиканской, местной промышленности и транспорта возрастает в сумме с 37 % в 1926–1927 до 47 % в 1929–1930 гг., причем доля союзной промышленности показывает двукратный рост – с 17 до 34 %⁸.

Переломными оказываются 1928–1929-е гг. – начало форсированной индустриализации в СССР. С этого времени именно промышленные предприятия выступают доминирующими застройщиками новых «социалистических городов» – исключительно промышленно-селитебных комплексов. Именно от лица предприятий объяв-

⁷ Цекомбанк – Центральный банк коммунального хозяйства и жилищного строительства, финансировал в порядке безвозвратных вложений и долгосрочных ссуд все жилищное, коммунальное и культурное строительство в СССР, а также комплексное строительство новых городов и поселков. Подробнее о жилищной политике см.: [Меерович, 2008].

⁸ Расчеты автора на основе: [Брагин, с. 362]. В дальнейшем эта тенденция только укреплялась. Так, в финансировании жилищного строительства в СССР в 1932 г. только доля НКТП (не считая других промышленных наркоматов) составляла 55 %, и в 1933 г. планировалось ее увеличение до 58 %, в свою очередь, доля исполкомов составляла 10 % с уменьшением до 7,5 %, кооперации – 5 % [ГАРФ. Ф. 4544. Л. 54]. Среди жилья, введенного в эксплуатацию в СССР в 1935 г., доля промышленности составляла 53 %, ЖСК – 10,5 %, исполкомов – 6 % [Жилищное строительство в 1935 г., с. 1–2].

ляются крупномасштабные конкурсы на проекты промышленных соцгородов, составляются программы на проектирование как города, так и жилищ, заводы организуют проектирование и застройку через собственные стройуправления (Магнитострой, Кузнецкстрой, Локомотивстрой, Автострой и др.). Отдав жилстроительство в промышленно-селитебных комплексах на откуп промышленным предприятиям, государство фактически делегировало им свои социальные обязательства, и в комплексе с выдавливанием из сферы жилищного строительства частной, общественной и муниципальной инициативы это предопределило советскую специфику жилья «соцгородов» эпохи первых пятилеток. В условиях мобилизационной экономики и государственная администрация, и предприятия были озабочены не качеством градостроительного планирования и комфортом жилища, а минимизацией средств, расходуемых на социальные аспекты, и концентрацией ресурсов на индустриальном направлении. Так был задан приоритет «временного» строительства и соответствующая типология застройки [Меерович, 2010], когда лишь островками возвышались капитальные кварталы, в том числе являвшие «кривое зеркало» западного опыта (в Магнитогорске, Новокузнецке и Орске).

Руководящим документом для первых же проектов архитекторов группы Э. Мая для Магнитогорска и городов Кузбасса стала «Программа для составления эскизных проектов планировки и застройки городов Кузнецка и Магнитогорска» (1930), отражавшая характерную классификацию застройки для «социалистических городов» [ГАРФ. Ф. А-314. Л. 112–121]. Она ориентировала на три типа зданий: общежития для расселения одиноких (12 %), дома-коммуны (13 %), индивидуальные квартиры в многоквартирных домах (75 %). Соответственно, в первых проектных разработках группы Э. Мая для Магнитогорска и Новокузнецка (зима-весна 1931 г.) в структуру соцгорода были заложены типы домов-коммун (КО-А и КО-Б, 12,5 %), общежитий (КОЛ-3, 12,5 %), домов для индивидуального семейного расселения (ИН-В, 75 %) [Там же. Л. 20–21].

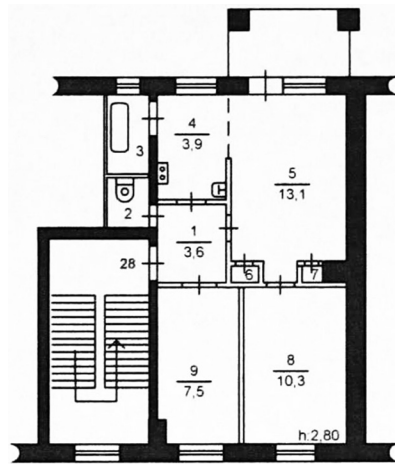
В проектах архитекторов группы Э. Мая в сравнении с европейской практикой меняется типология жилья, но неизменными остаются принципы функциональной организации планировки, санитарно-гигиенических приоритетов и пусть и минимального, но комфорта. Подобный подход получил отражение в решении квартир для индивидуально-семейного расселения ИН-В в Магнитогорске⁹ и Новокузнецке¹⁰ (рис. 1). Это пятисекционные кирпичные трехэтажные жилые дома с 30 небольшими трехкомнатными квартирами (45 м²). Планировочное решение двухквартирных секций обеспечивало сквозное проветривание и инсоляцию каждой

⁹ Ул. Маяковского, д. 30–38.

¹⁰ Ул. Хитарова, д. 18–34, 38–56; пр. Энтузиастов, д. 23–39, 45–53, 57–65; пр. Металлургов, д. 33, 35.

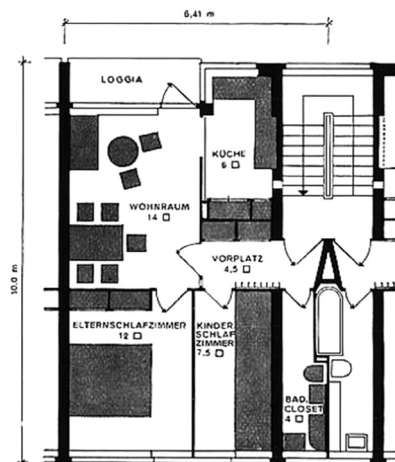
квартиры. Планировка секции ИН-В явно восходит к «франкфуртским типам» для многоквартирных домов: каждая квартира имела комнату-столовую с примыкавшей к ней небольшой кухней и две спальни. Планировка секции представляла вариацию распространенной во «франкфуртских типах» 2,5-комнатной квартиры, где половинную долю давала имеющая небольшую площадь (7–8 м²) детская спальня. Подобный тип квартиры был использован М. Стамом для жилых домов поселка Хеллерхоф во Франкфурте, и сходство жилых секций дает возможность обоснованно предполагать участие М. Стама в разработке секции типа ИН-В [Pistorius, с. 258]. Примечательными являются принципы организации санузла, который проектируется исключительно с первым светом (при раздельном санузле и размещении ванны и туалета по одной оси допускается второй свет в туалете). Соответственно, в планировке двухквартирной секции санузлы продольно стыкуются и размещаются на одной оси с лестничной клеткой, обращаясь окнами на запад. На запад обращены также окна кухни и комнаты-столовой, в то время как окна спален смотрят на восток (рис. 2). Это имело, кроме санитарно-гигиенического, и еще одно основание – окна комнаты «дневного пребывания» в этом случае всегда оказывались напротив окон спален, корректируя недостаток строчной застройки, где возможно «переглядывание из окон в окна» [Мостаков, с. 28–29].

Показательно сравнение «европейского» типа планировки с типом Госпроекта, реализованным и в Магнитогорске¹¹, и в Новокузнецке¹².

1. Типовая квартира ИН-В (1931, бригада Э. Мая)

1. A typical IN-B flat (1931, E. May's brigade)

2. М. Стам. 2,5-комнатная квартира (48 м²). Хеллерхоф, Франкфурт-на-Майне

2. M. Stam. A flat of 2,5 rooms (48 m²) Hellerhof, Frankfurt-am-Main

¹¹ Ул. Пионерская, д. 21–31, 22–32.

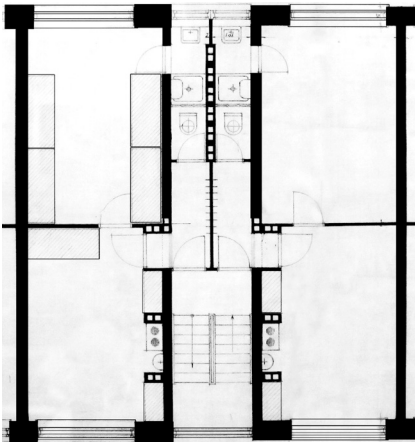
¹² Пр. Энтузиастов, д. 3–7, 13–19.

Это четырехэтажные секционные 32-квартирные кирпичные дома, чья планировка состояла из двух типов двухквартирных секций – рядовой с трехкомнатными квартирами и торцевой с трех- и пятикомнатными квартирами. Большая площадь квартир и планировочное решение – группировка комнат вокруг прихожей и отдельный (при этом «темный») санузел – давали возможность коммунального поквартирного заселения. Характерно, что при соблюдении меридиональной постановки зданий в основу ориентировки секций здесь положен ориентир лестничных клеток в сторону широких озелененных дворов (то есть лицевые фасады двух соседних домов обращены друг к другу, образуя парную группу), а не солнечный ориентир вспомогательных и жилых помещений.

Это сравнение двух типов жилых домов позволяет констатировать, что внешняя схожесть строчной расстановки и аскетичного облика скрывает принципиальную разницу в основополагающих принципах планировки жилого дома и, как результат, в качестве жилья. Маленькая площадь квартир в первом случае была рассчитана именно на семейное расселение и, кроме того, компенсировалась санитарно-гигиеническими преимуществами (сквозным проветриванием и освещением квартиры, продуманным ориентиром жилых и вспомогательных пространств по степени и времени освещенности, «светлым» санузлом). Во втором случае большая площадь квартир и их планировочное решение (с изолированными комнатами с отдельными входами из прихожей) давала возможность коммунального расселения, что перечеркивало преимущества большой площади и исключало сквозное проветривание и освещение «закрытого» жилого помещения каждой отдельной семьи; кроме

того, здесь уже не играли роли ни солнечный ориентир при размещении жилых и вспомогательных помещений, ни естественное освещение санузла.

Основную часть жилых домов в застройке первого квартала Магнитогорска представляют специфичные трехэтажные секционные дома типа ИНКО-А («индивидуально-коллективные») как переходные жилище от индивидуального к коллективному бытию (рис. 3)¹³. Планировка этих секций явно не имела своего прототипа в Германии – из них были исключены кухни с расчетом на квартальное обобщественное обслуживание. По этому

3. Тип ИНКО-А: проектный вариант.
1931. Бригада Э. Мая

3. INKO-A type: project variation.
1931. E. May's brigade

¹³ Проект архитектора В. Хеббрандта [May, S. 128].

типу были выстроены жилые дома по ул. Чайковского, д. 33–45, 47 (снесен), 49 (под снос), 51, 53, 55 и 57 (последние два снесены, построены новые дома). В компактных секциях по обе стороны лестничной клетки и светового санузла располагаются четыре жилые комнаты (по 18 м²) – максимально экономно для коммунального заселения¹⁴.

Дома этого типа заслуживают особого внимания, демонстрируя методику гибкого проектирования с учетом перспективной трансформации жилых ячеек. Этот прием был опробован в конце 1920-х гг. во Франкфурте в планировке «минимальных» квартир. Секция ИНКО изначально могла трансформироваться в двухквартирную секцию с квартирами в две комнаты (спальня и общая комната с кухонной нишей) и (путем продольного разделения спальни перегородкой) в квартиру для семьи с детьми [Maу, S. 127]. При будущем улучшении жилищных условий можно было использовать всю секцию как квартиру с кухней для одной семьи либо как двухквартирную секцию – с одной комнатой и кухней в квартире¹⁵.

Была предусмотрена трансформация и иного плана – к полноценному дому-коммуне, и именно она считалась приоритетной. Но наивные представления западных архитекторов о том, что их главная задача – проектировать жилище «для новой жизни», быстро разбились о советскую реальность. Э. Май, оглядываясь назад в декабре 1933 г., говорил:

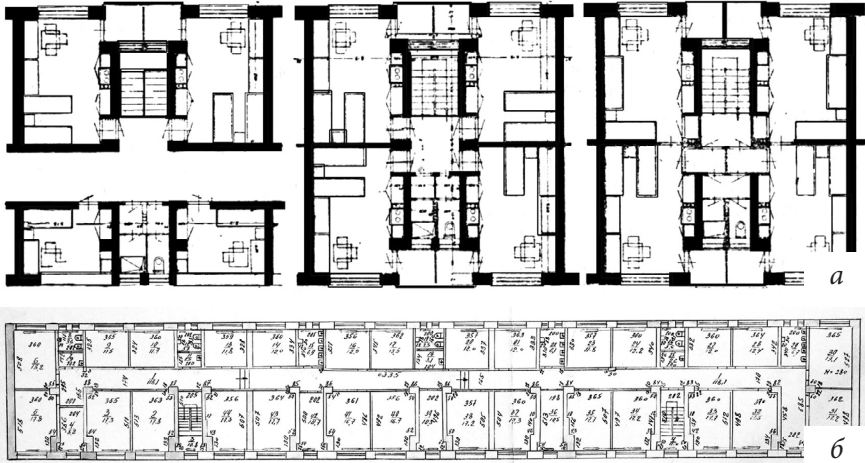
Наша первая ошибка заключалась в том, что мы считали, что коммунизм здесь осуществлен в полной мере, а мы сейчас видим, что коммунизм растет постепенно, а не вырастает сразу. Когда мы начинали строить, мы предполагали устроить общую столовую, детский дом и т. п. Я полагал, что если мы построим так, то через несколько лет эти дома можно будет использовать для домов-коммун... Но нам сказали, что сейчас осуществить такое строительство невозможно, потому что нет денег. Но тогда получалось одно неудобство. Я полагал, что в каждой квартире не надо устраивать кухню, а достаточно только кухонных шкафов. Кроме того, тут были устроены электрические печи, на которых можно варить чай и т. д. Теперь дом построен, и дано новое задание – устроить там индивидуальные квартиры. Между тем, столовой нет, нет и кухонь в квартирах. Люди, которые увидят такой тип постройки, скажут: какой же дурак Май – строил квартиры без кухни! А это получается потому, что сначала начали строить дома одного типа, потом все переменили. Половину построили, а половину нет, получилась ерунда [Архив МБУК МЗ «Кузнецкая крепость». Л. 116].

¹⁴ Один из документов свидетельствует о строительстве в квартале домов типа ИНКО-А дома на 84 отдельные комнаты – иначе говоря, «замеряется» именно количество комнат, а не квартир [ГАРФ. Ф. 7544. Л. 9].

¹⁵ В послевоенные годы секции типа ИНКО-А были перепланированы в секции с трехкомнатными квартирами (80 м²), секции с однокомнатными квартирами (40 м²) и секции с 1–2-комнатными квартирами (35 и 53–67 м² соответственно) с полноценным оборудованием – кухней и санузлом.

Европейские архитекторы понимали «физиономию жилья» однозначно – «или коллективная ячейка, или индивидуальная, потому что всякое другое решение сводится лишь к неудачному суррогату» [Мостак-ков, с. 30], но именно этот суррогат, получивший отражение даже в названии («индивидуально-коллективный»), они в результате и получили.

Отголоски трансформаций по ходу проектирования и строительства мы можем видеть в застройке кварталов как в Магнитогорске, так и в Новокузнецке. Некоторые дома обладают странной гибридной планировкой: вероятно, были заложены дома ИНКО с секционной планировкой (или общежития с коридорной планировкой на первом этаже и ячейками на четыре комнаты с санузлом и кухонной нишей на следующих этажах), но строились они уже с коридорной планировкой (рис. 4). В магнитогорском квартале в этих домах из семи лестничных клеток рабочими являются только две, в остальных на месте лестничных площадок размещены комнаты, и на всех эта-

4. Общежитие:

a – проект. 1931. Бригада Э. Мая. 1-й, 2-й и 3-й этаж;
b – реализованная постройка коридорного типа. Магнитогорск

Dormitory:

a – project. 1931. E. May's brigade. 1, 2 and 3 floors;
b – constructed structure, corridor type. Magnitogorsk

жах использована коридорная система. В Новокузнецке «работают» все пять лестничных клеток, но их количество бессмысленно ввиду коридорной, а не секционной планировки¹⁶.

Заметим неистребимое желание европейских планировщиков сохранить «человеческий» квартирный тип даже при планировании общежитий – вместо традиционного коридорного здания с общими уборными и кухнями в конце коридора они предлагают в проектах замкнутые

¹⁶ В Магнитогорске – ул. Маяковского, д. 40 и 50 (не сохранились), в Новокузнецке – ул. Кирова, д. 11.

ячейки с ограниченным числом комнат и обслуживающими помещениями. Также сохраняется и приоритетная важность доступа к солнцу, воздуху и зелени из каждой (!) комнаты в общежитии; из каждой квартиры предполагался выход на балкон, а в нереализованных проектах домов-коммун, где жильячейки располагались по обеим сторонам продольного коридора, между ними были предусмотрены поперечные «просветы-выгрызы» с выходом на балкон, в том числе для естественного освещения и проветривания коридора [Мостаков, с. 28].

Несмотря на реализацию ограниченного числа типов жилых домов и в Магнитогорске, и в Новокузнецке, различны их вариации, в том числе получившие отражение во внешнем облике: в Новокузнецке в отдельных группах жилых домов на разных пространственных участках (ул. Хитарова, пр. Энтузиастов, ул. Кирова, ул. Воровского), в Магнитогорске – в многообразных версиях решения секций и, соответственно, фасадов. Лаконичный фасадный облик оживлялся ступенчатым, в соответствии с рельефом, размещением секций, сплошным остеклением лестничных клеток, цветной штукатуркой, легкими балконами, а также обилием зелени, в которую погружались жилые корпуса. В кварталах и Магнитогорска, и Кузнецка были построены исключительно трехэтажные дома¹⁷, что определялось двумя факторами – санитарно-гигиеническим и экономическим (рис. 5). При трех этажах не только была возможность использовать облегченные конструкции и местные материалы. Невысокая этажность сохра-

5. Фрагмент застройки соцгорода Сталинска (ныне Новокузнецка)

5. A part of socgorod in Stalinsk (Novokuznetsk)

няла связь человека и «земли», что было непреложным в проектном мышлении прибывших в СССР европейских архитекторов – наследников концепции города-сада. Жилые дома размещались меридиональными строчками перпендикулярно дорогам и пересекались поперечными зелеными полосами. Разрывы между фасадами трехэтажных домов устанавливались в три высоты дома, между торцами – минимум 25 м. Пространство между «строчками» было отдано озелененным дворам.

¹⁷ В середине 1930-х гг. часть жилых домов «соцгорода» в Сталинске (Новокузнецке) для увеличения плотности населения была надстроена до четырех этажей и, кроме того, приобрела неоклассический декор.

Согласно генплану Нового Орска (1934–1935 гг., М. Стам, Х. Шмидт) в 1935–1937 гг. был фрагментарно реализован «квартал № 8» (ограничен улицами: пр. Мира, пр. Ленина, пер. Музыкальный, ул. Станиславского). Были возведены трехэтажные трехсекционные жилые дома на 18 двухкомнатных квартир¹⁸; трехэтажные шестисекционные дома на 36 квартир (30 трехкомнатных и шесть двухкомнатных в торцевых секциях)¹⁹; пятисекционный пятиэтажный дом с квартирами повышенной комфортности²⁰. Так же, как в Магнитогорске и Новокузнецке, в трехэтажной застройке были использованы исключительно двухквартирные секции.

Примечательной их чертой является использование лоджий: в коротких «строчках» – на обоих фасадах, в длинных – на двором фасаде, в сочетании с балконом на лицевом. В облике трехэтажных домов с лоджиями ясно прослеживается прообраз – спроектированные М. Стамом жилые дома для поселка Хеллерхоф во Франкфурте-на-Майне. Необычно выглядит и остекление со сходящимися под острым углом стеклами лестничных клеток в жилых домах в Музыкальном переулке, имеющее явный зарубежный аналог (такой же прием использован в жилых домах поселка Борнхаймер-Ханг во Франкфурте-на-Майне).

Вследствие особых условий рельефа и расположения главных магистралей архитекторы отказались от исключительного использования меридиональной строчной застройки квартала. Длинные трехэтажные блоки были запроектированы с севера на юг, тогда как короткие – с востока на запад. Эти длинные и короткие «строчки» должны были быть соединены одноэтажными зданиями, вероятно, с помещениями общественного обслуживания (магазинами и т. п.). Такой расстановкой внутри квартала, кроме всего прочего, образовывались площадки у домов и создавались барьеры господствующим ветрам. С учетом западных ветров входы в дома расположены с восточной, северной и южной сторон. Контраст высот и масштабов создавал в проекте и архитектурную игру, разбивая монотонность²¹.

* * *

Сегодня невозможно получить полноценное представление о творческом замысле европейских архитекторов в выстроенных кварталах Магнитогорска, Орска и Новокузнецка. Застройка получила лишь частичное воплощение, как следствие – незаконченное решение пространства и отсутствие гармонической взаимосвязи архитектуры и ландшафта. Скучный выбор материалов и конструкций predetermined аскетизм художественного решения. Планировочные нормативы

¹⁸ Пр. Мира, д. 18, 20, 22, 24.

¹⁹ Пер. Музыкальный, д. 4, 6, 10, 12, 16.

²⁰ Пр. Мира, д. 26 (архитектор Т. Вайнер).

²¹ Прием сочетания продольных и поперечных блоков и контраст высот застройки, так же как и соединение жилых корпусов с общественными учреждениями, были опробованы М. Стамом в поселке Хеллерхоф во Франкфурте-на-Майне.

с их стремлением к размещению максимума пространства на минимуме площади породили тяжеловесные пропорции. И наконец, даже то, что было воплощено, своим сегодняшним состоянием уничтожает и ту эстетическую составляющую, что была заложена в изначальный проект. Многие дома утратили первоначальный облик из-за многочисленных самостоятельных достроек и перестроек, перепланировки квартир. Удручающий вид ветшающих материалов и неухоженных дворов являет контраст современному состоянию германских поселков, выстроенных в годы Веймарской Республики (см. цв. ил.).

Уже в 1935 г. Х. Шмидт, один из последних оставшихся в СССР архитекторов группы Э. Мая, констатировал «резкое отличие» западной практики «минимального жилища» от «советской практики последних лет» [Шмидт, с. 16]. Речь шла о сложившемся в СССР приоритете многоэтажного (4–5 этажей) и многокомнатного (3–4 комнаты) строительства. Определяющую роль в советской жилищной практике играл «коэффициент экономичности», который повышался в многокомнатном жилище в сравнении с 1–2-комнатными квартирами – норма жилой площади здесь была выше в соотношении с площадью вспомогательных помещений (кухни, ванной, уборной). Этот же подход определил в СССР и приоритет многоквартирных (4–6) секций, поскольку двухквартирный тип был «неэкономичен» с точки зрения использования лестницы. Также и «первый» свет в санузле, с точки зрения советских проектировщиков, «значительно осложняет планировку и вызывает потерю в экономичности плана примерно 5–8 %...» [Марковников]. Некоторые типовые ячейки Моссовета, Центросоюза, ВСНХ для многоэтажного строительства еще в конце 1920-х гг. предусматривали «первый» свет в уборных [Проекты рабочих жилищ]. Но уже в проектах Горстройпроекта (основного планировщика новых поселений и городов при промпредприятиях) середины – второй половины 1930-х гг. светлый санузел сохранился лишь в единичных типах, в подавляющих случаях использовалось его торцевое расположение, при этом санузел был раздельный, рассчитанный именно на возможность коммунального заселения [Блохин].

Таким образом, понятие «экономичное жилище» в СССР и в Веймарской Республике обладало принципиально разными смыслами. Причиной были различия в ориентирах – на социальный или государственный заказ, на «рабочего человека» или «рабсилу», на полноценную достойную жизнь или выживание. Последним штрихом стало внедрение в советском градостроительстве середины 1930-х гг. ансамблевого подхода, в рамках которого жилой квартал рассматривался как архитектурно-пространственный комплекс в общей увязке с архитектурой города. Этот подход не только определил доминанту периметральной застройки, но и переместил жилой дом из пространства повседневности в пространство идеологическое, разделив «низкое» «массовое жилище» и «высокую» «жилую архитектуру». Жилые дома, спроектированные европейскими архитекторами, остались

в пространстве «сталинской архитектуры» вопиющим и осужденным исключением, но идея типового массового «минимального» жилья вернулась в СССР вместе с хрущёвскими реформами.

Список литературы

- Архив МБУК МЗ «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк). Ф. 2. Оп. 2. Д. 5.
- Блохин П.* Типовые проекты Горстройпроекта Наркомтяжпрома // *Архитектура СССР*. 1937. № 11. С. 15–24.
- Брагин Е.* Жилищное строительство в СССР // *Большая медицинская энциклопедия* / под ред. Н. А. Семашко М. : Совет. энциклопедия, 1929. Т. 10. С. 324–325.
- Бунин А. В., Саваренская Т. Ф.* История градостроительного искусства : в 2 кн. М. : Стройиздат, 1979. Кн. 2. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/index.shtml> (дата обращения: 17.03.2016)
- Гречуха В. Ф.* Внимание архитектуре новых городов // *Строительство Москвы*. 1932. № 8/9. С. 34–36.
- ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7667; Ф. 7544. Оп. 1. Д. 502; Ф. 4544. Оп. 1. Д. 425.
- Жилищное строительство в 1935 г.* М. : Госплан, 1936. 51 с.
- Казаринова В. И., Павличенков В. И.* Магнитогорск. М. : Стройиздат, 1961. 248 с.
- Коньшева Е. В.* «За рубежом»: освещение западного опыта в советской профессиональной прессе 1920–1930-х гг. // *Academia: архитектура и строительство*. 2015. № 4. С. 9–15.
- Марковников Н. В.* Экономический анализ типовых квартирных ячеек городского многоэтажного дома // *Строительная промышленность*. 1928. № 4. С. 293–295.
- Меерович М. Г.* Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми : 1917–1937. М. : РОССПЭН, 2008. 304 с.
- Меерович М. Г.* Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. // *Архитектон : Изв. вузов*. 2010. № 31. URL: http://archvuz.ru/2010_3/6 (дата обращения: 17.03.2016).
- Мостаков А.* На пути к дешевому и культурному жилью // *Строительство Москвы*. 1931. № 4. С. 27–30.
- Проекты рабочих жилищ*. М. : Цекомбанк, 1929. 270 с.
- Сысин А.* Жилище // *Большая медицинская энциклопедия* : в 35 т. / под ред. Н. А. Семашко. М., 1929. Т. 10. С. 324–325.
- Чернеховский Е.* Жилищное строительство в Германии // *Коммунальное дело*. 1927. № 12. С. 145–151.
- Шмидт Х.* Образцы жилых квартир на Западе // *Архитектура СССР*. 1936. № 9. С. 15–21.
- Abt J., Ruhe A.* Das Neue Frankfurt : Der soziale Wohnungsbau im Frankfurt am Main und sein Architekt Ernst May. Weimar und Rostock : [S. n.], 2008. 176 S.
- Frankfurter Typengrundrisse* // *Das Neue Frankfurt*. 1930. H. 2/3. S. 52–55.
- Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930* / Hg. H. Klotz. Berlin : Ernst und Sohn, 1986. 160 S.
- Krämer St.* Deutsche Unternehmer und ihre Arbeiterkolonien im 19. und frühen 20. Jahrhundert // *Schriftenreihe der Winkelmann Akademie für Kunstgeschichte München*. Textbeitrag Nr. 4. Nov. 2013. URL: <http://www.kunstgeschichte-ejournal.net/archiv/2010/2647/> (mode of access: 17.03.2016).
- May E.* Der Bau neuer Städte in der UdSSR // *Das Neue Frankfurt*. 1931. H. 7. S. 117–135.
- Mengin C.* 1929: welcher standardgrundriss? und für welche soziale Klasse? // *Neues Wohnen 1929/2009*. Frankfurt und der 2. Congres Intern. d'Architecture Moderne. Berlin: [s. n.], 2011. P. 68–79.
- Mythos USA: «Amerikanisierung» in Deutschland seit 1900* / F. Becker, E. Reinhardt-Becker. Frankfurt a. M. / N. Y. : Campus, 2006. 256 S.
- Pistorius E.* Die Generalplanentwürfe der Gruppe Ernst May für Magnitogorsk und die Pläne für das erste und das zweite Quartal (1930–1933) // *Проблемы российской истории*. Вып. 13. Магнитогорск : Магнитогорск. дом печати, 2015. С. 248–266.
- Schulz G.* Perspektiven europäischer Wohnungspolitik 1918 bis 1960 // *Wohnungspolitik im Sozialstaat, Deutsche und europäische Lösungen 1918–1960*. Düsseldorf : Droste, 1993. P. 11–45.

Schulz G. Wohnungspolitik in Deutschland und England 1900–1939, Generelle Linien und ausgewählte Beispiele // Zimmermann C. (Hrsg.) Europäische Wohnungspolitik in vergleichender Perspektive 1900–1939. Stuttgart : Fraunhofer IRB Verlag, 1997. P. 153–165.

References

- Abt, J. & Ruhe, A. (2008). *Das Neue Frankfurt : Der soziale Wohnungsbau im Frankfurt am Main und sein Architekt Ernst May*. 176 S. Weimar und Rostock, Edition M.
- Архив МБУК МЗ “Кuznetskaya krepost” (Novokuznetsk) [Archive of the MBCO YC ‘Kuznetsk Fortress’]. Stock 2. List 2. Dossier 5.
- Becker, F. & Reinhardt-Becker, E. (Hrsg.). (2006). *Mythos USA: „Amerikanisierung“ in Deutschland seit 1900*. 256 p. Frankfurt a. M., New York, Campus.
- Blokhin, P. (1937). *Tipovye proekty Gorstroyproekta Narkomtyazhproma* [Typical Projects of the State City Development Project of the People’s Commissariat of Heavy Industry]. In *Arkhitektura SSSR, 11*, pp. 15–24.
- Bragin, E. (1929). Zhilishchnoe stroitel'stvo v SSSR [Residential Development in the USSR]. In Semashko, N. A. (Ed.). *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya*. Vol. 10, pp. 324–325. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.
- Bunin, A. V. & Savarenskaya T. F. (1979). *Istoriya gradostroitel'nogo iskusstva : v 2 kn. [A History of the Art of City Development: 2 Vols.]*. Book 2. 496 p. Moscow, Stroyizdat. URL: <http://townevolution.ru/books/item/f00/s00/z0000016/index.shtml> (mode of access: 17.03.2016)
- Chernekhovsky, E. (1927). *Zhilishchnoe stroitel'stvo v Germanii* [Residential Development in Germany]. In *Kommunal'noe delo, 12*, pp. 145–151.
- Frankfurter Typengrundrisse (1930). In *Das Neue Frankfurt, H. 2/3*, S. 52–55.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock A-314. List 1. Dossier 76674; Stock 7544. List 1. Dossier 502; Stock 4544. List 1. Dossier 425.
- Grechukho, V. F. (1932) Vnimanie arkhitekture novykh gorodov [A Focus on the Architecture of New Cities]. In *Stroitel'stvo Moskvy, 8/9*, pp. 34–36.
- Kazarinova, V. I. & Pavlichenkov, V. I. (1961). 248 p. *Magnitogorsk* [Magnitogorsk]. Moscow, Stroyizdat.
- Klotz, H. (Hrsg.). (1986). *Ernst May und das Neue Frankfurt 1925–1930*. 160 S. Berlin, Ernst und Sohn.
- Konyshcheva, E. V. (2015). “Za rubezhom”: osveshchenie zapadnogo opyta v sovetskoy professional'noy presse 1920-kh – 1930-kh gg. [“Abroad”: A Report of Western Experience in the Soviet Professional Press of the 1920s – 1930s]. In *Academia: arkhitektura i stroitel'stvo, № 4*, (pp. 9–16).
- Krämer, St. (2013). Deutsche Unternehmer und ihre Arbeiterkolonien im 19. und frühen 20. Jahrhundert. In *Schriftenreihe der Winkelmann Akademie für Kunstgeschichte München*. Textbeitrag Nr. 4, November. URL: <http://www.kunstgeschichte-ejournal.net/archiv/2010/2647/> (mode of access: 17.03.2016).
- Markovnikov, N. V. (1928). *Ekonomichesky analiz tipovykh kvartirnykh yacheek gorodskogo mnogoetazhnogo doma* [An Economic Analysis of Typical Apartments of a City Apartment Block]. In *Stroitel'naya promyshlennost', 4*, pp. 293–295.
- May, E. (1931). Der Bau neuer Städte in der UdSSR. In *Das Neue Frankfurt, H. 7*, S. 117–135.
- Meerovich, M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi : 1917–1937* [Punishment by Accommodation: Residential Policy in the USSR as a Means of Governing People: 1917 – 1937]. 304 p. Moscow, ROSSPEN.
- Meerovich, M. G. (2010). *Tipologiya massovogo zhilishcha sotsgorodov-novostroek 1920–1930-kh gg.* [A Typology of Mass Accommodation Places of Social Newly Built Cities of the 1920s – 1930s]. In *Arkhitekton : Izvestiya vuzov, 31*. URL: http://archvuz.ru/2010_3/6 (mode of access 17.03.2016).
- Mengin, C. (2011). 1929: welcher standardgrundriss? und für welche soziale Klasse? In *Neues Wohnen 1929/2009. Frankfurt und der 2. Congres International d'Architecture Moderne* (S. 68–79). Berlin, Jovis.
- Mostakov, A. (1931). *Na puti k deshevomu i kul'turnomu zhil'yu* [On the Way to Cheap and Cultural Accommodation]. In *Stroitel'stvo Moskvy, 4*, pp. 27–30.

Pistorius, E. (2015). Die Generalplanentwürfe der Gruppe Ernst May für Magnitogorsk und die Pläne für das erste und das zweite Quartal (1930–1933). In *Problemy Rossiyskoy istorii*, Iss. 13, pp. 248–266. Magnitogorsk, Magnitogorsky dom pechati.

Proekty rabochikh zhilishch [Projects of Workers' Dwellings]. (1929). 270 p. Moscow, Tsekombank.

Schulz, G. (1993). Perspektiven europäischer Wohnungspolitik 1918 bis 1960. In *Wohnungspolitik im Sozialstaat, Deutsche und europäische Lösungen 1918–1960* (S. 11–45). Düsseldorf, Droste.

Schulz, G. (1997). Wohnungspolitik in Deutschland und England 1900–1939, Generelle Linien und ausgewählte Beispiele. In Zimmermann, C. (Hrsg.) *Europäische Wohnungspolitik in vergleichender Perspektive 1900–1939* (S. 153–165). Stuttgart, Fraunhofer IRB Verlag.

Shmidt, Kh. (1936). *Obraztsy zhilykh kvartir na Zapade* [Samples of Apartments in the West]. In *Arkhitektura SSSR*, 9, pp. 15–21.

Sysin, A. (1929). *Zhilishche* [Accommodation]. In Semashko, N. A. (Ed.). *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* : v 35 t. Vol. 10, pp. 324–325. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya.

Zhilishchnoe stroitel'stvo v 1935 g. [Residential Development]. (1936). 51 p. Moscow, Gosplan.

The article was submitted on 15.05.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.175

УДК 711.168+72.038.11+725.1(470.5)

ОПЫТ УРАЛМАША В АРХИТЕКТУРЕ СОВЕТСКОГО АВАНГАРДА: ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ 1920–1930-х гг.*

Михаил Ильченко

Институт философии и права УрО РАН,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

URALMASH IN THE ARCHITECTURE OF THE SOVIET AVANT-GARDE: AN EXPERIMENT IN CITY CONSTRUCTION IN THE 1920^s and 1930^s**

Mikhail Ilchenko

Institute of Philosophy and Law,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch),
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article analyses a large-scale urban planning experiment held in the Soviet Union in the 1920s–1930s: the construction of the Uralmash socialist city. It is shown that this avant-garde project, considered a symbol of the era, was determined by multiple factors and thus represented complex social dynamics. The author argues that the analysis of these dynamics requires new theoretical instruments, since those extant largely utilise simplified schemes and explanations. This has meant that the study of Soviet urban planning is usually focused on the search for a certain fundamental principle which can explain all tendencies,

* Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-8766.2016.6).

** *Citation:* Ilchenko, M. (2016). Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 30s. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

Цитирование: Ilchenko M. Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde: An Experiment in City Construction in the 1920s and 30s // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175 / Ильченко М. Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда: градостроительный эксперимент 1920–1930-х гг. // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 55–71. DOI 10.15826/qr.2016.3.175.

challenges, and controversies. Such a principle can be either a subject (e.g. the 'authority' or 'architect-creator') or a certain universal phenomenon ('idea', 'style', 'technological progress'). Each of these categories provides a specific framework which allows the scholar to build an integral picture of the development of Soviet urban planning and give an explanation for architectural fashions. However, such a view on Soviet architecture is usually narrow and one-dimensional. Moreover, as the case of Uralmash shows, the meaning of these categories is sometimes highly ambiguous. For instance, the notion of 'power' does not always mean the existence of a gradually realised strategy or a clear system of regulation. In many cases, the 'strategy' was in fact based on a set of situational decisions; furthermore, certain processes remained beyond any control. Thus considered, if changes in architectural style had a crucial role for the overall development of Soviet architecture in the 1930s, then it meant nothing more for the architects involved than a simple change in the 'rules of the game': it thus had little impact on real building practices. For that reason, a comprehensive analysis of Soviet urban planning requires a critical review of these categories of analysis and the development of a new way to implement them into research.

Keywords: Soviet urban planning; avant-garde architecture; social practices; constructivism; socialist city.

На примере соцгорода Уралмаша анализируются условия реализации масштабного градостроительного эксперимента в Советском Союзе периода 1920–1930-х гг. Показано, что формирование авангардной застройки, ставшей своеобразным символом эпохи, определялось целой совокупностью факторов и во многом отражало сложную социальную динамику времени. Автор полагает, что анализ этой динамики требует новых инструментов, поскольку существующие подходы в большинстве своем ориентированы на использование упрощенных объяснительных моделей. Рассмотрение советского градостроительства в отечественных исследованиях, как правило, связано с неизменным поиском некоего общего фундаментального основания, которое смогло бы объяснить все его перипетии, противоречия и неоднозначные тенденции. В роли такого основания обычно выступает либо определенный субъект (например, власть или архитектор-творец), либо некий универсальный феномен (идея, стиль, технический прогресс). Каждая из этих категорий позволяет по-своему упорядочить все факты, выстроить цельную картину развития градостроительства и дать объяснение ключевым закономерностям. Однако предлагаемый взгляд нередко оказывается крайне узким и одномерным. Более того, как показывает пример Уралмаша, значение этих факторов в анализе реального градостроительного процесса в целом ряде случаев является весьма условным. Так, понятие «власть» далеко не всегда предполагало наличие последовательно реализуемой стратегии и существование четкой системы регулирования строительной деятельности. Во многих случаях за стратегией стояла совокупность ситуативно принимаемых решений, при этом отдельные процессы и вовсе оказывались вне ее фактического контроля. Смена архитектурного стиля, имевшая судьбоносное значение для разви-

тия советской архитектуры в целом, в условиях реализации конкретного градостроительного проекта означала для архитекторов не более чем изменение правил игры и слабо влияла на ход самого строительного процесса. Как следствие, для выявления природы градостроительных изменений 1920–1930-х гг. все эти категории требуют обстоятельного критического анализа и адекватного соотнесения друг с другом.

Ключевые слова: советское градостроительство; архитектура авангарда; конструктивизм; социальные практики; соцгород.

Одними из ключевых особенностей авангардного градостроительного эксперимента 1920–1930-х гг. в Советском Союзе были условия исключительной спешки и хаотичности его реализации. Строительство большинства объектов в городах и возведение новых поселений происходили при постоянной смене планов, управленческих стратегий и общих приоритетов в социальной политике. Решение многих судьбоносных для страны градостроительных вопросов в этот период, как выявлено в ряде обстоятельных исследований, не было подчинено какой-либо логике, а являлось подчас результатом сугубо конкретных обстоятельств [см.: Меерович, Конышева, Хмельницкий; Меерович; Яковлева, 2010б]. Однако общий тон исследовательских выводов сводится к разоблачительному послы, который имеет отчетливый нормативный оттенок: реальность оказалась иной, нежели светлые замыслы, которым не суждено было сбыться в советской действительности. Опираясь на неоспоримые аргументы в обосновании разрыва между декларациями и повседневными реалиями, такой подход не отвечает на вопрос об особенностях формирования и развития самой авангардной архитектуры в советских условиях. Ведь получается, что многочисленные сооружения, которые сегодня принято считать воплощением «рационального духа» и «торжества технологического расчета», оказывались результатом стихийности и непредсказуемости строительного процесса. При этом к ним относятся и множество уникальных зданий, которые мы привыкли воспринимать в качестве образцов стиля. Каковы были условия их строительства? Как именно социальный контекст и общая «стихия стройки» определяли их облик? И способно ли обнаружение новых деталей и производственных подробностей процесса их сооружения изменить восприятие этих зданий в современных условиях? Подобные ракурсы рассмотрения авангардной архитектуры могут предложить качественно новые языки ее описания, что особенно важно для проблемы адаптации архитектурного индустриального наследия авангарда к современным городским реалиям как на функциональном, так и на символическом уровне. Особенно показательна судьба *соцгородов* – огромных индустриальных районов и самостоятельных поселений, оставивших современным российским городам пример наиболее яркого и противоречивого наследия советской эпохи градостроительных преобразований. Одним из них является построенный в период

первой пятилетки на окраине города Свердловска соцгород Уральского машиностроительного завода (Уралмаша).

Соцгород Уралмаш: логика проектирования в контексте логики времени

Стоит сказать, что архитектурной составляющей в строительстве соцгорода Уралмаша всегда отводилось довольно скромное место. В многочисленных отчетах, докладах и постановлениях, посвященных ходу работ по возведению Уральского завода тяжелого машиностроения (УЗТМ), речь о проектировании поселения для рабочих заходила, как правило, в самом конце, а вопросы его архитектурного оформления практически не упоминались. Организационно, концептуально и символически все было изначально подчинено одной главной цели – скорейшему пуску завода. Понять логику и значимость архитектурных экспериментов на Уралмаше важно именно в этом контексте. Создание рабочего поселка предполагалось проектировщиками завода с самого начала, но его роль мыслилась исключительно в качестве функционального приложения к общему производственному процессу, которое решало вполне конкретную задачу – обеспечение рабочих жильем. В проектировании поселка и соцгорода не принимали участие архитектурные звезды, его проекты не публиковались на страницах центральной прессы и не сопровождались широкими дискуссиями. Процесс проектирования соцгорода Уралмаша осуществлялся без лишней огласки, в рабочем режиме, в тихой и даже в некотором смысле камерной атмосфере.

Принято считать, что уникальность градостроительного эксперимента на Уралмаше состоит прежде всего в том, что соцгород удалось построить по единому плану и в рекордно короткие сроки [см., например: Екатеринбург: История города в архитектуре, с. 226]. С этим мнением действительно трудно поспорить, если под единым планом иметь в виду наличие концептуальной архитектурной идеи, а под короткими сроками – значимость ее реализации в динамике и развертывание во временном контексте. Однако видеть за этим поэтапное воплощение глобального замысла, которое, несмотря на относительно короткий исторический отрезок, по сути, вобрало в себя сразу несколько архитектурных эпох, было бы как минимум серьезным упрощением, а как максимум – ошибкой, не позволяющей разглядеть крайне важные черты в особенностях и характере развития соцгорода.

Первый проект рабочего поселка для Уралмаша появляется вместе с проектом всего завода, разработанным Государственным институтом по проектированию новых металлостроительных заводов Ленинграда в 1927 г. Проект Гипромеца, преследуя целью дать своего рода образцово-показательный пример по планировке завода тяжелого машиностро-

ния, издаётся в виде брошюры многотысячным тиражом и распространяется едва ли не по всем крупным учреждениям и библиотекам страны [Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект)]. Рабочий посёлок Уралмаша в нём – это абсолютно типичное поселение для рабочих завода своего времени. Посёлок предполагалось строить в непосредственной близости от заводской территории, ограждая от неё жилые кварталы линией зелёных насаждений. При производительности завода в 18 тыс. т в год население посёлка должно было составить около 24 тыс. жителей, в целом вполне соответствуя говардовским стандартам города-сада. В 1928 г. проект дорабатывается и пересоставляется уже непосредственно на месте сотрудниками технического отдела самого Уралмашиностроя. При этом к работе над ним привлекается «свежая кровь» – молодые представители новообразованного Свердловского отделения Объединения современных архитекторов (ОСА), которыми вовлечение в процесс проектирования завода, его цехов и отдельных зданий воспринимается как несомненный успех в идеологической борьбе с «враждебной стороной», представителями «старой архитектуры» [См.: Первая конференция общества современных архитекторов в Москве, с. 120–122]. Основные технические показатели проекта остаются прежними, формально мало что меняется, однако уже на этом этапе сама его идейная направленность постепенно становится несколько иной. Приглашённый из Ленинграда для работы в архитектурно-строительном отделе Уралмашиностроя молодой архитектор Пётр Оранский выдвигает несколько предложений по планировке, которые, по сути, в корне меняют идеологию проектирования городского поселения. Город предполагается вплотную приблизить к заводу, центральную площадь превратить в связующее звено между жилой зоной и заводской территорией, а в количестве жителей ориентироваться на цифру в 60 тыс. чел. Так постепенно обретает свои очертания идея превращения завода и города в единый пространственный организм с помощью лучевой системы планирования. Эта идея получает одобрение коллег и начальства, фактически воспринимается как руководство к действию, стимулируя новые архитектурные решения, однако сам проект оказывается обречён на постоянные пересмотры, корректировки и изменения в течение нескольких лет – то есть, по сути, на весь период наиболее интенсивного строительства соцгорода.

Показательно, что во многом схожая ситуация характеризует и процесс строительства самого завода. Несмотря на громкие заявления и лозунги о выполнении пятилетнего плана, к 1930 г., то есть по истечении более чем половины от намеченного срока пуска предприятия, крупный завод тяжёлого машиностроения даже на уровне проекта ещё не обретает своих основных характеристик, масштаба и содержания. В условиях слабого финансирования его строительство в эти годы идёт крайне неравномерно, а будущее остаётся весьма неопределённым [Толоконцев, с. 4]. Вполне естественно, что при

наличии таких проблем вопросы городского строительства отходят на задний план. Лишь летом 1931 г. Всесоюзное объединение тяжёлого машиностроения (ВОМТ) принимает окончательное решение об увеличении производительности завода до 100–150 тыс. т в год, что даёт мощный импульс к усилению темпов строительства и одновременно к очередному пересмотру проекта соцгорода. Существующий проект вновь подвергается корректировкам и дополнениям, проходя многочисленные инстанции и проверки [УЗТМ – Соцгород, с. 17–21]. И только в конце 1932 г. утверждается новый проект поселения, составленный Уралмашиностроем и Гипрогором на 170 тыс. жителей, соответствующий ключевым принципам проектирования социалистических городов [Уральский завод тяжёлого машиностроения, с. 118–126].

Характерно, что к этому моменту практически все ключевые постройки социальной городской инфраструктуры на Уралмаше либо уже функционируют, либо находятся на стадии строительства. Иными словами, те здания, которые сегодня принято причислять к категории памятников авангарда, получают свой облик или, по крайней мере, основные очертания ещё до утверждения окончательного проекта соцгорода. Более того, целый ряд значимых для города объектов строится в принципе вне какого бы то ни было плана, даже промежуточного. По воспоминаниям Моисея Рейшера, одного из ключевых архитекторов в истории Уралмаша, это оказывалось вынужденной мерой вследствие ограниченности в ресурсах и необходимости «построить больше при минимуме затрат» [С чего он начинался].

Но, пожалуй, красноречивее всего состояние общего архитектурного облика соцгорода и организации работ в этой сфере отражает формулировка заключения, сделанного правительственной комиссией по приёме УЗТМ весной 1933 г., то есть буквально за пару месяцев до пуска завода. Раздел соответствующего сборника документов, посвящённый темпам жилищного и социально-бытового строительства, завершает ёмкая и лаконичная характеристика: «Архитектурное оформление посёлка, в особенности центральной площади перед заводом, находится в неудовлетворительном состоянии. До сего времени заводоуправление не имеет даже соответствующего проекта» [Акт XVII, с. 6].

Все эти свидетельства отчётливо говорят об одном: архитектурный образ соцгорода Уралмаша складывался не только и не столько в результате реализации принятого проекта и строгого следования плану, сколько в результате совокупности ситуативных, нестандартных решений самих проектировщиков, вызванных постоянно меняющимися обстоятельствами и условиями их работы. В какой-то степени архитектурный облик соцгорода становился производной самой стихии строительства и был подчинён своей особой внутренней логике. Это обстоятельство ни в коем случае не умаляет ценности самих построек и проектов, предложенных их авторами. Скорее наоборот – оно лишь подчёркивает их уникальность и своеобразие.

Но при этом позволяет посмотреть на них с несколько иной стороны, предлагая тем самым способы описания авангардной архитектуры, выходящие за рамки её привычных нарративов.

Авангард как продукт эпохи: условия формирования конструктивистской застройки

История строительства едва ли не всех знаковых построек Уралмаша – это история неожиданных решений, творческих импровизаций и постоянной корректировки целей. В этом смысле их довольно трудно оценивать традиционными для авангардной архитектуры категориями поэтапной реализации замысла и рационального движения к цели. Подобные тенденции можно обнаружить практически на каждой крупной стройке того времени, однако в случае с Уралмашем они получили особый размах и подчёркивались сразу несколькими обстоятельствами.

Во-первых, процесс строительства ключевых сооружений соцгорода совпал с периодом наиболее жарких архитектурных дискуссий рубежа первых советских десятилетий и при этом в значительной степени пришёлся именно на начало 1930-х гг., то есть на период доминирования авангардных течений, в частности конструктивизма. Во-вторых, этот процесс отличался особой интенсивностью – большинство ключевых сооружений соцгорода было построено буквально за два-три года. И, в-третьих, как уже отмечалось, проектирование архитектурных объектов шло в закрытом рабочем режиме, не сопровождалось публичными обсуждениями и осуществлялось группой молодых архитекторов, по большей части не имевших соответствующего профессионального опыта, что уже само по себе предполагало использование нестандартных решений и приёмов. Как вспоминал Моисей Рейшер, из-за молодого возраста архитекторов руководители завода нередко в шутку называли проектный отдел Уралмашстроя детским садом, при этом сама деятельность его сотрудников состояла в непрерывной круглосуточной разработке чертежей в отсутствие каких бы то ни было нормативов и образцов [Рейшер, с. 59].

В таких условиях проекты городских сооружений претерпевали постоянные изменения, а существенные коррективы зачастую вносились даже в уже утверждённые и одобренные высшим руководством варианты. Изначальный проект здания крайне редко соответствовал конечному результату. В одних случаях менялся облик сооружения, в других – его функция. Так, например, здание Дома технической учёбы, одного из ключевых административных сооружений района, во многом определивших облик его центральной площади, изначально проектировалось как жилой дом-коммуна. Решение разместить в нём конторские помещения и учебные аудитории было принято с учётом удобного расположения (напротив проходной завода) и внушитель-

ного для строящегося города масштаба. Впрочем, и сегодня в его композиции, структуре и облике угадываются изначальный замысел и очевидное влияние московских архитекторов, разработывавших идеи пространственной организации домов-коммун [Хан-Магомедов, 2007, с. 66–68].

Знаменитый жилой комплекс, известный среди жителей района как «дом-пила», также обрёл свой образ на самом финальном этапе проектирования в результате неожиданного предложения Петра Оранского расположить шесть каменных жилых корпусов не в стандартном линейном плане по отношению к центральной улице Осевой, а под прямым углом друг к другу [Маллер, с. 4; Анфимов, ч. 1, с. 109–110]. В общем плане структура здания стала напоминать форму зигзага, а сведённые друг к другу корпуса – своеобразные «зубья». В результате типовой стандартный жилой проект приобрёл яркий индивидуальный облик и, самое главное, статус особого символического места на карте района.

Значительные трансформации в процессе обсуждения претерпел даже проект знаменитой Белой Башни – сооружения, которое, казалось бы, самим своим образом призвано было демонстрировать торжество цельности и лаконичности изначальной архитектурной идеи. В ходе рассмотрения проекта башни, предложенного Моисеем Рейшером и предполагавшего использование двух колонн в качестве опоры для бака с водой, главный инженер завода Владимир Фидлер, сомневаясь в прочности конструкции, предложил добавить в рабочие чертежи ещё две железобетонные стойки. Это можно было бы считать сугубо производственным малозначительным моментом. Однако даже при беглом взгляде на изначальный проект Рейшера и итоговый вариант становится очевидным их разительное отличие в пропорциях, отдельных деталях и способе подачи. В сущности, в этих двух проектах предлагались два разных сооружения. Сам Рейшер писал, что предложение главного инженера «значительно ухудшило чёткость первоначального композиционного решения и утяжелило конструктивную схему» [Воспоминания Моисея Рейшера]. Однако утвердившийся сегодня в общественном сознании итоговый образ башни, несущий в себе наряду с ясным функциональным посылом определённые романтические черты, во многом являлся результатом внесённых в её изначальный проект корректив. В этом смысле, не умаляя заслуг Моисея Рейшера, Белая Башня выступала итогом коллективного творчества, в котором художественные идеи и импровизация молодых архитекторов переплетались с сугубо прагматичными решениями руководства и техническими условиями строительства.

Показательно, что не менее часто решение об изменении облика здания вынужденно принималось уже по ходу самого строительства. Поводом для этого могли стать нехватка ресурсов, ограничения в финансировании или непредвиденные обстоятельства. Обычно такая ситуация касалась типовой жилой застройки, но нередко она опреде-

ляла художественный образ и знаковых общественных сооружений. Так, в частности, первый в соцгороде кинотеатр «Темп» планировалось построить в виде двухэтажного здания с несколькими кинозалами. По проекту он должен был определять облик улицы, на которой сосредотачивались основные культурно-досуговые учреждения соцгорода. Однако из-за неожиданно возникшей аварии здание оказалось под угрозой разрушения [Анфимов, ч. 2, с. 78–79]. В результате восстановительных работ его удалось спасти, но от строительства второго этажа при этом пришлось отказаться. Как следствие, сооружение кинотеатра приобрело внешне нескладный, но одновременно нестандартный и запоминающийся вид – одноэтажный объём с непропорционально широкой двускатной крышей, превратившись при этом в одну из визитных карточек всего района.

В этом смысле образ целого ряда ключевых построек Уралмаша, признанных сегодня памятниками архитектуры, складывался постепенно и формировался со временем, будучи подчинённым логике развития самого соцгорода и являясь результатом непредсказуемости условий его строительства. Композиция, структура, внешний облик и эстетика этих сооружений определялись не столько конкретными архитекторами, принадлежностью к художественному течению, программами строительства или распоряжениями руководства, сколько совокупностью множества обстоятельств, вынужденных решений и случайностей, что лишь подчёркивало их особую глубинную связь со временем и эпохой.

Наиболее яркий символический пример – судьба комплекса так называемого «старого ДК» Уралмаша, занимающего площадь целого квартала вдоль одного из основных «лучей» соцгорода – бульвара Культуры. История здания началась со строительства в 1929 г. корпуса фабрики-кухни, призванной обеспечить питанием работников завода и жителей строящегося города. Здание возводилось по образцам аналогичных московских построек и самим своим объёмом резко выделялось на фоне общей застройки, быстро превратившись в одну из городских достопримечательностей. В 1933 г., пытаясь решить проблему отсутствия в соцгороде полноценного дворца культуры, руководство завода в целях экономии средств решает объединить его в едином здании с фабрикой-кухней и строит для этого отдельный торговый корпус, выходящий фасадом на улицу Культуры. Позже оба корпуса соединяются системой переходов, а само здание в течение десятилетия переживает сразу несколько реконструкций.

Результатом становится появление сложного многофункционального и уникального по своей композиции и структуре комплекса, объединяющего в себе приметы различных архитектурных направлений, градостроительных приёмов, а также следы творчества сразу целой группы архитекторов. Художественный и композиционный образ этого здания сложно свести не только к конкретному автору, но и в принципе редуцировать до какого-либо конкретного течения,

исторического отрезка или события. Логика его строительства – это логика строительства всего района, сложная, неочевидная и противоречивая, во многом созвучная неоднозначному характеру самой градостроительной эпохи. Вполне естественно, что применение к её анализу привычных обобщённых категорий описания авангардной архитектуры оказывается малоэффективным. Такой ракурс рассмотрения авангардной архитектуры, напротив, заставляет подвергать эти категории обстоятельному критическому разбору, одной из которых является категория архитектурного стиля.

Смена эпох: «запрет на авангард» в формировании архитектурного облика соцгорода

Пожалуй, нигде больше понятие архитектурного стиля не получило такого широкого распространения среди специалистов социальных и исторических дисциплин, как в случае описания градостроительной политики Советского Союза 1920–1930-х гг. Категория, по обыкновению используемая искусствоведами и историками архитектуры, превратилась в едва ли ни ключевой объяснительный инструмент анализа культурных изменений сталинского периода. Стиль при этом стал не просто способом маркировки определённых архитектурных течений и направлений, но своего рода метафорой, призванной обозначать границу двух эпох – «старой» (авангардной, романтической, революционной) и «новой» (сталинской, консервативной, неоклассической).

Вместе с тем, даже чуть более пристальный «формальный» искусствоведческий взгляд на архитектурные тенденции советского государства 1930-х гг. отчётливо даёт понять, что любое проведение какой-либо жёсткой хронологической границы в данном случае является весьма условным. Большинство исследований, посвящённых художественным поискам советских архитекторов 1930-х гг., однозначно указывает на то, что для самих градостроителей смена стиля, в сущности, означала лишь смену правил игры – необходимость тем или иным способом встроиться в новые условия и формально соответствовать требованиям власти, впервые обозначенным в знаменитом постановлении «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 г. [Хан-Магомедов, 2003; Яковлева, 2010а; Басс; Ильченко]. Но даже на уровне правил игры эта смена была очевидна далеко не всегда – в условиях тотальной спешки, погони за выполнением планов и постоянной нехватки ресурсов на большинстве строек она попросту уходила на второй план и оказывалась растянута во времени. В этой связи вполне логичным является вопрос, насколько в принципе понятие смены стиля является адекватным при объяснении изменений, происходивших в советской архитектуре 1930-х гг. Ведь если сами историки архитектуры

и искусствоведы большую часть этого периода описывают в терминах «переходного», «гибридного» стиля и «поисков формы», то что это понятие может дать для анализа социальной динамики советской архитектуры? Стоит ли искусственно проводить границу между эпохами там, где обнаружить её практически невозможно? И не затрудняет ли маркировка стилем само понимание сложной динамики архитектурных изменений, происходивших в 1930-е гг. в самых разных уголках советского государства?

На Уралмаше смена архитектурных эпох оказалась, в сущности, незаметной. И дело даже не в том, что сама архитектурная проблематика, как уже отмечалось, изначально была отодвинута на второй план решением более насущных производственных задач. Совершенно очевидно, что в условиях спешки с пуском завода в срок к лету 1933 г. любые дискуссии вокруг поиска новых архитектурных форм, пусть и инспирированные властью, попросту не представляли никакого значения для реального процесса строительства.

Отличительная особенность Уралмаша заключалась в том, что уже к 1932 г. соцгород имел абсолютно чёткую сложившуюся градостроительную структуру, которая при любом раскладе не могла подвергаться каким-либо существенным изменениям. Изменения могли претерпевать отдельные планировочные решения, технические характеристики, особенности застройки конкретных кварталов и жилых комплексов, но не сама исходная логика, заложенная в пространственное устройство уралмашевского поселения. И именно этой структуре, а не в конкретных зданиях наиболее ярко проявлялась принадлежность соцгорода к авангардному периоду застройки. Сама пространственная организация поселения, позволившая скрепить воедино территорию завода и жилой зоны, воплощала в себе идею предельно функционально сконструированного нового города, символа эпохи. Любое новое сооружение, какие бы стилистические особенности оно с собой ни несло, было вынуждено встраиваться в эту структуру и принимать её правила. Именно это и определяло логику развития соцгорода в 1930-е гг. – новые выстроенные в духе неоклассики парадные здания вырастали одно за другим, но при этом вписывались в уже сложившиеся архитектурные условия, словно занимая заранее заданное им место.

Характерный пример – узловое пространство соцгорода, площадь Первой пятилетки. Формирование её ансамбля растягивается почти на десять лет, совпадая с конструктивистскими экспериментами, периодом архитектурного «безвременья» и «сменой эпох». К середине 1930-х гг. облик площади определяется исключительно строгой функционалистской архитектурой – типовой конструктивистской постройкой здания заводской лаборатории, эффектной геометрией Дома техучёбы и сдержанными фасадами мощного здания заводууправления с отчётливым влиянием «Баухауза». Однако завершающим акцентом в оформлении площади становится

сооружение гостиницы «Мадрид», строительство которой начинается в 1933 г. Крупное, обильно декорированное здание отличалось от окружающей застройки пышностью фасадов и торжественностью подачи. Между тем, оно не просто стало составной частью общего ансамбля площади, но фактически заняло в нём ключевое композиционное положение. По воспоминаниям современников, именно здание гостиницы придавало площади законченный вид и цельность [Анфимов, ч. 2, с. 12–13].

Структурно, идеологически и композиционно здание «Мадрида» соответствовало изначальной концепции застройки площади, которая оказывалась полностью реализованной вместе с возведением нового сооружения. Тот факт, что это происходило в условиях новых стилистических предписаний, по сути, имел для градостроителей второстепенное значение. Авторами проекта гостиницы выступали архитекторы, спроектировавшие основное ядро конструктивистской застройки соцгорода – Пётр Оранский и Виктор Безруков. Оформление нового объекта в духе неоклассики не означало для них отступления ни от градостроительной стратегии, ни от собственных профессиональных принципов, а лишь предполагало необходимость максимально эффективно привести разработанные ими проекты в соответствие с новыми требованиями власти.

Характерно, что, несмотря на кардинально отличающийся внешний облик, для современников новые декорированные здания нередко словно бы продолжали существовать в прежней, вполне «конструктивистской» системе координат. Так, например, один из первостроителей Уралмаша Виктор Анфимов писал о «Мадриде» как о здании, привлекательном «в своей строгой красоте» [Анфимов, ч. 2, с. 13]. В восприятии большинства жителей соцгорода внешний облик и стиль зданий оказывались малозначимыми и как таковые, по сути, не считывались. Значимыми оказывались их функциональность, удобство, способность реализовать и продолжить задуманные и уже начатые строительные проекты. Именно этими факторами и определялась их красота.

Точно так же смена архитектурной политики и формальный отказ от авангарда мало отразились на восприятии зданий в стиле конструктивизма. Авангардная архитектура, составившая основу застройки соцгорода, во многом стала его олицетворением. С геометрией и формами этих сооружений ассоциировалось само строительство Уралмаша, а некоторые постройки за короткий срок превратились в своеобразные символы района. Так, даже в 1937 г. в условиях тотальной критики «коробчатого конструктивистского стиля» ничто не помешало Петру Оранскому охарактеризовать Белую Башню как «прекрасное, правдивое в своей функции и архитектурно выразительное здание» [Оранский, с. 24].

Некоторые явления в истории Уралмаша при рассмотрении через призму смены стиля и вовсе кажутся парадоксальными. Так,

например, неоднозначный характер приобретают традиционные оценки влияния на архитектуру соцгорода наследия немецкой школы «Баухауз». Её представитель архитектор Бела Шефлер прибывает в Свердловск и приступает к работе в проектно-конструкторском отделе Уралмашстроя в середине 1932 г., то есть как раз в тот момент, когда власть заявляет о кардинальной смене художественной политики и отказе от «формализма» [Сведения из документов личного дела ОК УЗТМ; Баухауз на Урале]. Период наиболее интенсивной деятельности Шефлера на Уралмаше (1933–1937) приходится на время жёсткой и непрерывно усиливавшейся критики любых проявлений авангардизма в архитектуре. При этом основным направлением его работы становится разработка малых архитектурных форм, внутренняя отделка помещений, проектирование мебели и пр. [Характеристика на тов. Шефлер Б. М.]. Как следствие, выходец из интеллектуального центра, задающего тенденции современной авангардной архитектуры, применяет свои практические знания в условиях отрицания самого принципа авангарда и фактически без возможности влиять на принятие значимых градостроительных решений.

На самом деле подобного рода перипетии – абсолютно естественная составляющая архитектурной практики 1930-х гг. Переплетение стилей, сочетание художественных языков, камуфлирование авангардных форм и их скрытые перевоплощения – всё это сосуществовало в едином потоке градостроительных изменений, в конечном итоге и определяя визуальный образ новых городов. В этой динамике можно пытаться проводить границы стилей, маркировать «эпохи» и «периоды», выявлять «гибридные формы». Однако вряд ли это поможет понять саму логику архитектурных изменений. Скорее наоборот: при таком подходе существует серьёзный риск не только упустить из виду важные тенденции и закономерности в развитии, но и в принципе отдалиться от реальной картины изменений. В конечном счёте значимость наследия Шефлера на Уралмаше определяется не самим фактом присутствия бренда «Баухауз», а характером вписанности в архитектурный облик соцгорода и созвучия с ним. Объяснение этого созвучия в состоянии раскрыть природу архитектурных изменений эпохи гораздо глубже, чем стремление искусственно поместить архитектурное наследие в готовые типологические и понятийные рамки.

* * *

Так сложилось, что рассмотрение советского градостроительства в отечественных исследованиях, как правило, связано с неизменным поиском некоего общего фундаментального основания, которое смогло бы объяснить все его перипетии, противоречия и неоднозначные тенденции. В роли такого основания обычно выступает либо определённый субъект (например, власть или архитектор-творец), либо некий универсальный феномен (идея, стиль, технический про-

гресс). Каждая из этих категорий позволяет по-своему упорядочить все факты, выстроить цельную картину развития градостроительства и дать объяснение ключевым закономерностям. Так, например, если в качестве определяющего фактора рассматривается власть, градостроительная практика предстаёт своего рода средством регулирования и контроля, архитекторы – выразителями властных требований, стиль – набором предписаний, а собственно архитектура – визуальным воплощением идеологии. Если же ключевой становится, допустим, художественная идея, то архитекторы превращаются в «творцов нового мира», стиль – в язык эпохи, а власть – в проводника новой идеологии. Все эти подходы имеют несомненное право на существование, поскольку затрагивают важнейшие аспекты архитектурного развития. Однако проблема заключается в том, что в большинстве случаев их претензия распространяется на глобальные исчерпывающие объяснения, при том, что взгляд на градостроительные процессы остаётся одномерным и достаточно узким.

Вместе с тем, даже общее рассмотрение условий реализации крупных градостроительных проектов 1920–1930-х гг. отчётливо даёт понять, что возведение новых архитектурных комплексов в различных регионах страны определялось целой совокупностью факторов и, по сути, складывалось из множества обстоятельств. Дело даже не в том, что сам процесс строительства был стихийным и малопредсказуемым. Важно то, что значительная часть архитектурных сооружений воздвигалась в условиях отсутствия каких бы то ни было чётких ориентиров, стандартов и образцов для подражания, что само по себе заставляет рассматривать их как своеобразный продукт времени, результат сложения многих факторов – творческой импровизации архитекторов, социальных требований и запросов, использования имеющихся ресурсов и пр.

В этом смысле, опираясь на пример соцгорода Уралмаша, логично задаться вопросом о том, какое в действительности значение несут с собой те упомянутые выше категории в применении к описанию реальных градостроительных практик в советских условиях 1920–1930-х гг. Что, например, стоит понимать под архитектурной политикой власти, когда многие её стратегии, в сущности, складывались из совокупности ситуативно принимаемых решений, а отдельные градостроительные процессы в регионах нередко и вовсе оказывались вне её фактического контроля? Насколько в контексте анализа реального градостроительного процесса оправдано использование понятия архитектурного стиля, если для самих архитекторов-проектировщиков оно, как правило, имело второстепенное значение, а в реальной архитектурной динамике растворялось в «гибридности» и «промежуточных формах»? Стоит ли по-прежнему делать столь сильный акцент на факторе авторства архитектурных сооружений, если в случае многих проектов оно оказывалось коллективным, а попытка его формальной маркировки попросту становилась условностью?

Постановка этих вопросов не предполагает отказа от упомянутых категорий, но скорее указывает на необходимость их обстоятельной критической оценки. Анализ градостроительной жизни первых двух советских десятилетий заставляет каждый раз складывать все эти факторы в новом порядке с тем, чтобы избежать появления упрощённых моделей и объяснений. Кроме того, такой подход даёт понять, что социальность или социальный контекст, которые нередко используются в объяснениях архитектурных изменений в качестве фигур речи, представляют собой не просто исторический фон, а как раз и являются тем материалом, из которого формировалась архитектура советского авангарда.

Список литературы

Акт XVII : Жилищное строительство // Сборник актов и заключений правительственной комиссии по приёме УЗТМ : Апрель-май 1933 г. Свердловск : Изд. УЗТМ, 1933.

Анфимов В. Н. Соцгород Уральского завода тяжёлого машиностроения. 1929–1975 гг. Свердловск – Уралмаш. 1979—1984 : [рукопись] // Фонд Музея истории Уралмашзавода. Машинопись. 144 л.

Анфимов В. Н. Истории строительства улиц, некоторых сооружений и событий в соцгороде Уралмашзавода. 1929–1975 гг. : [рукопись] // Фонд Музея истории Уралмашзавода. Машинопись, 1984 г.

Басс В. Г. Страна победившего маньеризма // Архитектура сталинской эпохи : Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М. : КомКнига, 2010. С. 100–111.

Баухауз на Урале : Сохранение наследия : материалы междунар. науч. семинара, Екатеринбург, 22–24 авг. 2008 г. / науч. ред. Л. И. Токменинова. Екатеринбург : Веб-стер, 2010. 154 с.

Воспоминания Моисея Рейшера : [рукопись] / Музей истории Уралмашзавода. [Фонд воспоминаний]. Б. г.

Екатеринбург : История города в архитектуре. Екатеринбург : Сократ, 2008. 260 с.
Ильченко М. С. Советские архитекторы и институты власти в 1930–1950-х годах: стратегии взаимодействия // Вестн. Перм. ун-та. Сер. История. 2013. № 2 (22). С. 87–96.

Маллер С. Дом-пила // За тяжёлое машиностроение. 1982. 16 июня.

Меерович М. Г. Фордизм и постфордизм. Альберт Кан и Эрнст Май : США и Германия в борьбе за советскую индустриализацию // Постфордизм: концепции, институты, практики / под ред. М. С. Ильченко, В. С. Мартыянова. М. : Политич. энцикл., 2015. С. 171–222.

Меерович М. Г., Коньшева Е. В., Хмельницкий Д. С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М. : РОССПЭН, 2011. 270 с.

Оранский П. В. Архитектурная практика Уралмаша // Опыт стройки. 1937. № 6. С. 24–25.

Первая конференция общества современных архитекторов в Москве : информ. докл. делегатов с мест // Современная архитектура. 1928. № 4. С. 120–122.

Рейшер М. В. Жизнь, посвящённая городу // Стройкомплекс Среднего Урала. 2001–2002. Дек.-январь.

С чего он начинался // За тяжёлое машиностроение. 1974. 22 октября.

Сведения из документов личного дела ОК УЗТМ. Шефлер Б. М. // Архив Музея истории Уралмашзавода.

Толоконцев А. Ф. Детище пятилетки // Уральский завод тяжёлого машиностроения : 1928–1933. Свердловск : Урал. обл. гос. изд-во, 1933.

УЗТМ – Соцгород! // УЗТМ : произв.-технич. журн. Урал. завода тяжёлого машиностроения. 1933. № 3. Июль-авг. С. 17–21.

Уральский завод тяжёлого машиностроения : 1928–1933. Свердловск : Урал. обл. гос. изд-во, 1933.

Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект). Ленинград : Изд. Гос. ин-та по проектированию новых металлзаводов, 1928. 236 с.

Хан-Магомедов С. О. Илья Голосов. М. : Архитектура-С, 2007. 104 с.

Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм – концепция формообразования. М. : Стройиздат, 2003. 576 с.

Характеристика на тов. Шефлер Б. М. от 19.09.1939 // Архив Музея истории Урал-машзавода.

Яковлева Г. Н. Творчество советских архитекторов предвоенного времени и власть // Архитектура сталинской эпохи : Опыт исторического осмысления / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М. : КомКнига, 2010а. С. 25–30.

Яковлева Г. Н. Три проекта перепланировки Москвы (1918–1925) // Советское градостроительство 1920–1930-х годов : Новые исследования и материалы / сост. и отв. ред. Ю. Л. Косенкова. М. : ЛИБРОКОМ, 2010б. С. 44–70.

References

Akt XVII : *Zhilishchnoe stroitel'stvo* [Housebuilding]. (1933). In *Sbornik aktov i zaklyucheny pravitel'stvennoy komissii po priemke UZTM*. Apr. – may 1933 g. 223 p. Sverdlovsk, Izdanie UZTM.

Anfimov, V. N. (1979–1984). *Sotsgorod Ural'skogo zavoda tyazhelogo mashinostroeniya. 1929–1975 gg.* [Social City of the Ural Heavy Machine Building Plant]. Part 1. (Rukopis' iz fonda Muzeya istorii Uralmashzavoda). 144 leafs. Sverdlovsk, Uralmash.

Anfimov, V. N. (1984). *Istorii stroitel'stva ulits, nekotorykh sooruzheniy i sobyty v sotsgorode Uralmashzavoda. 1929–1975 gg.* [The History of Construction of Some Streets, Buildings and Events in the Socialist City of the Ural Heavy Machine Building Plant]. Part 2. (Rukopis' iz fonda Muzeya istorii Uralmashzavoda). Sverdlovsk, Uralmash.

Bass, V. G. (2010). *Strana pobedivshego man'erizma* [The Country of Victorious Manierism]. In Kosenkova, Yu. L. (Comp., Ed.). *Arkhitektura stalinskoy epokhi : Opyt istoricheskogo osmysleniya* (pp. 100–111). Moscow, KomKniga.

Ekaterinburg : Istoriya goroda v arkhitekture [Yekaterinburg: The History of the City in the Architecture]. (2008). 260 p. Yekaterinburg, Sokrat.

Il'chenko, M. S. (2013). *Sovetskie arkhitektory i instituty vlasti v 1930–1950-kh godakh: strategii vzaimodeystviya* [Soviet Architects and Power Institutions in the 1930s–1950s: Strategies of Interaction]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya*, 2 (22), pp. 87–96.

Khan-Magomedov, S. O. (2007). *Il'ya Golosov* [Ilya Golosov]. 104 p. Moscow, Arkhitektura-S.

Khan-Magomedov, S. O. (2003). *Konstruktivizm – kontseptsiya formoobrazovaniya* [Constructivism – The Concept of the Formation]. 576 p. Moscow, Stroyizdat.

Kharakteristika na tov. Shefler B. M. ot 19.09.1939 [Characteristics of com. Shefler B. M.]. In *Arkhiv muzeya Istorii Uralmashzavoda*.

Maller, S. (1982). *Dom-pila* [Saw-House]. In *Za tyazheloe mashinostroenie*, June 16, p. 4.

Meerovich, M. G. (2015). *Fordizm i postfordizm. Al'bert Kan i Ernst May : SShA i Germaniya v bor'be za sovetskuyu industrializatsiyu* [Fordism and Post-Fordism. Albert Kan and Ernst May: USA and Germany in the Struggle for Soviet Industrialization]. In Il'chenko, M. S. & Mart'yanov, V. S. (Eds.). *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* (pp. 171–222). Moscow, Politicheskaya entsiklopediya.

Meerovich, M. G., Konysheva E. V. & Khmel'niitskiy, D. S. (2011). *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR (1928–1932 gg.)* [The Cemetery of Socialist Cities: Urban Planning Policy in the USSR (1928–1932)]. 270 p. Moscow, ROSSPEN.

Oransky, P. V. (1937). *Arkhitekturnaya praktika Uralmasha* [Architectural Practice of the Uralmash]. In *Opyt stroyki*, 6, pp. 24–25.

Pervaya konferentsiya obshchestva sovremennykh arkhitektorov v Moskve : informatsionnye doklady delegatov s mest [The First Conference of the Organization of Contemporary Architects. Information Reports of the Delegates from the Regions]. (1928). In *Sovremennaya arkhitektura*, 4, pp. 120–122.

Reysner, M. V. (2001–2002). *Zhizn', posvyashchennaya gorodu* [A Life Devoted to the City]. In *Stroykompleks Srednego Urala*, Dec.–Jan.

S chego on nachinalsya [What It Began From]. (1974). In *Za tyazheloe mashinostroenie*, Oct. 22.

Svedeniya iz dokumentov lichnogo dela OK UZTM. Shefler B. M. [Information from the Documents of the Personal Data File. Shefler B.M.]. In *Arkhiv muzeya Istorii Uralmashzavoda*.

Tokmeninova, L. I. (Ed.). (2010). *Baukhauz na Urale : Sokhranenie naslediya : materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara, Ekaterinburg, 22–24 avgusta 2008 g.* [Bauhaus in the Urals. Preservation of the Heritage: Materials of the International Research Seminar]. 154 p. Yekaterinburg, Vebster.

Tolokontsev, A. F. (1933). *Detishche pyatiletki* [Brainchild of the Five-Year Plan Period]. In *Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya : 1928–1933*. Sverdlovsk, Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Ural'sky mashinostroitel'nyy zavod v Sverdlovsk (proekt) [The Ural Heavy Machine Building Plant in Sverdlovsk]. (1928). 236 p. Leningrad, Izdanie Gosudarstvennogo instituta po proektirovaniyu novykh metallozavodov.

Ural'sky zavod tyazhelogo mashinostroeniya : 1928–1933 [The Ural Heavy Machine Building Plant]. (1933). 170 p. Sverdlovsk, Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo.

UZTM – Sotsgorod! [The Ural Heavy Machine Building Plant is a Socialist City!]. (1933). In *UZTM : proizvodstvenno-tekhnichesky zhurnal Ural'skogo zavoda tyazhelogo mashinostroeniya*, 3, July–Aug., pp. 17–21.

Vospominaniya Moiseya Reyshera [rukopis'-tetrad'] [Memoirs of Moisey Reischer]. (n. d.). In *Fond vospominany Muzeya istorii Uralmashzavoda*.

Yakovleva, G. N. (2010). *Tri projekta pereplanirovki Moskvy (1918–1925)* [Three Projects of Replanning Moscow (1918–1925)]. In Kosenkova, Yu. L. (Comp., Ed.). *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-kh godov : Nove issledovaniya i materialy* (pp. 44–70). Moscow, LIBROKOM.

Yakovleva, G. N. (2010). *Tvorchestvo sovetских arkhitektorov predvoennogo vremeni i vlast'* [Creativity of the Soviet Architects in the Pre-War Era and Power]. In Kosenkova, Yu. L. (Comp., Ed.). *Arkhitektura stalinskoy epokhi : Opyt istoricheskogo osmysleniya* (pp. 25–30). Moscow, KomKniga.

The article was submitted on 15.02.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.176

УДК 711.41+72.038.11+725.1(470.315)

**ОТ «КРАСНОГО МАНЧЕСТЕРА» К «КРАСНОМУ
ДИСНЕЙЛЕНДУ»: КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ
АРХИТЕКТУРА И СТРАТЕГИИ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ
ГОРОДА ИВАНОВО**

Михаил Тимофеев

Ивановский государственный университет,
Иваново, Россия

**FROM 'RED MANCHESTER' TO 'RED DISNEYLAND':
CONSTRUCTIVIST ARCHITECTURE AND THE
REPRESENTATION OF IVANOVО***

Mikhail Timofeev

Ivanovo State University,
Ivanovo, Russia

The author studies the role of constructivist architecture in the cultural and historical heritage of the city of Ivanovo (known as Ivanovo-Voznesensk before 1932). Due to its becoming a large textiles center by the turn of the 20th century, the city transformed into the center of a new governorate in 1918 and the center of a major industrial region in 1929. As its population was rapidly growing, certain housing issues needed to be addressed and the new administrative status of the city implied the development of a proper infrastructure. This determined the formation of Ivanovo-Voznesensk as a model socialist city of pioneer architectural and engineering solutions. There appeared work settlements that realized the idea of a 'garden city', and in the second half of the 1920s – early 1930s, a few constructivist buildings designed by Moscow, Leningrad and local architects were built. During the 1950s, some of them were remodeled, and later

* *Citation:* Timofeev, M. (2016). From 'Red Manchester' to 'Red Disneyland': Constructivist Architecture and the Representation of Ivanovo. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 72–92. DOI 10.15826/qr.2016.3.176.

Цитирование: Тимофеев М. From 'Red Manchester' to 'Red Disneyland': Constructivist Architecture and the Representation of Ivanovo // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 72–92. DOI 10.15826/qr.2016.3.176 / Тимофеев М. От «красного Манчестера» к «красному Диснейленду»: конструктивистская архитектура и стратегии позиционирования города Иваново // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 72–92. DOI 10.15826/qr.2016.3.176.

on in the 1970s two unique buildings were demolished. Until the late 1990s, the architectural heritage of the 1920s – 1930s had not been regarded as an important part of the cultural heritage of the city. It was only as late as the 21st century that the value of the avant-garde heritage (whose part is the remaining constructivist ensemble of the city) was recognized by means of the activity of the Ivanovo Fine Arts Museum and the Museum of Industry and Arts. At present, more and more emphasis is put on the use of early Soviet culture in representation practices both by the media and administrative structures, controlling the work with the cultural heritage. According to the author, the fact that Ivanovo was at different stages of Soviet history represented as a ‘red Manchester’, the ‘homeland for the first Soviet’, and the ‘third proletarian capital’ makes it possible to use the architecture of the city as a unique symbolic asset in the project of ‘red tourism’.

Keywords: constructivism; avant-garde architecture; history of 20th–21st centuries Russia; cultural heritage; policy of memory; city of Ivanovo.

Рассматривается роль конструктивистской архитектуры в культурно-историческом наследии города Иваново (до 1932 г. – Иваново-Вознесенска). Будучи к рубежу XIX–XX вв. крупным текстильным центром, город стал в 1918 г. центром новой губернии, а в 1929 г. – центром крупной промышленной области. Стремительный рост численности населения требовал эффективного решения жилищных проблем, а новый административный статус города предполагал создание соответствующей инфраструктуры. Это определило активное использование Иваново-Вознесенска как образцового социалистического города передовых архитектурных и инженерных идей. В городе были созданы рабочие поселки, реализовавшие идею «города-сада», а во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. по проектам московских, ленинградских и местных архитекторов был возведен ряд объектов в стиле конструктивизма. В 1950-х гг. некоторые из них были реконструированы, а в 1970-е два уникальных объекта были уничтожены. Вплоть до конца 1990-х гг. архитектурное наследие 1920–1930-х гг. не рассматривалось как важная часть культурного наследия города в различных репрезентационных практиках. Только с начала XXI в. в рамках выставочной деятельности Ивановского художественного музея и Музея промышленности и искусства актуализируется ценность авангардного наследия, частью которого являются сохранившиеся ансамбли конструктивистской застройки. В настоящее время перспективность использования раннесоветской культуры в репрезентационных практиках находит все больше и больше понимания в СМИ и административных учреждениях, курирующих работу с культурным наследием. По мнению автора, позиционирование Иваново на разных этапах советской истории как «красного Манчестера», «родины первого Совета», «третьей пролетарской столицы» дает уникальную возможность для использования этого символического капитала в рамках «красного туризма».

Ключевые слова: конструктивизм; архитектура авангарда; история России XX—XXI вв.; культурное наследие; политика памяти; город Иваново.

В статье мы ставили своей целью рассмотрение проблемы значимости конструктивистской архитектуры города Иваново (в 1871–1932 гг. – Иваново-Вознесенска) 20–30-х гг. XX в. как культурного ресурса для политик памяти и для репрезентации города, в котором на протяжении первых десятилетий советской власти в значительной степени были реализованы планы создания новой городской среды.

Историческая специфичность Иваново связана с рядом факторов. Во-первых, это претензии местных партийных руководителей на особое место в иерархии советских городов, позиционирование его в 1920-е гг. как «третьей пролетарской столицы». Во-вторых, это комплексное формирование новой городской среды, включавшее создание множества архитектурных объектов различного назначения – от жилых зданий и социальной инфраструктуры до крупных промышленных предприятий. В-третьих, архитектурные эксперименты того времени вступали в этом городе в конфликт с дореволюционной застройкой, а изменения в архитектурной политике с 1925 по 1940 г. в значительной степени отразились на реализованных в городе проектах, что при доминировании строений в стиле конструктивизма позволяет обнаружить в городе локусы, сформировавшиеся в рамках иных архитектурных течений.

Если принимать во внимание количественный критерий, то архитектурное наследие конструктивизма сконцентрировано в современной России главным образом в пяти городах – Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Иваново¹ и Новосибирске, хотя уникальные образцы есть и в ряде других городов.

В настоящее время нельзя утверждать, что раннесоветская архитектура априори обладает особой ценностью и привлекает к себе повышенный интерес. Как отметил ещё несколько лет назад В. Басс, «общественный климат наших дней вряд ли располагает к ностальгии по конструктивизму – куда естественнее было бы ожидать новой моды на государственный классицизм, на Академию» [Басс, с. 423]. Можно с уверенностью говорить о том, что идентификация конструктивистской/функционалистской архитектуры затруднена для всех, кто не являются специалистами в сфере истории архитектуры. Понимание профессионалов, что конструктивизм ещё «выстрелит», даёт повод включать его в число значимых стилей и видеть в нём потенциал для выстраивания различных вариантов политики культурной памяти [Дубейковский; Смирнов; Тимофеев, 20146].

В ряде случаев оправданным является позиционирование раннесоветской архитектуры в контексте советской архитектуры в целом [Бутковская, Чернякова] или включение темы советского зодчества в более широкую региональную проблематику, связанную, например, с темой первых пятилеток, индустриализации и т. п. [Анфёрова; Кропотов, Литовская]. Предлагаемая мной модель предполагает исполь-

¹ В Иваново из более чем 50 объектов конструктивистского наследия 11 полностью или частично рестроены и два утрачены.

зование архитектурного наследия как важного структурного компонента концепта города и Иваново как «родины первого Совета», как «самого советского города» [Тимофеев, 2016б].

«Эпоха великих работ»

Город Иваново-Вознесенск был образован в 1871 г. в результате объединения промышленного села Иваново и Вознесенского посада, находившихся на противоположных берегах реки Уводи. Город достаточно быстро развивался: на рубеже XIX–XX вв. его население стремительно росло (в 1890 г. — 40 тыс., в 1913 г. — 147 тыс.). Однако «за исключением фабричных цехов и спальных корпусов при них, в городе имелось совсем немного каменных зданий; в основном это были церкви. К 1920 г. жилой фонд Иваново-Вознесенска более чем на 90 % состоял из бревенчатых изб, не намного превосходивших по уровню комфорта своих деревенских сестёр. <...> Первые многоэтажные “машины для жилья” будут построены в Иваново только во второй половине 1920-х годов» [Степанов].

Ещё в 1925 г. на страницах альбома «Красный Манчестер» Иваново-Вознесенск имеет вполне дореволюционный облик [Красный Манчестер]. Достижения советской власти сводились к созданию водопровода, канализации, автобусного сообщения, увеличению сети электроосвещения и началу строительства Первого образцового рабочего посёлка имени В. И. Ленина на 8 тыс. жителей. В том же году в бывшем фабричном общежитии была открыта первая в СССР фабрика-кухня. Масштабы изменений в Иваново широко рекламировались, вызвав к жизни стихи Маяковского:

Десять лет – и Москва, и Иваново
И чинились, и строили наново.
В одном Иваново – триста домов!

Из тысяч квартир гирлянды дымов [Маяковский, с. 51].

Так писал в 1928 г. В. Маяковский, создавая образ социалистического города. Жилищную проблему в середине 1920-х пытались решить с помощью рабочих жилищно-строительных кооперативных товариществ (РЖСКТ) и малоквартирной застройки. В 1924 г. началось строительство указанного выше Первого рабочего посёлка, воплощавшего концепцию города-сада. До 1928 г. было построено 144 внешне напоминавших коттеджи двухэтажных фахверковых дома на 2, 4, 8 и 10 квартир. В центре города, у железнодорожного вокзала, в 1925 г. началось создание Второго рабочего посёлка, состоявшего из двухэтажных шестиквартирных домов традиционной конструкции (первый этаж был кирпичным, а второй деревянным), а на окраинах города появились дома строительных кооперативных товари-

ществ «Свет и воздух», «Объединение», «Красный химик». Однако уже в начале второй половины 1920-х гг. жилищный вопрос в стремительно растущем Иваново-Вознесенске пришлось решать путём возведения многоквартирных домов, что и послужило стартом для массивированного конструктивистского строительства.

Полигоном для архитектурных экспериментов 20–30-х гг. XX в. Иваново-Вознесенск стал благодаря своей безукоризненной пролетарской и революционной репутации, которая способствовала головокругительному административному росту при интенсивном развитии текстильного производства. Еще в 1918 г. в этом заштатном городе была создана комиссия по организации Иваново-Вознесенской губернии, которую возглавил М. В. Фрунзе, а летом того же года Совнарком РСФСР закрепил за Иваново-Вознесенском статус центра новой «красной» губернии. В 1929 г. динамично развивающаяся текстильная столица СССР (население города выросло с 52 тыс. в 1920 г. до 130 тыс. в 1926 г.) становится столицей Ивановской промышленной области, объединившей Владимирскую, Иваново-Вознесенскую, Костромскую, Ярославскую и часть Нижегородской губернии. В 1936 г. область расформируют; таким образом, основные изменения в облике города произошли чуть более чем за десять лет.

Пафос преобразования, характерный для раннесоветских нарративов, являясь неотъемлемой частью идеологии авангарда, придаёт процессу осмысления архитектурного наследия тех лет столь необходимую многомерность. К примеру, в пропагандистской книге теоретика архитектуры Л. М. Сабсовича «Советский Союз через 15 лет» (1929) имелся раздел под названием «Эпоха великих работ и проблема создания нового человека» [См. об этом: Хмельницкий]. Эпиграфом к другой своей книге «Социалистические города» (1930) Сабсович сделал фрагмент из работы Ленина «Детская болезнь “левизны” в коммунизме»:

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и не из специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализмом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьёзен, что о нем не стоит и говорить [Сабсович, с. 5].

Это было время безудержных по степени фантастичности архитектурных проектов, в значительной своей части оставшихся лишь на бумаге. Строительство нового мира предполагалось вести с размахом. Пик споров о том, каким быть социалистическому городу, пришёлся в СССР на 1929–1930 гг. На старте первой пятилетки дома-коммуны оказались – пускай на короткое время – в тренде [Хан-Магомедов, гл. 3]; разработка типового проекта велась в секции типизации Стройкома РСФСР [Барц, Владимиров]. Ивановская власть активно включилась в процесс обсуждения новаторского жилищного строительства.

Так, М. З. Мануильский, долгое время работавший главным редактором областной газеты «Рабочий край», в феврале 1930 г. опубликовал в этой газете две заметки под характерными названиями «Надо строить дома-коммуны» и «Социалистический город – не фантазия» [Мануильский, 1930а; 1930б]. Он указывал на отставание Иваново-Вознесенска от таких лидеров социалистического строительства нового быта, как Сталинград, Магнитогорск, Запорожье, Нижний Новгород:

К сожалению, у нас ещё много есть людей, которых нужно убеждать, что проекты постройки социалистического города – не досужие мечты, что эти проекты воплотятся в жизнь в ближайшие годы. <...> Доходящие до нас сведения о том, что в ряде мест СССР разрабатываются планы социалистических городов, воспринимаются некоторыми товарищами так: да, будет построен социалистический город, состоящий из таких же домов, какие строим мы в Иваново. В нем будут ясли, детсады, школы, столовые, клубы, театры, такие же, как проектируются у нас. Ничего нового в этом нет. Нет, не так. Нового очень много. <...> Именно дома-коммуны с общественным питанием общественным воспитанием детей, а не теперешние дома с индивидуальными квартирами и кухнями являются теми ячейками, из которых будет состоять новый город [Мануильский, 1930а].

Тезис «Сначала постройте самый коллектив, а уже потом, поглядев на этот коллектив, мы будем строить дом» [В-ин], гневно обличался одним из авторов «Рабочего края». Впрочем, критической оценке подвергались не только попытки отказа от создания нового быта, но и саботаж при строительстве и злоупотребления при эксплуатации нового жилья [Завьялов].

Однако уже 16 мая 1930 г. в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» осуждению подверглись «крайне необоснованные, полуфантастические, а поэтому чрезвычайно вредные попытки отдельных товарищей... “одним прыжком” перескочить через... преграды на пути к социалистическому переустройству быта» [См.: Хан-Магомедов]. Анонсированный в «Рабочем крае» летом 1930 г. дом-коммуна во Втором рабочем посёлке, постройка которого должна была завершиться к 1 сентября 1931 г. [Дома-коммуны], не был даже заложен. А 2 июля 1931 г. на страницах газеты в последний раз прозвучал призыв к постройке дома-коммуны [В. Г.].

Иваново-вознесенский случай формирования новой среды обитания и нового человека следует рассматривать в широком контексте, с учётом чаяний местного руководства и местных революционеров, занимавших в первые два послереволюционных десятилетия высокие партийные и государственные посты, настаивавших на избранности города в строительстве социализма. Именно утопичность высоких замыслов, с одной стороны, и приземлённость повседневности, с другой, формируют особую атмосферу той эпохи. По словам литературоведа Л. Н. Таганова, «многим ивановцам-патриотам верилось тогда, что начинается строи-

тельство совершенно небывалого города. В сентябре-октябре 1925 года в “Рабочем крае” был опубликован роман Вл. Федорова “Чудо грешного Питирима”. Здесь нарисовано Иваново 2025 года, где воплощены в реальность самые смелые архитектурные идеи. Кубические формы домов, над которыми кружатся аэробусы, аэромотоциклетки. Подвесная железная дорога. <...> Причем это город, где во всем дает о себе знать идеология победившего пролетариата. Она и в воздвигнутом на Талке мощном сооружении, стремительно бегущем винтом вверх и заканчивающемся фигурой Ф. Афанасьева. На памятнике сооружен радиосулитель, из которого звучит такой, например, текст: “В день столетия расстрела на Талке в Иваново-Вознесенске открывается сессия Центрального исполнительного комитета. Будут обсуждаться условия западного полушария”. Город, таким образом, становится опорой коммунистического мира, и об этом, между прочим, свидетельствует функционирующая здесь станция космических “лучей смерти”, действие которой направлено против “лагеря мирового капитализма”» [Таганов, с. 109]. Именно миф советского первородства, столкнувшийся с косностью большей части новоявленных пролетариев, делает историю преобразования Иваново-Вознесенска из города-фабрики в город-мечту отличной от иных, во многом аналогичных, но обладающих иной мифологией градостроительных историй раннего Советского Союза [Ефремова].

Четвертая конструктивистская столица?

Основополагающим для признания значимости архитектурного наследия является не только количество памятников и их масштаб, но и их расположение в городском ландшафте. Основная масса конструктивистской архитектуры в Иваново расположена в районе площади Революции и на начинающихся от неё проспектах, во многом определяя центральные локусы ландшафта города.

Немецкий инженер Р. Эрбе, участвовавший с 1931 по 1933 г. в качестве консультанта в строительстве цирка, кинотеатра «Центросоюза», стадиона «Динамо» и школы-интерната имени Е. Д. Стасовой, писал своей жене:

Первое впечатление от Иванова, что оно находится на сказочном подъеме, что-то вроде одной единой стройплощадки. Рядом с жалкими лачугами, которые скоро должны исчезнуть, вырастают многоэтажные дома. Но прежде всего построены фабрики. Здесь все связано с текстильной промышленностью [Иваново-Вознесенск в письмах...].

Наиболее интересными примерами индустриальной архитектуры города Иваново тех лет можно считать прядильный корпус фабрики «Красная Талка» (арх. Б. В. Гладков, И. С. Николаев, 1927) и фабрику имени Ф. Э. Дзержинского (арх. А. А. Стаборовский, инженер

Н. В. Рудницкий, 1929). Конструктивистские черты фабричных корпусов в полной мере сохранены и сегодня, несмотря на то, что функциональное назначение этих зданий изменилось.

Однако самые неординарные памятники ивановского конструктивизма представлены в жилом фонде. Наиболее известны находящиеся в центре «дома-метафоры» — «дом-корабль» (арх. Д. Ф. Фридман, 1929–1930) и «дом-подкова» (1933–1934 гг., арх. А. И. Панов), а также «четырёхсотый», или 400-квартирный, как называют Дом коллектива в Первом рабочем посёлке (арх. И. А. Голосов, 1929–1931), хотя на самом деле в нём всего 362 квартиры. Это самый масштабный проект конструктивистской застройки Иваново-Вознесенска. Жилкомплекс включал ясли, детский сад, столовую, прачечную, зал собраний и планировался как дом-коммуна на тысячу человек, но уже в ходе строительства был перепрофилирован.

Масштабные урбанистические замыслы рушились по мере того, как форсированная индустриализация все в большей степени обнажала проблему дефицита ресурсов. Грандиозный замысел реконструкции центра Иваново так и не был претворён в жизнь из-за смены политической конъюнктуры в 1936 г., когда город перестал быть центром громадной Ивановской промышленной области, а местные партийные руководители попали под каток политических репрессий. Тем не менее, в городе был реализован целый ряд общественных зданий «столичного» статуса. Это единственный в стране конструктивистский железнодорожный вокзал (арх. В. М. Каверинский, 1933), здание Ивсельбанка (арх. В. А. Веснин, 1928), гостиница «Центральная», построенная, впрочем, как общежитие ивановского горсовета (арх. Д. В. Разов, 1930) и, конечно же, уникальные корпуса Иваново-Вознесенского политехнического института, выполненные в стиле «красной дорики» (арх. И. А. Фомин, 1928–1937). Впрочем, из трёх спроектированных корпусов Дома Советов (арх. В. М. Гальперин, 1935) на площади Революции был возведен лишь не очень презентабельный южный. В ходе обсуждения завершения долгостроя один из авторов блока статей «Дом Советов в Иваново» в журнале «Ивановская область» отметил, что «новые предложения автора неизбежно ассоциировались со старыми конструктивистскими формами...» [Барыкин, с. 126].

Переоценка конструктивистского наследия на региональном уровне отразилась, в частности, в том, что некоторые из общественных зданий утратили в 1950-х гг. свой оригинальный облик. Среди них – фабрика-кухня «Нарпит № 2» (арх. А. А. Журавлёв, 1933), Дом инженерно-технических работников (арх. В. А. Веснин, 1929), Центральный почтамт (арх. Г. С. Гурьев-Гуревич, 1931) и бывший кинотеатр «Центральный» (арх. Е. Ю. Брокман, В. М. Воинов, 1929–1931). Изменил свой внешний вид после реконструкций 1965 и 1987 г. и Ивановский Большой драматический театр (арх. А. В. Власов, 1932–1939), одно из трёх крупнейших театральных зданий страны,

выдержанных в постконструктивистском стиле, наряду с Новосибирским театром оперы и балета и Ростовским академическим театром драмы имени М. Горького.

Пафос авангардистского переустройства старого мира никак не вписывается в логику сохранения какого-либо исторического наследия, и не в последнюю очередь конструктивистского, ибо его создание осуществлялось в буквальном смысле на руинах. В 1919 г. К. Малевич в «Декларации У-элистов» предлагал каждые десять лет сносить города и строить их заново [Малевич]. В Иваново-Вознесенске, как, впрочем, и в других советских городах, в основном сносили церковные сооружения: шесть конструктивистских построек в городе стоят на месте уничтоженных храмовых комплексов [Личак; Тихомиров, 1996]. В конце 1980-х и в середине 2000-х гг. возникали идеи восстановления соборов на площади Революции, которые городские власти отклонили. Хотя в современной России проблема декоммунизации и «преодоления советского прошлого» не стоит остро, борьба советского с досоветским в политиках памяти продолжается в городе вплоть до настоящего времени [Малинова].

Так, в декабре 2010 г. улица Боевиков была переименована в улицу Якова Гарелина — местного фабриканта, одного из инициаторов создания города. В следующем 2011 г. стала «Вознесенской» гостиница «Советская», а осенью 2012 г. было принято решение об изменении названия проспекта Фридриха Энгельса, который отныне стал Шереметевским в честь бывших владельцев села Иваново.

Современный исследователь М. С. Ильченко отмечает, что «риторика “культурного наследия” стала наиболее общеупотребительной формой разговора об авангардной архитектуре в российском публичном пространстве, предлагая доступную и понятную логику рассуждений и общей постановки целей. Если объект представляет собой культурную/историческую/художественную или какую-либо иную ценность, то основной задачей является ее обоснование и закрепление за этим объектом соответствующего статуса, т. е. признание его “наследием”, требующим обязательной защиты. В такой логике все авангардные сооружения как относимые к определенной эпохе и архитектурному стилю являются потенциальными “памятниками”, главное при этом – выбор самой стратегии достижения такого статуса: в какие “списки” и “реестры” их вносить, какие доводы и аргументы при этом использовать и т. д.» [Ильченко, с. 59].

В конце 1974 г. здание Ивсельбанка (арх. В. А. Веснин), жилой комплекс на 400 квартир (Дом коллектива) (арх. И. А. Голосов), фабрика им. Ф. Э. Дзержинского и прядильный корпус фабрики «Красная Талка», а также здания комплекса Иваново-Вознесенского политехнического института были включены в список памятников культуры, подлежащих охране как памятники государственного значения [О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров...]. Согласно этому постановлению Совмина РСФСР, памят-

никами также стали более 40 конструктивистских зданий и сооружений Свердловска и несколько санаториев в районе Сочи. В 1986 г. решением Ивановского облисполкома под охрану был взят жилой дом-«Подкова», а в 1986 г. – «дом специалистов» на 100 квартир на улице Калинина, 102-квартирный жилой дом Горсовета, здание туберкулезного диспансера и школа имени 10-летия Октября. Наконец, уже в постсоветское время в соответствии с указом Президента РФ от 20 февраля 1995 г. охранный статус получил «дом-корабль».

Казалось бы, архитектура 1920–1930-х гг. обрела особое значение, и руководители на местах должны были поощрять выявление новых объектов и ставить их под охрану. Однако в Иваново, несмотря на протесты историков и краеведов, уже в 1975 г. первый секретарь Ивановского обкома КПСС В. Г. Ключев принял решение о сносе уникального деревянного цирка (арх. С. А. Минофьев, инженер Б. В. Лопатин, 1931—1933). А в 1988 г. для строительства новых корпусов был уничтожен принадлежащий Международному комитету Красного Креста комплекс интернационального детского дома МОПРа имени Е. Д. Стасовой (арх. Н. И. Порхунев, 1931–1933). Из-за бюрократических проволочек с принятием решения по восстановлению на грани исчезновения находится «дом-пуля» – бывшее здание ОГПУ-НКВД-КГБ-ФСБ, выгоревшее в результате пожара в 2008 г., – причудливый симбиоз конструктивизма и «красной дорики» (арх. Н. И. Кадников, 1932). В то же время решение о восстановлении полностью сгоревшей 18 ноября 2015 г. деревянной Успенской церкви было принято региональными властями в течение двух дней.

Насколько можно судить по современному состоянию ряда обладающих высокой степенью охраны зданий, у активистов и занимающихся охраной памятников государственных структур ресурсов недостаточно даже для сохранения внешнего облика этих объектов. Так, в 1990-е гг. к Ивсельбанку были пристроены новые помещения областного филиала Центробанка, окна и балконы «дома-корабля» оформляются в соответствии с финансовыми возможностями и вкусами владельцев квартир, а Дом коллектива и вовсе оказался доведён до аварийного состояния...

Таким образом, наличие охранного статуса памятников конструктивизма мало влияет на степень их реальной сохранности. Следует также признать, что сохранение всех объектов советского конструктивизма не только в масштабе страны, но даже в городах, которые можно считать музеями конструктивизма под открытым небом, практически невозможно.

«Красный рубин» на Золотом кольце

Пока в Иваново конструктивистское наследие инвентаризировано лишь в контексте всего архитектурного наследия города [См.: Свод; Тихомиров, 1996]. Попытки выделить этот сегмент городской среды

как самоценный и существенно ценный для его репрезентаций многочисленны [См.: Тимофеев, 2015; Шахнов; Шахнов, Сапрыкина]. Признание значимости этого архитектурного направления для города долгое время шло в значительной степени со стороны. Так, в 2008 г. автор буклета «Из Суздаля в Плёт» Ю. П. Камышников назвал Иваново не больше и не меньше – «столицей конструктивизма»! Этот путеводитель был создан и издан по инициативе бывшего уральского предпринимателя А. В. Шевцова, начавшего в это время вкладывать крупные средства в восстановление Плёса. По его словам, в результате выявления самого интересного и неизбитого на маршруте Суздаль – Плёс, в наименее изученной части Золотого Кольца, и была предложена такая атрибуция Иваново.

Степень включения архитектурной среды в политики памяти, как правило, трудно установить. Наборы и выпускавшиеся отдельно открытки с видами города не следует считать достаточно репрезентативным источником для выявления сколь-либо концептуальных предпочтений в выборе объектов для представления города. Парадигма обычно включала следующие основания: памятники, гостиницы, вокзал, вузы, промышленные предприятия, новостройки и т. д. Как можно судить по информации, имеющейся в книге В. Барсукова, многие конструктивистские здания с 1929 по 1967 г. регулярно попадали на открытки с видами города. Очевидно, причиной этого первоначально была новизна построек, так как репрезентации обычно строились исходя из достижений последних лет. В дальнейшем визуальное представительство конструктивизма в образах Иваново сохранялось благодаря тому, что построенные в этом стиле здания имели особое значение в структуре репрезентаций. Правда, в ряде случаев это всё же были сооружения, потерявшие свой первоначальный облик (главпочтамт или кинотеатр «Центральный»), а также такие сооружения 1930-х гг., которые в наибольшей степени отвечали эстетике послевоенного строительства – например, драматический театр и комплекс зданий политехнического института (текстильный и химико-технологический институты, научная библиотека). В 1970–1980-е гг. представительство аутентичных строений в формах конструктивизма неравномерно и, вероятно, связано с особенностями восприятия города фотографиями и составителями.

Так, в комплекте 1971 г., выпущенном издательством «Планета» в серии «Города СССР», присутствует фотография Дома ударников (арх. С. Н. Грузенберг) с только что построенной гостиницей «Советская» на заднем плане. В наборе 1987 г. из серии «По городам Российской Федерации» здание этой гостиницы уже вынесено на обложку, а из конструктивистского наследия представлен только вид с воздуха на гостиницу «Центральная», обозначенный, впрочем, как «перекрёсток проспекта Ф. Энгельса и улицы 10 Августа». В аналогичном комплекте 1980 г. конструктивистские здания вообще отсутствуют,

но зато на двух открытках имеется вид с воздуха на часть ансамбля политехнического института.

Путеводители по городу в кратких исторических очерках, предвещающих информационную часть, также не акцентировали внимание на специфической архитектурной среде, появившейся в 1920–1930-е гг. [Город Иваново; Приходько, Глебов]. Так, в одном из последних изданий советского времени (1981) эпоха Ивановской промышленной области описывается следующим образом: «В тридцатые годы в городе открылось трамвайное и автобусное движение, был построен по проекту академика Власова областной драматический театр, здание цирка, кинотеатр “Центральный”, почтамт, по проекту академика Веснина – здание Госбанка» [Глебов, Лещуков, с. 29]. Порой описания сделаны не только поверхностно и недостаточно точно в деталях, но и с некоторым пренебрежением столичных авторов по отношению к провинции. Так, в фотопутеводителе «По “Золотому кольцу” России» (1981) авторы сообщали следующее: «В 20–30-х годах в Иваново осуществляют ряд построек выдающиеся мастера советской архитектуры. Одним из основоположников мирового конструктивизма В. Весниным в 1927 г. построено в Иваново здание Государственного банка. Академик Фомин спроектировал фундаментальное красивое здание Химико-технологического института. Строитель прославленных столичных сооружений – Крымского моста, Центрального парка культуры и отдыха имени Горького, спортивного комплекса в Лужниках – А. Власов в 30-х годах возвел в текстильном центре Большой драматический театр – грандиозное сооружение классического стиля» [Бычков, Десятников, с. 241].

Впрочем, ивановец Е. А. Богородский в фотоальбоме «Иваново», выпущенном в 1980 г., и вовсе не упоминает об архитектурном преобразении города в первые десятилетия советской власти, хотя фотографии гостиницы «Центральной», дома-подковы и дома-корабля размещены на одном развороте, что указывает на осведомлённость редакторов об их принадлежности если и не к одному архитектурному направлению, то к одной эпохе [Богородский]. Лишь в путеводителе 2012 г. авторства известного ивановского краеведа А. М. Тихомирова можно найти достаточно обстоятельный (для изданий такого типа) рассказ об ивановской архитектуре 1920–1930-х гг. Он занимает семь насыщенных фотографиями страниц из 26, посвящённых памятникам архитектуры от XVII в. до 2008 г. [Тихомиров, 2011].

Архитектурное наследие города обычно делят на советское и до-советское, что вполне оправданно. В общем количестве памятников разных эпох немногочисленные аутентичные образцы конструктивизма всё же не теряются, но и не занимают место первых среди равных. Степень древности, сохранности и богатства экстерьера и интерьеря некоторых особняков фабрикантов пока ещё привлекают большее внимание историков и издателей, чем функционалистская архитектура [См., например: Тихомиров, 2013].

Тем не менее, можно считать, что интерес к раннесоветскому периоду в истории города возрастает. Просвещенческие проекты, привлекающие внимание широких масс горожан к архитектуре как части городской среды, разумеется, рассказывают обо всём, заслуживающем внимания. Например, с 2007 г. региональная телекомпания «Барс» реализует проект «Прогулки по городу» с участием краеведов А. М. Тихомирова и А. М. Семененко. В 2014 г. департамент культуры и туризма правительства Ивановской области организовал десять экскурсий по городу, три из которых прямо или косвенно были связаны с представлением публике конструктивистского Иваново [Прогулки по городу]. Одна из них включала знакомство с Первым рабочим поселком и Домом коллектива (историк А. В. Степанов), другая была посвящена, в частности, соцгородку меланжевого комбината и посёлку «Пролетарский текстильщик» (активист общественного движения «АрхДозор» С. А. Беляков), а маршрут последней был разработан автором этого текста и охватывал железнодорожный вокзал, Второй рабочий посёлок и крупные жилые дома на проспекте Ленина. Во время каждой из этих экскурсий сотрудники департамента прикрепляли на стены памятников таблички с информацией в виде QR-кодов, что рассчитано на проявление интереса к этим объектам у молодёжи.

Росту интереса к ивановскому авангарду способствовали и многочисленные музейные проекты, реализованные за последние годы. Так, Ивановский областной художественный музей в течение десяти лет представил выставки «Русский Манчестер: текстиль в контекстах» (1998), «Героини» (2000), «Девушка моей мечты» (2002), «Коммуна» (2008). Были организованы экскурсионные маршруты «Город-фабрика. Индустриальная утопия» и «Революционные мифы». В 2016 г. был открыт выставочный проект «“СССР, Иваново-Вознесенск, инженеру Роберту Эрбе”: семейная хроника, история города, история страны». Ивановская специфика в мемориализации советского наследия проявилась в том, что влияние авангарда в полной мере затронуло фабричную культуру, способствуя кратковременному расцвету производства агитационного текстиля [Дмитриев, Воловенская; 100 % Иваново]. Это обстоятельство вызвало к жизни выставочные проекты, реализованные в Иваново и других российских городах. В Ивановском государственном историко-краеведческом музее имени Д. Г. Бурлыгина и его филиалах – Музее ивановского ситца, Музее первого Совета и Доме-музее семьи Бубновых — были организованы выставки «Ударком» (2009), «100 % Иваново. Агитационный текстиль 1920–1930-х гг.» (2010), «Советский Палех» (2014) и «Время, вперед!» (2015), создана экспозиция «Коммунизм + коммуна = коммуналка» (2015) [Тимофеев, 2016]. В настоящее время степень информированности горожан о многообразии конструктивистской архитектуры в Иваново существенно выросла. Применительно к Иваново можно рассмотреть два сце-

нария презентации конструктивизма: пессимистично-тактический и оптимистично-стратегический. Первый обусловлен тем, что нынешнее руководство города и области абсолютно индифферентно к каким-либо новым имиджевым проектам. В этой ситуации забота о сохранении и популяризации архитектуры 1920–1930-х гг. ложится на стейкхолдеров, вынужденных привлекать средства благотворительных фондов и активно использовать средства массовой информации для продвижения идеи ценности этих объектов. Так, судьба уже упомянутого «дома-пули» оказалась под пристальным вниманием местных журналистов и движения «АрхДозор», а стремление властей снести здание вызвало буквально шквал публикаций в прессе, в сети Интернет, на телевидении [Семёнова]. После того, как местный эксперт А. В. Снитко не нашёл аргументов для постановки здания под охрану и его восстановления, ведущим научным сотрудником Государственного института искусствознания, членом экспертного совета Комитета по культуре Государственной думы России Е. Г. Щёболевой была проведена новая экспертиза, установившая ценность здания как памятника градостроительства и архитектуры [Акт А]. Обеспокоенность СМИ вызвали и результаты экспертизы здания гостиницы «Центральной» [Акт Б], которую А. В. Снитко не рекомендовал рассматривать в качестве самостоятельного объекта охраны, предложив считать её частью исторической застройки [Эксперт Снитко...].

Смена политического курса на федеральном уровне или же обновление регионального ивановского истеблишмента может благоприятно отразиться на долгосрочном позиционировании Иваново как «самого советского города» либо путём его включения в ныне действующий «красный маршрут» [Тимофеев, 2014], либо путем ребрендинга в рамках сложившегося ещё в советское время тура по Золотому кольцу России. Если инаковость Иваново на фоне древнерусских городов рассматривать как достоинство и позиционировать город как «красный рубин на Золотом кольце»², то конструктивистская архитектура станет одним из наиболее значимых ресурсов для его развития [Тимофеев, 2015].

Это предположение находит специфическое подтверждение в компилятивном разделе о «нематериальных ресурсах города» в «Стратегии развития городского округа Иваново до 2020 года», представляющем собой вольный пересказ текстов автора настоящей статьи, посвящённых проблеме брендинга города [Тимофеев, 2015]. И хотя не очень понятно, что именно хотели сказать создатели «Стратегии» с помощью слоганов «Иваново – город русского конструктивизма» и «Иваново – социально авангардный город», тенденция использования конструктивистского дискурса в документах такого рода может рассматриваться как вдохновляющая [Стратегия...]. Тренд по привлечению внимания к советскому наследию не остаётся незамеченным.

² Образ, предложенный К. Д. Бугровым.

Советский авангард для города Иваново не ограничен только архитектурой. Это многоликое явление, предполагающее его комплексное использование. Проекты, реализуемые в городе, уже охватывают изобразительное и декоративное искусство, литературу. Посвящённый авангарду раздел открытой в конце 2010 г. и функционирующей до настоящего времени экспозиции художественного музея «XX век. Монтаж», как указывает куратор проекта М. Дмитриев, «идентифицирует Иваново как город будущего, словно сошедший со страниц утопических романов начала XX в. Фотографии 1920–1930-х гг. демонстрируют, насколько повседневная жизнь Иваново была связана с эстетикой авангарда. Гигантские футуристические композиции, оформляющие улицы и площади, резкие ритмы архитектуры и накал общественной жизни определяют облик главного текстильного цеха страны. Эти фотодокументы имеют особенное значение для Иваново, так как в них город предстает таким же объектом искусства, как произведение Малевича или изобретения пионеров советского дизайна. В этом разделе экспозиции будут главные “звездатаи” международных проектов – произведения Казимира Малевича, Александра Родченко, Варвары Степановой, Ольги Розановой» [XX век].

Выставка «100 % Иваново. Агитационные ткани и эскизы текстильных рисунков 1920-х–1930-х гг. из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурьлина», представленная в Иваново, Москве и Пермском крае, получила массу прекрасных рецензий [См., например: Андреев; Толстова; Хачатуров].

В начале 2016 г. в Музее первого Совета в рамках работы лектория «Дух материализма» прошла лекция журналиста и литературоведа Н. Голубева «“Город-сад” как литературная и архитектурная метафора “ивановского текста”», в которой он попытался показать связь между образами ивановской поэзии 1920-х гг. и современным городом [Лекция...].

Можно констатировать, что интерес к проектам формирования нового человека в раннесоветское время возрастает. Образы Иваново как «красного Манчестера», «родины первого Совета», «третьей пролетарской столицы», «кузницы пролетарских кадров» могут быть переосмыслены в рамках художественных практик и рассматриваться как важный ресурс для позиционирования города. Иваново как ближайший к Москве город с обширным конструктивистским наследием может стать одним из ключевых мест для репрезентации утопических идей раннесоветского времени и их трансформации в XX в. – «самым советским городом», «красным Диснейлендом» [См.: Тимофеев, 2006].

Список литературы

100 % Иваново : Агитационный текстиль 1920–1930-х годов из собрания Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурьлина. М. : Первая публикация, 2010. 304 + 172 с.

Акт государственной историко-культурной экспертизы выявленного объекта культурного наследия «Здание управления Государственной безопасности при Совете Министров СССР по Ивановской области», расположенного по адресу: г. Иваново, просп. Ленина, 37. URL: <http://www.ivanovoobl.ru/UserFiles/file/org-isp-vlasti/komitet-OKN/vremenno/expertiza/akt25.pdf> (дата обращения: 28.05.2016а).

Акт государственной историко-культурной экспертизы по определению категории историко-культурного значения выявленного объекта культурного наследия «Здание гостиницы “Центральная”, расположенного по адресу: Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский пр., д. 1. URL: www.ivanovoobl.ru/UserFiles/file/org-isp-vlasti/komitet-OKN/vremenno/expertiza/akt18.pdf (дата обращения: 28.05.2016б).

Андреев О. Красный Манчестер. <http://www.itogi.ru/obsch/2011/32/168192.html> (дата обращения: 24.05.2016).

Анферова Н. Символические репрезентации власти в культурном ландшафте Екатеринбурга: перекодировка советского опыта // *Obóz : Problemy narodów byłego obozu komunistycznego*. 2007. № 49.

Барыкин Н. Конкурс проектов // Ивановская область : ежемес. полит.-эконом. журн. 1937. № 1. С. 125–127.

Барц М., Владимиров В. Дом-коммуна. Стройком РСФСР // Современная архитектура. 1929. № 4. С. 122–129.

Басс В. Продается славянский шкаф, или Архитектура победившего маньеризма // Теория моды : Одежда. Тело. Культура. 2007. Вып. 3. С. 411–430.

Бутковская Е. Д., Чернякова М. А. Использование многообразия архитектурных стилей города Магнитогорска в экскурсионном туризме. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/pdf/2557.pdf> (дата обращения: 24.05.2016).

Бычков Ю. А., Десятников В. А. По «Золотому кольцу» России : фотопутеводитель. М. : Планета, 1981. 255 с.

В. Г. В этом же году начать постройку дома-коммуны // Рабочий край. 1931. 2 июля.

В-ин А. За дома-коллективы // Рабочий край. 1930. 12 января.

Глебов Ю. Ф., Лещуков Т. Н. Иваново : путеводитель. Ярославль : Верхне-Волж. книж. изд-во, 1981. 256 с.

Голубев Н. «Не отвечает минимальным требованиям областного центра». URL: <http://1000inf.ru/news/55457/> (дата обращения: 27.05.2016).

Город Иваново : путеводитель / Ю. Ф. Глебов, Т. Н. Лещуков, С. Ф. Логинов. Ярославль : Верхне-Волж. книж. изд-во, 1968. 160 с.

Дмитриев М., Воловенская С. Пейзаж с фабрикой // Региональный альбом. 2007. № 2. С. 8–13.

Дома-коммуны — решающее звено бытовой революции // Рабочий край. 1930. 4 июля.

Дубейковский В. Конструктивизм и брендинг городов. URL: <http://citybranding.ru/konstruktivizm-i-branding-gorodov/> (дата обращения: 24.05.2016).

Ефремова Е. Н. «Здесь будет город-сад»: утопический образ города в заводской газете Уралмаша // *Quaestio Rossica*. 2015. № 4. С. 57–82. DOI 10.15826/QR.2015.4.126.

Завьялов К. Корабль : очерк. Иваново : ИвГИЗ, 1933. 59 с.

Иваново-Вознесенск в письмах семьи немецкого инженера Эрбе = Iwanowo-Wosnessensk in Briefen der Familie des deutschen Ingenieurs Erbe / [ред.-сост. Г. Т. Азева]. Иваново : А-Гриф, 2011. 122 с.

Ильченко М. С. Архитектура авангарда и способы восприятия советского прошлого в современной публичной риторике // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия : материалы междунар. науч. конф. (Х Колосницынские чтения), 24 апр. 2015 г. / редкол. : М. В. Воробьева и др. ; отв. ред. Е. И. Рабинович. Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2015. С. 58–63.

Красный Манчестер : Иваново-Вознесенская губерния : худож. альбом / под ред. О. С. Литовского и И. А. Майорова. Иваново-Вознесенск : Изд. «Рекламопровинции» при газ. «Рабочий край», 1925. Ч. 1. 358 с., 450 фотоил.

Кропотов С., Литовская М. Ревитализация утопического в урбанистическом пространстве: случай Екатеринбурга / Свердловска // *Obóz : Problemy narodów byłego obozu komunistycznego*. 2007. № 49.

Лекция «“Город-сад” как литературная и архитектурная метафора “ивановского текста”». URL: <http://www.culture.ru/events/93484/lektsiya-gorod-sad-kak-literaturnaya-i-arhitekturnaya-metafora-ivanovskogo-teksta> (дата обращения: 27.05.2016).

Личак Н. А. Разрушение памятников церковного зодчества в Иваново-Вознесенской губернии в 1920–1930-х годах // Изв. Тульск. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2010. № 2.

Малевиц К. Декларация У-элистов. URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_3_12/ (дата обращения: 27.05.2016).

Малинова О. Ю. Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политич. концептология. 2013. № 1. С. 114–130.

Мануильский М. Надо строить дома-коммуны // Рабочий край. 1930а. 4, 5, 6 февр.

Мануильский М. Социалистический город – не фантазия // Рабочий край. 1930б. 8 февр.

Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 9. Стихотворения 1928 года. М. : Гослитиздат, 1955. С. 51.

О дополнении и частичном изменении постановления Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 «О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР» : постановление № 624 Совета Министров РСФСР от 4 дек. 1974 г. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=10498> (дата обращения: 27.05.2016).

Приходько А. Ф., Глебов Ю. Ф. Иваново: путеводитель. Ярославль : Верхне-Волж. книж. изд-во, 1972. 191 с.

Прогулки по городу. Иваново : Референт, 2015. 108 с.

Сабсович Л. Социалистические города. М. : Госиздат РСФСР ; Моск. рабочий, 1930. 124 с.

Семенова А. Навылет. URL: <http://1000inf.ru/news/45995/> (дата обращения: 27.05.2016).

Смирнов Л. Конструктивизм как бренд Свердловска. URL: <http://old.arch66.ru/articles/1/90/> (дата обращения: 27.05.2016).

Степанов А. В. Одна империя, три пути развития // Проект «Манчестер»: прошлое, настоящее и будущее индустриального города. Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 2012.

Стратегия развития городского округа Иваново до 2020 года (скорректированная). URL: <http://www.ivgorduma.ru/files/document/521/proekt-strategii-razvitiya-gorodskogo-okruga-ivanovo-do-2020-goda.pdf> (дата обращения: 27.05.2016).

Таганов Л. Н. «Ивановский миф» и литература. Иваново : МИК, 2006. 340 с.

Тимофеев М. Потаённый конструктивизм Иваново-Вознесенска // Рус. искусство. 2016а. № 1. С. 16–23.

Тимофеев М. Русский, красный и российский Манчестер, или Иваново как незавершенный проект // Наша родина – Иваново-Вознесенск. 2006. № 5. С. 43–46.

Тимофеев М. Симулякры и симуляции возвращаются // 1000 экземпляров. 2015. № 7. URL: <http://1000inf.ru/news/52075/> (дата обращения: 27.05.2016).

Тимофеев М. Ю. «Самый советский город»: архитектурный капитал до востребования // Краснокамск: интеграция в будущее : материалы конф. «Архитектурное наследие соцгородов – бремя прошлого или ресурс развития?». 27–28 нояб. 2013 г. Краснокамск ; Пермь : Литер-А, 2014а. С. 68–74.

Тимофеев М. Ю. «Советский город»: инструкция по эксплуатации // Региональная идентичность в историческом и культурном пространстве России : VIII Сытинские чтения : материалы междунар. науч.-практ. конф., посв. памяти историка С. Л. Сытина : в 2 ч. Ульяновск, 25–26 сент. 2014 г. / ред.-сост. Н. В. Липатова. Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2014б. Ч. 1. С. 108–113.

Тимофеев М. Ю. Наследие иваново-вознесенского конструктивизма как ресурс развития города // Проблемы российской истории : Социалистический город и социокультурные аспекты урбанизации. Магнитогорск : Магнитогорск. дом печати, 2015. Вып. 13. С. 310–320.

Тимофеев М. Ю. Советское, значит ивановское : (Экспозиция «Коммунизм + Коммуна = Коммуналка» в Доме-музее первого Совета) // Лабиринт : Журн. соц.-гуманитар. исслед. 2016б. № 1–2. С. 86–92.

Тихомиров А. М. Иваново. Иваново-Вознесенск : Путеводитель сквозь времена. Иваново : Референт, 2011. 328 с.

Тихомиров А. М. Иваново : путеводитель. Иваново : Референт, 2012. 80 с.

Тихомиров А. М. Храмы Иваново-Вознесенска. Иваново : МИК, 1996. 137 с.

Тихомиров А. М. 10 лучших особняков Иваново-Вознесенска. Иваново : Референт, 2013. 160 с.

Толстова А. Революционный ситчик : Ивановский агитационный текстиль на гастролях в Москве. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1634061> (дата обращения: 27.05.2016).

Хан-Магомедов С. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. М. : Стройиздат, 2001. Кн. 2. Социальные проблемы. 712 с.

Хачатуров С. Лоскутки Великой Утопии. URL: <http://www.mn.ru/newspaper/culture/70558> (дата обращения: 27.05.2016).

Хмельницкий Д. С. Миф индустриализации : Планы пятилеток и жилье для строителей социализма. URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569774> (дата обращения: 27.05.2016).

Эксперт Снитко хочет ликвидировать в Иванове еще один памятник конструктивизма. URL: <http://1000inf.ru/news/57749/> (дата обращения: 27.05.2016).

XX век : Монтаж. URL: http://ivartmuseum.ru/exhibitions/full_exib.php?id_exib=172&God=10&place=1 (дата обращения: 27.05.2016).

References

100 % Ivanovo : Agitatsionnyy tekstil' 1920–1930-kh godov iz sobraniya Ivanovskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya im. D. G. Burylina [Agitation Textile from the Collection of the Ivanovo Historical Museum Named after D. G. Burylin]. (2010). 304 + 172 pp. Moscow, Pervaya publikatsiya.

XX vek : Montazh [20th Century. Montage]. URL: http://ivartmuseum.ru/exhibitions/full_exib.php?id_exib=172&God=10&place=1 (mode of access: 27.05.2016).

Azeeva, G. T̄. (Ed.). (2011). *Ivanovo-Voznesensk v pis'makh sem'i nemetskogo inzhenera Erbe* [Ivanovo-Wosnessensk in Briefen der Familie des deutschen Ingenieurs Erbe]. 122 p. Ivanovo, A-Grif.

Akt gosudarstvennoy istoriko-kul'turnoy ekspertizy vyyavlennoy ob"ekta kul'turnogo naslediya "Zdanie upravleniya Gosudarstvennoy bezopasnosti pri Sovete Ministrov SSSR po Ivanovskoy oblasti", raspolozhennogo po adresu: g. Ivanovo, prosp. Lenina, 37 [An act of State Historical and Cultural Commission on Expertise of the Object of Cultural Heritage "Building of the Direction of State Security of USSR Council of Ministers", located in Ivanovo, Lenin ave., 37]. URL: <http://www.ivanovoobl.ru/UserFiles/file/org-isp-vlasti/komitet-OKN/vremenno/expertiza/akt25.pdf> (mode of access: 28.05.2016).

Akt gosudarstvennoy istoriko-kul'turnoy ekspertizy po opredeleniyu kategorii istoriko-kul'turnogo znacheniya vyyavlennoy ob"ekta kul'turnogo naslediya "Zdanie gostinitsy "Tsentral'naya", raspolozhennogo po adresu: Ivanovskaya oblast', g. Ivanovo, Sheremetevsky pr., d. 1/25 [An Act of State Historical and Cultural Commission on Expertise of the Object of Cultural Heritage "Building of the 'Tsentralnaya' Hotel", Located in Ivanovo, Sheremetevsky pr., 1/25]. URL: www.ivanovoobl.ru/UserFiles/file/org-isp-vlasti/komitet-OKN/vremenno/expertiza/akt18.pdf (mode of access: 28.05.2016a).

Andreev, O. (n.d.). *Krasnyy Manchester* [Red Manchester]. URL: <http://www.itogi.ru/obsch/2011/32/168192.html> (mode of access: 24.05.2016b).

Anferova, N. (2007). *Simvolicheskie reprezentatsii vlasti v kul'turnom landshafte Ekaterinburga: perekodirovka sovetskogo opyta* [Symbolic Representations of Power in the Cultural Landscape of Yekaterinburg: A Re-coding of Soviet experience]. In *Obóz : Problemy narodów byłego obozu komunistycznego*, 49.

Barykin, N. (1937). *Konkurs projektov* [A Competition of Projects]. In *Ivanovskaya oblast' : ezhe mesyachnyy politiko-ekonomicheskij zhurnal*, 1, pp. 125–127.

Barshch, M. & Vladimirov, V. (1929). *Dom-kommuna. Stroykom RSFSR* [Commune house. Stroiikom RSFSR]. In *Sovremennaya arkhitektura*, 4, pp. 122–129.

Bass, V. (2007). *Prodaetsya slavyansky shkaf, ili Arkhitektura pobedivshogo man'erizma* [A Wardrobe for Sale, or the Architecture of the Victorious Mannerism]. In *Teoriya mody : Odezhda. Telo. Kul'tura*, Iss. 3, pp. 411–430.

Butkovskaya, E. D. & Chernyakova, M. A. (n.d.). *Ispol'zovanie mnogoobraziya arkhitekturnykh stiley goroda Magnitogorska v ekskursionnom turizme* [The Use of Variety of Architectural Styles of Magnitogorsk in Excursion Tourism]. URL: <http://www.scienceforum.ru/2014/pdf/2557.pdf> (mode of access: 24.05.2016).

Bychkov, Yu. A. & Desyatnikov, V. A. (1981). *Po "Zolotomu kol'tsu" Rossii : foto-putevoditel'* [Around the "Golden Ring" of Russia: A Photo-Guidebook]. 255 p. Moscow, Planeta.

Dmitriev, M. & Volovenskaya, S. (2007). *Peyzazh s fabrikoy* [A Landscape with a Factory]. In *Regional'nyy al'bom*, 2, pp. 8–13.

Doma-kommuny – reshayushchee zveno bytovoy revolyutsii [Commune Houses – the Decisive Part of the Revolution in Everyday Life]. (1930). In *Rabochy kray*, July 4.

Dubeykovsky, V. (n.d.). *Konstruktivizm i brending gorodov* [Constructivism and the Branding of Cities]. URL: <http://citybranding.ru/konstruktivizm-i-brending-gorodov/> (mode of access: 24.05.2016).

Efremova, E. N. (2015). “*Zdes' budet gorod-sad*”: *utopichesky obraz goroda v zavodskoy gazete Uralmasha* [Here Will Be a Garden-city]. In *Quaestio Rossica*, 4, pp. 57–82. DOI 10.15826/QR.2015.4.126.

Ekspert Snitko khochet likvidirovat' v Ivanove eshche odin pamyatnik konstruktivizma [Expert Snitko Wants to Demolish yet Another Monument of Constructivism in Ivanovo]. URL: <http://1000inf.ru/news/57749/> (mode of access: 27.05.2016).

Glebov, Yu. F. & Leshukov, T. N. (1981). *Ivanovo : putevoditel'* [Ivanovo. A Guide]. 256 p. Yaroslavl, Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo.

Glebov, Yu. F., Leshukov, T. N. & Loginov, S. F. (1968). *Gorod Ivanovo : putevoditel'* [Ivanovo City. A Guide]. 160 p. Yaroslavl, Verkhne-Volzhscoe knizhnoe izdatel'stvo.

Golubev, N. (n.d.). “*Ne otvechaet minimal'nyim trebovaniyam oblastnogo tsentra*” [“Not Corresponding to the Minimal Demands of the Regional Center”]. URL: <http://1000inf.ru/news/55457/> (mode of access: 27.05.2016).

Il'chenko, M. S. (2015). *Arkhitektura avangarda i sposoby vospriyatiya sovetskogo proshlogo v sovremennoy publichnoy ritorike* [Avant-garde Architecture and the Ways to comprehend the Soviet Past in the Present-day Public Rhetorics]. In Vorob'eva, M. V. & Rabinovich, E. I. (Eds.). *Sovetsky sotsiokul'turnyy proekt: istorichesky shans ili global'naya antiutopiya : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (X Kolosnitsynskie chteniya), 24 aprelya 2015 goda* (pp. 58–63). Yekaterinburg, Gumanitarnyy universitet.

Khachaturov, S. (n.d.). *Loskutki Velikoy Utopii* [Scraps of the Great Utopia]. URL: <http://www.mn.ru/newspaper/culture/70558> (mode of access: 27.05.2016).

Khan-Magomedov, S. (2001). *Arkhitektura sovetskogo avangarda : v 2 kn.* [Architecture of Soviet Avant-garde]. Book 2. Sotsial'nye problemy. 712 p. Moscow, Stroyizdat.

Khmel'nitsky, D. S. (n.d.). *Mif industrializatsii : Plany pyatiletok i zhil'e dlya stroiteley sotsializma* [Myth of Industrialization. Five Year Plans and the Living Houses for the Builders of Socialism]. URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569774> (mode of access: 27.05.2016).

Kropotov, S. & Litovskaya, M. (2007). *Revitalizatsiya utopicheskogo v urbanisticheskoy prostanstve: sluchay Ekaterinburga/Sverdlovsk* [Revitalization of the Utopian in Urban Space: The Case of Yekaterinburg / Sverdlovsk]. In *Obóz : Problemy narodów byłego obozu komunistycznego*, 49.

Lektsiya “*Gorod-sad*” *kak literaturnaya i arkhitekturnaya metafora “ivanovskogo teksta”* [Lecture “Garden city” as a literary and Architectural Metaphor of ‘Ivanovo Text’]. URL: <http://www.culture.ru/events/93484/lektsiya-gorod-sad-kak-literaturnaya-i-arhitekturnaya-metafora-ivanovskogo-teksta> (mode of access: 27.05.2016).

Lichak, N. A. (2010). *Razrushenie pamyatnikov tserkovnogo zodchestva v Ivanovo-Voznesenskoj gubernii v 1920–1930-kh godakh* [The Demolition of Monuments of Church Architecture in Ivanovo-Voznesensk Governorate in the 1920s – 1930s]. In *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*, 2, pp. 83–91.

Litovskiy, O. S. & Mayorov, I. A. (1925). *Krasnyy Manchester : Ivanovo-Voznesenskaya guberniya : khudozhestvennyy al'bom* [Red Manchester. Ivanovo-Voznesensk Governorate]. Part 1. 358 p., 450 fotoil. Ivanovo-Voznesensk, Izdanie “Reklamoprovintsii” pri gazete “Rabochiy Kray”.

Malevich, K. (n.d.). *Deklaratsiya U-eli-stov* [A Declaration of U-eli-sts]. URL: http://kazimirmalevich.ru/t5_1_3_12/ (mode of access: 27.05.2016).

Malinova, O. Yu. (2013). *Problema politicheski “prigodnogo” proshlogo i evolyutsiya ofitsial'noy simvolicheskoy politiki v postsovetskoy Rossii* [The Problem of Politically ‘Suitable’ Past and the Evolution of Symbolic Politics in Post-Soviet Russia]. In *Politicheskaya kontseptologiya*, 1, pp. 114–130.

Manuil'sky, M. (1930a). *Nado stroit' doma-kommuny* [We Ought to Build Commune-houses]. In *Rabochy kray*, Feb. 4, 5, 6.

Manuil'sky, M. (1930b). *Sotsialistichesky gorod – ne fantaziya* [A Socialist City is not a Fantasy]. In *Rabochy kray*, Feb. 8.

Mayakovsky, V. V. (1955). *Polnoe sobranie sochineny : v 13 t.* [Full Collection of Works in 13 volumes]. Vol. 9. Stikhotvoreniya 1928 goda (p. 51). Moscow, Goslitizdat.

O dopolnenii i chastichnom izmenenii postanovleniya Soveta Ministrov RSFSR ot 30 avgusta 1960 g. № 1327 "O dal'neyshe uluchshenii dela okhrany pamyatnikov kul'tury v RSFSR" : postanovlenie № 624 Soveta Ministrov RSFSR ot 4 dekabrya 1974 g. [Decree № 624 of Council of Ministers of RSFSR as of Dec., 4, 1974]. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=10498> (mode of access: 27.05.2016).

Prikhod'ko, A. F. & Glebov, Yu. F. (1972). *Ivanovo: putevoditel'* [Ivanovo: A Guide]. 191 p. Yaroslavl, Verkhne-Volzskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Progulki po gorodu [Walks around the city]. (2015). 108 p. Ivanovo, Referent.

Sabsovich, L. (1930). *Sotsialisticheskie goroda* [Socialist Cities]. 124 p. Moscow, Gosizdat RSFSR, Moskovsky rabochy.

Semenova, A. (n. d.) *Navylet* [Through the Heart]. URL: <http://1000inf.ru/news/45995/> (mode of access: 27.05.2016).

Smirnov, L. (n. d.). *Konstruktivizm kak brend Sverdlovsk* [Constructivism as a Brand of Sverdlovsk]. URL: <http://old.arch66.ru/articles/1/90/> (mode of access: 27.05.2016).

Stepanov, A. V. (2012). *Oдна imperiya, tri puti razvitiya* [One Empire, Three Ways of Development]. In *Proekt "Manchester": proshloe, nastoyashchee i budushchee industrial'nogo goroda*, L. 180 p. Ivanovo, Izdatel'stvo Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta.

Strategiya razvitiya gorodskogo okruga Ivanovo do 2020 goda (skorrektsirovannaya) [Strategy of Development of the City District of Ivanovo until 2020 (Corrected)]. URL: <http://www.ivgorduma.ru/files/document/521/proekt-strategii-razvitiya-gorodskogo-okruga-ivanovo-do-2020-goda.pdf> (mode of access: 27.05.2016).

Taganov, L. N. (2006). *"Ivanovskiy mif" i literature* ["Ivanovo Myth" and Literature]. 340 p. Ivanovo, MIK.

Tikhomirov, A. M. (1996). *Khramy Ivanovo-Voznesenska* [Temples of Ivanovo-Voznesensk]. 137 p. Ivanovo, MIK.

Tikhomirov, A. M. (2011). *Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk : Putevoditel' skvoz' vremena* [Ivanovo. Ivanovo-Voznesensk. A Guidebook through the Ages]. 328 p. Ivanovo, Referent.

Tikhomirov, A. M. (2012). *Ivanovo : putevoditel'* [Ivanovo. A Guide]. 80 p. Ivanovo, Referent.

Tikhomirov, A. M. (2013). *10 luchshikh osobnyakov Ivanovo-Voznesenska* [10 Best Mansions of Ivanovo-Voznesensk]. 160 p. Ivanovo, Referent.

Timofeev, M. (2006). *Russky, krasnyy i rossiysky Manchester, ili Ivanovo kak nezavershennyy proekt* [Russian, Red and Russian Manchester or Ivanovo as an Incomplete Project]. In *Nasha rodina – Ivanovo-Voznesensk*, 5, pp. 43–46.

Timofeev, M. Yu. (2014). *"Samyy sovetsky gorod": arkhitekturnyy kapital do vobrebovaniya* ["The Most Soviet City": Architectural Capital to be Called for]. In *Krasnokamsk: integratsiya v budushchee : materialy konferentsii "Arkhitekturnoe nasledie sotsgorodov – bremya proshlogo ili resurs razvitiya?" 27–28 noyabrya 2013 g.* (pp. 68–74). Krasnokamsk, Perm, Liter-A.

Timofeev, M. Yu. (2014). *"Sovetsky gorod": instruksiya po ekspluatatsii* ["Soviet City": A Manual]. In Lipatov, N. V. (Ed.). *Regional'naya identichnost' v istoricheskoy i kul'turnom prostranstve Rossii : VIII Sytinskiye chteniya : materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati istorika C. L. Cytina : v 2 ch. Ulyanovsk, 25–26 sentyabrya 2014 g.* Part 1, pp. 108–113. Ulyanovsk, Korporatsiya tekhnologii prodvizheniya.

Timofeev, M. Yu. (2015). *Nasledie ivanovo-voznescenskogo konstruktivizma kak resurs razvitiya goroda* [Heritage of Ivanovo-Voznesensk Constructivism as a Resource for Development of Cities]. In *Problemy rossiyskoy istorii : Sotsialistichesky gorod i sotsiokul'turnye aspekty urbanizatsii, Iss. 13*, pp. 310–320. Magnitogorsk, Magnitogorskiy dom pečati.

Timofeev, M. (2015). *Simulyakry i simulyatsii vozvrashchayutsya* [Simulacra and Simulations Are back]. In *1000 ekzemplarov*, 7. URL: <http://1000inf.ru/news/52075/> (mode of access: 27.05.2016).

Timofeev, M. (2016). *Potaenny konstruktivizm Ivanovo-Voznesenska* [The Secret Constructivism of Ivanovo-Voznesensk]. In *Russkoe iskusstvo, 1*, pp. 16–23.

Timofeev, M. Yu. (2016). *Sovetskoe, znachit ivanovskoe* (Ekspozitsiya "Kommunizm + Kommuna = Kommunalka" v Dome-muzee pervogo Soveta) [Soviet Means Ivanovo (Exhibition "Communism + Commune = Communal Flat" in the House Museum of the First Soviet)]. In *Labirint : Zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy, 1–2*, pp. 86–92.

Tolstova, A. (n. d.). *Revolutsionnyy sitchik : Ivanovskiy agitatsionnyy tekstil' na gastrolyakh v Moskve* [Revolutionary Chintz. Ivanovo Agitation Textile in Moscow]. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1634061> (mode of access: 27.05.2016).

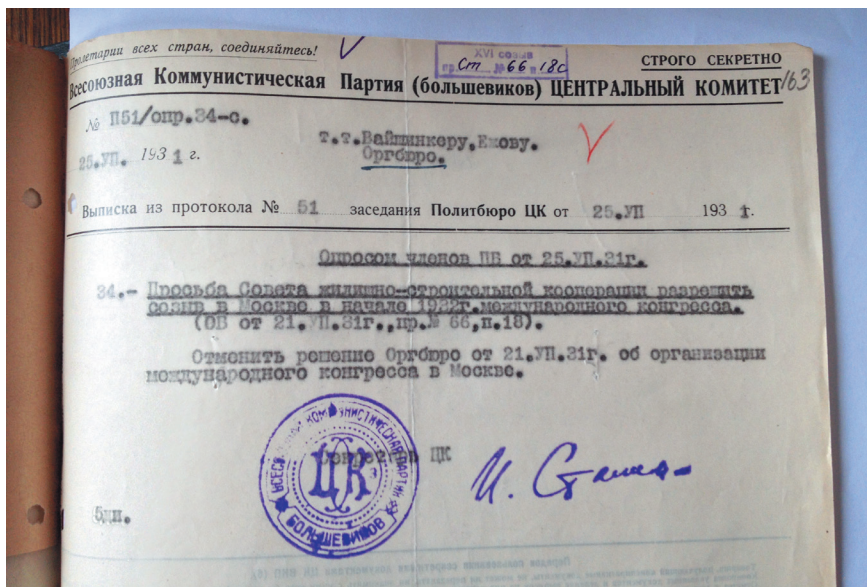
V. G. (1931). *V etom zhe godu nachat' postroyku doma-kommuny* [Start the Construction of the Commune House This Year]. In *Rabochy kray*, July 2.

V-in A. (1930). *Za doma-kollektivy* [For the Houses-collectives]. In *Rabochy kray*, Jan. 12.

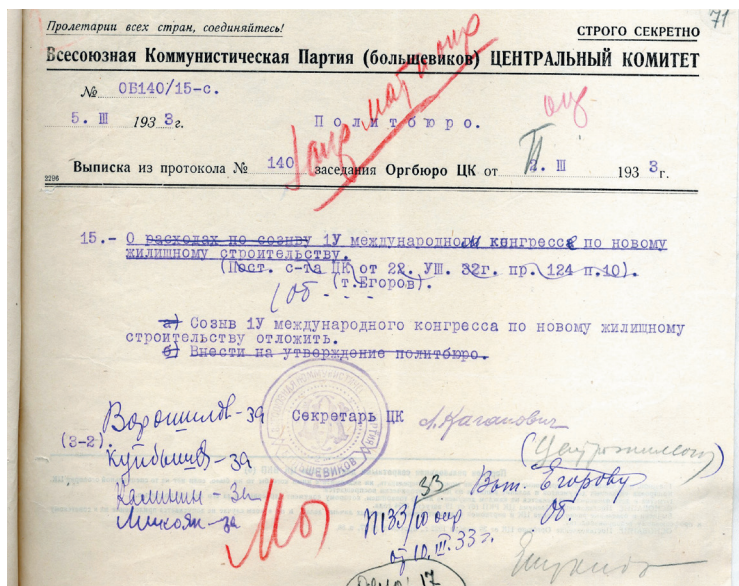
Zav'yalov K. (1933). *Korabl' : ocherk* [The Ship: An Essay]. 59 p. Ivanovo : IvGIZ.

The article was submitted on 05.04.2016

Illustrations for article:
 T. Flierl. "The 4th International Congress of Modern Architecture in Moscow:
 Preparation and Failure (1929–1933)"

Protocol for the Politburo session of 25 July 1931: 'Request of the Council of the Building Cooperative to permit the convention of an international congress in Moscow at the beginning of 1932'. RGASPI. F. 17. Op. 114. D. 247. L. 163

Protocol of the Politburo session of 20 March 1933: 'On the 4th international congress for the construction of new housing' (on a blank Orgburo protocol form). RGASPI. F. 17. Op. 163. D. 976. L. 71.

Иллюстрации к статье:

Е. Конышева. «Солнце, воздух и дом для всех»? Европейский опыт массового жилищного строительства и его советские вариации в годы первых пятилеток

Illustrations for article:

E. Konyshева. 'Sun, Air, and Homes for All'? Soviet Variations on European Experiences of Mass Housing Construction during the First Five-Year Plans

Поселок Брухфельдштрассе. Франкфурт-на-Майне. Э. Май и др. 1926–1927.
Фото Е. Конышевой. 2014

Bruchfeldstrasse housing estate. Frankfurt-am-Main. E. May et al. 1926–1927.
Photo by E. Konyshева. 2014

Поселок Праунхайм. Франкфурт-на-Майне. Э. Май и др. 1926–1929.
Фото Е. Конышевой. 2014

Praunheim estate. Frankfurt-am-Main. E. May et al. 1926–1929.
Photo by E. Konyshева. 2014

Жилой дом. Магнитогорск. Бригада Э. Мая. 1931–1933. Фото Е. Коньшевой. 2015
Apartment house. Magnitogorsk. May's brigade. 1931–1933. Photo by E. Konyshева. 2015

Жилой дом. Орск. М. Стам. 1934–1935. Фото Е. Коньшевой. 2015
Apartment house. Orsk. M. Stam. 1934–1935. Photo by E. Konyshева. 2015

Illustrations for article:
M. Pchenko. *Uralmash in the Architecture of the Soviet Avant-garde:
An Experiment in City Construction in the 1920s and 1930s*

Иллюстрации к статье:
М. Ильченко. «*Опыт Уралмаша в архитектуре советского авангарда:
градостроительный эксперимент 1920–1930-х годов*»

Здание заводоуправления Уралмаша. 1935. Фото К. Бугрова. 2016

Main office of Uralmash plant. 1935. Photo by K. Bugrov. 2016

Здание фабрики-кухни Уралмаша. 1933. Фото К. Бугрова. 2016

Factory-kitchen of Uralmash. 1933. Photo by K. Bugrov. 2016

ПРОСТРАНСТВО СОЦИАЛЬНОГО В РОССИИ: СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И НОВОЕ ВРЕМЯ

DOI 10.15826/qr.2016.3.177

УДК 94(470.24)+39(=512.145)+28+27-67+316.35.023.4

ТАТАРЫ-МУСУЛЬМАНЕ И НОВОКРЕЩЕНЫ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ: ФОРМИРОВАНИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МАЛОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ (КОНЕЦ XVI – НАЧАЛО XVII В.)*

Адриан Селин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

MUSLIM AND NEWLY-BAPTISED TARTARS IN NOVGOROD: THE FORMATION AND FUNCTIONING OF A MINOR SOCIAL GROUP IN THE LATE 16th AND EARLY 17th CENTURIES**

Adrian Selin

National Research University
Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russia

The article uses the prosopographical method to examine the history of Muslim and newly-baptised Tartars in Novgorod after 1550. 418 biographies were studied. The main sources were documents from the Razryad (service lists) and Pomestny Prikaz (land chancellery): local Novgorod court records also furnished further information. The history of the Novgorod Tartars began in the 1550s, when groups from Astrakhan and Kazan were settled in the eastern part of Novgorod region (Sugletsya and Udomlya districts). As they served the tsar, they received landed estates in Novgorod that were populated with Orthodox peasants. Between 1550

* Статья подготовлена в рамках выполнения проекта ПФИ НИУ ВШЭ 2016 г. «Трансформация режимов управления разнообразием: война, реформы, революции в Российской империи».

** Citation: Selin, A. (2016). Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

Цитирование: Selin A. Muslim and Newly-Baptised Tartars in Novgorod: The Formation and Functioning of a Minor Social Group in the Late 16th and Early 17th Centuries. // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177 / Селин А. Татары-мусульмане и новокрещены в Новгородской земле: формирование и функционирование малой социальной группы (конец XVI – начало XVII в.) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 93–110. DOI 10.15826/qr.2016.3.177.

and 1611, different Muslim groups were transferred to Novgorod from Azov, the Crimea, and Bukhara; these groups maintained special identities for a long time. The conversion of Muslims to Orthodoxy is focused upon in this article: the process was slow, but the predominance of Orthodoxy in the region gradually induced local Tartar groups to accept baptism. In 1605, there were 197 newly-baptised Tartars and 48 Muslims. After the Time of Troubles, the differences between the various groups of Tartars disappeared. Most of the Tartars lost their landed estates and started to serve for food and salary; nonetheless, this special group of Novgorodian servicemen continued to exist until the Great Northern War.

Keywords: 16th–17th centuries Russian history; Novgorod Land; Tartars; Newly-Baptized; settling; conversion; prosopography.

Рассматривается история формирования и функционирования малой социальной группы в Новгородской земле второй половины XVI – начала XVII в. На основании ряда источников реконструируется география расселения и ставится проблема конверсии – перехода мусульман в православие. Выделяются этапы социально-политической истории новгородских татар и новокрещенов до начала Смутного времени. Используется просопографический метод: изучено 418 биографий татар и новокрещенов. Основными источниками являются документы Разрядного и Поместного приказов, а также Новгородской приказной избы. История новгородских татар началась в 1550-х гг., в это время группы татар из Астрахани и Казани были помещены в восточной части новгородских земель. Поскольку они находились на царской службе, они получили поместья, населенные православными крестьянами. Затем в течение 1550–1611 гг. различные группы мусульманского населения из Азова, Крыма, Бухары продолжали появляться в Новгороде, обретая самоидентификацию. Исследуется также проблема перехода татар из ислама в православие: устанавливается, что процесс христианизации был медленным, но под воздействием православного окружения непрерывным. В 1605 г. насчитывалось уже 197 татар-новокрещенов и 48 мусульман. После Смутного времени различия между группами татар исчезли, а районы их компактного проживания фрагментировались. Большинство татар покинули поместья и стали служить за «корм» и жалованье, хотя вплоть до Великой Северной войны сохранялась отдельная группа новгородских татар и новокрещенов.

Ключевые слова: история России XVI–XVII вв.; Новгородская земля; татары; новокрещены; расселение; конверсия; просопография.

Социальный состав Московской Руси XVI–XVII вв. очень сложен для описания. Московское великое княжество, а потом царство складывалось из разных не похожих друг на друга частей со своим прошлым, своей системой групп и категорий населения. Московский деловой язык хоть и стремился описать и систематизировать все эти группы, но подчас достаточно сложно определить точное содержание многих терминов, понятных для большинства дьяков и подьячих того времени. Кроме того, социальные катаклизмы, происходившие в Московском великом

княжестве (позднее – царстве) на рубеже XVI в., важным содержанием которых было сведение одних групп и замещение их другими, еще больше усложняли систему складывавшихся чинов¹. Возможным путем изучения социальной истории Московского великого княжества/царства является исследование локальных, сравнительно небольших социальных групп. Целью такого исследования может быть ответ на вопросы 1) о характере и истории формирования группы; 2) о месте в системе социальных/служебных взаимоотношений; 3) об изменениях группы и ее исчезновении – по реперным точкам. Важнейшей из таковых точек для истории XVI–XVII вв. следует считать Смутное время, после которого последовали несомненное упрощение социальной картины и некоторая унификация чинов Московского царства. Истории новгородских татар и новокрещеных до Смуты посвящена данная статья.

Испомещение татар в Новгородской земле

Выбранная группа – «татары» (как в терминологии приказного делопроизводства именовали всех выходцев из разных мусульманских областей), переселявшиеся властью из разных мест на северо-запад в Новгородскую землю начиная с середины XVI в. и частично принявшие там православие. Перешедшие в православие татары – служилые люди продолжали записываться в документах разрядного делопроизводства вместе с теми своими сослуживцами, кто сохранили мусульманское вероисповедание, в одной категории «татары и новокрещены». Новгородская история конца XV – XVI в. знает неоднократные перемещения элитных групп, смену одной социальной страты другой. Все переселяемые в Новгород и Новгородскую землю группы были в той или иной мере чужеродны по отношению к этой новой для них территории; следовательно, мероприятия московского правительства могут быть описаны в терминах колонизации. Но именно группа татар и новокрещеных представляется наиболее экзогенной по отношению к социальному ландшафту Северо-Запада России XVI–XVII вв.²

¹ Употребляю здесь и далее термин «чин» для обозначения групп московского общества, которые выделялись в источниках; понимая всю условность и подчас искусственность данного термина, не вижу лучшего.

² В современной публицистике испомещение татар в Новгородской земле часто трактуется как злая воля Ивана Грозного, заселившего опричниками-татарами исконно-посконные новгородские земли. Характер обращения авторов таких текстов с источниками не выдерживает никакой критики. Апелляция адептов данной идеи к историческому материалу, как правило, базируется на материалах Владимира Куковенко «Иван Грозный и опричина», размещенном на информационно-аналитическом портале «Евразия» 25 февраля 2005 г. [Куковенко] (на сайте velikoross.ru, к примеру, помещен очерк, именуемый более прицельно: «Иван Грозный и инородная опричина», где также приведен перечень новгородских татар 1560–1570-х гг.). Список таких татар-опричников, «испомещенных» Иваном Грозным в Бежецкой и Водской пятинах, дается со ссылкой на [Самоковасов]. Автором данной книги проделана работа по поиску татарских имен в поместных актах второй половины XVI в., но в составленном списке есть очевидные ошибки: в нем, например, упомянуты новгородские дворяне, носившие татарские имена.

Вместе с тем, исследование новгородских татар и новокрещенов, на мой взгляд, наиболее продуктивно рассматривать в рамках функционирования малой локальной группы в новых смысловых контекстах: географическом, социальном, религиозном, этническом.

Политическая составляющая, на которой делает акцент научно-популярная критика, по имеющимся источникам не прослеживается; отсутствию явных фактов конфронтации между представителями разных конфессий в Новгородской земле XVI–XVII вв. посвящена некоторая историография [Орленко; Селин, 2008]. Рассмотрение этой группы предлагается на двух хронологических срезах, обусловленных степенью сохранности источников:

1. Новгородские татары и новокрещены в конце Ливонской войны (по материалам поместно-вотчинных документов 1570–1580-х гг.). Источники фиксируют, как около 1571–1572 гг. значительные группы татар оказываются в Новгородской земле, занимая целые большие территории, прежде всего в Бежецкой пятине, на востоке региона. Очередной этап переселения в Новгородскую землю татарских помещиков произошел после поражения в Ливонии в 1581–1583 гг. Так, в августе 1584 г. в Климентовском Тесовском погосте Водской пятины получили поместья «ругодивские новокрещены» – выведенные из Ливонии помещики-татары [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16936. Л. 17–18 об.]

2. Новгородские татары и новокрещены накануне Смуты (1605–1606). Как представляется, к началу XVII в. новгородские татары обрели свою особую идентичность. Полагаю, что это связано с особенностями учета данной группы служилых людей. Летом 1602 г., в канун приезда в Новгород датского королевича Ханса, новокрещены были собраны в городе для рассылочной службы [СПБИН. Кол. 183. Карт. 1. Д. 18]. Верстание татар и новокрещенов всех пятин новыми окладами в 1606 г. было осуществлено в особой десятине [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122].

Если первый этап характеризуется отрывочной информацией о существовании социальной группы, то на втором источники позволяют охватить группу практически целиком.

Какие возможности существуют для того, чтобы исследовать эту группу на избранных хронологических срезах? Прежде всего это изучение социальной динамики (конверсия, отношения с другими группами) в сочетании с исследованием географии расселения новгородских татар и новокрещенов. Имеющийся материал позволяет описать две поколения татар и новокрещенов, используя весь комплекс источников по их служебной биографии. К настоящему моменту подготовлена открытая и пополняемая база данных, охватывающая 418 персоналий татар, известных по источникам 1571–1606 гг. [Центр исторических исследований]. Более ранние сведения о новгородских татарах крайне отрывочны. Источники же после 1606 г. следует, видимо, рассматривать в контексте более тесной интеграции этой

группы в состав новгородского служилого города³, несмотря на то, что как отдельная категория учета новгородские татары и новокрещены сохраняются вплоть до начала Петровских реформ.

Появление первых татар в Новгородской земле было связано с переселением из Астраханского и Казанского царства после их завоевания. По наблюдениям М. В. Моисеева, в середине XVI столетия Новгород был местом ссылки татарской аристократии, первоначально казанской [Моисеев, 2013; 2016]. Известно об участии новгородских новокрещенов в полоцком походе 1563 г. (30 чел.). Однако до появления сохранной поместной документации эта корпорация выглядит безымянной, нельзя с уверенностью говорить и о месте испомещения ее членов.

Постоянный приток на северо-запад новых служилых людей и наделение их поместьями усложняли эту группу, к ней присоединялись все новые и новые страты. Известен факт испомещения в Новгородской земле в конце XVI в. двух арабов. Так, в 1598–1599 гг. упоминается новокрещен Микулка Арап [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 157–157об.], в десятне 1605–1606 г. – новокрещен «арап» Матфей Гибарев [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 21]. В конце 1590-х гг. из Посольского приказа в Новгород была прислана часть двора бывшего крымского царевича Мурат-Гирея, и в Новгороде появились крымские татары. Некоторые новокрещены начала XVII в. были по происхождению представителями черкесских народов: в 1598–1599 г. в Новгороде было принято на службу три новых новокрещена-«черкашенина»⁴. Еще один «черкашенин» «Кабардинские земли» оказался в Новгороде в 1601–1602 гг. Кроме того, были там приближенные ко дворам сибирских царевичей, малочисленные касимовские татары и «бухарене». К этой же группе новгородские власти, распределявшие поместья среди прибывавших новых претендентов, относили даже некоторых немусульманских деятелей. Таковым был, к примеру, Михаил Нармантов, «полоняник Грузинской земли», получивший 25 сентября 1588 г. поместье во Введенском Дудоровском погосте [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 16942. Л. 342–347]. В десятне 1605–1606 г. под категорией «татары» описаны явно не только мусульмане. Так, «полоняник Микулко Федоров

³ Данные о службе новгородских татар и новокрещенов на стороне союзного шведам новгородского правительства в 1611–1614 гг. и непосредственно шведской оккупационной администрации в 1614–1617 гг. сохранились достаточно полно; связь новгородских татар и новокрещенов с поместьями в Удомельской и Суглицкой волостях была нарушена, и они перешли на положение кормовых (то есть получавших хлебное и денежное жалованье в Новгороде). В то же время после военных событий лета 1614 г., когда угроза завоевания Новгорода войсками князя Д. Т. Трубецкого перестала быть реальной, произошла существенная трансформация в составе служилых людей Новгорода. В это время новгородские татары и новокрещены получили поместья на тех территориях, которые контролировала шведская администрация.

⁴ Двое из них, Якуш Кумышев и Гаврило Охкобяков, прибыв в Новгород, по всей вероятности, вместе тут же заняли денег у других новокрещенов (Михаила Пендиева с товарищами) и нескольких новгородских посадских людей; только через три года они смогли помириться [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 337 об.–338].

сын Волохов» происходил, видимо, из молдаван или валахов [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 15]. Часто происхождение новгородских татар вовсе не указывается, иногда его довольно сложно определить. Так, неясно, кем был «нововыезжий новокрещен 108-го года» «нагайской полоняник Воложские земли Гришка, что был Еболда Ляпушкин» [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 306–308].

Источниковой базой исследования служат документы, связанные с поместным делопроизводством (обеспечением представителей группы компенсаций за службу) и разрядным – собственно, ведающим организацией группы в служилую категорию.

Наиболее ранняя группа источников – документы текущего делопроизводства Поместного приказа 1570-х гг., связанные с наделением поместьями татар и новокрещеных, преимущественно казанских, в Суглицкой и Удомельской волостях Бежецкой пятины. Это была как минимум вторая волна массового испомещения татар и новокрещеных на востоке Новгородской земли. Большая часть новых поместий в Удомельской волости ранее принадлежала татарам астраханским. В сборниках дозорных, отдельных и обыскных книг этого времени встречаются также указания на поместные дачи в других районах Новгородчины, например в Шелонской пятине, как относящиеся к 1572–1573 гг., так и свидетельствующие о более ранних явлениях. Среди ранних испомещений татар на западе Новгородской земли отмечу поместья князей Сеитовых-Городецких и Костровых в Шелонской пятине. К этой же группе источников относятся писцовые книги 1582–1584 гг., также содержащие сведения о татарах и новокрещенах.

Выделю здесь два основных источника: это Отдельные книги казанским новокрещенам в Удомельской волости и Отдельные книги казанским татарам в Суглицкой волости. Оба памятника были составлены в 1571–1572 гг., входят в сборник Отдельных книг Бежецкой пятины [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16925] и были конспективно опубликованы Д. Я. Самоквасовым [Самоквасов, т. 2, с. 190–200, 200–203]. Отдельные книги являются ценным материалом для реконструкции окладов казанцев, хотя в них фиксируется обежный оклад, но если приравнять одну обжу к 10 четвертям⁵, можно получить нормализованную картину, вполне сравнимую с системой поместных окладов новгородцев, в том числе новгородских новокрещеных и татар, известную по источникам рубежа XVI–XVII вв.

Для 1580-х гг. наиболее важное значение имеют писцовые книги 1581–1582 и 1582–1583 гг., содержащие подробное описание Удомельской и Суглицкой волостей [РГАДА. Ф. 1209. Д. 962; Д. 964]. Вся Суглицкая волость, описанная в этом источнике, находилась в поместьях у казанских некрещеных татар (за исключением поместья Филиппа Змеева, которому ранее была отделена часть поместья

⁵ В одной из отдельных книг суглицких татар на такое соотношение «обежного» и «четвертного» поместного уклада указывается прямо [Самоквасов, т. 2, с. 200–201].

казанского татарина Алдиша Алдеярова). Татары Суглицкой волости были разделены на пять статей по окладам; таким образом, писцовая книга содержит материал о верстании татар, не сохранившийся в других источниках⁶.

Пораздо сложнее структура описания Удомельской волости 1582–1583 гг. В ней особыми категориями владельцев поместий являются «старые новокрещены» и «новокрещены и казаки немецких городов». Если первые – это те, кто получил поместья в Удомле в 1571–1572 гг., то вторые – это «юрьевские новокрещены» и «говейские казаки»⁷. «Новых» новокрещенов отдельщики Михаил Шишелов и подьячий Пётр Шелепин испомещали в Удомле преимущественно за счет бывших поместий астраханских мурз и татар, не розданных в поместья казанским татарам в 1571–1572 г. [РГАДА. Ф. 1209. Д. 964. Л. 460 и далее].

Существенно много информации для истории новгородских татар и новокрещенов дает переписная книга дел Новгородского судного приказа 1585–1605 гг. [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12]. В книге перечислены лишь заголовки вершёных и невершёных дел. Однако их анализ позволяет судить как о присутствии татар и новокрещенов в новгородском обществе этой эпохи, так и о повседневной жизни этой группы служилых людей, их горизонтальных связях с другими слоями новгородского общества – конфликтах татар и новокрещенов друг с другом, новгородскими посадскими и служилыми людьми. Есть указания на особенности организации новгородских татар и новокрещенов, на динамику увеличения этой социальной группы.

Вторая по хронологии группа источников – документы разрядного делопроизводства начала XVII в. К ним относятся документы Новгородского разряда лета-осени 1602 г., связанные со

⁶ К сожалению, информация о размерах окладов практически утрачена: верхнее поле книги обрезано при переплете; сохранились заголовки только второй и пятой статей и указание на то, что пятая статья соответствовала 60 четвертям поместного оклада. В таком состоянии писцовая книга Бежецкой пятины была уже к середине XIX в., к моменту подготовки обзора К. А. Неволина [Неволин, прил., с. 314].

⁷ По всей вероятности, в писцовой книге 1583 г., равно как и в других документах, к примеру, в десятне 1605–1606 гг., речь шла о потомках воинов гарнизона этой крепости (Ацель, Adsel, ныне Валка, Латвийская Республика), переданного Речи Посполитой после Ям-Запольского перемирия 1582 г. [Смирнов, с. 471]. Говейские казаки упоминаются в разрядах, сперва при описании похода под Ревель в 1570 г., когда из Пскова туда были посланы головы казачьи с себежскими, красногородскими и говейскими жилецкими казаками (РД 7 : 41). При описании взятия Куконоса (Кукенейс, Кокенгаузен, Кокнесе) в августе 1577 г. 196 говейских казаков (то есть, видимо, прибранных в Говье служилых людей, частично и из татар?) были назначены в гарнизон вновь захваченного города [Разрядная книга 1475–1605 гг., т. 2, ч. 3, с. 542]. После оставления Ливонии в Бежецкой пятине было расселено, между прочим, 9 юрьевских новокрещенов и 55 говейских казаков [Постников]. В десятне новокрещенов 1605–1606 гг. упомянуто 12 говейских казаков. Все они были назначены в рассылочную службу (у них зафиксирован и минимальный в десятне оклад – 40 четвертей у Сергеевского Уланова сына Гуляева [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 35]). Однако нельзя считать, что говейские казаки набирались только из татарской среды. Например, испомещенный в Удомле к 1582 г. говейский казак Илья Иванов сын Волочанинов (полагаю, верно – Волошанинов. – А. С.) вряд ли как-то связан с татарской группой [РГАДА. Ф. 1209. Д. 964. Л. 568].

встречей в Ивангороде и Новгороде датского принца Ханса и десяти новокрещенов и татар 1605–1606 гг.

Список естей и нетей новгородских служилых людей, приехавших в Новгород для встречи принца Ханса, является самым ранним и полным из сохранившихся списков, в том числе и татар и новокрещенов [Селин, 2014]. Этот документ был составлен в Новгороде на основе какой-то документации наподобие десятен. Особый раздел естного списка называется «новгородские татары и новокрещены». После заголовка следует указание на Бежецкую пятину, далее перечисляются собственно татары, ниже – новокрещены. Следующий раздел списка – «нововыезжие новокрещены и татарове крымские и нагайские и азовские и турецкие и кизилбашские и Аринские земли всех пятин». Далее – раздел списка: «106-го нововыезжие крымские и нагайские и азовские татаровя», потом – «такие же новокрещены», далее – «новокрещены, которые взяты у князя у Петра у Шаховского», потом, соответственно, 107-го, 108-го, 109-го и 110-го годов. Таким образом, довольно большой приток татарского населения в Новгород был в последние три года XVI в. Далее в списке особенно отмечены татарские толмачи. Их двое, отец и сын Богдан и Марликей Тенишевы. В списке 1602 г. специально выделены новокрещены царевича Мурат-Гирея и иные крымские и нагайские, присланные в Новгород из Посольского приказа. Завершает этот раздел перечень из девяти имен новокрещенов, крестившихся «ново», то есть, видимо, незадолго до составления некоего разрядного документа, на основе которого был создан данный список.

Кроме списка, важное значение для истории новгородских татар и новокрещенов имеют другие документы из коллекции «Новгородские акты», связанные с приездом принца Ханса и указывающие на конкретные службы новгородских татар и новокрещенов [СПБИА. Кол. 183; обзор см.: Селин, 2009]).

Десятня 7114 (1605–1606) относится к группе новгородских десятен так называемого «самозванческого верстанья». Кроме нее сохранились десятни дворян и детей боярских Бежецкой, Деревской (в двух списках) и Обонежской пятин; десятня Водской пятин сохранилась в конспекте (опубликован Н. В. Мятлевым); десятни Шелонской пятин не сохранилось. Новгородские татары и новокрещены верстались отдельно от других категорий служилых людей, не по пятинам, воеводами князем М. П. Катыревым-Ростовским и И. Н. Салтыковым и дьяками Василием Оладыным и Ефимом Телепневым. В подлинной десятне сохранилась помета о привозе десятни в Москву в разряд в 24 ноября 1607 г. новгородским подьячим Смирным Васильевым [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122]. Десятня новгородских новокрещенов и татар составлена по формуляру, сходному с документом, опубликованным Мятлевым под названием «Десятня Водской пятин». После преамбулы (пересказа наказа из Разрядного приказа) и перечня окладчиков (15 новокрещенов и шесть «татар»-мусульман) следует

перечень служилых людей этих категорий по статьям поместного жалования, сначала новокрещенов, затем татар. Указаний на денежное жалование нет; указаний на принадлежность к той или иной пятине также нет. Содержится (как и в «Десятне Водской пятины») указание на поместный оклад по прежнему верстанию (десятня 7112 г. и верстальный список, вероятно, новиков 7113 г.). Десятня 7112 г. (не сохранившаяся), на которую в документе 1605–1606 гг. приводятся многочисленные ссылки, полностью совпадает по размеру поместных окладов с теми данными, которые приводятся в списке 1602 г. (только часть новокрещенов Бежецкой пятины, которая имела оклады в 150 четвертей в 1602 г. к 1603–1604 г., получила прибавку в 50 четвертей) [Селин, 2014, с. 306–308]. В одном случае отмечено отсутствие поместного оклада в 7112 г. у бывшего бухарца Трофима Маметева, владевшего поместьем «в Торшку» (видимо, в Новоторжском уезде) [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 13 об.]. Десятня в ряде случаев содержит указания на происхождение татар и новокрещенов («Бухарской земли», «крымский татарин» и т. п.), для некоторых новокрещенов указывается прежнее «татарское» имя. К десятне новгородских новокрещенов и татар можно отнести те же особенности, которые исследователи отмечали и в других «самозванческих» десятнях: налицо увеличение размеров поместного оклада и их выравнивание до кратных 50 четвертям [Кротов; Седов; Козляков; Воробьев]. В качестве приправочного материала для верстания татар Бежецкой пятины были также присланы не только десятня 7112 г., но и список верстания новиков в 1603–1604 гг. Примечательно то, как в источнике упоминаются лица, принадлежавшие к титулованным татарским фамилиям. «Княжеский» титул сохранялся только у одного из детей умершего князя, остальные перечисляются без титулов, но с указанием на княжеский титул отца.

Среди новиков десятни достаточно много детей тех татар и новокрещенов, которые получили поместья в Удомельской и Суглицкой волостях в 1570–1580-х гг. Это дети удомельцев Осипа Булгакова, Федора Карамышева, Макара Едигерева. Если некоторые новокрещены упоминаются с прежним «мусульманским» именем, носимым до конверсии, то другая группа новокрещенов имеет отчества. Предположу, что это второе поколение новокрещенов.

В десятне упомянуто 197 служащих новокрещенов (из них 27 новиков), кроме того, 14 недорослей и один больной, жившие в поместьях своих братьев. Дважды в десятне был записан Гаврило Осипов сын Булгаков, первый раз как новик, поверстаный в службу с отцовского поместья [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 30 об.], а второй раз как говейской казак, поверстаный в рассылочную службу [Там же. Л. 34].

Все татары, упомянутые в десятне 1605–1606 гг., названы татарами Бежецкой пятины. Это явно указывает на их сравнительно компактное расселение (хотя десятня и не дает более точных локализаций).

Среди татар также встречаются служилые люди, явно относящиеся ко второму поколению живущих в Новгородской земле. Татар (то есть по букве источника мусульман, но на деле, видимо, служивших по своеобразному «татарскому» списку) в десятне перечислено 48 человек, из них четверо были новиками.

География расселения

Татары и новокрещены были расселены во всех пятинах Новгородской земли. Обращают на себя внимание два района компактного расселения татар и новокрещенов в Бежецкой пятине. Это Суглицкая волость и Удомля (группа погостов и волостей). Еще Г. В. Абрамович отмечал, что в середине XVI в. Удомля и Суглицкая волость были теми территориями, куда испоместили казанских и астраханских татар [Абрамович, с. 191]. Эти возникшие в Новгородской земле татарские анклавов были не столь заметны, как, к примеру, Романов и Касимов, однако в 1570–1610-х гг. оказались заселены преимущественно татарским населением. В других пятинах территорий компактного расселения татар и новокрещенов не наблюдается.

Удомельская волость расположена на территории нынешней Тверской области, в междуречье Мсты и Мологи. Она была конфискована у новгородского архиепископа в числе первых (в 1478 г.) [Самоковасов, т. 1, с. 80], потом была расширена за счет соседних боярщин. Однако на рубеже XV–XVI вв. в поместную раздачу пошли, по всей вероятности, территории («боярщины») бывших новгородских частных землевладельцев [Самоковасов, т. 1, с. 200; Писцовые книги Новгородской земли, т. 1, с. 145], а основная (бывшая владычная) волость, по всей вероятности, оставалась в Дворцовом ведомстве вплоть до середины XVI в. Удомля – густонаселенный район с высокой плотностью деревень; к середине XVI в. здесь было выстроено несколько сельских храмов [Приходная книга Новгородского дома святой Софии, с. 105, 113]. Волость, как уже было сказано, одной из первых попала в поместную раздачу татарам.

Отдельные книги 1571–1572 гг. подробно фиксируют процесс масштабного мероприятия – раздачи поместий астраханских новокрещенов (выведенных из Новгородчины) казанским. Кроме Удомельской волости, к этим отдельным книгам примыкают подобные документы, произведенные в рамках той же кампании отдельщиком подъячим Василием Коломенским другим казанцам-новокрещенам в Ворожебском, Поддубском, Раевском и других соседних погостах Бежецкой пятины. Отличие этих отделов в том, что они осуществлялись за счет выморочных земель простых помещиков-новгородцев нетатарского происхождения. Впрочем, тогда же, в 1571–1572 гг., часть бывших поместий астраханских татар были розданы новгородским служилым людям (Федору и Алексею

Мазовским и другим новгородцам в Удомельской волости). Таким образом, в ходе этих раздач район испомещения татар и новокрещенов в Бежецкой пятине несколько изменился.

Среди поместий астраханских новокрещенов наиболее значимым было поместье князя Дмитрия Улдесева. Он был испомещен в сельце Мишнево на озере Писве вместе со своим небольшим двором – двое его людей, Куземка и Тегеш, также имели в поместье по одной обже. Некоторая часть астраханских новокрещенов владела поместьями в других соседних погостах, пошедших в раздачу в 1571–1572 гг. другим новгородским помещикам. Часть казанских новокрещенов полностью получала свой оклад поместного жалования за счет бывших астраханских помещиков, другая часть уже имела поместные владения в других соседних погостах Бежецкой пятины – Тельбовичском, Никольском в Раю, Михайловском в Михайлове Конце. Оклады казанских новокрещенов колебались от 10 до 23 обож (то есть четвертной оклад составлял от 100 до 230 четвертей).

Позже, в 1582–1583 гг., пустые обжи в Удомельской волости «государев отдельщик» Михаил Шушелов и подьячий Пётр Шелепин раздали в поместья юрьевским новокрещенам и говейским казакам [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16935. Л. 58–60 об.]. Это следует рассматривать в контексте решения проблемы наделения поместьями эвакуированных из бывшей Русской Ливонии служилых людей [Аракчеев].

Суглицкая волость располагалась на сильном удалении от основных магистралей XVI–XVII вв. Ныне это район деревни Журавлево и поселка Ефимовский Бокситогорского района Ленинградской области. В источнике, восходящем к рубежу XV–XVI вв., волость упоминается в качестве оброчной (ранее, в годы новгородской независимости, принадлежавшей Олферу Ивановичу Офонову) [Писцовые книги Новгородской земли, т. 1, с. 222]. В Суглицкой волости казанским татарам в 1571–1572 гг. раздавались поместья также казанских татар и татарских вдов, скончавшихся к этому времени. Обычным размером поместий там было 10 обож; по всей вероятности, в волости испомещались рядовые служилые люди. В отдельных книгах Суглицкой волости есть указание на размер прожиточного сиротского поместья – Татьяне, дочери Фёдора Розгилдеева, было выделено три обжи, «оклад ее сполна». То, что все получившие в 1571–1572 гг. поместья в Суглицкой волости новые помещики были татарами-мусульманами, вроде бы также указывает на недавнее начало ими службы.

Первое сохранившееся описание волости относится к 1582–1583 гг. (ср. выше). Именно оно наиболее точно фиксирует сеть татарских поместий. Писцовая книга фиксирует существование на погостском центре «двора волостного суглицких татар и крестьян на приезд» [РГАДА. Ф. 1209. Д. 962. Л. 704–704 об.]. Однако к 1618 г. в Суглицкой волости не осталось ни одного татарина. Все немногие «живущие» обжи в бывших татарских поместьях были переданы помещикам

Нарбековым, Кулибакиным, Ушаковым [РГАДА. Ф. 1209. Д. 16974. Л. 1–4 об.]. Вопрос об этнографическом исследовании этого пространства может быть поставлен. Но, видимо, татарского наследия здесь сохранилось немного. Впрочем, в 1823 г. одним из здешних помещиков был генерал-майор Илья Мамаев, несомненно, потомок татарского помещика 1582 г. Камая Мамаева.

Конверсия новгородских татар

В середине 1550-х гг. в Новгороде крестились первые, видимо, казанские татары. 11 февраля 1556 г. они были разсланы по новгородским пригородным монастырям, «чтоб они без нашего ведома прочь не отлучались никуда» [Дополнения к Актам историческим, т. 1, с. 148–149, № 97].

Конверсия татар, прибывавших на Северо-Запад России, происходила, по всей вероятности, достаточно быстро. Большинство представителей группы татар и новокрещеных по известным источникам были именно новокрещенцами, хотя какое-то число мусульман продолжало сохраняться, видимо, до конца XVII в. Не всегда, как было показано, выше, можно точно определить, произошла ли конверсия. Так, известно, что в Новгородском судебном приказе в 1598–1599 гг. была осуществлена «записка новокрещена Микулки Арапа, что он сек новокрещена ж Спиридона Сеитова» [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. Л. 157–157 об.]. В то же время Спиридон Сеитов упомянут среди новокрещеных, «крестившихся ново» в 1602 г. [Селин, 2014, с. 306–308].

Предполагаю, что конверсия шла все время, хотя, вероятно, с разной интенсивностью. Можно утверждать, например, что между 1582 и 1602–1605 гг. значительная часть татар конвертировалась в православие, однако прямые указания на это часто отсутствуют, в связи с чем в составленной базе данных наверняка есть дублирование. Скорее всего, одним лицом является Бекбулат (1582) и Данило (1605) Уразлеев. То же касается братьев Тобыча и Девлеткилдея Курманалеевых – в документах 1602–1605 гг. упоминаются дети Василия и Семена Курманалеевых, все с христианскими именами, но утверждать наверняка, что Тобыч и Девлеткилдей – это Василий и Семен, серьезных оснований пока нет.

Примечательна жалованная грамота новгородского митрополита Варлаама, данная удомельским новокрещенцам 26 июня 1592 г. Эти новокрещены, прихожане церкви Дмитрия Солунского на озере Островня Григорий Сюстеев с товарищами, просили митрополита о предоставлении льгот их приходской церкви, которая «стоит пуста без пения больше деи полутретьятцать лет...» [СПБИАИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 63. Л. 160 об. – 161]. В 1593–1594 гг. упоминается новокрещен, постриженник новгородского пригородного Горнецкого монастыря

старец Антоний⁸. К 1606 г. среди новгородских служилых татар было 197 новокрещенов и 48 татар-мусульман.

Обращает на себя внимание упомянутый в списке 1602 г. новокрещен с явно мусульманским именем Мавкел Янчюрин [РА, НОА. Ser. 2 : 306]. В десятне 1605–1506 гг. два известных Янчюрина – не «татары», а новокрещены. Ишей Янгурчеев записан в списке 1602 г. среди новокрещенов; десятня 1605–1606 гг. называет его «новокрещен Андей Янгурчеев, что был татарин Ишей». Нококрещеном с окладом в 200 четвертей в списке 1602 г. назван Янсуба Еналеев [Ibid. : 306–308]. Видимо, и через год, в 1603–1604 гг., он, конвертировавшись в православие, остался известен под своим прежним именем, когда упоминается иск к «Удомельские волости новокрещену Янсубе Еналееву» [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 373 об. – 374].

Примечательны «христианские» имена татар в десятне 1605–1606 гг. Если имя окладчика Юрия Тенишева или татарина Ивана Мавкелева можно объяснить ложными этимологиями каких-то татарских имен, то как интерпретировать имена татар Ивана и Ильи Семеновых, детей Тенишева [РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. Д. 122. Л. 38 об., 40], сказать сложно. Татарин Клиш Клишкинеев назвал троих своих сыновей Иваном, Михаилом и Степаном; при этом все они были записаны среди татар, а не среди новокрещенов [Там же. Л. 44 об.].

* * *

В конце XVI в. новгородские татары (и, видимо, новокрещены) были организованы в особый отряд, скорее всего, наподобие приказа, с головой, назначавшимся из состава членов государева двора. Головой татар служил Иван Иванович Шеремет Отрепьев, из угличских детей боярских (выборный?) [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 262]. Книга указывает и на движение воинских контингентов в связи с войной 1590–1593 гг. В Новгород в это время прибыл отряд (приказ) касимовских татар с головой Федором Акинфовым [Там же. Л. 272 об.]. Замечу, что в обоих случаях головы татарских отрядов – из «нетатарских» служилых людей. Прибывали в Новгород и новокрещены из других городов, таких как Вязьма, новокрещены из которой в 1591–1592 гг. потравили (вероятно, лошадьми) пашни дворцового пригородного села Королева [Там же. Л. 282 об.]. Татарин Еналей, испомещенный в Боровске, конфликтовал с ямскими охотниками Алексеевской слободы из-за лошадей [Там же. Л. 283]. Годом позже в Новгороде упоминается темниковский татарин Ахмат-мурза Бахтеев [Там же. Л. 203 об.]. В конце XVI в. в городе появились и сибирские татарские царевицы Сейтяк

⁸ Список с государевы грамоты и сыск по челобитью казанского новокрещена постриженника Горнецкого монастыря старца Антония, а подлинная государева грамота за приписью дьяка Ондreja Щелкалова и сыск посланы ко государю к Москве, потому что государева грамота лживлена [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 18 об.].

и Миткуль Атулунич со своими дворами [СПБИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12. Л. 4 об., 282] и касимовский царевич Араслан-Алей Кайбулич [Там же. Л. 287]. Сибирский царевич князь Сейтяк продолжал находиться в городе и после окончания войны со шведами в 1594–1595 гг. [Там же. Л. 106]. В Новгороде в начале XVII в. оказалась и часть двора царевича Мурат-Гирея, скончавшегося в Астрахани в 1591 г. [Виноградов] (в 1603–1604 гг. упоминается его мурза Мамай Семендерев [Там же. Л. 381 об.]). В десятне 1605–1606 гг. упомянут также принадлежавший к этому двору перешедший в православие «Кондратей, что был царевичевской Мурат-Киреевской тотарин Ефремко, старой ево помесной оклад 350 чети, поверстан на 300 чети, а убавлено у него за лень 50 чети». В Новгороде начала XVII в. находились не только татары и новокрещены – потомки испомещенных при Иване IV и Борисе Годунове казанцев и астраханцев, но и оказавшиеся здесь служилые люди других городов. Кроме того, какая-то, видимо, значительная группа татар приехала в Новгород с царевичем Алтанеем Кучумовым. Около 1601 г. в Новгороде оказался шурин сибирского царевича Маметкула Одногул-мурза Маметев [Там же. Л. 306–308]⁹; видимо, с ним приехал и юргенец Ивашко Ярымов, записанный среди новокрещенов, «крестившихся ново» в 1602 г. [Там же].

Политические события начала XVII в. привели к существенным изменениям в составе новгородского служилого города. Разумеется, они отразились и на новгородских татарах и новокрещенах. В ходе политических событий 1609–1611 гг. в городе появились новые группы татар и новокрещенов (из Торжка и Твери); долгое время в Новгороде проживал сибирский царевич Алтаней Кучумов со своим двором [Беляков, 2005]. Именно к Смутному времени относятся данные о консолидации исследуемой социальной группы. Смута в значительной мере изменила облик корпорации татар и новокрещенов. Численность ее уменьшилась в несколько раз. По всей вероятности, в ходе политических событий 1608–1617 гг. произошла и консолидация группы; ее деление по происхождению на казанцев, «черкашен» и иных, значимое еще в 1605–1606 гг., стерлось. Этот период существования новгородских татар и новокрещенов требует дальнейшего исследования.

Формирование особой категории «татар и новокрещенов» внутри новгородского служилого города в середине XVI в. вполне укладывалось в общую тенденцию к интеграции, смешению разных категорий военных страт Московского государства. Однако нет сомнения в том, что реализовывавшие эту интеграцию Разрядное и Поместное ведомства не ставили перед собой подобной задачи. Их цели были значительно более простыми – усиление военной силы на Северо-Западе путем привлечения новых служебных групп и обеспечение их

⁹ По не до конца выясненной причине назван «юргенским», то есть ургенчским царевичем. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

службы поместным жалованьем. Однако в специфических условиях близкой к театру военных действий Новгородской земли, лежавшей на серьезном удалении от вновь присоединенного Поволжья, «новгородские татары и новокрещены», с одной стороны, сохраняли внутреннюю служебную организацию, независимую от других групп новгородского служилого города, а с другой, были готовы инкорпорировать другие, не связанные с бывшими Казанским и Астраханским ханствами, но так же чуждые для Новгорода группы служилых людей, не всегда мусульманского происхождения (крымцев, бухарцев, но и «волошан» и даже грузин). Этому способствовал, впрочем, и принцип учета разных групп служилого сословия в Разрядном ведомстве, выделявший «татар и новокрещенов» вплоть до конца XVII в. Постепенный переход большинства «татар» Северо-Запада России в православие не вел к немедленной интеграции их с другими новгородскими служилыми людьми.

Список литературы

Абрамович Г. В. Дворянское войско в царствование Ивана IV // Россия на путях централизации М. : Наука, 1982. С. 186–294.

Акты Московского государства. М. : Изд. тип. Императ. акад. наук, 1890. Т. 1. 766 с.

Аракчеев В. А. Утраченный указ 1582 г. об испомещении «детей боярских немецких городов» и его реализация // Феодалная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 38–42.

Беляков А. В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения : материалы науч. конф. Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского (29–30 окт. 2004 г.). Н. Новгород, 2005. С. 21–35.

Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : Просопографическое исследование. Рязань : Мир, 2011. 512 с.

Виноградов А. В. Русско-крымские отношения в 1570–1590-х гг. в контексте династического кризиса Гиреев // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 2. Казань : ИХЛАС, 2010. С. 274–299.

Воробьев В. М. Лжедмитрий I и судьбы службы «по отечеству» поместной системы // Прошлое Новгорода и Новгородской земли : материалы науч. конф., 18–20 нояб. 2003 г. Великий Новгород, 2003. С. 47–49.

Дополнения къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографическою комиссіею (ДАИ). СПб. : Изд. тип. Имп. канцелярии, 1846. Т. 1. 400 с.

Козляков В. Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (от Смуты до Соборного уложения) : автореф. дис. ... докт. историч. наук. СПб., 1999. 50 с.

Кротов М. Г. Десятни XVI – начала XVII в. как исторический источник // Источниковедение и историография истории СССР : Дооктябрьский период. М. : Изд-во Ин-та истории СССР АН, 1982. С. 56–72. URL: http://www.krotov.org/yakov/desyatni/ind_des.html (дата обращения: 27.04.2016).

Куковенко В. К. Иван Грозный и опричнина // Иоанн Грозный : антология. М. : ЭКСМО, 2004. С. 476–498.

Курбатов О. А. Полк Антония Грановского в походе 1654 г.: о положении военных специалистов инженерного и артиллерийского дела в русском войске // Иноземцы в России в XV–XVII веках : сб. материалов конф. 2002–2004 гг. М. : Древлехранилище, 2006. С. 316–335.

Моисеев М. В. Представители политических элит покоренных татарских ханств в России второй половины XVI в.: Хосров-бек // Исторические биографии в контексте региональных и имперских границ Северной Европы. СПб. : Изд-во НИУВШЭ, 2013. С. 41–46.

Моисеев М. В. Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Questatio Rossica*. 2016. № 1. С. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.

Неволин К. А. О пятинах и погостах новгородских. СПб. : Изд. тип. Императ. акад. наук, 1853. 663 с.

Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы и русские горожане в XVII веке (по неопубликованным источникам РГАДА) // *Славяноведение*. 2002. № 2. С. 69–81.

Писцовые книги Новгородской земли. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1. 432 с.

Постников И. Н. Дворянское землевладение в Бежецком уезде // *Бежецкий Край*. Бежецк : Гос. изд-во, Тверское отд., 1921. 98 с.

Приходная книга Новгородского дома святой Софии. 1576/77 г. М. ; СПб. : Архео-Альянс, 2011. 284 с.

Разрядная книга 1475–1605 гг. : в 3 т. М. : Наука, 1977—1984. Т. 2. Ч. 3. 1982. 914 с. РГАДА. Ф. 1209. Д. 962, 964, 16925, 16935, 16936, 16942, 16974; Ф. 210. Оп. 4. Д. 122; Ф. 96. 1616. Д. 6, 10.

Самоковасов Д. Я. Архивный материал : в 2 т. М. : Изд. Императ. Моск. ун-та, 1905–1909. Т. 1. 800 с. Т. 2. Ч. 2. 850 с.

Седов П. В. Поместные и денежные оклады как источник по истории дворянства в Смуту // *АРИ*. Вып. 3. М. : Археографич. центр, 1993. С. 227–241.

Селин А. А. Новгородское общество эпохи Смуты. СПб. : Блиц, 2008. 752 с.

Селин А. А. Комплекс документов о визите датского принца Юхана в Новгород в августе 1602 г. // *Древняя Русь : Вопр. медиевистики*. 2009. № 3. С. 101–102.

Селин А. А. Приезд принца Ганса Датского в Московское государство и Новгородский служилый город в 1602 г. // *Единорогъ : материалы по военной истории Восточной Европы*. Вып. 3. М. : Рус. витязи, 2014. С. 278–349.

Смирнов Н. В. Ливонская война и города Ливонии // *Балтийский вопрос в конце XV – XVI в. : сб. науч. ст. М. : Квадрига, 2010. С. 454–481.*

СПБНИИ. Кол. 2. Оп. 1. Д. 12, 17, 63; Кол. 115. Оп. 1. Д. 324; Кол. 183. Карт. 1. Д. 18. Центр исторических исследований [сайт]. URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/socialhistory> (дата обращения: 31.05.2016).

Jordebocker. Писцовые книги Ижорской земли. СПб. : В тип. Императ. акад. наук, 1859. Т. 1. Годы 1618—1623. 151 с.

RA, NOA. Ser. 1 : 4, 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25.

References

Abramovich, G. V. (1982). *Dvoryanskoe voysko v tsarstvovanie Ivana IV* [Noblemen Army during the Reign of Ivan the Terrible]. In *Rossiya na putyakh tsentralizatsii* (pp. 186–294). Moscow, Nauka.

Akty Moskovskogo gosudarstva [Acts of Muscovite State]. (1890). Vol. 1. 766 p. Moscow, Izd. tipografii Imperatorskoy akademii nauk.

Arakcheev, V. A. (1993). *Utrachennyukaz 1582 g. ob ispomeshchenii "detey boyarskikh nemetskikh gorodov" i ego realizatsiya* [The Lost Order of 1582 on Giving Estates to the Boyar Sons from "Nemetskie Goroda" and Its Implementation]. In *Feodal'naya Rossiya. Novye issledovaniya* (pp. 38–42). St. Petersburg, Tret'ya Rossiya.

Arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii RAN [Archives of Saint Petersburg Institute for Russian History, RAS]. Collection 2. List 1. Dossier 12, 17, 63; Collection 115. List 1. Dossier 324; Collection 183. Folder 1. Dossier 18.

Belyakov, A. V. (2005). *Uchastie sibirskogo tsarevicha Altanaya ibn Kuchuma v sobytiyakh Smutnogo vremeni i ego sud'ba* [The Participation of Siberian Prince Altanay ibn Kutchum in the Time of Troubles Events and His Fate]. In *Mininskie chteniya : materialy nauchnoy konferentsii. Nizhegorodsky gosudarstvennyy universitet imeni N. I. Lobachevskogo (29–30 oktyabrya 2004 g.)* (pp. 21–35). Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta.

Belyakov, A. V. (2011). *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov : Prosopograficheskoe issledovanie* [Chingisides in 16th–17th Century Russia. A Prosopographical Study]. 512 p. Ryazan, Ryazan'. Mir.

Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya arkheograficheskoyu kommissiyu [Addenda to Historical Acta Collected and Published by the Archaeographic Commission]. (1846). Vol. 1. 400 p. St. Petersburg, Izd. tipografii Imp. Kantselyarii.

- Jordebocker. (1859). *Pistsovye knigi Izhorskoy zemli* [Record Books of Ingria]. Vol. 1. Gody 1618–1623. 151 p. St. Petersburg, V tipografii Imperatorskoy akademii nauk.
- Kozlyakov, V. N. (1999). *Sluzhilyy "gorod" Moskovskogo gosudarstva XVII veka (ot Smuty do Sobornogo ulozheniya)* [Service "Town" of the 17th Century Muscovite State (From the Time of Troubles to the Sobor Legislation)]. (Dissertation abstract). 50 p. St. Petersburg.
- Krotov, M. G. (1982). Desyatni XVI – nachala XVII v. kak istorichesky istochnik [16th – Early 17th century Service Lists as a Historical Source]. In *Istochnikovedenie i istoriografiya istorii SSSR : Dooktyabr'sky period* (pp. 56–72). Moscow, Izd-vo Instituta istorii SSSR AN. URL: http://www.krotov.org/yakov/desyatni/ind_des.html (mode of access: 27.04.2016).
- Kukovenko, V. K. (2004) *Ivan Groznyy i oprichnina* [Ivan the Terrible and Oprichnina]. In *Ioann Groznyy : antologiya* (pp. 476–498). Moscow, EKSMO.
- Kurbatov, O. A. (2006). *Polk Antoniya Granovskogo v pokhode 1654 g.: o polozhenii voennykh spetsialistov inzhenernogo i artillerijskogo dela v russkom voyske* [Antony Granovsky's Regiment in the 1654 Company: Towards the Issue of Military Experts in Engineering and Artillery Position in Russian Army]. In *Inozemtsy v Rossii v XV–XVII vekakh : sbornik materialov konferentsy 2002–2004 gg.* (pp. 316–335). Moscow, Drevlekhranilishche.
- Moiseev, M. V. (2013). *Predstaviteli politicheskikh elit pokorenykh tatarskikh khanstv v Rossii vtoroy poloviny XVI v.: Khosrov-bek* [Representatives of Political Elites of Tarta Khanates in Russia in the 2nd half of the 16th Century: Hosrov-Bek]. In *Istoricheskie biografii v kontekste regional'nykh i imperskikh granits Severnoy Evropy* (pp. 41–46). St. Petersburg, Izd-vo NIUVShE.
- Moiseev, M. V. (2016). *Musul'manskaya politika Russkogo gosudarstva v epokhu Ivana Groznogo: diskussionnye aspekty* [The Muslim Policy of the Russian State under Ivan the Terrible: Controversial Aspects]. In *Questatio Rossica, 1*, pp. 37–54. DOI 10.15826/QR.2016.1.140.
- Nevolin, K. A. (1853). *O pyatinakh i pogostakh novgorodskikh* [Towards the Issue of Novgorod Pyatina and Pogost]. 663 p. St. Petersburg, Izd. tipografii Imperatorskoy akademii nauk.
- Orlenko, S. P. (2002). *Vykhodtsy iz Zapadnoy Evropy i russkie gorozhane v XVII veke (po neopublikovannym istochnikam RGADA)* [Resettlers from Western Europe and Russian Townsmen in 17th Century (On the Unpublished Sources from RGADA)]. In *Slavyanovedenie, 2*, pp. 69–81.
- Pistsovye knigi Novgorodskoy zemli* [Record Books of Novgorod Land]. (1999). Vol. 1. 432 p. St. Petersburg, Dmitry Bulanin.
- Postnikov, I. N. (1921). *Dvoryanskoe zemlevladienie v Bezhetskom uезде* [Noblemen Landownership in Bezhetsk District]. In Bezhetsky Krai (pp. 36–55). Bezhetsk, Gos. izd-vo, Tverskoe otdelenie.
- Prikladnaya kniga Novgorodskogo doma svyatoi Sofii. 1576/77 g.* [The Receipt Book of Novgorod St. Sophia Estate]. (2011). 284 p. Moscow, St. Petersburg, Arkheo-Al'yans.
- Razryadnaya kniga 1475–1605 gg. : v 3 t.* [Razryad Book of 1475–1605] (1982). Vol. 2. Part 3. 914 p. Moscow, Nauka.
- Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod.* Ser. 1 : 4, 1 : 46, 1 : 64, 2 : 25.
- RGADA – Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 1209 (*Pomestnyy Prikaz*). Dossier 962, 964, 16925, 16935, 16936, 16942, 16974; Stock 210. List 4. Dossier 122; Stock 96. 1616. Dossier 6, 10.
- Samokvasov, D. Ya. (1905). *Arkhivnyy material : v 2 t.* [Archival Data]. Vol. 1. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnyykh uchrezhdeniy Moskovskogo tsarstva. 800 p. Moscow, Izd. Imp. Moskovskogo universiteta.
- Samokvasov, D. Ya. (1909). *Arkhivnyy material : v 2 t.* [Archival Data]. Vol. 2. Novootkrytye dokumenty pomestno-votchinnyykh uchrezhdeniy Moskovskogo tsarstva. Part 2. 850 p. Moscow, Izd. Imp. Moskovskogo universiteta.
- Sedov, P. V. (1993). *Pomestnye i denezhnye oklady kak istochnik po istorii dvoryanstva v Smutu* [Land and Money Ranks as a Source for Noblemen History during the Time of Troubles]. In *Arkhiv russkoy istorii, Iss. 3*, pp. 227–241. Moscow, Arkheografichesky tsentr.
- Selin, A. A. (2008). *Novgorodskoe obshchestvo epokhi Smuty* [Novgorod Society during the Time of Troubles]. 752 p. St. Petersburg, Blits.
- Selin, A. A. (2009). *Kompleks dokumentov o vizite datskogo printsa Yuhana v Novgorod v avguste 1602 g.* [Data Complex Concerning Prince Johan's visit to Novgorod in August, 1602]. In *Drevnyaya Rus' : Voprosy medievistiki, 3*, pp. 101–102.

Selin, A. A. (2014). *Priезд printsa Gansa Datskogo v Moskovskoe gosudarstvo i Novgorodskiy sluzhilyy gorod v 1602 g.* [The Arrival of Prince Hans of Denmark to Muscovy and Novgorod Servicemen Corporation in 1602]. In *Edinorog : Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy*, Iss. 3, pp. 278–349. Moscow, Russkie vityazi.

Smirnov, N. V. (2010). *Livonskaya voyna i goroda Livonii* [Livonian War and Towns of Livonia]. In *Baltiyskiy vopros v kontse XV – XVI v. : sbornik nauchnykh statey* (pp. 454–481). Moscow, Kvadriga.

Tsentri istoricheskikh issledovaniy [Center of Historical Researches]. URL: <http://sh.spb.hse.ru/chr/socialhistory> (mode of access: 31.05.2016).

Vinogradov, A. V. (2010). Russko-krymskie otnosheniya v 1570–1590-kh gg. v kontekste dinasticheskogo krizisa Gireev [Russian-Crimean Relations in the 1570s–1590s in the Context of Girej Dynastic Crisis]. In *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva*, Iss. 2, pp. 274–299. Kazan, Ikhlas.

Vorob'ev, V. M. (2003). Lzhedmitry I i sud'by sluzhby “po otechestvu” pomestnoy sistemy [False Dimitry and I Changes in the Land Estate Service System]. In *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoy zemli : materialy nauchnoy konferentsii 18–20 noyabrya 2003 goda* (pp. 47–49). Veliky Novgorod, NovGU im.Yaroslava Mudrogo.

The article was submitted on 28.03.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.178

УДК 94(470)"16"+316.356+316.342.2+316.343"653"

ХОЛОПСТВО В РОССИИ XVII В.: ИНСТИТУТ, НЕ ПОРОДИВШИЙ КАСТУ*

Владимир Аракчеев

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

KHOLOPSTVO (SLAVERY) IN 17TH-CENTURY RUSSIA: AN INSTITUTION THAT DID NOT RESULT IN A CASTE**

Vladimir Arakcheev

Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Science (Ural Branch),
Yekaterinburg, Russia

The article deals with the history of slaves in Russia in the 17th century: it traces the evolution of the legal status of this group from the Time of Troubles to the reforms of Peter I. The bondage book of Veliky Ustyug (1619–20) provides new data on Russian slavery. The institution of slavery originally drew from all social strata, including nobles and knights; however, the enslavement of these individuals was prohibited in the 1640s. From 1641 onwards, it was forbidden to turn peasants and townspeople into slaves. The law sharply separated *Zhiletskie ludi*, whom some historians consider a variety of slaves, from serfs: they thus constituted a particular social group. Before the 1630s, when the ownership of slaves became a noble monopoly, members of all social strata owned slaves. This is demonstrated by the Ustyug bondage book. Slaves formed an extremely diffuse social group: therefore, R. Hellie's definition of Muscovite slaves as a caste is erroneous. After 1649, the number of *zadvornye ludi* grew rapidly. This group included both slaves and persons of uncertain legal status: in reality, their position was akin to

* Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX в.».

** *Citation*: Arakcheev, V. (2016). "Kholopstvo" (Slavery) in 17th-century Russia: An Institution That Did not Result in a Caste. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 111–122. DOI 10.15826/qr.2016.3.178.

Цитирование: Arakcheev V. "Kholopstvo" (Slavery) in 17th-century Russia: An Institution That Did not Result in a Caste // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 111–122. DOI 10.15826/qr.2016.3.178 / Аракчеев В. Холопство в России XVII в.: институт, не породивший касту // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 111–122. DOI 10.15826/qr.2016.3.178.

that of the peasantry. Thus, the road to the abolition of slavery was paved by processes of social stratification in Russia.

Keywords: 17th century Russian history; social class; peasantry; social group; kholopstvo.

Рассматривается история социальной группы холопов в России XVII в.: источники исследования, этапы эволюции их правового статуса от Смутного времени до реформ Петра I. В научный оборот вводится кабальная книга Великого Устюга 1619–1620 гг., расширяющая представления о русском холопстве. Институт холопства пополнялся представителями всех социальных слоев, включая дворян и детей боярских, доступ которых в ряды холопов был запрещен в 1640-х гг. С 1641 г. в холопы было запрещено принимать также крестьян и посадских людей. Жилецкие люди, которых некоторые историки считали разновидностью холопов, в законодательстве резко отделялись от них и составляли особую социальную группу. Автор настаивает, что до 1630-х гг., когда владение холопами стало практически монополией дворян, холопами владели представители всех страт общества. Введенная автором в научный оборот Устюжская кабальная книга показывает, насколько широким был спектр рабовладельцев Московской Руси. Автор приходит к выводу, что, будучи чрезвычайно размытой социальной группой, холопы впитывали в свои ряды представителей самых разных социальных страт, и их нельзя считать единым сословием.

Ключевые слова: история России XVII в.; сословие; холопство; крестьянство; социальная группа.

История холопства в России изучается начиная с середины XIX в., и проблема определения места холопов в обществе занимала внимание представителей всех научных школ. Дореволюционные русские историки не считали холопов сословием, не усматривая за ними никаких определенных прав; советская историография не затруднялась такими терминологическими тонкостями. Типичным примером являются изыскания крупнейшего специалиста по истории холопства В. М. Панеяха, который определял холопство как институт, считая холопов «единым сословием», объединяя в этом понятии группы холопов, различавшиеся по правовому статусу [Панеях, 1975, с. 5]. Для Р. Хелли холопы не были сословием равно в той же степени, что и другие страты российского общества, которые он был склонен считать кастами: «После 1649 г. Московия представляла собой кастовое общество, в котором статус каждого жителя был определен законом, и судьба его наследников была predetermined» [Хелли, с. 26–27, 31].

В осмыслении социального статуса холопов существуют два затруднения методологического и источниковедческого характера. Сущностной чертой методологии исторической науки советского периода был механицизм, когда человек рассматривался как чистая функция

социальных отношений, поэтому холоп мог «превращаться» в крестьянина. Из гибкой, неоднозначной концепции происхождения крепостного права Ключевского отечественные историки сделали вполне схоластический вывод об «изживании» холопства в XVI–XVII вв. В 1930–1940-х гг. благодаря усилиям Б. Д. Грекова этот тезис приобрел канонические черты и нашел выражение во вполне безличной терминологии [см. об этом: Аракчеев, 2014, с. 35, 50]. Более существенным ограничением в изучении истории холопства стал фактор недостаточной источниковой базы. В мае 1682 г. в ходе стрелецкого восстания в Москве был сожжен архив Холопьего приказа. Слабая сохранность дел о холопах в провинциальных архивах привела к тому, что все известные в науке до настоящего времени реестры, фиксировавшие сделки на холопов («Книги старых крепостей» и «Кабальные книги»), происходят из архивов Новгородской и Псковской приказных изб. В результате состояние холопства в России исследователи реконструируют главным образом на материалах Северо-Запада России, поскольку от других регионов и даже Москвы дошли только отдельные судебные дела [Хелли, с. 691–693; Панях, 1984, с. 18–19]. Второй перекосяк в источниковой базе состоит в том, что холопство второй половины XVII в. не изучено даже по новгородским источникам, а попытку его изучения по новгородским переписным книгам нельзя, к сожалению, признать успешной [Аракчеев, 2007, с. 316–324].

Задача исследования проистекает из изложенных проблем и заключается на основании новых источников в анализе холопства как института и холопов как социальной страты.

Значение холопства в русском обществе XVII в. определялось, во-первых, количественными показателями. По данным А. Я. Водарского, в Вологде по переписи 1678 г. около 6,2 % населения составляли холопы, принадлежавшие служилым людям и духовенству, а по петровским переписям Вологодского уезда 1710-х гг. холопы составляли 4,4 % населения, в 1718–1722 гг. это значение упало до 3,7 % [Водарский, с. 111–115]. Опираясь на эти данные, Р. Хелли считал, что в XVII в. в главных уездных городах холопы составляли от 5 до 10 % взрослого мужского населения. Очевидно, что это значение осознавалось и современниками, ибо, по замечанию того же Хелли, Россия была единственной страной, где существовал орган центрального управления делами рабства – Холопий приказ. Вторая особенность института холопства состояла в том, что основная часть рабов были местными уроженцами и стали рабами, продавшись в кабальные холопы [Хелли, с. 15, 653]. Институт холопства охватывал выходцев из всех социальных слоев, включая привилегированных служилых людей – дворян и детей боярских. До середины XVI в. самопродажа в холопство была возможна даже для детей боярских, служивших при дворе или в армии, но в 1550 г. начинается длительный процесс лишения дворян возможности переходить в рабы. В ст. 81 Судебника

1550 г., а затем указом от 1 сентября 1557 г. запрещалось «похолопле-ние» детей боярских, не уволенных с царской службы, и их детей, не достигших 15 лет [Судебники, с. 170; Законодательные акты, тексты, с. 45]. В 1638 г. верстанным детям боярским вновь было запрещено продаваться в холопство, а уже продавшихся было предписано «из кабалново холопства имать на государеву службу» [Законодательные акты, тексты, с. 184].

Ключевое значение в истории холопства имел указ, изданный не позднее 30 мая 1641 г.¹ Применительно к детям боярским запрещалось продаваться в кабалное холопство безотносительно к факту верстания. По указу от 23 июля 1641 г. верстанных и имевших поместья детей боярских, перешедших в холопы, надлежало забирать из холопства даже с семьями (если их жены ранее были холопками) и верстать в службу. В том случае, если они не были верстаны и не имели поместий, их надлежало оставлять в господских дворах. Уложение 1649 г. также позволяло таким детям боярским оставаться холопами, но запрещало подобную практику в будущем [Законодательные акты, тексты, с. 195, 199–200; Соборное уложение, с. 103]. Таким образом, маргинализованная часть бывших дворян оказалась отсечена от своего сословия.

В середине XVI в. правительство с поразительным безразличием относилось к переходу крестьян и членов их семей в холопство, который был зафиксирован в ст. 88 Судебника 1550 г. Только в первой половине XVII в. появляются указы, в которых выдача кабалных записей на крестьян ставится под запрет. Косвенное запрещение «кабалить» крестьян впервые появляется в указе 1606 г., но прямой запрет, видимо, появился в указе не раньше 1616 г., «до королевичева приходу за два года». Согласно ему «крестьян своих в холопы и крестьянок своих в рабы никому имать не велено» [Законодательные акты, тексты, с. 74; Яковлев, с. 350]. В дальнейшем этот запрет был подтвержден в указе 1630 г., а в указе 1641 г. к крестьянам были добавлены еще и посадские люди, что и было окончательно зафиксировано в Соборном уложении 1649 г. [Законодательные акты, тексты, с. 157, 195; Соборное уложение, с. 116–117]. Таким образом, к 1649 г. землевладельцам было запрещено превращать своих крестьян в холопов, если же землевладелец делал это, а крестьянин-холоп убежал и продавался другому хозяину, то закон устанавливал, что такой беглец должен быть возвращен прежнему землевладельцу как крестьянин. Холопий приказ должен был рассылать списки беглых крестьян по всей стране, чтобы предотвратить их самопродажу в холопство.

Важнейшим источником пополнения контингента рабов повсеместно был военный плен. По указу 1556 г. военные пленники должны были освобождаться по смерти владельцев, и лишь в случае женитьбы на рабе или добровольной самопродажи становились полными холопами [Законодательные акты, тексты, с. 43; Законодатель-

¹ В. М. Панях предположительно датирует его 26 августа 1640 г.

ные акты, комментарии, с. 44]. Однако Е. И. Колычева показала, что указ не был реализован на практике [Колычева, с. 45–48]. После начала Ливонской войны в плену оказались тысячи пленных, включая рыцарей и их слуг. Озабоченное привлечением их на военную службу и столкнувшееся с массовым порабощением этих людей, правительство 1 сентября 1558 г. издало указ, предписывавший обязательную регистрацию похолопляемых военнопленных в книгах ведомства казначеев [Законодательные акты, тексты, с. 51; Законодательные акты, комментарии, с. 54–55].

Согласно ст. 61 Уложения 1649 г. военные пленники наряду с полными холопами, докладными и купленными были включены в число категорий холопов, могущих быть отчужденными посредством духовных, сговорных и данных записей [Соборное уложение, с. 110, 336]. В 1665 г. был издан указ, запрещающий регистрацию сделок по продаже пленных «литовцев» в рабство персам и кавказским черкесам [ПСЗ, с. 611]. Р. Хелли считает, что в 1690 г. правительство вернулось к установлениям 1556 г. и объявило, что военные пленники должны были освобождаться Холопым приказом по смерти владельцев, однако это утверждение не подтверждается источниками [Хелли, с. 81]. Таким образом, во второй половине XVII в. полоняники подлежали купле-продаже, отдавались в приданое по рядным записям и передавались по наследству, а плен оставался источником наиболее суровой формы рабской зависимости.

Юридически холопы в России XVII в. делились на несколько категорий, между которыми, однако, не наблюдалось социальной пропасти. Продолжала существовать категория полных холопов, зависимость которых была вечной, наследственной и потомственной. Из дела 1634 г. известна генеалогия старинных холопов в девяти поколениях, то есть восходившая в середине XV в. [Яковлев, с. 484]. Несмотря на то, что с 1649 г. полные грамоты не выдавались, категория старинных холопов дожила до начала XVIII в. Б. Дж. Сигел и Р. Хелли объясняют эту устойчивость архаичного института стратификацией общества, основанного на высококонкурентной борьбе за символы богатства [Siegel, p. 370; Хелли, с. 494]. Обширная дворня из потомственно служивших при дворе людей была несомненным символом успеха в среде служилых людей и высшей бюрократии. С появлением категории кабальных холопов, первоначально имевших право выкупиться на свободу, система холопства стала менее жесткой. По закону 1597 г. кабальные люди должны были служить господам лишь в период их жизни и по смерти господ подлежали немедленному отпуску на волю. На практике они чаще всего брали новую кабалу у старого или нового владельца. Кроме того, как показали В. И. Корецкий и В. М. Панеях, в первой половине XVII в. были зафиксированы случаи передачи их по наследству и обмена; кроме того, владельцы «поступались» ими, то есть фактически продавали [Корецкий, с. 194; Панеях, 1984, с. 52–54]. Согласно ст. 61 Соборного уложения, кабальные холопы ни при каких

обстоятельствах не могли быть отчуждаемы такими способами, а их неволя приобрела ненаследственный характер [Соборное уложение, с. 108, 336–337]. Но, невзирая на их резкое отличие от полных холопов по праву, социальная близость полного и кабального холопства несомненна. Р. Хелли показал, что в 47,9 % случаев стоимость полного холопа составляла 2–3 рубля, и в 46 % случаев стоимость кабального холопа составляла также 2–3 рубля: «Почти наверняка современники считали эти два вида холопства чрезвычайно похожими. Другие примеры сходства: полные холопы пускались в бега с той же частотой, что и кабальные» [Хелли, с. 312, 314].

Помимо таких видов холопства, как старинное, полное, докладное, добровольное и кабальное, Р. Хелли, следуя В. О. Ключевскому, считает холопами жилецких людей и даже закладчиков [Хелли, с. 52]. Между тем, российское законодательство прямо указывало, что вольные (жилецкие) люди не являются холопами и не подлежат записи в кабальные книги. На практике, видимо, их записывали в кабальные книги, но указ В. Шуйского от 6 марта 1608 г. со ссылкой на постановления Судебника категорически запрещал это делать [ПРП, 1956, с. 380]. В Соборном уложении 1649 г. прямо указано, что «вольным людям» следует «жить из воли по записям урочные годы» [Соборное уложение, с. 115].

До начала XVII в. холоповладельцами в России могли быть представители любых социальных страт – не только служилые люди всех категорий, но и тяглые люди, священнослужители, стрельцы, пушкарри, монастырские служки и собственно холопы. На практике, конечно, именно служилые люди поработали холопов; «в 1590-е гг. приказные были едва ли не единственной беспоместной группой, которая могла себе позволить покупать на рынке холопов и делала это, тем самым демонстрируя наличие значительных излишков дохода» [Хелли, с. 34]. Кроме того, холопы могли оформляться сразу на нескольких хозяев (например, на отца и сына). Согласно приговору от 7 января 1606 г. запрещалось коллективное владение холопами: отныне кабала должна была писаться только на одного хозяина; кабалы, составленные на двух хозяев, подлежали аннулированию. На следующем этапе в 1622 и 1627–1628 гг. последовал запрет мусульманам (татарам-землевладельцам) владеть православными холопами [Законодательные акты, тексты, с. 138].

Из сохранившихся кабальных книг известны факты владения холопами представителями практически всех страт общества. Панеях ввел в научный оборот данные о массовом закабалении людей воеводами, дьяками, губными старостами, священнослужителями, стрельцкими головами и сотниками, казачьим есаулом. Не менее шести кабал в Новгороде и Пскове оформили на себя посадские люди, среди которых два гостя, и четыре кабалы предъявили к регистрации холопы [Панеях, 1984, с. 115–117].

Еще более впечатляющие данные содержатся во вводимой нами в научный оборот кабальной книге Великого Устюга 1619–1620 гг. [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 456. Л. 202–216]. В этом поморском городе,

где, как известно, отсутствовало поместное землевладение, на протяжении двух лет, с августа 1619 по июнь 1621 г., было выдано 23 кабалы на 27 человек. Среди закабаляемых преобладали жители Поморья (устюжане, вологжане, сольвычегодцы, белозерцы, «подвинцы», жители Важского уезда и Утмановской волости), но встречались и люди из дальних земель (вязьмитины и даже «нарымского роду остяк»). Абсолютное большинство закабаляемых были взрослыми людьми, лишь один подросток 12 лет. Холоповладельцы представляли самые разные страты общества. Всего двух человек закабалил местный воевода А. В. Ростовский-Приимков, еще 11 человек – дворяне В. А. Аргамаков и его сын Иван. Другими холоповладельцами стали местный дяк И. А. Сукин, гость П. С. Строганов, торговый человек Суконной сотни Н. Ларионов, посадские люди и два холопа. Устюжская кабальная книга показывает, насколько широким был спектр рабовладельцев Московской Руси.

Сословные ограничения права владеть холопами в Московии вводятся начиная с 1630-х гг., когда оформляется более четкая стратификация московского общества. Решающий шаг был сделан в 1634–1635 гг., когда холопам было запрещено покупать свободных людей в кабалу, но было разрешено брать на свободных людей житецкие записи на определенный срок [Законодательные акты, тексты, с. 165]. Указ, видимо, исполнялся не в полной мере, поскольку в Соборном уложении 1649 г. эта норма была не только подтверждена, но и предписывала аннулировать служилые кабалы, взятые холопами после указа 1634–1635 гг.

Второй шаг в реорганизации страты холоповладельцев был сделан указом, изданным не позднее 30 мая 1641 г., в котором со всей категоричностью было заявлено:

А тяглым людем, и попом, и стрельцом, и пушкарем, и монастырским служкам, и боярским людем на людей служилых кабал давати не велено ж, а велено им давати на людей житейские записи на урочные годы з зарядом [Законодательные акты, тексты, с. 195].

В дальнейшем эта норма была частично подтверждена Соборным уложением 1649 г. Там же содержалось важное распоряжение о запрещении кабалить людей воеводам и приказным людям в тех городах, где они находились на службе, пользуясь таким образом своим служебным положением [Соборное уложение, с. 109]. С 1640-х гг. владение холопами становится сословной привилегией служилых людей, к которым, помимо дворянства, следует причислить еще и гостей.

Институт холопства на протяжении XVII в. предоставлял все больше возможностей для освобождения. К этому приводили стихийные бедствия, подобные голоду 1601–1603 гг., когда холопов, изгнанных владельцами во время голода, по приговору от 16 августа 1603 г. следовало освободить [ПРП, 1956, с. 375]. Активное участие холопов в социальных движениях начала XVII в., причем зачастую вместе

с их владельцами (кн. Шаховской и его бывший холоп И. Болотников), вновь дезорганизовало систему холоповладения. К тому же правителями эпохи Смуты применялась старая практика роспуска холопов служилых людей, оказавшихся в опале. Ответом на эту, по выражению В. М. Панеяха, «дезорганизацию в сфере холопства», стал приговор от 25 февраля 1608 г., в котором правительство закрыло глаза на реальное положение вещей и постановило считать законным освобождение холопов по отпускным, выданным Холопим приказом [ПРП, 1956, с. 378].

Соборное уложение 1649 г. предоставляло холопам определенный спектр возможностей для освобождения. Как и прежде, освобождению подлежали кабальные люди после смерти господина (ст. 9), холопы, вышедшие из плена (ст. 34). В случае, если беглый холоп постригался в монахи или был поставлен в священники и дьяконы, его судьба решалась патриархом или архиереями на местах, но о возвращении его в рабство речи не шло (ст. 67). Безусловному отпуску на свободу по ст. 33 подлежали холопы государственного преступника:

А будет кто изменит, из Московского господарства отъедет в ыное господарство, а после его людем его по государеву указу и по боярскому приговору дана будет воля... [Соборное уложение, с. 107].

Наконец, во второй половине XVII в. свобода предоставлялась холопам, воевавшим в полках нового строя. По указу царя Алексея от 29 декабря 1675 г.

...Без государева указа их помещиком и вотчинником в холопство и во крестьянство не отдавать, для того, что те ратные люди научены копейному и рейтарскому и салдацкому строем, и к нынешней службе и к походу надобны» [Дворянство и крепостной строй, с. 343].

Ключевая проблема истории холопства – обязанность холопов платить налоги, поскольку в историографии они традиционно считались нетяглоспособными. Ю. В. Готье писал, что «действительно нетяглыми были долгое время холопы, не платившие до второй половины XVII в. никаких налогов в казну» [Готье, с. 315–316]. Впервые в отечественной историографии тезис об освобождении всех холопов от тягла опровергла Е. И. Колычева. Она убедительно показала, что все аргументы об освобождении холопов от тягла свидетельствуют как раз об обратном, а именно об обложении тяглом холопов, имевших надел. Правда, под ними следует понимать только холопов-страдников, непосредственно работавших на пашне, и вряд ли освобождение от тягла касалось холопов-послужильцев [Колычева, с. 100–103]. Холопы-страдники получили устойчивое наименование «задворных людей», то есть живших за двором помещика, вне его усадища.

Широкое распространение задворных людей вызвало к жизни боярский приговор 14 апреля 1624 г., в котором впервые эта категория

холопов была обременена имущественной ответственностью за совершение уголовных преступлений:

А которые люди жили за двором, а живучи, также воровали, и на тех задворных людех на самих выти имати; а которые задворные люди померли, и тех людей живогты продавати в выть [ПРП, 1959, с. 203].

В ходе введения «живущей четверти» в 1620-х гг. налогообложению стали подлежать только крестьянские и бобыльские дворы, и у землевладельцев появился прямой мотив увеличивать количество дворов задворных людей. Так, по данным В. Н. Важинского, в переписных книгах 1646 г. южных уездов России было зарегистрировано 36 тыс. дворов дворцовых и помещичьих крестьян, бобылей и холопов («задворных людей»), из которых холопских дворов оказалось всего 26. В переписных книгах 1678 г. зарегистрирована 41 тыс. дворов, а число дворов задворных людей возросло до 12 тыс., причем все они, по мнению исследователя, были холопами [Важинский, с. 54–55].

Р. Хелли предложил утилитарное объяснение этого явления: по его мнению, когда проводилась перепись 1678 г., помещики, очевидно, решили пойти до конца и объявить тысячи своих крестьян холопами; эта попытка обмануть сборщиков податей была предпринята в надежде, что пашенные холопы не должны будут платить податей [Хелли, с. 656]. Аналогичное явление фиксируется и на Северо-Западе России: по данным новгородских, великолукских, пусторжевских переписных книг 1678 г., удельный вес задворных и дворовых людей в поместьях достигал 20–25 % от численности всего учтенного в переписных книгах населения [Воробьев, с. 113–123]. Однако проведенное нами исследование не подтверждает такую точку зрения: далеко не все из задворных были холопами, их зависимость фиксировалась известными еще М. А. Дьяконову ссудными записями на задворных людей [Аракчеев, 2015, с. 118–125].

Проанализируем результаты исследования материалов Деделовской и Псковской приказных изб за вторую половину XVII в. В записных крепостных книгах Деделовской приказной избы в 1684–1688 гг. регистрировались акты на крестьян и задворных людей, причем и те, и другие именовались ссудными записями. Процесс регистрации был предельно упрощен: определяющийся в задворные люди устно в присутствии воеводы излагал свою биографию, фиксировал факт того, что он не был «в службе великих государей и в тягле», «по кабальному холопству ни у ково не служивал» и желает поступить в задворные люди «с судною записью» [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. № 699, 704, 740, 741]. Среди таких людей многие происходили из числа военнопленных, проживших «во дворе» своих господ по 20–30 лет, обзаведшихся семьями и наконец оформлявших свои отношения с господином.

В задворные люди переходили разного рода нетяглые элементы: церковные сторожа, люди «с воли», кормившиеся работой. Некото-

рые были добровольными «выходцами» с территории Речи Посполитой. Весьма характерна биография выходца из «польских городов моголевского пригородка местечка Чеусов» Сидора Ефимова. Прожив на территории Русского государства около 20 лет, он не был включен в переписные книги и, соответственно тягло, жил «из доброты» в деревне помещика Елагина. Выходец сохранил свободу, даже женившись на дворовой девке помещика, перешел после его смерти в поместье его зятя, где прожил восемь лет «из доброты без крепостей» и только в декабре 1685 г. записался к нему же в задворные люди [Архив СПб ИИ РАН. Ф. 134. Оп. 1. № 748].

Таким образом, задворные люди в Деделовском уезде, уездах Северо-Запада и, видимо, других уездах Засечной черты – это особая категория крепостного населения, чья зависимость не была холопской, а оформлялась способом, свойственным отношениям землевладельцев с крестьянами посредством ссудной записи. В ходе реформы, воплощенной в указах 2 сентября и 9 октября 1679 г., задворные люди были включены в тягло, что обозначило, с одной стороны, переломный момент в процессе закрепощения сельского населения, а с другой стороны, переход к новой системе взимания налогов. С 1680-х гг. холопы и крепостные крестьяне начинают упоминаться вместе в правовых документах и фиксироваться в крепостных актах [ПРП, 1963, с. 185–206]. Так, помещики и вотчинники Углича в марте 1690 г. просили о записи служилых кабал и ссудных записей на крестьян в губной избе с записью в книги [РГАДА. Ф. 233. Кн. 301. Л. 782].

Совокупность изложенных обстоятельств убеждает в том, что холопы не были сословием и не обладали его признаками. В то же время, будучи чрезвычайно размытой социальной группой, холопы как губка впитывали в свои ряды представителей самых разных социальных страт, и их статус никак не соотносится с предложенным Р. Хелли определением касты. После 1649 г. начался стремительный рост численности задворных людей, которые включали в свой состав как холопов, так и лиц неопределенного правового статуса, близких по своему фактическому положению к крестьянам. Сказанное позволяет заключить, что ликвидация института холопства серией указов Петра I 1718–1723 гг. была логичной, хотя и запоздалой мерой, сомкнувшей холопов в правовом отношении с крестьянством.

Список литературы

Аракчеев В. А. Дворовые и задворные люди: к исследованию терминологии переписных книг 1640–1670-х гг. // Государство и общество в России XV – начала XX века. СПб. : Наука, 2007. С. 316–324.

Аракчеев В. А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI–начала XVII в. М. : Древлехранилище, 2014. 506 с.

Аракчеев В. А. О причинах перехода к подворной системе налогообложения в 1678–1679 гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2014 год. М. ; Самара : Самар. ун-т, 2015. С. 118–125.

Архив СПб ИИ РАН. Ф. 134 (Деდიловская приказная изба). Оп. 1. Д. 699, 704, 740, 741, 748.

Важинский В. М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII в. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1974. 255 с.

Водарский А. Я. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М. : Наука, 1977. 262 с.

Готье Ю. В. Замосковский край в XVII в. М.: Тип. Лисснера и Собко, 1906. 602 с.

Воробьев В. М. Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII в.? // История СССР. 1983. № 4. С. 113–123.

Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М. : Наука, 1975. 270 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. : тексты. Л. : Наука, 1986. 261 с.

Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. : комментарии. Л. : Наука, 1986. 260 с.

Кольчева Е. И. Холопство и крепостничество. М. : Наука, 1971. 250 с.

Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М. : Наука, 1970. 300 с.

ПРП (конец XV – начало XVII в.). М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1956. Вып. 4. 632 с.

ПРП (первая половина XVII в.). М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1959. Вып. 5. 667 с.

ПРП (вторая половина XVII в.). М. : Изд-во юридич. лит-ры, 1963. Вып. 7. 510 с.

Панях В. М. Холопство в XVI – начале XVII в. Л. : Наука, 1975. 266 с.

Панях В. М. Холопство в первой половине XVII в. Л. : Наука, 1984. 259 с.

Полное собрание законов Российской империи : в 50 т. (ПСЗ). СПб. : Изд-во Императ. канцелярии, 1830–1916. Т. 1. 1830. 1029 с.

РГАДА. Ф. 233 (Углицкая приказная изба). Д. 301.

РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 456. Л. 202–216.

Соборное уложение 1649 г. : Текст. Комментарии. Л. : Наука, 1987. 448 с.

Судебники XV–XVI вв. М. : Изд-во Акад. наук, 1952. 505 с.

Хелли Р. Холопство в России 1450–1725 гг. М. : Академия, 1998. 694 с.

Яковлев А. И. Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М. : Изд-во Акад. наук, 1943. 563 с.

Siegel B. J. Some Methodological Considerations for a Comparative Study on Slavery // Am. Anthropologist. № 47. 1945. P. 357–392.

References

Arakcheev, V. A. (2007) *Dvorovye i zadvornye ljudi: k issledovaniju terminologii perepisnyh knig 1640–1670-h gg.* [“Dvorovye i Zadvornye Ludi”: Towards the Study of the Terminology of the Census Books of the 1640s–1670s]. In *Gosudarstvo i obschestvo v Rossii XV-nachala XX v.* Sankt-Petersburg, Nauka, 2007, p. 316–324.

Arakcheev, V. A. (2014) *Vlast i zemlja: pravitelstvennaja politika v otnoshenii tjažlyh soslovij Rossii vtoroj poloviny XVI–nachala XVII v.* [Power and “land”: Government policy Towards Taxpaying Estates in Russia in the Second Half of the 16th-early 17th century]. Moscow, Drevlehranilische, 2014. 506 p.

Arakcheev, V. A. (2015) *O prichinah perehoda k podvornoj sisteme nalogoobloszenija v 1678–1679 gg.* [The Reasons for the Transition to the Grid System of Taxation in the Years 1678–1679]. In *Essegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. 2014 god.* Moscow, Samara, Samarski universitet, 2015, p. 118–125.

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН [Archive of Saint Petersburg Institute of History RAN]. Ф. 134 (Деდიловская приказная изба). Оп. 1. Д. 699, 704, 740, 741, 748.

Vasinskii, V. M. (1974) *Zemlevladenie i skladyvanie obschnykh odnodvorzev v XVII v.* [Land Tenure and the Establishment of the Community of “Odnodvorzi” in the 17th century.] Voronezh, Izd. Voronezhskogo universiteta, 1974. 255 p.

Vodarskii, A. J. (1977) *Naselenie Rossii v konce XVII – nachale XVIII v.* [The Population of Russia at the End of the Early 17th–18th centuries]. Moscow, Nauka, 1977. 262 p.

Vorobiev, V. M. (1983) *Izszivalos' li holopstvo v pomestjakh Severo-Zapada Rossii srediny XVII – nachala XVIII v?* [Did Slavery Disappear in the Estates of Northwest Russia in the Mid–17th – Early 18th Centuries]. In *ISSSR.* 1983. № 4, p. 113–123.

Dvorjanstvo i krepostnoj stroj Rossii XVI–XVIII vv. Moscow, Nauka, 1975. 270 p.

Gotie, J. V. *Zamoskovnyj kraj v XVII v.* [“Zamoskovnyj kraj” in the 17th century.] Moscow, Tip. Lissnera I Sobko, 1906. 602 s.

Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI-pervoj poloviny XVII v. Texty. [The Legislative Acts of the Russian State the Second Half of the 16th – 1st Half of the 17th centuries. Texts.] Leningrad, Nauka, 1986. 261 p.

Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII v. Kommentarii. Leningrad, Nauka, 1986. 260 p.

Kolycheva, E. I. (1971) *Holopstvo i krepostnichestvo.* [Slavery and Serfdom]. Moscow, Nauka, 1971. 250 p.

Korezkii, V. I. (1970) *Zakreposchenie krest'jan I klassovaja bor'ba v Rossii vo vtoroj polovine XVI v.* [Enslavement of Peasants and Class Struggle in Russia in the Second half of the 16th century.] Moscow, Nauka, 1970. 300 p.

Pamjatniki russkogo prava (konec XV-nachalo XVII v.) [Monuments of Russian Law (Late 15th – Early 17th Centuries)]. Moscow, Izd. Juridicheskoi literatury, 1956. Vyp. IV. 632 p.

Pamjatniki russkogo prava (pervaja polovina XVII v.) [Monuments of Russian law]. Moscow, Izd. Juridicheskoi literatury, 1959. Vyp. V. 667 p. (First Half at the 17th Century).

Pamjatniki russkogo prava (vtoraja polovina XVII v.) [Monuments of Russian law]. Moscow, Izd. Juridicheskoi literatury, 1963. Vyp. VII. 510 p. (Second Half at the 17th Century).

Panejach, V. M. (1975) *Holopstvo v XVI-nachale XVII v.* [Slavery in the 16th– Early 17th Centuries.] Sankt-Petersburg, Nauka, 1975. 266 p.

Panejach, V. M. (1984) *Holopstvo v pervoj polovine XVII v.* [Slavery in the 16th– Early 17th Centuries.] Sankt-Petersburg, Nauka, 1984. 259 p.

Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sankt-Petersburg, Izd. Tipografii imp. kanceljarii, 1830. Vol. 1. 1029 p.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts.] F. 233 (Ugliszskaja prikaznaja izba). Op. 1. D. 301.

RGADA [Russian State Archive of Ancient Acts]. F. 1209 (Pomestnyj prikaz). Op. 1. D. 456. L. 202–216.

Sobornoe ulozhenie 1649 g. Text. Kommentarii. [The Parliamentary statute of 1649]. Moscow, Nauka, 1987. 448 p.

Sudebniki XV–XVI vv. [The Law Proceeding of the 15th–16th Centuries.] Moscow, Izd. Akademii Nauk, 1952. 505 p.

Hellie, R. (1998) *Holopstvo v Rossii 1450–1725 gg.* [Slavery in Russia, 1450–1725]. Moscow, Academia, 1998.

Jakovlev, A. I. (1943) *Holopy i holopstvo v Moskovskom gosudarstve XVII v.* [Slaves and Slavery in the Moscow State of the 17th Centuries.] Moscow, Izd. Akademii Nauk, 1943.

Siegel, B. J. (1945) Some Methodological Considerations for a Comparative Study on Slavery. In *Am. Anthropologist*, 47, pp. 357–392.

The article was submitted on 01.04.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.179

УДК 712.5(282.5)+27-788(470.1/.2)

УПРАВЛЯ ПРОСТРАНСТВОМ: ОРГАНИЗАЦИЯ СПАСО-ПРИЛУЦКИМ МОНАСТЫРЕМ ВОДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ИХ СТРУКТУРА (XVI–XVII ВВ.)*

Маргарита Дадькина

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия

MANAGING SPACE: THE STRUCTURE AND ORGANISATION OF THE COMMUNICATION SYSTEM IN THE SPASO-PRILUSTKY MONASTERY (16th–17th CENTURIES)**

Margarita Dadykina

National Research University
Higher School of Economics,
Saint Petersburg, Russia

The strengthening of governmental structures and an increase in economic activity between the 16th and the 18th centuries in Russia contributed to the formation of a system of roads and waterways. Water transport has some advantages over moving goods by land. The capacity of river and coastal vessels was greater than horse-drawn transports, which meant that the former was less costly. Certain topographical features, varied hydrological conditions in rivers, and diverse weather conditions required a flexible system of waterways as a means of communication. In a pre-industrial landscape, the transport network was a compromise between the needs of the individual and the problems imposed by natural factors. The effectiveness of transportation systems depended on organisational and economic factors:

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10255 «Природные ресурсы в истории России: экономические институты, экспертные сообщества и инфраструктуры»).

** Citation: Dadykina, M. (2016). Managing Space: The Structure and Organisation of the Communication System in the Spaso-Prilustky Monastery (16th–17th Centuries). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 123–140. DOI 10.15826/qr.2016.3.179.

Цитирование: Dadykina M. Managing Space: The Structure and Organisation of the Communication System in the Spaso-Prilustky Monastery (16th–17th Centuries) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 123–140. DOI 10.15826/qr.2016.3.179 / Дадькина М. Управляя пространством: организация Спасо-Прилуцким монастырем водных коммуникаций и их структура (XVI–XVII вв.) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 123–140. DOI 10.15826/qr.2016.3.179.

governmental structures and communities could obviously provide a greater level of organisation than individuals. One of such communities was the monastery: the Spaso-Prilutsky monastery was a considerable force in the organisation of trade in Northern Russia. On the basis of materials from this institution, the author examines the ways in which natural phenomena shaped the monastery's transportation network and how the monastery maintained and developed this network.

Keywords: 16th-17th Centuries Russia; Spaso-Prilutsky monastery; water transport; pre-industrial transportation system.

Рассмотрены особенности формирования в России XVI–XVII вв. системы основных сухопутных и водных путей сообщения. Показано, что водный транспорт имел преимущества перед сухопутными перевозками. Грузоподъемность речных и прибрежных морских судов в разы превышала возможности гужевого транспорта, что покрывало издержки на провоз товара таким способом. Особенности прибрежного и донного рельефа, гидрологический режим рек, погодные условия требовали от человека создания гибкой системы использования водных ресурсов в качестве путей сообщения. В доиндустриальную эпоху ландшафт и условия функционирования транспортной сети были результатом компромисса между потребностями человека и возможностями, определяемыми природными факторами. Отмечено, что эффективность использования старых и новых транспортных систем зависела от наличия организационного и экономического потенциала, который был гораздо выше у различных сообществ и структур управления, чем у отдельно взятого человека. Одним из крупных организаторов торговли на Русском Севере был Спасо-Прилуцкий монастырь. В статье на основе материалов Спасо-Прилуцкого монастыря рассмотрены методы и механизмы взаимодействия с природой, которые использовал монастырь в ходе своей транспортной деятельности, методы создания и поддержки сети коммуникаций между различными районами своей экономической активности, способы транспортировки грузов, система управления и контроля за этим процессом.

Ключевые слова: Россия XVI–XVII вв.; Спасо-Прилуцкий монастырь; водный транспорт; доиндустриальные транспортные системы.

В XVI–XVII вв. роль как государства, так и локальных институтов (монастырей, крестьянских и посадских общин, купеческих корпораций) в том, что можно назвать «управлением пространством», становится доминирующей. Возросшие потребности в быстром, удобном перемещении людей и грузов на огромные расстояния при минимальных издержках требовали создания эффективной системы использования всего потенциала возможностей, которые предоставляли имеющиеся и вновь создаваемые транспортные системы. Такие системы включали в себя водные и сухопутные пути сообщения, наличие и распределение внутри себя необходимых и достаточных транспортных средств, а также тех специалистов и рабочей силы, которые требовались для их обслуживания; перевалочные пункты, где можно было сделать необходимую остановку, пополнить запасы, произвести ремонт.

Если ранее в отечественной историографии водный транспорт и речные системы исследовались почти исключительно как часть хозяйственной инфраструктуры, с одной стороны, и элемент окружающего ландшафта, с другой [Устюгов; Истомина, 1991], то сейчас можно говорить о междисциплинарном подходе в изучении таких тем. Вода и водные коммуникации, в том числе и транспортные, рассматриваются в социокультурном, религиозном аспекте [см., например: Истомина, 2007, 2011; Водные пути].

Вода играла важную роль в формировании так называемого «религиозного пространства», «в котором монастырская власть, идеология и религиозная идентичность были вписаны вместе с окружающей природой и людьми» [Arnold, p. 29]. Концепт «религиозного пространства» и «негоциации» был предложен Еленой Арнольд, которая рассматривала его на примере двойного монастыря Ставелот-Мальмеди в Арденнах [Ibid.]. Формирование такого пространства и управление им включало в себя прежде всего религиозные аспекты, такие как уединение в глуши и одновременно мотив усмирения дикой природы как часть преобразующего религиозного акта. Вместе с тем, реальное существование монастырской обители рано или поздно приводило к преобразовательной деятельности утилитарного характера в отношении окружающего ландшафта. Оставляя за рамками настоящей статьи религиозную составляющую этого процесса, требующую специального рассмотрения, я буду использовать саму идею Е. Арнольд об управлении ландшафтом. Однако объектом моего внимания станет не лесной, а водный ландшафт. Наконец, последнее замечание: в российских условиях при разбросанности отдельных хозяйственных единиц по огромной территории овладение таким пространством требовало хорошего инструмента, которым и должны были стать эффективно выстроенные способы и системы коммуникации. Управление ими давало возможность управлять самим пространством.

Русские монастыри, создавшие к концу XVI – началу XVII в. сложные локальные хозяйственные системы, состоявшие из владений, разбросанных по разным уездам, являлись своего рода «государствами в государстве», для которых правильно выстроенная система коммуникаций была основой их процветания. Вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь был одним из тех, кто по необходимости должен был и мог создать эффективную систему сообщений. Помимо основного массива земель, расположенных вокруг Вологды, в его владении находились солеваренные промыслы в Соли Вычегодской, Тотьме и самый удаленный – на Беломорском побережье в Уне. С ними важно было поддерживать связь для управления ими и обеспечения финансирования из казны монастыря. Второй задачей была транспортировка вываренной соли к месту наиболее оживленной торговли, так как местные рынки уже в XVII в. не обладали достаточной емкостью, чтобы полностью реализовывать ее. Перевозка огромных объемов соли гужевым транспортом была бы разорительна из-за больших затрат на

стоимость подвод, прокорм лошадей, оплату труда сопровождавших подводы работников. Кроме того, сухопутные пути в это время были небезопасны, «поезд» мог подвергнуться разорению «вольными гулящими людьми». Наконец, передвижение таким способом было ограничено возможностью лошадиной тяги, объемом подвод. Не последнюю роль играло качество дорог, которые могли быть использованы с наибольшей эффективностью только в зимний период, начинавшийся в ноябре-декабре и заканчивавшийся в конце марта.

Альтернативой гужевым перевозкам в России являлись речные пути, по которым возможно было перемещать грузы, в десятки раз превышавшие объем и вес сухопутных транспортировок. Удачное расположение Спасо-Прилуцкого монастыря стало одним из важнейших факторов выстраивания им той системы коммуникаций, которая была основана на использовании главной артерии этого северного региона – Сухоно-Двинского речного пути. Он связывал между собой сам монастырь, расположенный в верховьях Сухоны, Тотемское устье и Устюг, где монастырь выстроил несколько амбаров, обеспечив таким образом надежный перевалочный пункт: сюда привозили и оставляли на зимовку («заморозку») соль из самого удаленного промысла в Уне, а при необходимости – и соль из расположенного недалеко Вычегодского устья. Наконец, монастырь стал принимать участие в Холмогорской торговле, привозя сюда хлеб и иные товары из Вологды и покупая здесь соль, которую вместе с привозимой из Уны морским путем монастырской солью отправлял на тех же судах в Вологду, являвшуюся одним из главных соляных рынков этого времени.

В работе, посвященной исследованию вотчины Спасо-Прилуцкого монастыря, Л. С. Прокофьева обратила внимание на очень скромные объемы продаваемого им хлеба (не более 3 %) по сравнению с огромными запасами, которыми он располагал в лучшие годы своего существования [Прокофьева, с. 75–76]. Возможно, следует рассматривать эти операции не как самоцель, а как часть организации транспортировки соли, торговля которой приносила монастырю основную прибыль. Между тем, отправлять пустые дощаники и насады в дальний путь до Холмогор, где соль стоила дешевле, не считая необходимости забрать унскую соль, было бы неэффективно. Созданная монахами схема в целом выглядела так: из Вологды в Холмогоры отправляли суда с товаром, либо взятым из вотчины монастыря, либо купленным по вологодской цене. В Холмогорах товар продавали с прибылью за счет разницы в ценах и мерах, на выручку и взятые из монастыря деньги покупали соль, отправляли ее в Вологду, где у монастыря был поставлен постоянно действующий соляной двор с амбарами и лавкой, и получали там прибыль, опять же за счет разницы в цене. Таким образом удавалось избежать порожнего хода судов за солью и решать все необходимые задачи коммуникации между частями хозяйства.

Как уже было сказано, важнейшей частью хозяйственной активности монастыря была организация торговли в Холмогорах. Отчетными

документами для властей монастыря (и основными источниками для данного исследования) являлись приходные и расходные книги, которые велись старцами, назначенными на эти должности. Насколько позволяют судить сохранившиеся материалы, для ведения торговых операций назначали двух старцев, один из которых выполнял обязанности казначея торговой службы и вел приходные и расходные книги. Отдельной «службой» являлся так называемый «судовой ход» до Холмогор и обратно с купленной и доставленной из Унской монастырской варницы солью. Этот старец получал деньги от казначея для уплаты государевых пошлин и найма команды – носников, кормщиков и осначих. Для организации судового хода назначали отдельного старца, который сам ведал расходами на поездку и вел отдельную книгу. Именно этот источник позволяет исследовать детали процесса транспортировки грузов монастырем.

Книги судового хода Спасо-Прилуцкого монастыря уже привлекали к себе внимание исследователей. Так, Л. С. Прокофьева на примере нескольких книг начала XVII в. остановилась на вопросах найма рабочей силы на монастырские суда, затрат на перевозку товаров, трудностей речного пути.

Важную роль в том, как именно были организованы процессы перемещения людей и вещей в доиндустриальную эпоху, играли природные факторы: реки замерзали и разливались в определенное время, останавливая или открывая навигацию; весенняя и осенняя распутица делала перемещение по сухопутным путям невозможным в это время; продолжительность светового дня определяла количество часов, которые можно было провести в пути; слишком сильные холода ограничивали возможность длительных переездов и т. п. Поэтому изучение вопросов организации транспортировки в каком-либо локальном регионе для периода XVI–XVIII вв. следует начинать с исследования природного ландшафта и климатических особенностей местности. Водный транспорт имел преимущества перед сухопутными перевозками. Грузоподъемность речных и прибрежных морских судов в разы превышала возможности гужевого транспорта, что покрывало издержки на провоз товара таким способом. Вместе с тем особенности прибрежного и донного рельефа, гидрологический режим рек, погодные условия требовали от человека создания гибкой системы использования водных ресурсов в качестве путей сообщения.

Первое, что обращает на себя внимание в преамбулах книг судового хода, – дата отправления. Когда вскрывались реки Сухоно-Двинского пути? По данным за 1881–1938 гг., верховья Сухоны, где находился монастырь, освобождались ото льда до 20 апреля, большая часть Сухоны – 20–25 апреля, Северная Двина и низовья Вычегды – 25–30 апреля и, наконец, устье Северной Двины – после 30 апреля. В 1938–1988 гг. Сухоно вскрывалась 20–25 апреля, вся Северная Двина и низовья Вычегды – 25–30 апреля. Сухоно и Вычегда вскрываются обычно очень дружно – за три-четыре дня, Северная Двина –

от восьми до 25 дней в разные годы. Но в среднем весь процесс занимает около десяти дней [Агафонова, с. 2–3].

После вскрытия рек ото льда в районах Устья, Холмогор и ряде других мест частыми бывают заторы. С одной стороны, безопасное судоходство возможно только после полного окончания вскрытия и освобождения ото льда. С другой, многие реки России, и Сухоно-Двинская система не исключение, не могли полностью использоваться в течение всего времени навигации из-за мелководья. Тяжело нагруженные суда должны были успевать пройти во время подъема воды в весеннее половодье [Историческая география..., с. 173–174]. По-видимому, суда начинали движение после освобождения ото льда Сухоны и двигались вслед за вскрытием других рек. После Устья, примерно на середине пути, к моменту перехода в Северную Двину, ледоход уже завершался и в ее низовьях. В первой половине мая начиналась навигация вдоль Летнего берега Белого моря. Это также открывало путь унским ладьям вдоль берега Белого моря и вверх по Северной Двине к Холмогорам. Очевидно, этот путь занимал меньше двух недель, так как один и тот же старец успевал приводить новую ладью один раз в месяц, проделывая путь туда-обратно за этот срок [Вотчинные хозяйственные книги, с. 245].

Современные прогнозы говорят о том, что серьезный сдвиг в сторону более раннего вскрытия рек Сухоно-Двинского пути возможен только при условии подъема среднемесячных температур на 1 °С (среднегодовой – примерно на 2 °С) и увеличения влажности на 25 % [Агафонова, с. 4]. При этом сроки сместятся только на два дня. Можно предположить, что и обратные процессы подчиняются той же логике: понижение среднемесячной температуры на 1 °С и, как результат, запаздывание вскрытия рек на два дня. Учитывая также разницу между старым и новым стилем и необходимость дожидаться очищения реки от ледяных заторов, по крайней мере, в начале пути, можно говорить о том, что в среднем навигация в XVI–XVII вв. должна была начинаться около 16–24 апреля. Ниже приведены данные о начале сплава монастырских судов по данным хозяйственных книг.

Отправка судов в Холмогоры (по данным монастырских хозяйственных книг)

Год	День отъезда из Вологды	День приезда в Холмогоры**
1593	28 апреля	10 мая
1594	18 апреля	–
1595	15 апреля	2 мая
1596	16 апреля	–
1597	7 мая	–
1599	14 апреля	–
1600	23 апреля	17 мая

1601	23 апреля	–
1602	20 апреля	20 мая
1603	28 апреля	–
1606	20 (28) апреля	–
1607	23 апреля	–
1608	22 апреля	–
1609	16 мая	–
1610	23 апреля	–
1615	5 апреля	2 мая
1617	14 апреля*	–
1618	15 апреля	–
1626	11 апреля	–
1628	24 апреля	–
1629	10 апреля	–
1630	6 апреля	6 мая
1631	март	–
1633	15 апреля	–
1634	20 апреля	–
1639	апрель	–
1640	24 мая	–
1643	14 марта	–
1645	14 апреля	–
1646	март	–
1647	3 апреля	–
1649	7 мая	–
1673	19 апреля	–
1676	май	–
1679	30 апреля	–
1695	27 апреля	–
1696	21 апреля	–

Источники: Архив СПб ИИ РАН. Ф. 271. Оп. 2. Д. 13, 16, 20, 24, 29, 33, 37, 38, 42, 44, 47, 67, 104, 111, 116, 120, 128, 136, 137, 142, 158, 168, 184, 196, 203, 210, 219, 306, 313, 322, 363, 366; РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 7, 12, 13, 19, 30.

*Указана отправка дощаника не в Холмогоры, а к Соли Вычегодской, за монастырской солью, возможно, в Холмогоры суда ушли раньше, так как обычно именно они открывали навигацию;

**Данные есть не во всех книгах.

Как видим, за исключением нескольких лет данные, хотя и неполные, в целом не противоречат нашим предположительным расчетам, укладываясь в названный промежуток времени начала навигации. Более поздняя отправка судов в начале и конце XVII в. была связана, очевидно, с общим похолоданием, наблюдавшимся в эти годы, при этом важно отметить, что даже тогда задержка не превысила допусти-

мого отклонения (в два-три дня) при понижении среднегодовой температуры. По-видимому, серьезных изменений в гидрологическом режиме рек этого северного водного пути в указанное время все же не происходило.

Сроки прибытия в Холмогоры указаны в книгах не всегда, но мы можем ориентироваться на первые записи о начале торговых операций и приеме соли у приезжавших к этому времени из Уны старцев с вываренной солью. Так, в 1599 г. суда отправились из Вологды 14 апреля, вероятно, сразу после ледохода на Сухоне. В Холмогоры они прибыли 2 мая, а 4 мая сюда уже пришла ладья с солью из Уны. То есть на весь путь было затрачено 19 дней [Вотчинные хозяйственные книги, с. 235–241]. Ранее в 1593 г. суда отправились 28 апреля и пришли уже к 10 мая, так как этим днем датирована первая запись о продаже товара в Холмогорах, в этом случае весь путь занял меньше двух недель при условии отсутствия ошибки в книге [Там же, с. 116]. В среднем путь от Вологды до Холмогор занимал от 20 до 30 дней. Отрезок пути до Тотьмы вниз по течению занимал примерно 5–7 дней, столько же дней плыли вниз от Тотьмы до Устюга. Дальнейшее продолжение пути или остановка зависели, вероятно, от того, какова была ситуация на Двине: если она уже очистилась ото льда, можно было продолжать путь, в противном случае суда могли задержаться в Устюге на несколько дней.

Количество использовавшихся монастырем судов и их тип не оставались неизменными. Согласно грамоте великого князя Ивана Васильевича от 5 февраля 1534 г., монастырь мог беспошлинно отправлять для торговых операций в Холмогоры один насад [ГАВО. Ф. 1260. Оп. 2. Д. 4]. С 1590-х гг. в приходных и расходных книгах отмечена отправка двух насадов «по соль» в Холмогоры и одного дощаника в Соль Вычегодскую. Холмогорские насады нагружали товарами для их продажи в Холмогорах. Это были прежде всего хлеб и крупы, а также мед, воск, деготь, пенька. Для перевозки соли везли тару – рогожи разного размера, веревки. Этот товар и тара оценивались в деньгах и записывались в расходные книги, обычно сумма составляла около 450–500 руб. Причем в приходных и расходных книгах большого казначея эта статья всегда выглядит только как денежная, между тем, в книгах, которые велись специально для холмогорского торга, она показана как состоящая из двух частей – оценки взятых из монастыря или купленных в Вологде товаров и тары и собственно денежной суммы, выданной из казны для мелких расходов и для передачи старцам в самое удаленное от монастыря Унское усолье.

Вопрос грузоподъемности использовавшихся для речных перевозок в XVI–XVII вв. судов остается спорным, так как в источниках указан вес груза (обычно соль или хлеб), но следует учитывать тот факт, что суда могли быть нагружены не полностью. В. В. Брызгалов предположил, что использовавшиеся при речных перевозках дощаники (плоскодонные суда с палубой или полупалубой, имевшие парус)

делились на малые, так называемые «дощанички» (грузоподъемностью примерно 1200 пудов), и большие (2300 пудов) [Брызгалов, с. 134]. Если посчитать степень нагрузки судов другого типа, насадов, то по данным конца XVI – начала XVII в., полученным из хозяйственных книг Спасо-Прилуцкого монастыря, от Вологды их нагружали более чем 1000 четьми разного хлеба и круп, что при принятой тогда шестипудовой вологодской четверти составит более 6 тыс. пудов. Обратно в монастырь в 1593 г. на судах было отправлено 6746 пудов и три четверти соли [Вотчинные хозяйственные книги, с. 220–221], в 1598 г. старец Мисаил отправил из Холмогор насады с солью «за жаловальной грамотой», всего 7800 пудов с тремя четвертями [Там же, с. 220–221].

Но обратно насады могли идти и с меньшим грузом: в 1599 г. отправили купленную у «Первого Матвеева да Кормана, да Филипа» соль Уны 41 рогожу весом 1105 пудов с четвертью, а в 1600 г. на них погрузили первую пришедшую из Уны соль (80 рогож), что составило 2400 пудов [Вотчинные хозяйственные книги, с. 237, 245]. Возможно, в насады грузили также «заморозную» соль – ту, что оставляли зимовать в амбарах в предыдущем году. Меньшая загруженность судов, идущих в обратный путь, могла иметь вполне резонные основания: суда шли вверх по рекам за счет тягловой силы нанятых для этого работников – осначих, а не за счет течения рек. К тому же впереди на Сухоне имелось несколько сложных для прохождения мест, а вода к тому времени, когда начинался обратный ход, была уже не самой большой, и слишком глубокая осадка могла привести к аварии, что иногда случалось.

Еще один вид судов, использовавшихся для крупных перевозок Прилуцким монастырем, лодьи. Они были необходимы для доставки в Холмогоры соли, вываренной в Унском усолье. Этот путь проходил вдоль Летнего берега Белого моря, мимо Архангельска и далее вверх по Северной Двине. Известны лодьи малые (грузоподъемностью 2100–2300 пудов) и большие (2700–2800 пудов) [См.: Брызгалов; Филин; Гуслистова]. Монастырские усолья могли располагать собственным парком судов, как, например, это отмечено исследователями для усолья Соловецкого монастыря [Богомазова, 2013; 2015, с. 338–342]. Причем, по-видимому, наличие или отсутствие судов диктовалось прежде всего соображениями необходимости перевозить вываренную соль на дальние расстояния. Если такой потребности не было, то есть соль в основном продавали на месте или усолье располагалось недалеко от монастыря, то собственных грузовых судов у него не было. Так, например, обстояло дело с Тотемским и Вычегодским усольями Спасо-Прилуцкого монастыря, который при необходимости всегда мог отправить в них дощаник из Вологды. Иного решения требовала задача доставки соли, вываренной в Уне. Унские старцы должны были сами ко времени прибытия в Холмогоры монастырских насадов привезти туда свою соль. Для этого они использовали как собственные суда, так и наемные. Так как путь проходил

не только по Двине, но и главным образом вдоль береговой линии Белого моря, старцы использовали лодьи – суда, приспособленные как к морским, так и к речным перевозкам при большой воде (из-за большей, чем у насадов и дощаников, осадки). Книги Унского усоля сообщают об отправке лодий с солью с нанятыми на них кормщиком и шестью работниками по нескольку раз в течение сезона. Не совсем ясно, каким образом было организовано согласование прибытия насадов из монастыря и первых лодий из Уны в Холмогоры: по расходным книгам Холмогорского торгового понятия только, что это происходило с минимальной разницей в днях прибытия (один-два). Возможно, из монастыря отправляли слугу с известиями, но в таком случае эта информация должна была быть внесена в расходные монастырские книги, так как слуга получал деньги на проезд. Между тем, таких записей нет. Остается предположить, что старцы очень хорошо ориентировались в водном режиме как рек, так и Белого моря и отправляли лодьи сразу после вскрытия прибрежной полосы, причем этот путь занимал примерно столько же времени, как и остаток пути насадов от Устья до Холмогор.

В книгах «судового хода» описаны некоторые подробности поездки. Так, в начале пути, при отплытии из Вологды и обратно из Холмогор, на судах обязательно служили молебны, за что платили причту в шесть денег. По пути также часто раздавали деньги нищим и попам. Основными точками, где делали остановки для уплаты пошлин и закупки продовольствия, а иногда и мелкого ремонта, были Тотьма и Устюг, где находились таможи. В Устюге и Тотьме покупали хлеб или пекли его для наемных работников – кормщиков, осначих, носников. Если поездка выпадала не на дни поста, то им же покупали мясо, яйца, молоко. Вообще обеспечение наемной рабочей силы продовольствием входило, по-видимому, в расходы монастыря. Кроме того, по прибытии в конечный пункт вытным осначим оплачивали баню.

Для поездки старец «судового хода» должен был нанять команду. Она не была одинаковой по составу при поездке вниз к Холмогорам и вверх к Вологде. От Вологды до Холмогор нанимали кормщиков, по одному на каждое судно, и носников, также по одному на судно. В разные годы оплата их услуг не была одинаковой и колебалась от четырех до семи рублей, причем носнику платили больше. Их труд требовал высокой квалификации, знаний, которые могли передаваться из поколения в поколение. Но и ответственность их тоже была высокой. Если по вине носника или кормщика происходила авария, то монастырь мог возложить на него все убытки. Так, носник Василий Никитин сын после того, как монастырский дощаник натолкнулся на камень, и в результате вся соль затонула, должен был ходить бесплатно в зачет долга на монастырских судах, пока не «заходит» убыток в 800 руб. А так как сумма была велика, и выплата растягивалась на годы, то монастырские власти вписали в порядную и его сына [Прокофьева, с. 80; ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 58].

Кормщиков нанимали на весь путь как вниз, так и вверх. Носники имели более узкую специализацию и нужны были прежде всего для того, чтобы провести суда вверх по реке, избежав отмелей и камней. Из таможенных книг Устюга и монастырских книг «судового хода» становится ясно, что на Сухоно-Двинском пути существовали три категории носников, ведавших своим участком: двинские, сухонские (на Нижней Сухоне) и верхнесухонские. Первых нанимали в Холмогорах, вторых – в Устюге до Тотьмы, и последних – от Тотьмы до Вологды. Особенно ценились носники, умевшие провести судно на самом сложном участке между Устюгом и Тотьмой, где находились восемь перекаатов и порог Опока с крутым разворотом и обрывистыми берегами. Старец Иев Колышкин, ведший монастырские дощаники в 1607 г., нанял двух двинских носников за 5 руб., а затем двух носников сухонских в Устюге – Аникия Волкова за 9,5 руб. и Ивана Кулебякина за 6,5 руб. до Тотьмы. Монастырь старался устанавливать стабильные связи с теми специалистами, которые были ему необходимы. Некоторые имена кормщиков и носников повторяются в книгах судового хода за разные годы. Так, тот же Иван Кулебякин проводил монастырские суда в 1612 и 1614 г. Вологодский кормщик Марк, умерший во время судового хода в 1618 г., до этого также водил монастырские суда в Холмогоры и обратно [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 20. Д. 19].

В Устюге также нанимали двух прикольщиков (вероятно, для швартовки судна) за 1–1,20 руб. каждому и двух присадчиков (посадчиков) за 0,7–1 руб. каждому, задачей которых было, по-видимому, удерживать судно в фарватере на сложных участках.

В XVII в. кормщики и носники составляли своего рода элиту наемных людей, живших за счет обслуживания водных путей. Они отличались чрезвычайной сплоченностью, отстаивая свои интересы, в том числе и перед властями [Введенский, с. 58–59; Устюгов, с. 192]. В отличие от них, чье искусство было невозможно без обучения и тренировки, прикольщики и присадчики должны были обладать прежде всего физической силой и некоторым опытом в своем деле, и, судя по величине оплаты их труда, они занимали среднее место в социальной структуре посадских жителей, живших за счет обслуживания речных транспортных путей.

Самыми опасными местами считались Стрельнинский порог и Опока. Здесь для облегчения насада или дощаника часто нанимали («кортомили») паузки для перевозки на них груза, а также дополнительных рабочих, которых требовалось порядка 100–120 человек для двух насадов. За эту работу платили не более двух копеек каждому, но нужно учитывать, что за один день такая команда переводила через опасные места не одно судно. Кроме того, обычно эти же работники предлагали свои услуги для спасения судов, потерпевших аварию в опасных местах, перевозили грузы с севших на мель или вмерзших во время позднего осеннего «хода» дощаников и насадов. Те, кто занимались такого рода трудом или нанимались в оснащение, чей труд

за всю поездку в обе стороны оценивался от 3 до 3,5 руб. и заключался в исполнении самой тяжелой физической работы (осначие могли быть гребцами при ходе по течению, а также гребцами и бурлаками, тянущими судно вверх по реке), были, безусловно, дешевой неквалифицированной рабочей силой.

П. А. Колесников, основываясь на сопоставлении данных переписных книг Тотьмы за соседние годы, отмечал процесс маргинализации низших слоев посадского населения, постепенное «сползание» большей части тех, кто первоначально значился бобылем, в нищие. Он же полагал, что именно обнищавшее население города в первую очередь пополняло ряды неквалифицированных работников-водников [Колесников]. При этом своя организация была и здесь. Л. С. Прокофьева обратила внимание на то, что при найме вытнх осначих старцы записывали их группами по схеме «имярек со товарищы», причем каждая группа располагалась в книгах по мере убывания стоимости назначенной им оплаты труда [Прокофьева, с. 80]. С одной стороны, здесь, безусловно, имеет место стремление монастыря найти как можно более дешевых работников, поэтому, если первых нанимают еще за относительно высокую цену (в начале XVII в. – около 3,5 руб. каждому), то дальше возрастает конкуренция, и последние получают 3 руб. и менее за ту же работу. С другой стороны, очевидно, именно от лидера группы зависело то, как быстро он сумеет сориентироваться и заключить для своих товарищей наиболее выгодную сделку, предложив необходимые услуги. С точки зрения организации большого числа работников для монастырских старцев также было, по-видимому, удобнее иметь дело с несколькими лидерами сложившихся групп, участники которых были связаны отношениями взаимного поручительства и хорошо знали друг друга.

Пришедшие к Холмогорам с товарами насады старцы стремились отправить как можно скорее назад, нагрузив их купленной или монастырской солью, в том числе той, которая была оставлена в амбарах с прошлого года. Тем самым монастырь избегал простоя команды и дополнительных издержек. Сами приказные старцы холмогорского торгового выезда уже без груза, по завершении торговли, назад в монастырь ближе к осени или в ее начале. Для этого у них было несколько различных возможностей. Они могли поехать всего за полтину за двоих пассажирами на каике (небольшом грузовом судне) или «на присаде на чюжем дощаничке», как например, это сделали в 1602 г. два старца, заплатив за проезд 2,5 руб. [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 20; Д. 19. Л. 12 об.].

По завершении поездки требовалось нанять людей для выгрузки из насадов и дощаников соли, это могло занять до трех недель, когда старец жил на Вологодском монастырском подворье. После разгрузки насады как недолговечные суда, по-видимому, разбирали на доски, а дощаники, чей срок использования был дольше, чистили, также нанимая работников, смолили и конопатили.

Если по каким-либо причинам продать весь товар за лето не удавалось, могла возникнуть необходимость допродажи оставленного товара накануне прибытия новой партии. Так, в 1598 г. для продажи оставшегося с прошлого года на Холмогорах товара (ржи) из монастыря был отправлен старец Мисаил. Поездка была довольно срочной, так как до отправки регулярной партии товаров, происходившей сразу после начала речной навигации примерно в середине – конце апреля, нужно было освободить склады от залежавшегося товара. Насады с новым товаром приходили в Холмогоры либо в первых числах, либо к середине мая. Таким образом, на все, включая дорогу до Холмогор, у старца Мисаила было около месяца. Он ехал «самтретей на наемных конех» (то есть с ним были еще двое), за двух лошадей заплатил 12 алтын и на корм коням издержал еще 15 алтын (овес и сено ездок покупал сам или платил ямщику). Так как в книге есть только дата отправления – 28 марта, но нет даты прибытия в Холмогоры, то вычислить потраченное на такой способ передвижения время можно только приблизительно. В расходной книге холмогорского торгового года есть указание на то, что Пасху старец Мисаил встретил уже в Холмогорах: «варил квас на праздник на Христово воскресение»; приходили попы – дал гривну [Вотчинные хозяйственные книги, с. 220]. Пасха в 1598 г. пришлось на 16 апреля, к тому времени Мисаил успел перенести амбар и сделать еще несколько важных дел. Если предположить, что заниматься сугубо мирскими делами в течение среды – субботы Страстной недели он не мог, а упомянутая им покупка в дороге черной икры на 4 алтына была сделана по случаю Лазаревой субботы (8 апреля), в то время как следующая запись свидетельствует о покупке уже в Холмогорах двух пудов семги, то его приезд в Холмогоры следует датировать 9 апреля. Употребление икры в пищу во время Великого поста допускается только в Лазареву субботу, рыбы – в Вербное воскресенье, пришедшееся на 9 апреля, таким образом, поездка заняла не более двух недель. Путь от Вологды до Холмогор проходил преимущественно вдоль русла рек, это расстояние составляет около 700 км, следовательно, в среднем старец Мисаил проезжал в день по 50 км.

Второе регулярное направление транспортного сообщения связывало монастырь с Солью Вычегодской, где он владел варницами. Эту соль тоже доставляли в Вологду, для чего весной после освобождения речного пути ото льда отправляли меньшее по размеру судно – дощаник. В отличие от Холмогор, цель этой поездки была только в доставке соли. И, в отличие от Унского усолья, вычегодский промысел не имел в своем распоряжении крупных судов. Для этих целей либо использовали монастырские дощаники, либо нанимали вологжан вместе с их судном. 11 апреля 1595 г. для провоза соли монастырь нанял дощаник у Меншика Корцова. По договору ему должны были с каждой тысячи пудов заплатить по 25 алтын, при этом выдали задаток 15 руб. Далее 16 апреля ему выплатили еще 25 руб., в июне – следую-

щие 5 руб., а последний платеж, 10 руб. 8 алтын 4 деньга, ему же записан в следующей расходной книге 25 июля 1595 г. Всего Меншику было выплачено 55 руб. 17 алтын 1 деньга, что при пересчете на 25 алтын за тысячу пудов составит более 7 тыс. пудов соли, которую он, очевидно, перевез. О найме команды на этот дощаник речи не идет, видимо, это было делом самого Меншика, и затраты были включены в стоимость провоза по умолчанию [Вотчинные хозяйственные книги, с. 336–337, 346].

Монастырскую соль в 1595 г. от Холмогор до Вологды доставили также на наемном судне Григория Герасимова, которому заплатили за провоз 3128 пудов 46 руб. 30 алтын 4 деньга, «по 3 деньга с пуда», что намного дешевле, чем взял Меншик Корцов за более короткую дистанцию [Там же, с. 346].

Наконец, в Устюг «по заморозную соль», то есть соль, оставленную на зиму в монастырских амбарах в этом перевалочном пункте, были отправлены два монастырских насада со старцем Илинархом, получившим на уплату пошлин и прочие судовые расходы 100 руб. [Вотчинные хозяйственные книги, с. 336].

Свой дощаник посылали за солью в Вычегодский промысел в 1600 г. 23 апреля одновременно с отпущенными к Холмогорам насадами старца Дионисия к Соли Вычегодской был послан с дощаником слуга Русин Ефремов, на судовой расход и пошлины ему выдали 40 руб., и еще 17 руб. 30 алтын – «передать старцу Деонисью на соляную варю» [Там же, с. 364].

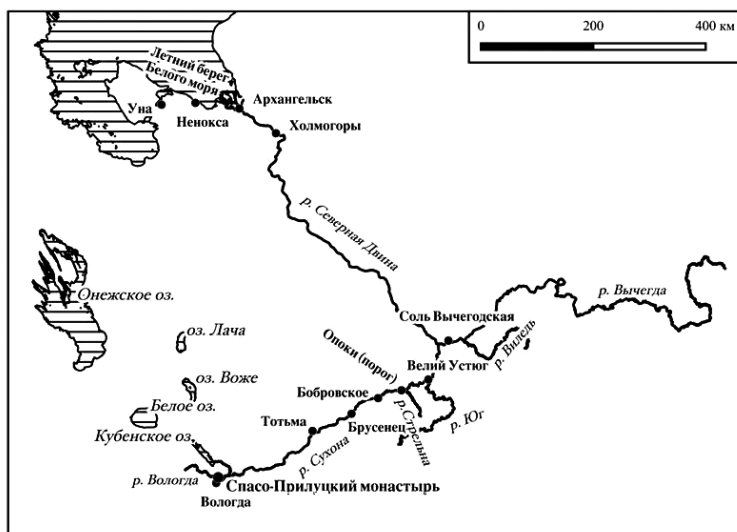
Третьим направлением регулярных перевозок была Тотьма. Здесь находился крупнейший из монастырских соляных промыслов (в начале XVII в. здесь было четыре действующие варницы) [Прокофьева, с. 41]. В Гейманом была опубликована одна из книг Тотемского промысла, а также проведено исследование некоторых особенностей ведения промысла. Часть вываренной в Тотьме соли старцы продавали здесь же или отвозили вниз в Заозерье, куда отправляли во время навигации дощаник [Гейман, с. 98].

Одним из способов транспортировки осенней тотемской соли, оставшейся «в непродаже», была перевозка возами по зимнему санному пути. В январе 1623 г. «приезжали из монастыря в Тотомской промысел посол старец Власей да старец Леанид в три поимки». Эти «послы» отправлены были назад по зимнему пути с солью: 6 января поехал старец Влас, повез 21 рогожу весом («по чоголоцкому весу») 566,75 пуда, затем 26 числа повез 26 рогож весом 731,75 пуда старец Леонид, наконец, вернувшийся старец Власий отвез 4 февраля третью партию соли – 67 рогож весом «в вологоцкий контарь» 1676,75 пуда [Там же, с. 94].

После ледохода и открытия навигации возобновлялись речные перевозки по Сухоне. В августе 1576 г. сюда был послан старец Левкий с судном «по соль» [Вотчинные хозяйственные книги, с. 364], 10 июля 1623 г. на дощанике отправили в монастырь со старцем Дионисием

22 рогожи соли весом 703,25 пуда. Третья возможность транспортировки соли с промысла в монастырь была связана с проходящими монастырскими насадами, возвращавшимися из Холмогор. Как было отмечено выше, подсчеты показали, что насады там нагружали не полностью, и это объясняется тем, что часто их догружали солью из Тотемского промысла, мимо которого они проходили. В 1623 г. последняя крупная партия соли была отправлена со старцем Иосифом, который шел «с Колмогор на насаде», и с ним отправили из Тотьмы 40 рогож весом 1220,75 пуда. Из тотемских книг узнаем также о том, что и вниз насады могли быть догружены в Тотьме хлебом: 26 апреля «шел с Вологды на насаде к Колмогорам старец Ияков Скутнев, дали ему ис Тотомского промыслу хлеба на насад» – 40 четвертей ржи и 38 четвертей овса «в тотемскую меру» [Гейман, с. 96].

Итак в конце XVI в. монастырь использовал четыре маршрута по Сухоно-Двинскому пути для своих целей (рис. 1):

1. Структура водных коммуникаций в хозяйстве Спасо-Прилуцкого монастыря¹

1. River Routes in the Spaso-Prilutsky Monastery

– Вологда – Холмогоры – для провоза товаров, реализуемых на холмогорском рынке, а также для принятия соли из удаленного Унского усолья, Неноксы, для покупки соли у частных лиц (унской, морской, некоторых северных монастырей, также варивших соль в Уне и Неноксе).

¹ Автор выражает искреннюю благодарность А. А. Фролову за помощь в составлении карты-схемы.

– Вологда – Устюг – за оставленной на зимовье в Устюге солью (своей и купленной, доставленной из Холмогор). Отправляли один или два насада.

– Вологда – Соль Вычегодская. Сюда отправляли дощаник за солью, вываренной монастырскими варницами, возможно, ездил один из старцев, в чьем ведении в этот год находились вычегодские варницы, или слуга.

– Вологда – Тотьма. Поскольку это усолье располагалось ближе всего к монастырю, а Тотьма к тому же являлась крупным узлом гужевых перевозок (здесь даже покупали сани, возы, тягловую силу), транспортировка соли могла осуществляться как сухопутным зимним санным путем, так и по воде, для чего сюда по просьбе приказного усольского старца присылали дощаник или лодью. При этом часто догружали солью проходящие транзитные монастырские суда, идущие из Холмогор, и хлебом – в Холмогоры.

Система коммуникаций, выстроенная Спасо-Прилуцким монастырем, позволяла ему решать необходимые экономические задачи в огромном разбросанном по большой территории хозяйстве с наименьшими потерями. Важными факторами успеха были умение приспособлять свои нужды к природным гидроклиматическим условиям, создание и эффективное использование социальных сетей, позволявших на наиболее выгодных условиях набирать рабочую силу, согласование действий между различными участниками и главами отдельных монастырских служб, гибкая система использования транспортных средств, не исключая найм судов, вместо содержания большого парка собственных при возможном их простое. Управляя пространством, монахи обеспечивали экономическую стабильность своей обители на протяжении длительного времени.

Список литературы

Агафонова С. А., Фролова Н. Л. Особенности ледового режима рек бассейна Северной Двины // Водные ресурсы. М. : Наука, 2006. Т. 33. № 6. С. 1–9.

Богомазова А. А. Морская инфраструктура Соловецкого монастыря в XVII – начале XVIII в. // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вып. 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы к междунар. науч. конф. Москва, 26 окт. – 1 нояб. 2015 г. М. : Изд-во МГУ, 2015. С. 368–373.

Богомазова А. А. Морские суда в хозяйстве усольий Соловецкого монастыря в середине XVII в. (по данным отводных книг усольий) // Русь, Россия : Средневековье и Новое время. Вып. 3. Третьи чтения памяти академика РАН Л. В. Милова : материалы к междунар. науч. конф. Москва, 21–23 нояб. 2013 г. М. : Изд-во МГУ, 2013. С. 236–242.

Брызгалов В. В. Транспортировка соли из поморских усольий в Холмогоры в середине XVII века // Труды XI съезда Русского географического общества. Т. 7. СПб. : Наука, 2000. С. 130–134.

Введенский А. А. Транспортные рабочие – водники // Архив по истории труда в России : в 15 т. Петроград : Гос. изд-во, 1922–1925. Т. 3. С. 58–59.

Водные пути: пути жизни, пути культуры : материалы междунар. науч. конф., Тверь, 15–19 сент. 2015 г. Тверь : СФК-офис, 2015. 446 с.

Вотчинные хозяйственные книги XVI в. : в 2 вып. М. ; Л. : Изд-во Ин-та истории АН СССР, 1979.

- ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 4, 58.
- Гейман В. Г. Материалы по истории русской соляной промышленности (Тотемский соляной промысел Спасо-Прилуцкого монастыря в 1622/1623 гг.) // Труды государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Т. 5 (8). Л. : Гос. публич. библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1958.
- Гуслистова А. Н. Торговый речной флот вологжан в начальный период Петровских реформ // Историческое краеведение и архивы : материалы межрегион. науч. конф. Вып. 11. Вологда : Легия, 2004. С. 92–100.
- Истомина Э. Г. Водный транспорт России в дореформенный период (историко-географическое исследование). М. : Наука, 1991. 264 с.
- Истомина Э. Г. География культуры и историческая география: проблемы взаимодействия // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. 1. М. : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 2007. С. 42–52.
- Истомина Э. Г. Пути сообщения России в XVII – начале XIX в. // Российская империя от истоков до начала XIX века : Очерки социально-политической и экономической истории. М. : Рус. панорама, 2011. С. 530–550.
- Историческая география России IX– начала XX века : Территория. Население. Экономика : очерки. М. : Изд-во Ин-та рос. истории РАН, 2013. 336 с.
- Колесников П. А. Социально-экономические отношения на Тотемском посаде в XVII в. // История СССР. 1958. № 2. М. : Наука. С. 143.
- Прокофьева Л. С. Вотчинное хозяйство в XVII веке. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 178 с.
- РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 19, 20.
- Устюгов Н. В. Работные люди на Сухонско-Двинском водном пути // Исторические записки. Т. 6. М. : Изд-во АН СССР, 1940.
- Филин П. А. Судостроение Соловецкого монастыря: лодья «Преподобный Зосима». М. : Рос. науч.-исслед. ин-т культурного и природного наследия, 2004. 177 с.
- Arnold E. F. *Negotiating the Landscape : Environment and Monastic Identity in the Medieval Ardennes*. Philadelphia : Univ. of Pennsylvania Press, 2013. 312 p.

References

- Agafonova, S. A. & Frolova, N. L. (2006). *Osobennosti ledovogo rezhima rek basseyna Severnoy Dviny* [Features of the Northern Dvina Basin's Ice Regime]. In *Vodnye resursy*, Vol. 33, № 6, pp. 1–9. Moscow, Nauka.
- Arnold, E. F. (2013). *Negotiating the Landscape : Environment and Monastic Identity in the Medieval Ardennes*. 312 p. Philadelphia, University of Pennsylvania Press.
- Bogomazova, A. A. (2013). *Morskije suda v khozyaystve usolij Solovetskogo monastyrya v seredine XVII v. (po dannym otvodnykh knig usolij)* [Ships in the Salt Works Economy of the Solovetsky Monastery in the mid-17th Century. (According to the Diverting Salt Works Books)]. In *Rus', Rossiya : Srednevekov'e i Novoe vremya*. Iss. 3. Tret'i chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova : materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 21–23 noyabrya 2013 g. (pp. 236–242). Moscow, Izdatel'stvo MGU.
- Bogomazova, A. A. (2015). *Morskaya infrastruktura Solovetskogo monastyrya v XVII – nachale XVIII v.* [Maritime Infrastructure of the Solovetsky Monastery in the 17th – Early 18th Century]. In *Rus', Rossiya : Srednevekov'e i Novoe vremya*. Iss. 4. Chetvertye chteniya pamyati akademika RAN L. V. Milova : materialy k mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Moskva, 26 oktyabrya – 1 noyabrya 2015 g. (pp. 368–373). Moscow, Izdatel'stvo MGU.
- Bryzgalov, V. V. (2000). *Transportirovka soli iz pomorskikh usolij v Kholmogory v seredine XVII veka* [Salt Transportation from the Seaboard Salt Works to Kholmogory in the mid-17th Century]. In *Trudy XI s'ezda Russkogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 7, pp. 130–134. St. Petersburg, Nauka.
- Filin, P. A. (2004). *Sudostroenie Solovetskogo monastyrya: lod'ya "Prepodobnyy Zosima"* [Shipbuilding in the Solovetsky Monastery: Boat "Saint Zosima"]. 177 p. Moscow, Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kul'turnogo i prirodnogo naslediya.
- Geyman, V. G. (1958). *Materialy po istorii russkoy solyanoy promyshlennosti (Totemsky solyanoy promysel Spaso-Prilutskogo monastyrya v 1622/1623 gg.)* [Materials on the History of Russian Salt Industry (Tot'ma Salt Works of the Spaso-Prilutsky Monastery in 1622/1623)]. In *Trudy gosudarstvennoy publichnoy biblioteki imeni M. E. Saltykova-*

Shchedrina, Vol. 5 (8), pp. 71–104. Leningrad, Gosudarstvennaya publichnaya biblioteka imeni M. E. Saltykova-Shchedrina.

Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti (State Archive of Vologda Region). Stock 1260. List 1. Dossier 4, 58.

Guslistova, A. N. (2004). *Torgovyy rechnoy flot vologzhan v nachal'nyy period Petrovskikh reform* [Commercial River Fleet of Vologda in the Initial Period of Petrine Reforms]. In *Istoricheskoe kraevedenie i arkhivy : materialy mezhhregional'noy nauchnoy konferentsii, Iss. 11*, pp. 92–100. Vologda, Legiya.

Istomina, E. G. (1991). *Vodnyy transport Rossii v doreformennyy period (istoriko-geograficheskoe issledovanie)* [Russia Water Transport in the Pre-reform Period (A Historical-Geographical Study)]. 264 p. Moscow, Nauka.

Istomina, E. G. (2007). *Geografiya kul'tury i istoricheskaya geografiya: problemy vzaimodeystviya* [Cultural Geography and Historical Geography : Problems of Interaction]. In *Problemy istoricheskoy geografii i demografii Rossii, Iss. 1*, pp. 42–52. Moscow, Izdatel'stvo Instituta rossiyskoy istorii RAN.

Istomina, E. G. (2011). *Puti soobshcheniya Rossii v XVII – nachale XIX v.* [Russian communications in the 17th – Early 19th centuries]. In *Rossiyskaya imperiya ot istokov do nachala XIX veka : Ocherki sotsial'no-politicheskoy i ekonomicheskoy istorii* (pp. 530–550). Moscow, Russkaya panorama.

Istoricheskaya geografiya Rossii IX – nachala XX veka : Territoriya. Naselenie. Ekonomika : ocherki [Historical Geography of Russia, 9th – Early 20th Centuries. Territory. Population. Economy: Essays]. (2013). 336 p. Moscow, Izdatel'stvo Instituta rossiyskoy istorii RAN.

Kolesnikov, P. A. (1958). *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya na Totemskom posade v XVII v.* [Socio-economic Relations in Totemsky Tenements in the 17th century]. In *Istoriya SSSR, 2*, p. 143. Moscow, Nauka.

Prokof'eva, L. S. (1959). *Votchinnoe khozyaystvo v XVII veke* [Patrimonial Economy in the 17th Century]. 178 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 196. List 1. Dossier 19, 20.

Ustyugov, N. V. (1940). *Rabotnye lyudi na Sukhonsko-Dvinskom vodnom puti v pervoy polovine XVII v.* [Workmen on Sukhona-Dvina Waterway in the First Half of the 17th century]. In *Istoricheskie zapiski, Vol. 6*, pp. 167–194. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR.

Vvedenskiy, A. A. (1922). *Transportnye rabochie-vodniki* [Water Transport Workers]. In *Arkhiv po istorii truda v Rossii v 15 t, Vol. 3*, pp. 58–59. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo.

Vodnye puti: puti zhizni, puti kul'tury : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Tver', 15–19 sentyabrya 2015 g. [Waterways: The Way of Life, Way of Culture: Handbook of the International Academic Conf., Tver, 15–19 September]. (2015). 446 p. Tver, SFK-ofis.

Votchinnye khozyaystvennye knigi XVI v. [Fiefdom economic books of the 16th Century]. (1979). Iss. I–II. 418 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Instituta istorii AN SSSR.

The article was submitted on 07.05.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.180
УДК 37.014.3+371.4+373.23(470)

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ ДЕТСКИХ ЯСЛЕЙ (CRÈCHES) В РОССИИ

Дорена Кароли
Университет Мачераты,
Мачерата, Италия

THE INTRODUCTION AND SPREAD OF EUROPEAN-STYLE CRÈCHES IN RUSSIA*

Dorena Caroli
University of Macerata,
Macerata, Italy

This article considers Russia's turn at the end of the 18th century to European educational models, both institutionally (orphanages, schools, nurseries, and lyceums) and in terms of pedagogical methodology. The crèche is an example of one such institution that was spread widely across the Russian Empire. The aim of this research is to show the development of this institution and to define its function. The author considers how this model was adapted to Russian conditions in the late 19th and early 20th centuries. Immediately after the Great Reforms, the organisation of crèches was exclusively a product of private initiative: it was only from 1891 that they were developed systematically with support from the state and the ruling dynasty. On the basis of descriptions and statistics, the article evaluates how many children were accepted into these institutions, the methods of education used, the deployment of hygienic safeguards, the financial support available, and the level of education possessed by crèche teachers. The relationships that mothers from the peasantry and the working classes had with these establishments is also discussed. Finally, this piece looks at how the development of a network of creches was linked with the important demographic phenomenon of child mortality. Drawing comparisons with Western and Central Europe, the author arrives at the conclusion that although crèches followed the same scheme in Russia as they did elsewhere, their general condition was unsatisfactory.

* *Citation*: Caroli, D. (2016). The Introduction and Spread of European Style Crèches in Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180.

Цитирование: Caroli D. The Introduction and Spread of European-Style Crèches in Russia // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180 / Кароли Д. Распространение европейской образовательной модели детских яслей (crèches) в России // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 141–158. DOI 10.15826/qr.2016.3.180.

Thanks to the government's disinterest until quite late, many plans for crèches remained unrealised on the eve of the First World War.

Keywords: history of education in Russia; crèches; Department of Orphanages; Department of the Institutions of Empress Maria; defence of maternity and childhood.

Рассмотрено обращение в России конца XVIII в. к европейским просветительским моделям в сфере образования, как в системе учреждений (приютах для подкидышей, школах, детских садах и лицеях), так и в воспроизведении воспитательных методов. Одним из таких учреждений, получивших широкое распространение, были *crèches* (детские ясли). Целью исследования автора является воссоздание этапов появления учреждений, предназначенных для присмотра за маленькими детьми, и определение их функций. Автор прослеживает процесс адаптации этой модели к российским условиям в последних десятилетиях XIX — начале XX в. В пореформенной России организация яслей была связана исключительно с частной инициативой, и лишь с 1891 г. процесс развития детских учреждений приобрел системный характер, получив поддержку государства и покровительство правящей династии. На основании отчетов и описаний приводятся статистические данные о количестве детей, принимавшихся в ясли, сведения о характере ухода, воспитания, об организации профилактических и гигиенических процедур, о питании, объемах финансирования, составе и квалификационном уровне персонала. Выявляется отношение к институту младенческих учреждений со стороны матерей — крестьянок и работниц. Анализируется взаимосвязь между развитием сети детских учреждений ясельного типа и важным демографическим показателем — детской смертностью, в том числе в сравнении с аналогичными показателями в ряде стран Западной и Центральной Европы. Автор приходит к выводу, что хотя развитие ясельных учреждений происходило в России по той же схеме, что и в остальных европейских государствах, общее их состояние оставалось неудовлетворительным. Правительство слишком поздно начало принимать меры по форсированию системы охраны детства; с началом Первой мировой войны многие планы остались нереализованными.

Ключевые слова: история воспитания в России; детские ясли; Ведомство детских приютов; Ведомство учреждений императрицы Марии; охрана материнства и детства.

Распространение европейских образовательных моделей, основанных на педагогике Жан-Жака Руссо, начавшееся в конце XVIII в. (франкоязычные гувернеры), продолжалось до XX в. и существовало даже в первое десятилетие истории революционной России¹. Это

¹ Об истории распространения французской модели лицея и иезуитской коллегии см.: [Caroli, 2012]. О распространении системы предупреждения преступности несовершеннолетних, и особенно моделей американского суда для несовершеннолетних и комиссий по делам несовершеннолетних норвежского происхождения см.: [Caroli, 2004, p. 23–38, 265–288].

распространение происходило как стихийно, так и благодаря сетям ассоциаций и международным организациям, которые с последних десятилетий XIX в. занимались улучшением условий жизни и заботой о детстве. Данный феномен был характерен для европейского образования [Fuchs; Droux, Hofstetter], а не только для России, где в модернизации страны и общества были заинтересованы элиты.

Одним из успешных образовательных проектов были *crèches* (*детские ясли*). Учреждения этого типа принимали новорожденных, стараясь гарантировать им грудное вскармливание с целью предупредить детскую смертность и оказать помощь работающим женщинам. Идея их открытия в Париже связана с именем юриста и филантропа Фирмина Марбо (1798–1875), который в 1844 г. открыл первые ясли для законнорожденных бедных детей возрастом младше двух лет, чьи матери были «благонравными» и работали вне дома. Ему было выделено помещение с «двенадцатью колыбелями, несколькими стульями, несколькими маленькими креслами, рамкой, в которой висел распорядок, с минимальными расходами на одного ребенка в размере 50 центов» [Caroli, 2014, p. 38]. Ясли, получившие поддержку благотворительных обществ, быстро распространились во Франции благодаря поддержке медиками принципа грудного вскармливания в качестве основного средства борьбы с детской смертностью и идеям о необходимости воспитания детей с младенческого возраста, которые распространились во второй половине XIX в. благодаря публикациям многочисленных трактатов на эту тему. Наиболее известными были сочинения Альфреда Карона и Адольфа Пинара, которые фундаментально изменили практику ухода за ребенком, обучая мать оберегать его с рождения [Caron; Pinard]. Деятельность этих учреждений вызвала споры, вызванные распространением массовых заболеваний из-за нахождения детей в одном месте, и противники яслей видели в этом больше неудобств, чем преимуществ. Марбо же считал ясли учреждениями, полезными для общего блага и счастья человечества.

В процессе реформ 1862 и 1897 г. менялись устройство яслей и их внутренняя структура, возраст детей, функции персонала. Эти реформы привели к превращению *яслей* (*crèches*) во что-то вроде «крепостей по охране гигиены», здания напоминали больницы, порядок в них был нацелен на предотвращение эпидемий. В этот период началась организация яслей на промышленных предприятиях и ночных яслей для детей работающих женщин. В ряде стран Европы после Первой мировой войны ясли (*crèches*) были преобразованы в *garderies*, то есть учреждения по дневному присмотру за грудными детьми. Кроме того, благодаря закону об охране материнства, принятому в 1919 г. для некоторых категорий женщин, работницы получали пособие по материнству и могли заниматься грудным вскармливанием дома в течение первых двух месяцев после родов.

Франция, создав сеть вспомогательных учреждений для маленьких детей (ясли (*crèches*), диспансеры, консультации для новорож-

денных и молочные кухни («Капля молока»), явила собой для Европы и всего мира модель для борьбы с детской смертностью и стала инициатором густой сети действовавших в данной сфере международных организаций, обществ и учреждений. Начиная с первых десятилетий XX в. важной стороной стало также образование персонала [Caroli, 2014, p. 66–81]. Россия наравне с Италией была в числе стран, благосклонно принявших идею *crèches*. По некоторым источникам, их прототип существовал в России и до признания модели Марбо, но в единичных случаях. Речь идет о детских яслях, созданных в 1716 г. в городе Бело (бывшая Седлецкая губерния) по инициативе частных благотворителей [Chenguelidzé; Скорнякова].

Эти особые учреждения для грудных детей были аналогичны европейским приютам для незаконнорожденных, об их существовании сообщали путешественники и пресса того времени [Розенфельд]. На основании указа Царя Петра I (1712) были созданы *шпиталеты*, то есть специальные приюты, во многом похожие на приюты для подкидышей, которые принимали незаконнорожденных детей, подкинутых в провинциальных городах, в целях борьбы с детоубийством. Их возникновение и бытование во время правления царя Петра Великого широко изучены в западной историографии².

В отличие от Европы и особенно от Италии, в России не существовало форм системной благотворительности, организованной церковью. В соответствии с православной этикой, по крайней мере, до 1860 г. милосердие понималось не столько в качестве проявления добрых чувств по отношению к ближнему, сколько в качестве нравственной деятельности [Lindenmeyr].

В период правления Екатерины II министр и педагог Иван Иванович Бецкой (1704–1795) способствовал учреждению двух первых российских государственных приютов для подкидышей (воспитательных домов) в Москве и в Санкт-Петербурге, которые работали на основании принципа открытого приема детей с целью воспитания горожан по модели Джона Локка (1632–1704). Тип воспитательных домов Бецкого распространился в других российских городах, система была изменена благодаря супруге императора Павла I Марии Федоровне, которая перевела сирот в качестве учеников в деревню, переформировав первоначальный проект воспитания джентльмена [Ransel, p. 8–30, 34–36, 76].

Увеличение числа оставленных детей после 1870 г. привело к необходимости сохранить связь между матерью и ребенком в надежде облегчить траты на содержание учреждений, которые лишь в конце века обрели поддержку благотворительных обществ³. Вместе с тем, оставалась распространенной практика отдавать детей на воспита-

² О модели приюта для подкидышей см.: [Ransel]; о распространении модели фрёбелевских Kindergarten см.: [Kirschenbaum].

³ Число оставленных детей выросло с 88 167 чел. в 1870 г. до 130 тыс. чел. в 1899 г. [Ransel, p. 77, 97, 99].

ние кормилицам-крестьянкам или же семьям опекунов из окрестных деревень [Ransel, p. 110, 176]. Знатные семьи нанимали кормилицу или няню, русскую или иностранку (француженку или немку) для дневного присмотра за детьми, а крестьянские семьи оставляли маленьких детей на попечение дочерей 7–8 лет. Детей также часто поручали бабушкам, поскольку, в отличие от европейских стран, где большие семьи были менее распространены, в России представители нескольких поколений жили в доме одной семьей [Mitterauer, Kagan, p. 120]. Во всех социальных слоях была распространена традиция оставлять детей под присмотром дедушек и бабушек на некоторый период. Случалось, что в отсутствие бабушек или старших братьев и сестер детей оставляли одних, помещая в корзины или деревянные ящики, подвешенные к потолку веревками, чтобы защитить их от домашних животных [Chenguelidzé, p. 684].

Этапы распространения яслей в России

Распространение яслей в России XIX в. можно разделить на два этапа, которые характеризуются особенностями, похожими на те, что встречаются в других странах. Во время первого этапа, датируемого периодом между реформами 1860–1870-х и реформой 1891 г., развитие яслей было заслугой частной инициативы. Во время второго этапа (между реформой 1891 г. и революцией 1917 г.) появляются центры по координации деятельности всех детских учреждений, которые становятся инициаторами процесса институциональной модернизации.

Открытие яслей происходило благодаря усилиям Комитета главного попечительства для учреждения и управления детских приютов, основанного 7 ноября 1838 г. Комитет издал специальные правила дневного присмотра за детьми, которые были призваны воссоздавать семейную атмосферу и прививать религиозное воспитание детям из бедных социальных слоев [Пушкарёва, с. 26–27]. В течение 25 лет, с 1839 по 1864 г., комитет открыл около 98 учреждений, а в 1869 г. его функции были переданы Канцелярии по управлению детскими приютами [Пушкарёва, с. 28]. Вероятнее всего, речь шла о яслях английского типа. Действительно, модель *salles d'asile* и *infant schools* имела хождение в России задолго до фрëбелевских *Kindergarten*⁴ благодаря эмиграции французских воспитательниц, которые, прежде чем приехать в Россию, проводили какое-то время в Англии и порой принимались за англичанок [Розенфельд, с. 25].

В течение 60-х гг. XIX в. в столице и других российских городах число детских садов увеличивалось. Детские сады, открытые в Санкт-Петербурге и Москве в период между концом 1850-х и началом 1860-х гг. немецкими эмигрантами и обучавшимися в Германии русскими,

⁴ Ф. Фрëбель (1782–1852) – немецкий педагог, теоретик дошкольного воспитания, идеи которого были широко распространены в России (прим. ред.).

были фрёбелевскими скорее по названию, а не по сути. Их открытие было делом частной инициативы. Первый детский сад работал с 1863 по 1869 г. благодаря инициативе Софии Люгебиль, супруги доцента кафедры греческой словесности Санкт-Петербургского университета. По воспоминаниям Елизаветы Водовозовой, выпускницы Смольного института, писателя и педагога в сфере дошкольного образования (1844–1923), в этом учреждении, хотя оно и было создано на скорую руку, царила довольно приятная и веселая атмосфера, и дети просились у мам и нянь, которые за ними приходили, остаться там подольше [Kirschenbaum, p. 12–19].

В известном сочинении «Умственное развитие детей от первого появления сознания до восьмилетнего возраста» (СПб., 1871), обнаруживающем прямое влияние идей русского педагога К. Д. Ушинского (1824–1870), Е. Н. Водовозова ставила в центр образовательной программы русский язык, советовала родителям чаще использовать народные игрушки, рассказывать народные сказки и петь народные песни, так как она разделяла с супругом (тоже педагогом) убеждение, что фрёбелевский метод воспитания слишком жесткий [Kirschenbaum, p. 14–15].

В последующий период, особенно в 1880-е гг., детских садов было открыто немного, поскольку государство оказывало предпочтение приютам для детей городской бедноты в связи с убеждениями о необходимости общественной благотворительности, которой можно было бы смягчить тяжесть социальных проблем. В это время К. Д. Ушинский и В. И. Водовозов постоянно напоминали учителям и родителям о необходимости уважать дух свободы у детей дошкольного возраста.

В последнее десятилетие XIX в., во время второй волны открытия детских садов для детей из бедных слоев населения, их устройство уже мало зависело от немецкой модели. Возможно, это происходило благодаря авторитету педагогического опыта Льва Толстого с его довольно критическим отношением к авторитаризму учителей и родителей.

В различных губерниях России использование женской рабочей силы влекло за собой создание учреждений дневного присмотра за детьми, обозначенных не только как *детские сады*, но также и как *очаги*. Речь шла об учреждениях, в которых образовательный аспект отходил на второй план по сравнению с кормлением и медицинским контролем, хотя в некоторых случаях учитывались и образовательные цели [Kirschenbaum, p. 26].

Первые русские марксисты предвидели «революционный потенциал детских садов, которые гарантировали присмотр в течение всего дня», и предлагали общедоступный прием в эти учреждения «в качестве решающего шага к эмансипации женщин и средства модернизации и революции семьи» [Kirschenbaum, p. 29–30].

По сравнению с открытием детских садов создание детских яслей, часто ассоциировавшихся с приютами (вероятно, этим термином переводилось французское понятие *salle d'asile*), было исключительным

явлением. Если сначала французская модель *crèche* Марбо была приспособлена к российским условиям, так как ясли предлагали присмотр за детьми в возрасте от шести месяцев до шести-семи лет, то позднее они все больше соответствовали французским реформам, что было отмечено и в российской публицистике [Селиванов, с. 19–23].

Эти учреждения начинают распространяться с 60-х гг. XIX в. благодаря благотворительным инициативам, развивавшимся под покровительством Императорского дома (задолго, кстати, до перевода на русский язык руководства по *crèches* Фирмина Марбо в 1890 г.). Уважаемые граждане, часто награжденные престижными званиями, в своем стремлении проявить милосердие в активных его формах обращались к моделям европейских обществ, чтобы противостоять российским социальным проблемам⁵. Зарождающаяся буржуазия возводила благотворительность в ранг «гражданского долга и способа внести свой вклад в борьбу с отсталостью России» [Lindermeur, p. 686].

В заключительной части руководства Марбо содержалось исследование, опубликованное в русском издании, которое представляло схему размещения впервые открытых в Санкт-Петербурге после 1864 г. яслей, а также их распространение на обширной российской территории. Речь шла о яслях для небольших групп детей, которые работали благодаря частным фондам. Например, по инициативе великой княгини Елены Павловны, супруги Н. М. Милютина, были организованы ясли, в которых содержались десять детей [Марбо, с. 15–18].

На первом этапе своего распространения в России истинных *crèches*, описанных Марбо, не существовало, хотя и были ясли-приюты, которые принимали детей до 4–5 и даже до 8–10 лет. Однако даже во Франции в некоторых случаях возникали учреждения, в состав которых входили *crèches*, *salles d'asile* и начальная школа. Эта модель была задействована и в России [Там же, с. 16].

Не имея устава, бюджета и персонала, учреждения для грудных детей лишь впоследствии приобрели более организованное устройство. В течение нескольких лет в различных районах столицы возникли десятки яслей, в которых были небольшие группы детей. Среди первых был открыт приют для грудных детей в возрасте до одного года, который управлялся Императорским человеколюбивым обществом. Как и в Европе, некоторые воспитатели открывали ясли на фабриках. В качестве примера можно привести табачную фабрику «Богданов», где были устроены ясли на 50 бедных и больных детей. Известны и другие примеры яслей для детей 4–5 лет: при Покровской общине сестер милосердия на 12 детей с платой за пансион, от которой были освобождены только самые бедные; ясли лютеранской церкви святой Екатерины для детей от 3 до 5 лет; и, наконец, в Царском Селе в помещении Благотворительного общества были

⁵ Благотворители получали медали и отличительные знаки, которые часто были желанными для купцов, не имеющих знатных титулов, см.: [Lindermeur, p. 687–688].

открыты ясли и *денная колыбельная*, основанная служащим морского флота, рассчитанная на 10 детей, девочек и мальчиков, возрастом до 4 лет [Марбо, с. 16].

Впоследствии в столице в 1870–1880-е гг. число яслей увеличилось до четырех, их цель состояла в помощи бедным семьям. В условиях зарождающейся индустриализации ясли в рабочих районах принимали две группы детей, из которых более многочисленная (включавшая от 12 до 42 человек) оставалась только на дневное время, а вторая – также и на ночное (в среднем 30 человек). Ясли финансировались частным капиталом, а за уход за детьми взималась плата в размере 15 копеек в месяц. Несколько яслей были созданы кружком финских дворянок в Выборге в 1887 г. [Алексеев, с. 2–5]. Однако ясли не были только «городским» явлением. В том же году в некоторых деревнях Санкт-Петербургской губернии сами крестьяне на период с 1 июля по 15 сентября основали ясли, чтобы дети не оставались с пожилыми женщинами или неопытными старшими детьми, пока родители заняты на полевых работах [Марбо, с. 16].

В 1888 г. в Харькове по инициативе супруги бургомистра М. Н. Ферсенко были открыты ясли для детей бедных рабочих в возрасте от 1 до 10 лет. Ясли принимали от 15 до 35 детей в день, обеспечивая им соответствующие питание и гигиену. Десять лет спустя Ферсенко издала брошюру, в которой она утверждала, что ясли необходимы не только в городе, но также и в деревне, где дети страдали молочницей (кандидозным стоматитом) и дизентерией. Ферсенко полагала, что ясли были бы полезными не только для предотвращения нахождения детей без присмотра, но также и для борьбы с пожарами, о которых в большой панике писала пресса. Действительно, домашние пожары, вызванные в том числе неосторожным обращением детей с огнем, часто имели самые трагические последствия [Ферсенко, с. 3, 9–10].

В последнее десятилетие XIX в. существовали ясли с различным режимом работы. Они возникали благодаря частным предпринимателям и благотворителям или усилиям местных властей в крупных городах и инициативе сельского населения в деревнях. Их развитие было ускорено вниманием публицистики к организации яслей во избежание опасности, связанной с беспризорностью детей, приводившей к несчастным случаям. Новооткрытые ясли часто были приспособлены к местным условиям в тех городах, где женский труд был более частым явлением, например, в Москве, Саратове, Вологде, Таганроге, Нижнем Новгороде, Самаре, Риге, Одессе, Киеве и Николаеве (в последнем ясли были закрыты в 1889 г.) [Марбо, с. 16]).

В Москве семья предпринимателей Милютиных открыла двое яслей для детей рабочих, которые проживали в окрестностях города в зданиях, принадлежащих Раменской фабрике. В каждых яслях было различное число нянь (до шести человек), получавших максимальное жалование в размере шести рублей в месяц, и одна надзирательница. Всего из числившихся в списке 211 детей рабочих примерно 30–35

человек в день приводили в ясли, которые были хорошо оснащены с гигиенической точки зрения, обеспечены горячей и холодной проточной водой и чистым постельным бельем [Марбо, с. 17].

Среди сведений о других яслях, созданных в последние десятилетия XIX в., заслуживают внимание ясли, открытые врачом деревни Лысково Рузского уезда при Покровской больнице. Они были наиболее близки к модели Марбо, так как туда принимали детей от трех месяцев до двух лет. В открытых с 28 июня по 8 сентября яслях имелись корзинки для укачивания детей и коврик для тех, кто начинал ползать. Семеро детей проводили там дневное время, пока их матери работали в поле, приходя один раз в день, чтобы покормить детей. Отнятых от груди детей бесплатно кормили и одевали. Общие затраты за 72 дня работы яслей составили 115 руб., эта сумма покрывалась небольшими вкладами со стороны семей и местной администрации. Заведующей яслями была сельская учительница, которая обучала матерей правильному грудному вскармливанию. К ней также приходили женщины из соседних деревень за советами по уходу за детьми [Там же].

Перевод на русский язык руководства Марбо, изданный в 1890 г., стал стимулом к активизации деятельности данных учреждений в сфере образования матерей. Во введении утверждалось: «ясли – учреждение предупредительной благотворительности, делающее добро детям и матерям не только в настоящем, но и в будущем, довольствующееся платой, не покрывающей расходы, и окружающее детей всеми необходимыми в раннем детстве заботами о правильном физическом, умственном и нравственном развитии. Что касается до матерей, то для них ясли важны в том отношении, что представляют прекрасный пример разумного воспитания и дают возможность пользоваться советами о дальнейшем уходе за детьми» [Там же, с. 5]. Все медицинские конгрессы и различные местные администрации в Перми, Казани, Симбирске и Орле единодушно выступали в пользу яслей, которые могли помочь в борьбе с высоким показателем детской смертности в деревне.

Реформа дошкольных учреждений 1891 г.

Развитие детских учреждений, от приютов до яслей, получило новый импульс в результате реформы в Ведомстве учреждений императрицы Марии, которое находилось под покровительством императрицы Марии Фёдоровны.

Под покровительством императорской семьи 18 июля 1891 г. ведомство приняло первое положение о детских учреждениях, среди которых фигурировали, кроме яслей, также и *приюты-ясли*, в задачу которых входил дневной уход за детьми, оставшимися без присмотра во время работы родителей или родственников или по семейным об-

стоятельствам, и тех, которые были лишены возможности получать дома воспитание и начальное образование [Ведомство, с. 5–8].

В этих приютах могли быть собраны дети обоих полов, независимо от социального положения их родителей. Хотя изначально в них могли содержаться дети старше трех лет, впоследствии туда принимались и дети от одного года в соответствии с французской моделью *crèche*, которая признавалась положением о детских учреждениях в России [Там же]. Однако в России стремление подражать моделям европейских учреждений входило в противоречие с повсеместно распространенной неграмотностью (21,1 % в 1897 г.), а низкий культурный уровень сельского населения препятствовал развитию упреждающей медицины, поскольку эпидемии считались Божьей карой [Frieden, p. 239].

Примеры работы яслей в России

Издание вышеназванного положения стало моментом разрыва с прошлым, благоприятствуя интенсивной работе по устройству яслей как в городах, так и в деревнях, и заложило основы для едва ощутимого улучшения состояния детского здоровья. В 1894 г. в Москве усилиями дворянки Екатерины Петровны Ермоловой был открыт первый приют в доме Рогожина под покровительством великой княгини Елизаветы Федоровны. Хотя изначально приют считался временным учреждением, он оказался постоянным и долговечным благодаря санитарному руководству доктора М. В. Духовского, который способствовал поддержке приюта с помощью православной церкви. По инициативе Елизаветы Федоровны было собрано 300 руб. на помощь неимущим детям района. Приют Рогожина находился в самой бедной части Москвы, и женщины могли привести туда своего ребенка перед тем, как отправиться на работу. Первоначально приют принимал 25 детей, включая тех, которым было больше семи лет, с 5.30 до 21.00. Матери работали на фабрике Попова (которая специализировалась на мойке бутылок) и фабрике «Эйнем», но были среди них также прачки и мелкие торговки. Других детей приводили на период с 7.00 до 18.00. Дети делились на три группы по возрастному принципу: грудные, дети от двух до четырех лет и старшие. Дети первой группы спали в корзинках с матрасами и подушками, наполненными сеном, для более старших использовались лавки и ковры с подушками. Дети второй группы проводили день в играх с надзирательницей; дети третьей группы с 10 до 12 часов посещали занятия, организованные одной из воспитательниц, а потом гуляли в саду; кроме того, несколько часов днем они были заняты развлекательными мероприятиями [Отчет, 1896, с. 2–7]. На первом этапе деятельности этих яслей с общим числом более 10 тыс. посещений в год в среднем в день отмечалось присутствие 30 детей, хотя в некоторые дни приводили

до 90 детей старше одного года. Самой малочисленной была группа, насчитывавшая десять грудных детей; самая многочисленная состояла из четырех- и пятилетних детей (16 чел.), но было также от 7 до 10 детей возрастом от 6 до 11 лет. В 1896 г. дневная стоимость за одного ребенка составляла 23,5 коп. Всего на содержание детей было потрачено 2 539 руб., включая 49 руб. на месячное жалование персоналу. Учреждение занималось также другими формами помощи, которые включали пособия матерям (общей суммой около 117 руб.), патронат над бедными в районе Пречистенки и пребывание в деревне для 21 ребенка в 1899 г. [Отчет, 1897, с. 2–7]. Из данных отчета видно, что, например, в течение 1903 г. ясли обеспечивали 226 дней работы, в среднем по четыре дня на ребенка. Были обслужены 79 детей (умерли 7,9 %) с затратами в размере 26 копеек на человека (и общей суммой затрат в 2 618 руб.). Старших детей постепенно переводили в другие детские учреждения (двоих – в приют для подкидышей, других – в школу), предлагая также программы дошкольного обучения. В первые годы XX в. здесь удалось обеспечить присмотр за 57 детьми. Впоследствии руководство яслями перешло к православной церкви, которая приступила к перераспределению пожертвований, предназначенных на поддержку яслей [Отчет, 1903, с. 3–5; Отчет, 1914, с. 10–11, 15].

Преимущества этих яслей становятся особенно очевидными, если учесть, что реформа приютов стала причиной резкого падения числа принимавшихся в них детей (с 17 тыс. чел. в 1888 г. до 9 814 чел. в 1895 г.). Помощь теперь оказывалась исключительно незаконнорожденным детям или сиротам⁶. В те же годы в ряде городов, таких как Рига, Таганрог, Ковна, Саратов и Тула, по инициативе частных благотворителей были открыты ясли.

В частности, с 1896 г. губернскому управлению Полтавы удалось открыть двое яслей благодаря сотрудничеству местных учителей и старших сестер воспитанников, взявших на себя функции воспитательниц. Дети начинали день с молитв, после чего были организованы различные занятия, игровые или образовательные. Дети получали трехразовое питание, их посещали врач и его помощник. Дневная плата составляла около 12 коп. Первоначально крестьянки с безразличием отнеслись к данному учреждению, опасаясь лишних трат и плохого обращения с детьми, но резко изменили свое мнение при виде чистых и хорошо накормленных детей. Также земства Костромы и Перми устраивали ясли в летний период, чтобы дать возможность женщинам отправиться на полевые работы, и в сотрудничестве с местным врачом открыли 11 яслей с дневной оплатой в размере 17 коп. за каждого ребенка [Там же, с. 9–12]. Постепенно организация яслей в деревне стала массовым явлением и активизировалась во

⁶ Уровень смертности в приютах был очень высоким и в 1880 г. достигал 85 %, а к началу века понизился до 75–80 %. Процент детей, которые доживали до возраста военнообязанных, составлял 24–31 %, остальные же умирали из-за голода и болезней. Когорта 1890 г. пережила 5-летний возраст в составе около 50 % [Ransel, p. 265].

время советской коллективизации в деревне в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Ясли открывались в июле с началом жатвы и закрывались в октябре после уборки урожая.

Освободившись от первоначальной подозрительности, вызванной необходимостью оплаты, сомнениями по поводу качества питания и слухами об использовании снотворного, сельское население, и особенно поденные батраки, начали отводить детей в ясли [Chenguelidzé, р. 680–692]. Распространению яслей способствовали разъяснения врачей. В частности, в Воронежской губернии широкую известность получила деятельность Комиссии по распространению гигиенического воспитания, действовавшей с 1894 г. благодаря Пироговскому обществу (основанному, в свою очередь, в 1883 г.). Комиссия опубликовала брошюру, в которой население призывали открывать подобные учреждения. На обложке, которую потом использовала советская пропаганда, был изображен оставленный без присмотра ребенок и работавшая в поле мать, что указывало на опасности, грозившие новорожденному [Frieden, р. 240–241, 255, 251–257].

В Воронежской губернии ясли открывались в помещениях школ, церквей, учреждений и даже в трактире (владелец Макаров), в крестьянских избах и в арендованных или предоставленных крестьянами зданиях, наконец, в помещениях, прилегающих к дому врача А. А. Ростовцевой. Они финансировались различными ассоциациями, страховым фондом губернской администрации и частными лицами [Ведомство, с. 13–14].

С августа 1897 г. в Воронежской губернии по инициативе нескольких благотворителей при школе были организованы ясли, состоящие из комнаты и кухни, в которых нянями работали старшие девочки. Ясли оставались открытыми с 10 июля в течение 17 дней, исключая праздники. 11 июля было зарегистрировано максимальное число детей (231), а 31 июля – 114. Посещения детей были нерегулярными, чаще приводили детей дошкольного и школьного возраста, с которыми занимались и которых развлекали. Детей до года отдавали обычно на несколько дней и нерегулярно [Там же].

В ясли принимали только здоровых детей, а заболевших инфекционными (малярией и коклюшем) или другими заболеваниями (кератитом, конъюнктивитом, экземой, диареей, малокровием и зубными болезнями) старались быстро удалить, для чего осуществлялся ежедневный медицинский контроль. Грудных детей кормили шесть-семь раз в день теплым молоком, пшенной кашей на молоке и баранками, размоченными в кипятке. Дети старше двух лет ежедневно на завтрак ели кашу с салом или постным маслом, на обед и ужин бульон с вермишелью, горошком и огурцами и на ужин кашу с молоком или постным маслом. Режим дня предусматривал не только кормление, но и купание, причем старших детей купали в реке или пруду, проводили с ними занятия и игры на свежем воздухе, читали сказки и библейские истории, а также занимались пением [Там же].

Из суммы, выделенной на ясли, было потрачено 148 руб. на питание (3,5 коп. в день на каждого ребенка), около 70 руб. на оборудование, постельное белье и кухонную утварь, и наконец 22 руб. – на жалование персоналу. Сельское население помогало, заготавливая торф для отопления и поставляя воду [Ростовцева, с. 60–61]. В этих яслях, как и в других, несмотря на уход и питание, в течение летних месяцев диарея и дизентерия стали причиной нескольких смертей, преимущественно младенцев.

На VI конференции врачей Воронежской губернии, проходившей в конце 1897 г., доктор А. А. Ростовцева рассказала о своем первом опыте открытия яслей в Муромке (Цимлянского уезда) благодаря экономической поддержке местного земства [Ростовцева].

Было открыто 11 яслей, и в течение 235 дней работы они приняли 1 453 ребенка со средним числом постоянных посещений в 9,5 дня у каждого. В 1898 г. были основаны ясли на севере губернии усилиями Ассоциации Красного креста и Императорской ассоциации по экономической эмансипации [Тезяков, с. 3–4]. Губернская администрация ассигновала для финансирования яслей 3 тыс. руб. из фонда страхового капитала (по 250 руб. для каждого уезда). Благодаря другим источникам финансирования летом 1899 г. насчитывалось до 24 яслей; в них содержались 2 119 детей, которые в среднем проводили там 12,8 дня (из общего числа в 665 дней работы яслей). В течение 1900 г. ясли посетило 3 018 детей, общее число дней присутствия равнялось 36 260. Эти цифры свидетельствуют о снижении уровня недоверия населения к персоналу, который занимался «грязными крестьянскими непослушными детьми» [Там же].

Опыт воронежской администрации приобрел широкий резонанс по всей России и оказал должное воздействие на распространение яслей в царствование императора Александра III. Летом 1898 г. городская ассоциация Суджи (к югу от Курска) организовала 18 яслей в арендованных избах или школах для 995 детей крестьянок (на сумму в 851 руб. из разных источников) [Ведомство учреждений императрицы Марии, с. 13–14].

Детские сады и ясли в начале XX в.

Заметный интерес к детским яслям в России объясняется их превентивной функцией по отношению к детской смертности⁷. Для повышения качества медицинской подготовки персонала управления приютами для подкинутых младенцев было переведено в губернские города.

В российской и западной прессе указывалась статистика смертности, составлявшая до 2 млн детей до 15 лет в год, из которых 1 млн 200 тыс. составляли дети младше одного года при общей численности населения

⁷ Смертность в приютах для подкидышей составляла в 1898 г. 70–80 % среди детей до одного года и 76 % для детей от одного до пяти лет. В 1898–1900 гг., например, в Московском приюте для подкидышей умерли 66,2 % новорожденных.

не более 94 млн человек. В 1906–1908 гг. Россия занимала первое место по статистике детской смертности с показателем в 26,3 %, и этот показатель бичевали как истинное преступление [Розенфельд, с. 24]⁸. Фабричные ясли обладали лучшими условиями по сравнению с яслями, организованными в городе или в деревне, несмотря на немногочисленность первых. По подсчетам А. Ф. Селиванова, «их на всю Россию не более 50 при фабриках. Некоторые из этих яслей поставлены образцово, при фабрике Саввы Морозова в м. Никольском Владимирской губернии, при резиновой мануфактуре в Петербурге и т. д. Эти ясли находятся под надзором врачей. На фабрике Саввы Морозова в яслях ежедневно бывает более 200 детей. Некоторые из фабрикантов дают субсидии яслям, содержимым разными благотворительными обществами, например, яслям, содержимым Обществом попечения о бедных и больных детях в Петербурге, в Москве, в Лодзи и т. д.» [Селиванов, с. 22–23]. Несмотря на различные условия, устройство яслей было везде похожим. Ясли работали с 5 часов утра до 7 часов вечера. После привода детей в ясли на них надевали фартуки, как правило, белые, и пока грудных детей кормили, старшие дети играли, в их воспитании принимали участие благородные дамы из благотворительных обществ. Санитарные условия в этих учреждениях со временем ощутимо улучшились, в ряде случаев отмечалось наличие садов для занятий детей на свежем воздухе [Селиванов, с. 23].

Распространение яслей было вновь начато Ведомством учреждений императрицы Марии (изначально основанным в 1796 г. и преобразованным в четвертое отделение Секретной канцелярии во время правления императора Николая II) благодаря появлению новых ассоциаций. Россия старалась подражать Европе, модернизируя воспитательные учреждения для раннего детства [Селиванов, с. 23].

В начале XX в. выделились три ассоциации по созданию яслей (Рига, Таганрог, Пенза), которые пользовались финансовой поддержкой местных предпринимателей, использовавших женскую рабочую силу. Хорошо организованные ясли Риги и Пензы принимали детей нежного возраста начиная с 4 месяцев до 4 лет [Селиванов, с. 24]. В Пензе в 1897 г. в течение трех месяцев было устроено 11 яслей с участием губернской администрации с финансированием в 277 руб. Население стало привозить в них детей из отдаленных местностей. В Курске городские власти выделили помещение, позаботилась о качестве персонала, закупили книги и игрушки для занятий детей, которых также обучали началам грамотности, молитвам и пению [Там же, с. 25]. Пермская администрация включила в баланс на 1898 г. расход в 17 руб. на каждого ребенка. Ясли были постепенно оснащены керосиновыми плитами для стерилизации молока, а использованную воду кипятили в печи или в самоваре. Новорожденных кормили исключительно коровьим молоком, стерилизованным или кипяче-

⁸ Более высокие показатели наблюдались во всей Центральной и Восточной Европе (22,1 % в Баварии, 20,1 % в Саксонии, 20,6 % в Австрии, 20,4 % в Венгрии, 17,3 % в Пруссии, 17,8 % в Бадене и 19 % в Вюртемберге) [Raffaelli, p. 9; Авдеев; Колганова].

ным, разбавленным водой соответственно возрасту, старших детей кормили кашей и другой едой. Кормили из стеклянных бутылочек с сосками, подобных современным, но при этом матерей побуждали кормить грудью, особенно в летние месяцы [Там же]. Внутренний распорядок сельских яслей мог быть различным. Среди яслей, которые предлагали уход и питание, в качестве образцов указывались такие, которые предоставляли чистую одежду и обеспечивали соблюдение правил гигиены. В других деревенских яслях Суджанского уезда (к юго-западу от Курска) сами крестьяне приносили люльки, кухонную утварь и даже питание [Там же, с. 27].

В конце XIX в. число яслей и яслей-приютов колебалось от 234 в 1898 г. до 200 в 1900 г. Ясли обслуживали порядка 25,4 тыс. детей в возрасте от 15 дней до 14 лет [Chenguelidzé, p. 680–681]. Отмечается преобладание яслей, устроенных по французской модели, хотя другие ясли также принимали детей в возрасте от года до пяти лет [Ibid., p. 682].

В первые годы XX в. ощущалась необходимость сохранять различные типы яслей, соответствующие местным потребностям. Повсеместно рекомендовались регулярные медицинские проверки детей и наличие медицинского образования для надзирательниц. Невысокий уровень образования персонала приводил к недостаточным знаниям об особенностях питания детей, что часто становилось причиной расстройств желудка и болезней. Как писал А. Ф. Селиванов: «Лица, заведующие яслями, часто не имеют никакого понятия о воспитании детей. Часто они даже не видывали других подобных заведений и не имеют никакого понятия об их устройстве и организации. Они даже не знают, что можно давать есть детям, и мне приходилось видеть, как твердую и неудобоперевариваемую пищу давали очень маленьким детям, и затем надзирательницы удивились, почему дети страдали желудком» [Селиванов, с. 28]. Для повышения уровня образования и противостояния небрежности персонала вызрела идея выработки методов воспитания, соответствующих детям дошкольного возраста. Приходило осознание того, что для содержания детей необходимо заботиться и о состоянии помещений, в которых часто было невозможно соблюдать минимальные гигиенические условия [Там же, с. 27–29].

Несмотря на интенсивное увеличение числа детских учреждений вплоть до 1905 г., число детей, принимавшихся в 433 яслях (11 450 чел.), устроенных при мануфактурах и в приютах различного типа, считалось незначительным по сравнению с ужасающим средним числом детей, ежегодно умиравших из-за отсутствия необходимой заботы (1 млн 196 тыс.). В столице насчитывалось не более 27 яслей, девять из которых находились в окраинных районах города и в пригородах. Недостаточное число учреждений для детей раннего возраста привело к тому, что даже православная церковь, мало занимавшаяся ранее данными вопросами, начала принимать участие в некоторых филантропических начинаниях в пользу детей [Розенфельд, с. 29]. Картина распростра-

нения яслей разного типа, хотя и демонстрировала некоторые схожие с Европой черты, обнаруживала определенное отставание от нее. В первые годы XX в. император Николай II лично высказался за распространение яслей на территории Российской империи. Революционные движения 1905 г. способствовали государственному вмешательству в дело охраны раннего детства посредством введения социального страхования рабочих (1912). В 1913 г. император Николай II создал Всероссийское попечительство об охране материнства и детства, которое занималось организацией отделов материнства, консультаций, яслей и яслей-приютов, а также различными видами помощи, довольно похожими на те меры, которые отстаивало международное движение [Розенфельд, с. 46–49]. Данные меры помощи планировались оказывать в России повсеместно, однако в значительной степени инициатива осталась лишь на бумаге по причине начала Первой мировой войны.

Список литературы

Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография : сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко. М. : МАКС Пресс, 2010. 2-е изд.

Алексеев М. «Ясли» : Приют для детей рабочего класса. СПб. : Б. и., 1873.

Состоящее под высочайшим их императорских величеств покровительством Ведомство детских приютов и его задачи. Ч. 1–34. СПб. : Б. и., 1897–1911. Ч. 3. Приюты-ясли. СПб., 1899.

Колганова Е. В. Зарождение системы охраны материнства и младенчества в России в конце XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

Марбо Ф. Практическое руководство к устройству и ведению «яслей». М. : Б. и., 1890. 45 с.

Отчет по временному приюту-яслям в д. Рогожина (Нижне-Лесной пер., близ храма Христа Спасителя) за 1896 год. М.: Б. и., 1897.

Отчет по временному приюту-яслям в доме Рогожина (Нижне-Лесной пер., близ храма Христа Спасителя) за 1903 год. М.: Б. и., 1904.

Отчет по временному приюту-яслям в доме Рогожина (Нижне-Лесной пер., близ храма Христа Спасителя) за 1913 год. М.: Б. и., 1914.

Селиванов А. Ф. Учреждения по призрению детей : (Воспитательные дома, ясли и приюты). СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1900. 32 с.

Скорнякова Л. К. Ясли детские // Педагогическая энциклопедия / под ред. И. А. Каирова, Ф. Н. Петрова. М. : Совет. энцикл., 1968. С. 852–854.

Пушкарева Н. Л. Мать и дитя в русской семье XVIII – начала XIX века // Социальная история : ежегодник. 1997. С. 226–246.

Розенфельд Б. Р. Первые учреждения для детей народа в царской России и их характер // Уч. зап. Ленинград. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1949. № 85. С. 23–64.

Ростовцева А. А. Ясли-приют в с. Муромке, Цемлянского уезда // Деревенские летние ясли-приюты в Воронежской губернии летом 1900. Воронеж : Б. и., 1901.

Тезяков Н. Деревенские детские ясли приютов // Труды совещания при воронежской губернской управе гг. земских врачей по вопросу об организации летних деревенских яслей-приютов 19–21 апреля 1901 года. Воронеж : Б. и., 1901.

Ферсенко М. Н. «Ясли» : Устройство и значение их для бедного класса народа. Харьков : Тип. Южного края, 1901. 16 с.

Франкоязычные губернаторы в Европе, XVII–XIX вв. / под ред. А. В. Чудинова, В. С. Ржеуцкого. М. : ИРИ РАН, 2011. 470 с.

Caroli D. L'enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917–1937) / Préf. de Jutta Scherrer. Paris : L'Harmattan, 2004. P. 23–38, 265–288.

Caroli D. Educational Institutions, Curricula and Cultural Models in the Higher Education of the Nobility and Intelligentsia at the turn of the 20th century in Russia // History of Education and Children's Literature. 2012. Vol. 7/1. P. 341–388.

- Caroli D. Per una storia dell'asilo nido in Europa, Milano : Franco Angeli, 2014. 380 p.
- Caron A. C. La puériculture ou la science d'élever hygiéniquement et physiologiquement les enfants. 2-e éd. Paris : S. n., 1866.
- Chenguelidzé W. Les crèches en Russie, *Archive de médecine des enfants*. 1911. Vol. 14. Sept. 1911. P. 680–692.
- Droux J., Hofstetter R. Going International : The History of Education Stepping beyond Borders // *Paedagogica Historica*. 2014. Vol. 50. № 1–2. P. 10–26.
- Frieden N. M. Child Care : Medical Reform in a Traditionalist Culture // *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research* / Ed. by D. Ransel. Urbana ; Illinois : S. n., 1978. P. 236–259.
- Fuchs E. The Creation of New International Networks in Education : The League of Nations and Educational Organizations in the 1920-s // *Paedagogica Historica*. 2007. Vol. 43. № 2. P. 199–209.
- Kirschenbaum L. A. Small Comrades : Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. N. Y. ; L. : Routledge, 2001. 232 p.
- Lindenmeyr A. The Ethos of Charity in Imperial Russia // *J. of Social History*. 1990. Vol. 23. № 4. P. 679–694.
- Mitterauer M., Kagan A. Russian and central European Family Structures: a comparative view // *J. of Family History*. 1982. Vol. 7. № 1. P. 103–131.
- Pinard A. La puériculture du premier âge: nourriture, vêtement, hygiène Colin: S. n., 1904.
- Raffaelli G. La protezione del lattante. Borgo San Donnino : S. n., 1924.
- Ransel D. L. Mothers of Misery : Child Abandonment in Russia. Princeton ; N. Jersey : Princeton Univ. Press, 1988. 344 p.
- Staroverova T. I. Home Education in Russia // *Russian Education and Society*. 2011. Vol. 53. № 10. P. 23–36.
- Worthman R. The Russian Empress as Mother // *The Family in Imperial Russia : New Lines of Historical Research* / Ed. by D. Ransel. Urbana ; Illinois : S. n., 1978. P. 60–74.

References

- Alekseev, M. "Yasli" : *Priyut dlya detey rabocheho klassa* [Nurseries: A Home for Working Class Children]. (1873). St. Petersburg.
- Avdeev, A. (2010). *Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR* [Infant Mortality and the History of Motherhood and Childhood Protection in Russia and the USSR]. In Denisenko, M. B. (Ed.). *Istoricheskaya demografiya : sbornik statey* (pp. 13–72). 2nd Ed. Moscow, MAKS Press.
- Caroli, D. (Scherrer, J. (Foreword)). (2004). *L'enfance abandonnée et délinquante dans la Russie soviétique (1917–1937)* (pp. 23–38, 265–288). Paris, L'Harmattan.
- Caroli, D. (2012). Educational Institutions, Curricula and Cultural Models in the Higher Education of the Nobility and Intelligentsia at the Turn of the 20th Century in Russia. In *History of Education and Children's Literature, Vol. 7, № 1*, pp. 341–388.
- Caroli, D. (2014). *Per una storia dell'asilo nido in Europa*. 380 p. Milano, Franco Angeli.
- Caron, A. C. (1866). *La puériculture ou la science d'élever hygiéniquement et physiologiquement les enfants*. 2nd Ed. Paris.
- Chenguelidzé, W. (1911). *Les crèches en Russie*. In *Archive de médecine des enfants, Vol. 14, Sept.*, pp. 680–692.
- Chudinov, A. V. & Rzhetsky, V. S. (Eds.). (2011). *Frankoyazychnye guvernery v Evrope, XVII–XIX vv.* [French-Speaking Tutors in Europe, 17th – 19th Centuries]. 470 p. Moscow, IVI RAN.
- Droux, J. & Hofstetter, R. (2014). *Going International : The History of Education Stepping beyond Borders*. In *Paedagogica Historica, Vol. 50, № 1–2*, pp. 10–26.
- Fersenko, M. N. (1901). "Yasli" : *Ustroystvo i znachenie ikh dlya bednogo klassa naroda* [Nurseries: Their Structure and Meaning to the Poorer Classes of People]. 16 p. Kharkiv, Tipografiya "Yuzhnogo kraya".
- Frieden, N. M. (1978). *Child Care : Medical Reform in a Traditionalist Culture*. In Ransel, D. (Ed.). *The Family in Imperial Russia: New Lines of Historical Research* (pp. 236–259). Urbana, Illinois.
- Fuchs, E. (2007). *The Creation of New International Networks in Education : The League of Nations and Educational Organizations in the 1920s*. In *Paedagogica Historica, Vol. 43, № 2*, pp. 199–209.

Kirschenbaum, L. A. (2001). *Small Comrades : Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932*. 232 p. N. Y., L., Routledge.

Kolganova, E. V. (2012). *Zarozhdenie sistemy okhrany materinstva i mladenchestva v Rossii v kontse XIX – nachale XX vv. : avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk* [The Origins of the System of Motherhood and Infancy Protection in Russia in the 19th – Early 20th Centuries : PhD Thesis Abstract (History)]. 23 p. Moscow.

Lindenmeyr, A. (1990). The Ethos of Charity in Imperial Russia. In *J. of Social History*, Vol. 23, № 4, pp. 679–694.

Marbo, F. (1890). *Prakticheskoe rukovodstvo k ustroystvu i vedeniyu “yasley”* [A Practical Guide to the Establishment and Management of a Nursery]. 45 p. Moscow.

Mitterauer, M. & Kagan, A. (1982). Russian and Central European Family Structures: A Comparative View. In *J. of Family History*, Vol. 7, № 1, pp. 103–131.

Otchet po vremennomu priyutu-yaslyam v d. Rogozhina (Nizhne-Lesnoy per., bliz khrama Khrista Spasitelya) za 1896 god [Report on the Work of the Daycare (Nursery) in the Rogozhin House (Nizhne-Lesnoy Lane, by the Cathedral of Christ the Saviour) for 1896]. (1897). Moscow.

Otchet po vremennomu priyutu-yaslyam v dome Rogozhina (Nizhne-Lesnoy per., bliz khrama Khrista Spasitelya) za 1903 god [Report on the Work of the Daycare (Nursery) in the Rogozhin House (Nizhne-Lesnoy Lane, by the Cathedral of Christ the Saviour) for 1903]. (1904). Moscow.

Otchet po vremennomu priyutu-yaslyam v dome Rogozhina (Nizhne-Lesnoy per., bliz khrama Khrista Spasitelya) za 1913 god [Report on the Work of the Daycare (Nursery) in the Rogozhin House (Nizhne-Lesnoy Lane, by the Cathedral of Christ the Saviour) for 1913]. (1914). Moscow.

Pinard, A. (1904). La puériculture du premier âge: nourriture, vêtement, hygiène. Colin. Pushkareva, N. L. (1998). *Mat' i ditya v russkoy sem'e XVIII – nachala XIX veka* [Mother and Child in the Russian Family of the 18th – Early 19th Centuries]. In *Sotsial'naya istoriya : ezhegodnik. 1997* (pp. 226–246). Moscow, ROSSPEN.

Raffaelli, G. (1924). *La protezione del lattante*. Borgo San Donnino.

Ransel, D. L. (1988). *Mothers of Misery : Child Abandonment in Russia*. 344 p. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press.

Rostovtseva, A. A. (1901). *Yasli-priyut v s. Muromke, Tsemlyanskogo uezda* [A Nursery in Murovka Settlement, Tsimlyansk Uyezd]. In *Derevenskie letnie yasli-priyuty v Voronezhskoy gubernii letom 1900*. Voronezh.

Rozenfel'd, B. R. (1949). *Pervye uchrezhdeniya dlya detey naroda v tsarskoy Rossii i ikh kharakter* [The First Common People's Children's Establishments in Tsarist Russia and Their Peculiarities]. In *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta imeni A. I. Gertsena*, 85, pp. 23–64. Leningrad.

Selivanov, A. F. (1900). *Uchrezhdeniya po prizreniyu detey : (Vospitatel'nye doma, yasli i priyuty)* [Children's Shelters : (Boarding Schools, Nurseries, and Orphanages)]. 32 p. St. Petersburg, tip. M. M. Stasyulevicha.

Skornyakova, L. K. (1968). *Yasli detskie* [Children's Nurseries]. In Kairov, I. A. & Petrov, F. N. (Eds.). *Pedagogicheskaya entsiklopediya*. Vol. 4, pp. 852–854. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya.

Sostoyashchee pod vysochayshim ikh imperatorskikh velichestv pokrovitel'stvom Vedomstvo detskikh priyutov i ego zadachi. Ch. 1–34 [The Department of Orphanages under the High Protection of Their Imperial Majesties and Its Tasks]. (1899). Part 3. Priyuty-yasli. 22 p. St. Petersburg.

Staroverova, T. I. (2011). Home Education in Russia. In *Russian Education and Society*, Vol. 53, № 10, pp. 23–36.

Tezyakov, N. (1901). *Derevenskie detskie yasli priyutov* [Village Children's Nurseries at Orphanages]. In *Trudy soveshchaniya pri voronezhskoy gubernskoy uprave gg. zemskikh vrachey po voprosu ob organizatsii letnikh derevenskikh yasley-priyutov 19–21 aprelya 1901 goda*. Voronezh.

Worthman, R. (1978). The Russian Empress as Mother. In Ransel, D. (Ed.). *The Family in Imperial Russia : New Lines of Historical Research* (pp. 60–74). Urbana, Illinois.

*The article was submitted on 17.05.2016
Translated by Olga Felstein*

Origines

Origines

DOI 10.15826/qr.2016.3.181

УДК 94(470.25)(093)+356.11+316.343.32

**СЛУЖИЛЫЕ ЛЮДИ ПСКОВА
В СОБЫТИЯХ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧЕЛОБИТНЫХ)**

Дмитрий Лисейцев

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

**THE SERVICE PEOPLE OF PSKOV
IN THE TIME OF TROUBLES
(WITH REFERENCE TO PETITIONS)***

Dmitry Liseytshev

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article is devoted to historical sources that reveal important details of events during the Time of Troubles in Pskov. The petition of the nobleman Ivan Bedrinskii discusses the period when Pskov was under the rule of the supporters of False Dmitry II. The arbitrariness of the streltsy forced local nobles to leave the city and join Tsar Vasily Shuysky's Novgorod followers. The streltsy continued to hold noble property after Pskov was once again under the authority of Moscow. The petition of the Cossack captain Vasily Levashov contains important information about some events from the Time of Troubles: the petitioner participated in suppressing the uprising of Ivan Bolotnikov and the defence of the Pskovian 'suburb' Gdov from Swedish troops in 1613. These two petitions demonstrate that there are many opportunities to find information about the Time of Troubles in documents drawn up after the conflict had run its course.

Keywords: Time of Troubles; Pskov; streltsy; Cossacks; provincial nobility.

В статье рассматриваются исторические источники, раскрывающие важные грани событий Смутного времени в Пскове, бурная история которого в годы Смуты, к сожалению, мало обеспечена сохранившимися докумен-

* *Citation:* Liseytshev, D. (2016). The Service People of Pskov in the Time of Troubles (with Reference to Petitions). In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 161–171. DOI 10.15826/qr.2016.3.181.

Цитирование: Liseytshev D. The Service People of Pskov in the Time of Troubles (with Reference to Petitions) // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 161–171. DOI 10.15826/qr.2016.3.181 / Лисейцев Д. Служилые люди Пскова в событиях Смутного времени (по материалам челобитных) // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 161–171. DOI 10.15826/qr.2016.3.181.

тами. В научный оборот вводятся две челобитные, относящиеся к первой половине XVII в. Челобитная псковского дворянина Ивана Бедринского повествует о периоде, когда Псков находился под властью сторонников самозванного царя Лжедмитрия II, главной опорой которого являлись городские стрельцы (в то время как часть дворянства была настроена на поиск примирения с царем Василием Шуйским). Самоуправство стрельцов заставило псковских дворян покинуть город и примкнуть к новгородским последователям Василия Шуйского. Стрельцы продолжали удерживать за собой захваченную в предыдущие годы городскую недвижимость дворян и после возвращения Пскова под власть московской администрации. Публикуемый документ, таким образом, дает в распоряжение исследователей уникальные сведения о социальном противостоянии в Пскове в период Смутного времени. Челобитная казачьего есаула Василия Левашова сохранила важные сведения о событиях Смуты – участии челобитчика в подавлении восстания Ивана Болотникова, а также об обороне псковского «пригорода» Гдова от шведских войск в 1613 г. Кроме того, челобитная есаула Левашова позволяет составить более детальное представление о характере и географии службы псковских гарнизонных казаков, равно как и о размерах вознаграждения за эту службу. Челобитные Бедринского и Левашова, публикуемые в приложении, демонстрируют перспективность поиска информации о Смутном времени в документах, составленных уже после ее завершения.

Ключевые слова: Смутное время; Псковская земля; стрельцы; казачество; провинциальное дворянство.

Псковская земля в годы Смуты начала XVII в. имела особенную, насыщенную событиями историю, в которой есть место как для темных моментов, так и для героических страниц. Вместе с тем, история Пскова эпохи Смуты не может похвастаться изобилием сохранившихся исторических документов, отражающих реалии Смутного времени. Особую ценность имеют источники более позднего происхождения, в которых воспроизводятся происшествия, разворачивавшиеся в Пскове и его окрестностях в начале XVII столетия. Два таких документа предлагаются вниманию читателя¹.

Первый из них – челобитная псковского помещика Ивана Леонтьевича Бедринского – появился в начале 1614 г. (прил. 1) Челобитчик обращался к царю Михаилу Фёдоровичу с просьбой о восстановлении за ним права собственности на его дворовое место в Пскове. Документ воспроизводит ценные подробности событий, развернувшихся в Пскове в кульминационный период Смуты. Предметом спора оказался осадный двор Ивана Бедринского, купленный им на улице Серебренке на Полонище за 11 руб. «для убогу от литовских и от немецких людей» (то есть на случай осады, когда окрестные дети боярские перебирались под защиту городских стен). В прошении

¹ Документы публикуются в приложении. Челобитные публикуются в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990).

челобитчик упоминает о пожаре, во время которого его двор сгорел: «И как, государь, пожар был во Пскове, и тот мой двор згорел». Речь идёт о бедствии, случившемся во Пскове 15 мая 1609 г. Летописец ярко описывает масштабы события:

Грѣхъ ради нашихъ, учинился пожар во Пскове в Полониском концы у Красного креста, и весь град выгорѣл, и живоначальная Троица в Крему, и с чудотворными образы и с кузнию, и с книгами, и с ризами, и со всею лѣпотою церковною, и государева казна, зелье и наряд, и вырвало кремскую стену на Великую реку и на Пскову по шестидесят сажен на обе реке, и много людеи прибило камениемъ, и иные в церквах погорѣли люди [Псковские летописи, вып. 1, с. 114].

Следующий момент, нашедший отражение в челобитной Бедринского, – отъезд из Пскова дворян и детей боярских во главе с воеводой князем Александром Фёдоровичем Жировым-Засекиным. Это событие нуждается в комментарии. Князь А. Ф. Жировой-Засекин появился в городе в конце 1608 г., когда псковичи присягнули самозванцу Лжедмитрию II. Из лагеря «тушинского вора» и был прислан во Псков новый воевода (вместо арестованного и убитого горожанами П. Н. Шереметева, представлявшего в городе власть царя Василия Шуйского). Через полтора года (в феврале 1610 г.) воевода и «лучшие люди» города задумали перейти на сторону московского правительства Василия IV. Вероятно, этот порыв был обусловлен успехами русско-шведского войска боярина кн. М. В. Скопина-Шуйского и генерала Я.-П. Делагарди. Рать Скопина и Делагарди нанесла тушинцам серию поражений под Тверью, Торжком, Калязиным, сняла осаду с Троице-Сергиева монастыря и к началу 1610 г. поставила тушинский лагерь самозванца на грань полной катастрофы.

Однако попытка псковского воеводы организовать переход псковичей на сторону Василия Шуйского не удалась – по версии летописца, этому помешало исчезновение из воеводской избы прежней крестоцеловальной записи. По предположению В. А. Аракчеева, этот важный документ мог быть похищен последовательным сторонником Лжедмитрия II дьяком Иваном Львовским (фактически возглавлявшим в Пскове «тушинскую» воеводскую администрацию). Попытка переворота в пользу Василия Шуйского не удалась – на стороне Лжедмитрия II осталась значительная часть населения города, а ударной силой сторонников самозванца оказались псковские стрельцы. Полугодом ранее, 18 августа 1609 г., после убийства ими гостя Алексея Хозина стрельцы были изгнаны за пределы города в слободу за реку Великую. Теперь же, 19 февраля 1610 г. («на утрия же в самый чистый понедельник Великого поста»), горожане впустили их в город [Там же, с. 136–137; Аракчеев, с. 171, 178–180]. В итоге воевода кн. Жировой-Засекин и группа псковских дворян, которым грозила расправа со стороны последователей Лжедмитрия, были вынуждены покинуть

город. До сих пор нам были известны имена лишь трёх псковских помещиков, уехавших из охваченного мятежом Пскова, – М. Ордина-Нащокина, С. Матюшкина и Ф. Неклюдова. Последний из них, Фёдор Булгаков сын Неклюдов, был пожалован «при царе Василье за выезд, как он выехал из Пскова с околничим с князем Олександром Засекиным из воровские смуты к царю Василью в Великий Новгород» [Аракчеев, с. 180; РИБ, т. 15, с. 85]. Публикуемая челобитная позволяет причислить к отъехавшим на службу к Василию Шуйскому псковичам также помещика И. Л. Бедринского.

Челобитная содержит уникальные сведения о порядках, установившихся в Пскове после бегства из него воеводы и дворян. Летопись сообщает, что вышедшие из столкновения с воеводой победителями сторонники «тушинского вора» занялись грабежом имущества побеждённых: «и входяще в дома ихъ, ядуще и пиюще и веселящися, и имѣния их собѣ роздѣлиша» [Псковские летописи, вып. 1, с. 137]. Из челобитной Бедринского мы узнаём, что стрельцы, составившие ядро мятежа, завладели и дворами изгнанников:

...И после, государь, нас на том моем дворовом месте поставили два дворы псковские стрельцы Богдановы сотни Маврина Пронька Старорушенин с товарищи.

Такая ситуация вполне вписывалась в общую картину Смутного времени, когда люди, пользуясь ситуацией, завладевали дворами, поместьями и вотчинами своих политических противников. Интересно другое обстоятельство. Псковские дворяне, судя по челобитной Бедринского, вернулись в родной город довольно быстро. Вероятно, это случилось в марте 1612 г., когда I Ополчение под Москвой принесло присягу Лжедмитрию III («псковскому вору»). Во всяком случае, автор челобитной пишет, что он живёт в Пскове уже два года – «120-й и 121-й год» (то есть 1611–1612 и 1612–1613 гг.). За это время Псков успел признать над собой власть Лжедмитрия III, а затем Михаила Романова. Несмотря на произошедшие в городе перемены, Бедринский не сумел вернуть себе потерянное в феврале 1610 г. дворовое место, которым продолжали пользоваться и даже извлекать из своего незаконного владения прибыль псковские стрельцы:

...Меж собою тем моим дворовым местом и огородом торгуют и пекупаютца. А и ныне... владеют тем моим дворовым местом и огородом насильством, а мне его не отдают.

Этот, на первый взгляд, рядовой штрих в общей картине нестройной и беззаконной эпохи Смуты показывает, насколько сильны были в первые месяцы царствования Михаила Фёдоровича в почти полностью отрезанном от Москвы Пскове позиции стрельцов, завоеванные ими во время февральского переворота 1610 г. Замечу также, что два

первых псковских дьяка времени царствования Михаила Фёдоровича, Василий Корин и Венедикт Кокошкин, по всей вероятности, были связаны родством с верхушкой псковских стрельцов. На исходе Смутного времени в Пскове сотником у стрельцов служил Иван Пятого Кокошкин; среди псковских стрелецких сотников 1631 г. фигурирует имя Луки Никитича Корина [РГАДА. Ф. 21. Оп. 9. Д. 7. Л. 71; Оп. 11. Д. 264. Л. 36].

К сожалению, на челобитной И. Л. Бедринского отсутствуют пометы, позволяющие точно датировать время её составления и подачи царю Михаилу Фёдоровичу. Решение по челобитной было вынесено в пользу челобитчика:

Будет то место белое, а не куплено, и против указу по мере, и то ему место велеть очистить, а стрельцом дать место по указу в Стрелецкой слободе.

В соответствии с этой резолюцией в апреле 1614 г. в Псков отправили царскую грамоту, предписывающую вернуть двор Бедринскому. Интересно, что в царской грамоте в числе представителей воеводской администрации названы сразу два дьяка – Венедикт Кокошкин и Василий Корин. Между тем, мы знаем, что уже с 30 марта 1614 г. в направляемых во Псков царских грамотах дьяком называли только В. Кокошкина (на тот момент, вероятно, ещё ехавшего к месту службы – 7 апреля 1614 г. в Москве была получена отписка из Пскова, в которой дьяком был назван ещё прежний администратор В. Корин) [Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8 (1614 г.). Л. 179; АМГ, т. 1, № 67, с. 104; № 72, с. 109; № 73, с. 110]. Упоминание в царской грамоте от апреля 1614 г. сразу двух дьяков объясняется, по всей вероятности, необходимостью передачи дел одним дьяком другому.

* * *

Вторая челобитная написана более чем через четверть века после челобитной Бедринского, в 1641 г., но и она сохранила в себе отголоски Смуты (прил. 2). Её автором был псковский казачий есаул Василий Левашов. Казаки в Пскове известны со времени Ливонской войны, они были участниками обороны города от войск польского короля Стефана Батория [Соколова, с. 62; АСЗ, т. 1, № 221, с. 192]². Около того времени и начал службу Левашов, упоминающий в поданной в 1641 г. челобитной: «служу тебе, государю, всякие твои государевы службы шестьдесят лет». Следовательно, на момент подачи челобитной Левашов приближался к 80-летию и мог быть свидетелем

² Н. В. Соколова указывает на присутствие казаков в Пскове в конце Ливонской войны, когда они участвовали в обороне города в 1581–1582 гг. Однако имеются сведения о псковских казаках, датируемые двумя десятилетиями ранее: в январе 1561 г. в ливонский город Феллин (Вильян) была направлена царская грамота, в которой сообщается, в частности: «Да пришли к вам из Пскова да из Юрьева атаманы Гриша Ртищев да Иванко Киреев с казаки, и вы их без нашего ведома в войну отпущати не смеете».

и участником обороны Пскова от Баториевых отрядов. Однако об этом эпизоде своей биографии в челобитной он не упоминает. Правда, указание на одну из псковских осад в челобитной имеется:

Был я... на твоей государеве службе во Пскове, и в осаде сидел, и всякую осадную нужу и голод терпел, и в осаде меня двжды ранили.

Более вероятным представляется предположение о том, что речь идёт об обороне Пскова от армии шведского короля Густава II Адольфа в 1615 г.

«Псковское осадное сидение» 1615 г. не было первой службой, о которой упоминает в челобитной есаул. Самое раннее из описанных в документе событий, которое можно датировать с точностью до года, имело место в 1607 г., во время восстания Ивана Болотникова. Описание этого эпизода в челобитной довольно размыто – Левашов пишет, что он был «на... государеве службе на Туле», когда там сидел «Полотников». Означает ли это, что Левашов был пленён в Туле повстанцами и именно тогда был ранен «воровскими людьми»? Или же он не совсем точен в формулировке и служил не «на Туле», а под Тулой, во время осады которой получил увечье «по правой руке в плечо»? Возможно и иное предположение: казачий есаул Левашов находился в рядах болотниковцев «на Туле», но решил по прошествии 30 с лишним лет исправить этот не самый выгодный штрих своей биографии, указав, что находился «на государеве службе» и был ранен «воровскими людьми». Все три версии являются в равной степени вероятными.

От воспоминаний о событиях 1607 г. челобитчик сразу переходит к совсем недавнему эпизоду своей биографии – службе под Венёвом. Взятие донскими казаками турецкой крепости Азов в устье Дона привело к обострению отношений между Московским государством, с одной стороны, и Османской империей и Крымским ханством, с другой. Вследствие этого правительство Михаила Фёдоровича было вынуждено на случай вторжения татар держать у окского рубежа крупные воинские силы. Наиболее значительный отряд, в состав которого входили и псковские казаки, стоял в 1641 г. в Венёве (на корм ратным людям, стоявшим в городе, только на два месяца – июль и август – было прислано 4 583 руб. и 4 д.) [РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Кн. 3. Л. 18]³. Во время службы в Венёве есаул Левашов «волею Божию» потерял коня и по завершении срока службы «приволокся... с Веневы пеш». Последнее обстоятельство и стало поводом к составлению челобитной – престарелый есаул просил поспособствовать своему возвращению во Псков. Решение по челобитной было положительным, оперативным и щедрым: 20 сентября 1641 г. государь распорядился выдать ему «для его

³ На месяц казакам, стоявшим в Туле, Рязани, Венёве, Одоеве, Крапивне и у засек, выдавалось по 1,5 руб., из чего следует, что в Венёве находилось тогда порядка 1,5 тыс. чел. Венёвский отряд был самым большим. Всего, согласно смете кормовых денег, в перечисленных выше городах находилось порядка 4,2 тыс. чел.

бедности» два рубля; на третий день после этого, 23 сентября 1641 г., соответствующая память была направлена в приказ Устюжской четверти. Это ещё одно свидетельство того, что так называемая «московская волокита» в приказах была отнюдь не типичным явлением в российской административной практике XVII столетия [Лисейцев, с. 121–132]. Разумеется, коня на пожалованные деньги есаул Левашов купить не мог (на это потребовалось бы от 8 до 15 рублей), но на то, чтобы нанять подводу до Пскова, денег должно было хватить с лихвой⁴.

Ещё один фрагмент из челобитной Василия Левашова отсылает нас к страницам истории Псковской земли периода Смуты. Речь идёт о его участии в защите псковского пригорода Гдова – «и мы, холопи твои, изо Пскова ходили во Вдов на выручку» (в челобитной название города воспроизведено на слух – «Вдов»). Известно, что город в 1613–1614 гг. четырежды осаждался шведскими войсками. О каком из эпизодов истории Псковщины сообщает челобитчик? Ответить на этот вопрос помогает указание на имя находившегося в городе воеводы: «как сидел во Вдове Ондрей Усов». Андрей Васильевич Усов участвовал во взятии Гдова в июне 1613 г., когда оттуда выбили шведский гарнизон, и был воеводой в этой крепости во время двух первых попыток шведов вернуть её в свои руки (неприятель подступал к стенам города, соответственно, в августе и в октябре–ноябре 1613 г.). Во время третьей осады в феврале 1614 г. в Гдове были уже другие воеводы, а Андрей Усов в начале марта находился в Москве, где получил пожалование за службу [Рабинович, с. 38, 40].

По всей вероятности, челобитчик повествует о первом нападении противника (август 1613 г.), когда к крепости подступили шведские войска (численностью до 1 100 чел.) под командованием саксонского герцога Юлия-Генриха. В распоряжении герцога была тяжёлая осадная артиллерия, с помощью которой он рассчитывал пробить брешь в укреплениях города. Но попытка овладеть Гдовом закончилась для шведского войска бесславно: на выручку осаждённой крепости подошла подмога из Пскова [Там же, с. 34–36]. По свидетельству шведского историографа Юхана Видекинда, исход дела решило неожиданное нападение псковичей:

...Вдруг налетел из Пскова довольно большой отряд казаков и поляков, привёл осаждающих в смятение и разрушил намеченный план. Заняв наши валы и напав врасплох, неприятель перебил много бывших с нами русских и 300 человек из пехотинцев Коброна, захватил все пушки и обратил в бегство прочих [Видекинд, с. 286].

⁴ Прогоня уплачивались из расчёта 1 алтын за 20 вёрст. Следовательно, на найм подводы до Пскова (около 750 вёрст) Левашову пришлось бы израсходовать примерно 1 руб. 15 коп. из пожалованных ему царём 2 руб. Остальных денег должно было хватить на пропитание в пути. На прокорм тюремным сидельцам в те годы отпускалось по 1 коп. в день. Даже из расчёта гораздо более щедрых кормовых денег, отпускаемых казакам в Венёве (по 5 коп. в день), есаул мог питаться в течение двух с половиной недель, которых ему было более чем достаточно, чтобы добраться до Пскова.

Псковская летопись подтверждает численность неприятельских потерь:

...Приидоша Нѣмцы с нарядом; и шедше псковичи и побиша их 300 человекъ искрадом.

Другой летописец описывает события у стен Гдова подробнее и красочнее:

...Пришедше [шведы]... подо псковской пригород Гдов с нарядомъ, и начаша бити по стѣнѣ; и послаша изо Пскова ратных на испоручение, и Божию помощью и святого славного стратотерпца Дмитрия Селунского мироточца в город невидимо приидоша, и на утрие восташа и иныхъ много, и изыдоша на поганых Нѣмецъ всѣхъ изыдоша, елицы быша у наряду, и наряд поимаша; и бысть пречюдна побѣда в тои день, протчие со князем ихъ со срамом побѣгоша [Псковские летописи, вып. 1, с. 119, 140].

Оба рассказа едины в том, что присланная из Пскова подмога подошла к Гдову тайно («искрадом», «невидимо»); в обоих случаях сказано не только о людских потерях неприятеля, но и о захвате псковичами вражеской артиллерии («наряда»). Челобитная есаула Левашова подтверждает показания летописей и шведского историографа:

...И твоим царским счастьем Вдов город у немецких людей выручили... и немец побили и наряд поимали.

Публикуемые челобитные, раскрывая подробности событий, разворачивавшихся в Псковской земле в эпоху Смуты начала XVII в., одновременно демонстрируют перспективность используемого учёными (к сожалению, недостаточно активно) метода исторического исследования. Любой специалист по истории Московского царства знает, насколько велики документальные утраты, понесённые архивами приказных учреждений в эпоху Смуты и позднее вследствие большого московского пожара 1626 г. Выявление ранее не известных синхронных эпохе Смуты источников случается всё реже и, как правило, воспринимается как случайная счастливая находка. Между тем, документы более позднего времени (сохранность которых на порядок выше) порой хранят в себе драгоценную информацию о «делах минувших дней». Документы, подобные челобитным Ивана Бедринского и Василия Левашова, показывают, насколько перспективным может быть поиск исторических фактов в источниках, появившихся за хронологическими пределами изучаемого исследователем исторического явления.

Приложение 1

**Челобитная псковского помещика Ивана Леонтьевича
Бедринского о возвращении ему дворового места в Пскове,
незаконно захваченного псковскими стрельцами, 1614 г.,
не ранее апреля⁵**

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой псковской помещик Иванко Левонтьев сын Бедринской. Во Пскове, государь, в городе в Полониском конце на Серебрёнке улице для убегу от литовских и от немецких людей куплен у меня, холопа твоего, двор с огородом, белое место, дано одинатцать рублев. И как, государь, пожар был во Пскове, и тот мой двор згорел. И как мы, холопы твои, ехали изо Пскова к Московскому государству с окольничим со князем с Александром Федоровичем Засекиным, и после, государь, нас на том моем дворовом месте поставили два двора псковские стрельцы Богдановы сотни Маврина Пронька Старорушенин с товарищи, и меж собою тем моим дворовым местом и огородом торгуют и перекупаютца. А и ныне, государь, на том моем дворовом месте живут два стрельцы, тот Пронька Старорушенин да Васка Дериглаз, и владеют тем моим дворовым⁶ местом и огородом насильством, а мне его не отдают. И я, холоп твой, без своего дворишка вконец погиб, и живучи на твоей царьской службе во Пскове, проелсе и прозаимовался, и огородное всякое обилье куплю по два годы, 120-й и 121-й год, скитаюсь меж двор з женишком и з детишками своими. А многие, государь, места чорные порожие в городе во Пскове есть, пашут их посадцкие и всякие городовые люди, устроясь огородами. И те стрельцы тебе, государю, об них не бьют челом, хотят тем моим дворовым белым местом и огородом завладеть. Милостивый царь государь и великий князь Михаила Федорович всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, вели, государь, мне то мое дворовое место с огородом отдати, и с огорода з дву с летей обилья, что те стрельцы при мне владели. А о хоромишках, государь, что оне поставили на том моем месте дворовам, учини, государь, свой царьской указ, чтоб мне, холопу твоему, от тех стрельцов насильства, волочась меж двор и з женишком и з детишками своими, вконец не погинуть. И вели, государь, мне, холопу своему, о том дати свою царьскую грамоту во Псков

⁵ Документ датируется на основании решения, вынесенного по нему в апреле 1614 г.

⁶ *Испр., в ркп.* – дворым.

к своим государевым воеводам. Царь, государь, смилуйся, пожалуй⁷ [РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 8 (1614 г.). Л. 178].

Приложение 2

1641 г., около 20 сентября⁸. Челобитная псковского есаула Василия Левашова о пожаловании его за службу

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьет челом холоп твой псковской ясаулишко казачей⁹ Васка Левашов. Был я, холоп твой, на твоей государеве службе во Пскове, и в осаде сидел, и всякую осадную нужу и голод терпел, и в осаде меня двожды ранили. И как сидел во Вдове Ондрей Усов, и мы, холопы твои, изо Пскова ходили во Вдов на выручку, и твоим царским счастьем Вдов город у немецких людей выручили, и в то время у меня, холопа твоего, коня убили, и немец побили и наряд поимали. Да я ж, холоп твой, на твоей государеве службе на Туле, и в то время меня, холопа твоего, воровские люди, как сидел Полотников, ранили по правой руке в плечо. А нынече на твоей государеве службе на Веневе, и волею божиею конь пал. И служу тебе, государю, всякие твои государевы службы шестьдесят лет, и от многих ран стал увечен и заскорбел, и приволокся с твоей государевы службы с Веневы пеш, и сволочися во Псков не на чем. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русии, пожалуй меня, холопа своего, за мое службишко и за кровь, и за раны, и за осадное сиденье для моей старости своим царским жалованьем, как тебе, праведному государю, обо мне Бог известит. Царь, государь, смилуйся¹⁰ [РГАДА. Ф. 141. Оп. 2. Д. 37 (1641 г.). Л. 19].

Список литературы

Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук (АМГ) : в 3 т. Т. 1. СПб. : Изд-во тип. Императ. акад. наук, 1890. Т. 1. 766 с.

Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века (АСЗ) : в 4 т. М. : Изд. археограф. центр, 1997–2008. Т. 1. 432 с.

Аракчеев В. А. Средневековый Псков: власть, общество, повседневная жизнь в XV–XVII веках. Псков : Изд-во Псков. обл. тип., 2004. 360 с.

Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны. М. : Памятники ист. мысли, 2000. 660 с.

⁷ На обороте челобитной – помета-резолюция: «Будет то место белое, а не куплено, и против указу по мере, и то ему место велеть очистить, а стрельцом дать место по указу в Стрелецкой слободе».

⁸ Документ датируется по приказной помете о выдаче челобитчику государева жалования.

⁹ В *р.кп.* слово *казачей* приписано над строкой.

¹⁰ На обороте челобитной – помета-резолюция: «150-го сентября в 20 день государь пожаловал, велел ему дать для бедности из Устюжской чети два рубли дьяку Дмитрею Карпову. 150-го сентября в 23 день дать ему государева жалованья по подписной челобитной за пометою думного дьяка Ивана Гавренева два рубли».

Лисейцев Д. В. «Московская волокита» : О темпах работы российских приказов начала XVII века // Роль государства в историческом развитии России : материалы Междунар. науч. конф. Будапешт. центра русистики, 17–18 мая 2010 г. Будапешт, 2011. С. 121–132.

Псковские летописи. Вып. 1. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук, 1941. 146 с.

Рабинович Я. Н. Гдов в Смутное время (1604–1621 гг.). Великий Новгород : А. Н. Одинок, 2011. 98 с.

РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городские книги). Оп. 1. Кн. 3.

РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. Д. 8 (1614 г.).

РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Оп. 9. Д. 7; Оп. 11. Д. 264.

Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (РИБ) : в 38 т. СПб. : Изд. тип. Ф. Елеонского, 1872–1926. Т. 15. 1894. 209 с.

Соколова Н. В. Псковское казачество XVII века // Псков. 2003. № 18. С. 61–70.

References

Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoy akademii nauk : v 3 t. [Acts of the Moscow State, Published by the Imperial Academy of Sciences]. (1890). Vol. 1. 766 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo tipografii Imperatorskoy akademii nauk.

Akty sluzhilykh zemlevladel'tsev XV – nachala XVII veka v 4 t. [Acts of the Service Class of landowners of the 15th – Early 17th centuries]. (1997). Vol. 1. 432 p. Moscow, Izdatel'sky arkheografichesky tsentr.

Arakcheev, V. A. (2004). *Srednevekovyy Pskov: vlast', obshchestvo, povsednevnyaya zhizn' v XV–XVII vekakh* [Medieval Pskov: Government, Society, Everyday Life in the 15th–17th centuries]. 360 p. Pskov, Izdatel'stvo Pskovskoy oblastnoy tipografii.

Liseytshev, D. V. (2011). “*Moskovskaya volokita*” : *O tempakh raboty rossiyskikh prikazov nachala XVII veka* [“The Moscow Red Tape”. The Rate of Work of the Russian Prikazy of the Early 17th century]. In Svak, D. (Ed.). *Rol' gosudarstva v istoricheskom razviti Rossii : materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Budapesh'tskogo tsentra rusistiki, 17–18 maya 2010 g.* (pp. 121–132). Budapesht, Russica Pannonicana.

Pskovskie letopisi [Pskov Chronicles]. (1941). Iss. 1. 146 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk.

Rabinovich, Ya. N. (2011). *Gdov v Smutnoe vremya (1604–1621 gg.)* [Gdov in the Time of Troubles]. 98 p. Veliky Novgorod, A. N. Odinkov.

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 137 (Boyarskie i gorodovye knigi). List 1. Book 3.

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 141 (Priказnye dela starykh let). List 1. Dos. 8 (1614 g.).

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 210 (Razryadnyy prikaz). List 9. Dos. 7.

Rossiysky gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (Russian State Archive of Ancient Acts). Stock 210 (Razryadnyy prikaz). List 11. Dos. 264.

Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu v 38 t. [Russian Historical Library, Published by the Archeographic Commission]. (1894). 209 p. St. Petersburg, Izdatel'stvo tipografii F. Eleonskogo.

Sokolova, N. V. (2003). *Pskovskoe kazachestvo XVII veka* [Pskov Cossacks of the 17th century]. In *Pskov*, 18, pp. 61–70.

Videkind, Yu. (2000). *Istoriya desyatiletney shvedsko-moskovitskoy voyny* [The History of the Ten-year Swedish-Muscovite War]. 660 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysl.

The article was submitted on 12.06.2016

Disputatio

Disputatio

DOI 10.15826/qr.2016.3.182

УДК 929.732+392.51:398.3+398.4

ОПЫТ НОВОГО ПРОЧТЕНИЯ РОДОСЛОВНОЙ ЛЕГЕНДЫ КНЯЗЕЙ ФОМИНСКИХ-ТРАВИНЫХ: СЮЖЕТ СВАДЕБНОЙ ПОРЧИ

Олег Хоруженко

Институт российской истории РАН,
Москва, Россия

A NEW READING OF THE GENEALOGY OF THE PRINCES FOMINSKY-TRAVIN: A STORY OF WEDDING HEXES*

Oleg Khoruzhenko

Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article studies the legend of how a 'wedding hex' caused the divorce of Simeon Ivanovich Gordyi (the Proud), Grand Prince of Moscow. The various versions of this event in medieval sources and the interpretations in the research literature are discussed. According to the most popular version, the marriage between Simeon Gordyi and Grand Princess Eupraxia Fedorovna of Smolensk was not consummated because the princess was made to look like a corpse in her husband's eyes. Simeon thus sent the princess back to her father and entered into a new marriage, his third. This article demonstrates that this tale derives from a genealogical legend surrounding the origin of the princely Fominsky family. It is assumed that the legend was initially disseminated by the Karpov family, since they competed with the Fominskys for ancestral seniority. The legend appears for the first time in a Karpov genealogy dating from the first decade of the 16th century. Folkloric traditions are replete with tales of wedding accidents similar to that which befell Simeon Gordyi and Eupraxia Fedorovna. According to popular belief, a hex on either one of a newly-wed couple (or both) could

* *Citation:* Khoruzhenko, O. (2016). A New Reading of the Genealogy of the Princes Fominsky-Travin: A Story of Wedding Hexes. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 175–189. DOI 10.15826/qr.2016.3.182.

Цитирование: Khoruzhenko O. A New Reading of the Genealogy of the Princes Fominsky-Travin: A Story of Wedding Hexes // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 175–189. DOI 10.15826/qr.2016.3.182 / Хоруженко О. Опыт нового прочтения родословной легенды князей Фоминских-Травиных: сюжет свадебной порчи // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 175–189. DOI 10.15826/qr.2016.3.182.

lead to their physical transformation into an animal or hallucinations whereby one's partner seemed to become a snake, a wolf, or a bear. However, hallucinating that one's partner is a corpse was not a mainstay of folk traditions. Thus we may assume that the version of the legend that ultimately appeared might have been the result of either conscious distortion or reading errors. Linguistic slippage between the words 'bear' and 'dead' is another potential reason when we consider the paleographic data and the history of language. Therefore the legend of the wedding hex on Princess Eupraxia Fedorovna should not be read literally.

Keywords: Simeon Gordyi (the Proud); Princes Fominsky; genealogy; palaeography; descent lists; Russian folklore.

Исследуется легенда о разводе московского великого князя Симеона Ивановича Гордого вследствие свадебной порчи. Излагаются различные версии этого события по средневековым источникам и их интерпретации в исследовательской литературе. Наиболее популярная версия гласит, что брак Симеона Гордого и смоленской княжны Евпраксии Федоровны не был consummated, поскольку она являлась своему супругу в образе мертвеца, из-за чего тот отослал княгиню к ее отцу и вскоре вступил в новый (третий по счету) брак. Показано, что этот рассказ восходит к родословной легенде о происхождении князей Фоминских от разведенной великой княгини Евпраксии Федоровны. Предполагается, что легенда возникла в среде Карповых, конкурировавших с Фоминскими за родовое старшинство, и в своем первом варианте точно соответствовала фольклорным аналогам. Легенда впервые изложена в родословной росписи Карповых, которая датируется первым десятилетием XVI в. Уже здесь она содержала искаженный, по предположению автора, текст. Фольклорная традиция знала свадебные происшествия, схожие с тем, что произошло на свадьбе Симеона Гордого и Евпраксии Федоровны. Порча, наведенная на одного из действующих лиц или на них обоих, согласно поверьям, могла привести либо к их физическому перерождению в медведя или другого зверя, либо к галлюцинациям, в которых жених или невеста представляли перед своим избранником животным – змеей, волком или тем же медведем. Но ни в одном из вариантов подвергшиеся свадебной порче жених или невеста не воспринимались своим избранником мертвецом. Данные фольклора допускают предположение о том, что в родословной Карповых изложена вторая версия легенды, в то время как первая соответствовала фольклорным представлениям о последствиях свадебной порчи. Автор допускает как осознанное редактирование легенды, так и случайное искажение текста вследствие ошибки прочтения. Высказанное предположение о трансформации слова «медведь» в «мертвец» исследуется с учетом палеографии и историко-лингвистических данных. Легенду о свадебной порче княгини Евпраксии Федоровны предлагается прочитывать не так буквально, как это принято в современной исследовательской литературе.

Ключевые слова: Симеон Гордый; князя Фоминские; генеалогия; палеография; родословные росписи; русский фольклор.

Довольно темная история развода московского великого князя Симеона Ивановича Гордого со своей второй супругой Евпраксией Федоровной интриговала как средневековых книжников, так и последующих авторов. Объяснения этого разрыва искали и в рациональном ключе, и в сфере сверхъестественного.

Овдовев в марте 1345 (6853) г., великий князь Симеон летом женился на дочери смоленского князя Федора Святославича Евпраксии¹, а развелся с ней уже зимой (6854) г., то есть в декабре 1346 – феврале 1347 г.², пробыв в этом втором для себя браке около полутора лет. Великая княгиня была отослана к отцу, пребывавшему на момент развода в Волоке. Летописные известия об этом событии практически идентичны и не предлагают какую-либо причину разрыва: «Тое же зимы князь великий Семен отосла княгиню свою Еупраксию ко отцю ея, к князю Федору Святославичю, на Волок» [ПСРЛ, 1922, т. 15, вып. 1, стлб. 57. Ср.: ПСРЛ, 1913, т. 18, с. 95; ПСРЛ, 1949, т. 25, с. 176; ПСРЛ, 1885, т. 10, с. 217; ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 210; ПСРЛ, 1910, т. 20, 1-я пол., с. 184].

Хронограф редакции 1512 г. называл причиной развода предпологавшееся Симеоном Гордым бесплодие великой княгини:

В лето [6]853 князь великий Семень Ивановичъ женися оу князя Федора Смоленскаго и поя дщерь Еупраксію. И жить с нею два лѣта, и не бѣ има чадъ, и отосла ея и преступи законъ Божий, женися оу великаго князя Александра оу Тверьскаго. Занеже сам бысть неплоден, и от тое не бысть ему чадъ. Не восхотѣ соблюденіемъ закона Божіа и милостынею оумалити Бога, но преступленіемъ закона восхотѣ получити желаемое, сего ради и не получи, точію грѣхъ себѣ приобрѣте [ПСРЛ, 1911, т. 22, ч. 1, с. 409–410, л. 253; ср.: Русский временник, с. 209–210]³.

Версия хронографа в отношении, по крайней мере, великого князя несостоятельна, на что обратил внимание еще Н. М. Карамзин: у князя Симеона Ивановича были дети в других браках, правда, они умирали в младенчестве [Карамзин, т. 4, с. 224–225, прим. 364].

В родословной росписи князей Фоминских, содержащейся в Румянцевском I списке родословных книг [Бычкова, с. 33–36], предпо-

¹ Известие о женитьбе великого князя Симеона Рогожский летописец поместил между мартовским известием о смерти великой княгини Настасьи и сентябрьским (23 числа) о крещении литовского князя Евнутия [ПСРЛ, 1922, т. 15, вып. 1, стлб. 56].

² Сообщение о разводе великого князя в Рогожском летописце – зимнее 6854 г., последнее в этой годовой статье [ПСРЛ, 1922, т. 15, вып. 1, стлб. 57]. В ряде летописей развод великого князя Симеона предшествует его прибытию в Новгород, то есть Соборному воскресенью (18 февраля) 1347 г. [ПСРЛ, 1949, т. 25, с. 176; ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 210]. В. А. Кучкин датирует отсылку великой княгини к отцу зимой 1346 г. [Кучкин, 2013, с. 14].

³ А. Н. Насоновым доказано, что опубликованный в последнем издании текст представляет собой извлечение из Чертковской рукописи № 115 (1615–1630) [Насонов, с. 435].

лагается вмешательство в семейную жизнь великокняжеской четы мистических факторов:

А как князь великий Семион Гордой женился у князя Федора у Святославича, и князь великий его презвал к собе, а дал ему в вотчину Волок со всем. И великую княгиню на свадьбе испортили, ляжет с великим князем, а она ся покажет великому князю мертвец. И князь великий великую княгиню отослал к отцу ее на Волок [Новые родословные книги XVI в., с. 165, л. 152–152 об.]⁴.

Позднее этот рассказ вошел в родословные книги Редакции в 43 главы, включая Государев родословец и Бархатную книгу [Родословная книга, с. 207–208], Редакции в 43 главы с приписными и Редакции в 81 главу.

В. А. Кучкин интерпретировал сведения родословных книг вполне категорично и без всякой мистики: слово «мертвец», вероятно, по ассоциации с его неподвижностью и холодностью, употребляется книжником как эвфемизм для указания на анафродизию великой княгини Евпраксии Федоровны. Исследователь именуется Евпраксию «холодной женой» и называет причиной отсылки к отцу «ее фригидность» [Кучкин, 2003, с. 256]. В недавней работе В. А. Кучкин вновь пеняет великой княгине: «Евпраксия плохо исполняла свои супружеские обязанности» [Кучкин, 2013, с. 14].

А. В. Кузьмин, также стоящий на крепких материалистических позициях, не то отвергает порчу как таковую, не то допускает симуляцию видений со стороны великого князя: по его мнению, описанный в родословной легенде «казус, конечно, мало имел общего с действительностью». Сам же развод великого князя с Евпраксией Кузьмин объясняет «изменением внешнеполитической конъюнктуры на Руси» [Кузьмин, 2004а, с. 120–121]. Здесь нужно отметить, что упомянутые изменения происходили довольно часто, и такая реакция на них со стороны великого князя была, как минимум, неординарной. Церковные правила были строги по части брака. Среди совсем немногочисленных оснований для его прекращения политических мы не найдем. Если Симеоном Ивановичем действительно руководили политические основания для развода с супругой, то он все-таки должен был объяснить свое решение некими причинами, общепринятыми для церковного семейного права.

О дальнейшей судьбе разведенной великой княгини ранние источники, в отличие от позднейших родословных росписей, не сообщают. Третий брак Симеона Гордого с тверской княжной Марией Александровной состоялся уже весной 1347 г., то есть спустя два-три месяца после разрыва с Евпраксией. Как третий по счету этот брак

⁴ В сокращенном варианте (без упоминания о свадебной порче) рассказ о втором браке великой княгини Евпраксии повторен в родословной росписи Монастыревых [Новые родословные книги XVI в., с. 169, л. 160].

великого князя был встречен церковными властями крайне неодобрительно, тем более что Симеон не просто женился в третий раз (после смерти или пострига супруги это пусть неохотно, но допускалось). Он вступил в новый брак, оставив свою прежнюю жену, а «иже свою жену оставь и другую поима, прелюбодей есть» [Мазуринская Кормчая, с. 287]. Митрополит Феогност, который был поставлен князем-«троеженцем» перед свершившимся фактом (Симеон женился, «утаився митрополита»), даже отлучил его на какое-то время от причастия («церкви затвори»). Митрополит и великий князь посылали за благословением к патриарху в Константинополь [ПСРЛ, 1922, т. 15, вып. 1, стлб. 57]. В этих условиях пребывание опальной великой княгини Евпраксии в миру, вероятно, сделало бы церковное благословение третьего великокняжеского брака крайне проблематичным. Если бы не позднейшие легенды, стоило бы предположить, что Евпраксию ожидал монастырь. Постриг как форма расторжения брака был наиболее применим; после развода монахинями стали Соломония Юрьевна Сабурова, супруга великого князя Василия Ивановича, Евдокия Федоровна Лопухина, жена царя Петра Алексеевича. Однако родословная легенда, открывающая родословную роспись князей Фоминских в Румянцевской редакции родословных книг, говорит о втором браке бывшей великой княгини с князем Федором Константиновичем Красным Фоминским.

Согласно М. Д. Хмырову, «некоторые известия прибавляют, что она [Евпраксия], родив мужу кн. Фоминскому четырех сыновей, умерла 15 сентября 1348 г., но где погребено тело ее – не указывают» [Хмыров, с. 35, № 81]. О наличии четырех сыновей от второго брака повествуют родословные книги, но приводимая автором дата предполагает, что Евпраксия обзавелась этим многочисленным потомством не более чем за полтора года. К сожалению, Хмыров не назвал источника своих данных.

Вероятно, историкам не удастся до конца восстановить истинные причины развода великого князя Симеона Гордого⁵. Первые попытки объяснения этого события отстоят от него более чем на полтора столетия. Однако у нас есть возможность реконструировать историю складывания родословной легенды и попытаться установить ее изначальный смысл.

* * *

По легенде, у князя Фоминского и Березуйского Константина Юрьевича, сына последнего смоленского князя Юрия Святославича,

⁵ Яркую деталь в этом смысле могло бы прибавить «любопытное» и «странное», по выражению М. Н. Тихомирова, известие одного из кратких летописцев (1-я пол. XVII в.) под 1347 (6855) г.: «Тое же зимы князь Семен ослеплен княгиною своею Еупраксиею» [Тихомиров, с. 129]. Однако данная фраза, судя по ее построению, лишь искажает изначальный текст «тое же зимы князь великий Семен отосла княгиню свою Еупраксию».

было три сына, все звались Федорами⁶. От старшего, второго супруга бывшей великой княгини Федора Красного, произошли Травины, от среднего – Карповы и Бокеевы, от младшего – князья Козловские, Ржевские и Толбугины. Произвольность и, как следствие, хронологическая несостоятельность этой конструкции давно отмечена в историографии [Долгоруков, с. 139–140; Астров, с. 66]. Если следовать ей буквально, то Фёдор Красный, достаточно взрослый в середине XIV в. для брака и для военных походов (в 1340 г. [ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 206]), приходился внуком смоленскому князю, правившему в начале XV в. Кроме того, разведенная великая княгиня, согласно этой схеме, приходилась ему двоюродной теткой. По церковным правилам это слишком близкая степень родства для брака.

Смерть Фёдора Красного Фоминского в литературе относят, согласно выпискам Н. М. Карамзина из утраченной Троицкой летописи, к 1387 г.:

Тое же весны преставися раб Божий князь Феодор Фоминский в чернцах и в скиме, наречено бысть имя ему Семеон, и положен бысть в монастыри у святого Спаса [Карамзин, т. 5, с. 87, прим. 137; Астров, с. 67; Шокарев, с. 21].

В Симеоновской летописи и Рогожском летописце, восходящих к общему с Троицкой протографу, вместо слов «князь Феодор Фоминский» читается «Феодор Симановский» [ПСРЛ, 1922, т. 15, вып. 1, стлб. 152; ПСРЛ, 1913, т. 18, с. 137]. М. Д. Приселков считал чтение Троицкой летописи первичным, а Симеоновской и Рогожского летописца – искаженным [Приселков, с. 20, 431]. В любом случае для отождествления карамзинского князя Федора Фоминского именно с Федором Красным (Старшим), а не с одним из его братьев-тезок, достаточных оснований нет⁷.

По крайней мере, для XVII–XVIII вв. наблюдается некоторая оппозиция с одной стороны Карповых и Бокеевых, потомков среднего Федора, а с другой стороны – Козловских, Ржевских и Травиных. При составлении Бархатной книги это вылилось в противостояние двух ветвей, сопро-

⁶ А. В. Кузьмин предположил, что князь Константин носил прозвище Липята и был отцом еще одного сына, Ивана Липятича. О последнем известно лишь то, что он погиб под Вязмой в 1407 г. [Кузьмин, 2004б, с. 743]. Эта версия не представляется достаточно аргументированной: «И. К. Липятин носил то же отчество, что и... Федор Красный», «в Успенском синодике... Липятины объединены и записаны для поминовения как раз вместе с березуйскими князьями». Но статья Успенского синодика объединяет Липятиных (Ивана Константиновича с сыном Семеном) и Березуйских (неизвестных родословцам Ивана Дмитриевича, Ивана Ивановича и Василия) не по родовому принципу, а по единовременной их гибели «от безбожной Литвы». Как отметил сам автор, «в родословной Фоминских пока не зафиксировано ни одного случая, чтобы этот князь был указан с прозвищем Липята».

⁷ Смерть Федора Симоновского в 1387 г. нельзя отнести к племяннику Сергия Радонежского, первому игумену московского Симонова монастыря – тот в 1387 г. вовсе не умер, а был поставлен ростовским архиепископом [Клосс, с. 64; Приселков, с. 445]. Возможно, речь идет об одном из симоновских старцев. В любом случае «Святой Спас» – не новгородский Спасо-Преображенский Хутынский монастырь [Астров, с. 70], а московский Спасский монастырь («на Бору»).

вождавшееся взаимными упреками в «напрасном причетании» к роду князей Фоминских, «напрасном отчете» и «ложных сказках» [Антонов, с. 358]. По-разному потомки князей Фоминских решали и вопрос о родовых гербах: Козловские, Ржевские и Травины разработали композиции, отличные от тех, что были приняты Карповыми [Хоруженко, с. 126–146].

Дата составления родословной росписи потомков князей Фоминских в родословных книгах Румянцевской редакции заслуживает специального рассмотрения. По хронологическим признакам, содержащимся в ряде росписей (московских и литовских великих князей, Радшичей), М. Е. Бычкова датировала Румянцевскую редакцию периодом с 1542 до 1547 г. – в отношении именно этих росписей предложенная исследовательницей дата не вызывает сомнений [Бычкова, с. 35, 36]⁸. Но при этом вполне оправдано предположение, что в протограф Румянцевской редакции были включены и более ранние росписи. Одной из них, по всей видимости, является и роспись потомков князей Фоминских.

Роспись, должно быть, была составлена кем-то из Карповых, потомков среднего Федора, или по их заказу. Ее автор проявил неосведомленность или отсутствие интереса по отношению к потомкам Федора Меньшого, ограничившись фразой «от князь Федора Козловские князи в Вязьме, да Ржевские и Толбузины». Потомство старшего Федора (Красного) и бывшей великой княгини Евпраксии Федоровны – Травины – доведено только до поколения, действовавшего в конце XV в., причем представлено оно довольно фрагментарно. Составитель знал о казни Щавея Скрябина (1497) [ПСРЛ, 1853, т. 6, с. 43], однако двоюродные братья Щавея, которым он уступал в родовом старшинстве, Отава (был в свите великой княжны Елены Ивановны в 1495 г. [Список, которые бояре... с. 164]), Вязель и Дятелина Осокины, в роспись не вошли. Нет здесь и первого поколения Салтыковых-Травиных, хотя, по крайней мере, старший из них, Иван Иванович Салтыков-Травин, служил задолго до казни Щавея – в 1489 г. он упоминается первым судебным воеводой в походе на Вятку [Разрядная книга 1475–1598 гг., с. 21, л. 17]. Эти особенности росписи Травиных, как и то, что в ней для семи представителей рода указаны лишь прозвания, но не крестильные имена (как известно, их старались не разглашать вне семьи «для избежания колдовства» [Тупиков, с. 19; Логин, с. 149]), не позволяют связать ее происхождение с Травиными.

Напротив, родословная Карповых полна и лишена хронологических противоречий. Последнее поколение, представленное в ней, внуки Карпа Федоровича и его брата Семена (Бокея). Они действовали в конце

⁸ А. В. Кузьмин оперирует иной датой «популярного генеалогического памфлета» – 60-е гг. XVI в. [Кузьмин, 2004а, с. 120]. Вероятно, автор исходил из датировки академического 10-го списка Румянцевской редакции родословных книг, филигранны которого действительно относятся к этому времени [Бычкова, с. 36]. Однако дефектный академический 10-й список не содержит главы о князьях Фоминских. Эта глава содержится в Румянцевском 1-м списке, наиболее поздняя филигрань которого – ок. 1594 г. [Бычкова, с. 33]. В любом случае следует различать дату текста и дату рукописи, его содержащей.

XV – первой трети XVI в. Для датировки росписи важны показания источников в отношении следующего, отсутствующего в росписи поколения⁹. Нам неизвестно, когда представители того или иного рода вносились в родословную роспись. В ряде случаев, очевидно, это делалось при рождении или в младенчестве – об этом говорят встречающиеся в росписях пометы «мал умер». Однако оправдано предположение, что в отдельных росписях указывались дети или подростки, уже получавшие признание гражданской личности, то есть прошедшие религиозные или бытовые обряды (первые «постриги» [Успенский, 1994, с. 155, 161, примеч. 35], первая исповедь), новики, поступающие на службу. В интересах служащих дворян было умолчать об умерших в младенчестве старших братьях, чтобы не понижать собственный родовой счет.

Старший из правнуков Карпа, не представленных в росписи, Иван Федоров сын Карпов, в январе 1526 г. присутствовал на свадьбе великого князя Ивана Васильевича с Еленой Глинской и нес фонарь над свечой великого князя [Разрядная книга, с. 9, л. 1 об.]. Эта служба в свадебной церемонии была не слишком почетной и поручалась, судя по всему, молодым людям. Следует предположить, что И. Ф. Карпов родился в первом десятилетии XVI в. Умер он в 1553 г. [Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря, с. 81, л. 284 об.]. Первым десятилетием XVI в., не позднее, и следует датировать всю роспись – иначе отсутствие в ней правнуков Карпа необъяснимо¹⁰.

Легенда, возникшая в среде Карповых, должна была дискредитировать Травиных – представителей старшей ветви потомков князей Фоминских. Если ей следовать, то Травины не могли бы гордиться своим старшинством. Ведь они происходили от разведенной великой княгини Евпраксии, вышедшей вторым браком за Федора Красного, а «иже от мужа пущена бывши жена за другой пойдет, прелюбодеица есть» [Мазуринская Кормчая, с. 287].

Родословная легенда повлияла на текст Воскресенской летописи, в которую вошел рассказ о дальнейшей судьбе разведенной великой княгини («князь же Феодор даде ея за князя Феодора Фоминского» [ПСРЛ, 1856, т. 7, с. 210]. В Чертковском хронографе вставка («и даде ея за князя Феодора Красного») была внесена в текст Хронографа редакции 1512 г. [ПСРЛ, 1911, т. 22, ч. 1, с. 409, л. 253; Русский временник, с. 209–210].

* * *

Фольклорный материал дает довольно данных о том, какими способами предполагаемый недоброжелатель мог совершать свадебную порчу (сглаз) и к каким последствиям она приводила.

⁹ М. Е. Бычкова предлагала датировать родословные росписи «по времени деятельности лиц, записанных в последних поколениях росписей» [Бычкова, с. 18]. Однако это дает лишь наиболее раннюю дату росписи; позднюю же дату дает время деятельности лиц, не вошедших в нее.

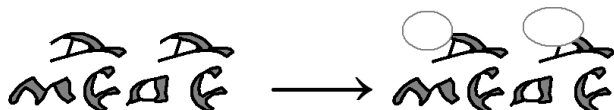
¹⁰ Брат И. Ф. Карпова Долгат в разряде 1547 г. титулован дворецким дмитровским, с 1548–1549 г. стал окольным. В Дворовой тетради 1550-х гг. он упомянут с уже служащими сыновьями Михаилом и Иваном [Тысячная книга, с. 148, л. 111].

Вследствие свадебной порчи молодожены могли увидеть вместо своего избранника волка. Жених мог показаться невесте змеей или медведем. Молодые могли превратиться в медведей и убежать в лес [Ильина, Топорков, с. 17–19]. Иногда под шкурой убитого медведя охотники якобы находили женщину в сарафане – это была либо молодая жена, либо сваха [Гура, с. 166]. Невеста вследствие порчи могла также казаться жениху медведицей, что происходило либо во время смотрин, либо после свадьбы [Козлова, Степахина].

Иначе говоря, фольклорная традиция знала свадебные происшествия, схожие с тем, что случилось на свадьбе Симеона Гордого и Евпраксии Федоровны. Порча, наведенная на одного из действующих лиц или на них обоих, согласно поверьям, могла привести либо к физическому их перерождению в медведя или другого зверя, либо к галлюцинациям, в которых жених или невеста представляли перед своим избранником животным – змеей, волком или тем же медведем. Но ни в одном из вариантов подвергшиеся свадебной порче жених или невеста не воспринимались своим избранником мертвецом. Тем самым, исследования фольклора допускают иное, не буквальное прочтение источника. Возможно, рассказ о порче невесты на свадьбе великого князя Симеона дошел до нас искаженным.

Изменения в сюжете могли быть сделаны переписчиком осознанно для усиления драматического эффекта. Но можно также предположить, что переписчика ввели в заблуждение особенности графики и физического состояния протографа.

Графика как полууставного, так и скорописного письма позволяет рассматривать это предположение в качестве вероятного при ряде допустимых условий. Одно из них – вынесение обеих букв «д» в слове «медведь» над строкой, где они могли бы вследствие дефекта прочитаться как «р» и «ц» соответственно (примеры подобного написания: [НИОР РГБ. Ф. 304. № 66. Л. 136 об.; Там же. № 63. Л. 340]). Обязательным условием¹¹ является написание слова «медведь» с буквой «есть» (вместо «ять») во втором слове¹². При этих условиях трансформация слова «медведь» в «мер[т]вец» вследствие ошибки прочтения протографа представляется возможной по предлагаемой примерной модели:

¹¹ Выражаю благодарность за любезную консультацию по этому вопросу Д. А. Добровольскому и Е. Л. Конявской.

¹² Воздерживаясь от анализа частотности обоих вариантов, приведу лишь несколько примеров написания слова через «есть» во втором слове в рукописях конца XV–XVI вв.: [Истрин, с. 91; АСЭИ, т. 3, с. 255, № 233; Произведения Максима Грека, с. 98, 325; НИОР РГБ. Ф. 304. № 63. Л. 79 об.; Там же. № 90. Л. 18, 369 об.; Там же. Ф. 173. № 12. Л. 364 об.; Там же. № 16. Л. 102; Там же. № 20. Л. 117 об.].

С такой корректировкой рассказ о порче на свадьбе великого князя Симеона Ивановича Гордого полностью соответствует версии Б. V.3 согласно систематизации сюжетов Н. К. Козловой и А. С. Степахиной: «Ведьма “наводит порчу” на молодую, и та после свадьбы начинает по ночам казаться мужу медведицей».

Вероятно, в основе этого сюжета лежит переосмысление с христианских позиций архаичных свадебных обрядов, в ходе которых невеста символически трансформировалась в медведицу. В древности, судя по всему, это еще не имело такого негативного оттенка, как в сюжетах о свадебных порчах¹³, в частности, в родословной легенде Фоминских. Нередки наименования невесты, свекрови и ее невесток «медведицами» в свадебных песнях, причитаниях [Успенский, 1982, с. 163–166; Гура, с. 168; Бернштам, с. 183]; в Калужской губернии невесту одаривали странными на сегодня благопожеланиями «быть косматой» (как шуба) [Добровольский, с. 227]. В Нижегородской губернии невеста венчалась в меховой шубе даже летом, «чтобы жить богато» [Зеленин, с. 791]. Волшебные сказки повествуют о рождении сына-богатыря от связи мужчины и медведицы [Прохазкова, с. 6; Бернштам, с. 167]. Более распространенные сказочные сюжеты о взаимодействии девушки с медведем Т. А. Бернштам интерпретирует как своеобразный «экзамен на медведицу», наделение женщины медвежьей энергией для рождения сыновей [Бернштам, с. 171, 183].

Итак, ряд данных текстологии, палеографии и фольклористики позволяет предположить, что в составе Румянцевской редакции родословных книг до нас дошел несколько искаженный вариант родословной легенды князей Фоминских-Травиных. Изначально он, вероятно, более соответствовал фольклорным представлениям о свадебной порче и ее последствиях. В этой связи ее интерпретацию, исходящую из буквального, некритического прочтения, вряд ли можно признать безоговорочной. Вероятно, эта гипотеза может представить интерес, в частности, для исследователей русского фольклора, поскольку примеры фиксации устной традиции в письменных источниках для XVI в. чрезвычайно редки [Русские сказки, с. 4].

Список литературы

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. : в 3 т. / отв. ред. Б. Д. Греков. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1964. Т. 3 / сост. И. А. Голубцов. 686 [2] с., [1] л. факс. (АСЭИ).

Антонов А. В. Родословные росписи конца XVII в. М. : Археографич. центр, 1996. 414 с. (Сер. Исследования по русской истории. Вып. 6).

Астров Н. А. Удельный князь Федор Юрьевич Фоминский // Журн. Министерства народного просвещения. СПб. : [б. и.], 1872. Ч. 163. С. 61–75.

¹³ Показательно, что один из способов наведения свадебной порчи, подбрасывание горохового стручка (см.: ведьма «на дорожку насыпала горошку»: [Козлова, Степахина; Логинов, с. 150]), изначально являлся ритуалом с продуцирующей семантикой [Бернштам, с. 157–160, 166]. О мифологеме «медведь – горох» см.: [Там же, с. 194–197].

Бернштам Т. А. Герой и его женщины: образы предков в мифологии восточных славян. СПб. : МАЭ РАН, 2011. 371 с.

Бычкова М. Е. Родословные книги XVI–XVII вв. как исторический источник. М. : Наука, 1975. 215 с.

Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева ; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Наука, 1987. 439, [1] с., [2] л. ил.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Индрик, 1997. (Сер. Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)

Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым : в 4 ч. СПб. : Тип. Карла Вингегера, 1854. Ч. 1. 350 с.

Добровольский В. Н. Свадебный обряд в Калужской губернии : Село Пятницкое Мосальского уезда // Живая старина. 1902. Вып. 2. Отд. 2. С. 218–229.

Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива имп. Русского географического общества. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1915. Вып. 2. IV, 504 с. 2-й паг.

Ильина Т. С., Топорков А. Л. Мифологическое в жизни современной севернорусской деревни // Миф в фольклорных традициях и культуре новейшего времени / отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М. : Изд-во РГГУ, 2009 (Сер. Чтения по истории и теории культуры. Вып. 57). С. 5–34.

Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М. : Университет. тип., 1893. VIII, 362, II, 356 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. Изд. 2-е, испр. СПб. : Тип. Н. Греча, 1819. Т. 4. 300, 255, [5] с.; Т. 5. 412, 284, [4] с.

Клосс Б. М. Избранные труды : в 2 т. М. : Языки рус. культуры, 1998. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. 564 с.

Козлова Н. К., Степахина А. С. Сюжеты восточнославянских мифологических рассказов о колдовстве на свадьбе // УН ЦТСФ [официальный сайт]. URL: <http://www.guthenia.ru/folklore/kozlova5.htm> (дата обращения: 08.04.2016).

Кузьмин А. В. Князя Можайска и судьба их владений в XIII–XIV в. : Из истории Смоленской земли // Древняя Русь : Вопросы медиевистики. 2004а. № 4 (18). С. 107–122.

Кузьмин А. В. Фамилии, потерявшие княжеский титул в XIV – первой трети XV в. (Ч. 1. Всеволож Заболоцкие, Волынские, Липятины) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004б. Вып. 11. С. 701–783.

Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М. : Древлехранилище, 2003. 366, [1] с.: факс.

Кучкин В. А. Московские Рюриковичи (генеалогия и демография) // Исторический вестник. 2013. Т. 4 (151). Июнь. С. 6–73.

Логинов К. К. О свадебной «порче» в Заонежье // Обряды и верования народов Карелии: человек и его жизненный цикл : сб. ст. Петрозаводск : КНЦ РАН, 1994. С. 144–153.

Мазуринская Кормчая: памятник межславянских культурных связей XIV—XVI вв. : Исследование. Тексты / подгот. Е. В. Белякова и др. М. : Индрик, 2002. 853 с., [12] л. ил.

Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века : очерки и исслед. М. : Наука, 1969. 555 с.

НИОР РГБ. Ф. 173 (Собрание библиотеки Московской духовной академии). Ф. 304 (Собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры).

Новые родословные книги XVI в. / подгот. к печати М. Е. Бычкова, З. И. Бочкарева // Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. 184 с.

Приселков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 515 с.

ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6; СПб., 1856. Т. 7; СПб., 1885. Т. 10; Пг., 1922. Т. 15. Изд. 2-е. Вып. 1; СПб., 1913. Т. 18; СПб., 1910. Т. 20. 1-я пол.; СПб., 1911. Т. 22, ч. 1; М.; Л., 1949. Т. 25.

Произведения Максима Грека: рукопись из Славянского собрания Парижской национальной библиотеки / отв. ред. А. Н. Сахаров, А. Лангелер ; сост. М. Е. Бычкова, А. Лангелер, Л. П. Найденова. М. : Ин-т рос. истории РАН, 2009. 704 с.

Прохазкова К. От мифа к волшебной сказке: зачем медведю снимать шкуру // Живая старина: журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2008. № 1(57). С. 5–9.

Разрядная книга 1475–1598 гг. / сост. В. И. Буганов. М., 1966. 616 с.

Родословная книга князей и дворян российских и выезжих... которая известна под названием Бархатной книги. М. : Университет. тип., 1787. 2 ч. 453 с.

Русские сказки в ранних записях и публикациях (XVI–XVIII века) / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н. В. Новикова. Л. : Наука, 1971. 288 с.

«Русский временник», содержащий российскую историю от 6370 (862) лета до 7189 (1681) лета. М. : Синод. тип., 1820. Ч. 1. 365 с.

Список, которые бояре и дети боярские поехали княжны провожати // Сборник императорского Русского исторического общества. СПб. [б. и.], 1882. Т. 35. С. 163–164.

Тушков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903. [4], II, 857 с.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 184 с.

Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / подгот. к печати А. А. Зимины. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 456 с.

Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 3 т. М. : Гнозис, 1994. Т. 2. С. 151–163.

Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М. : Изд-во МГУ, 1982. 245 с.

Хоруженко О. И. Герб в практиках формирования родовых корпораций русского дворянства XVII–XIX вв. М. : Квадрига, 2013. 410, [5] с.

Хмыров М. Д. Алфавитно-справочный перечень государей русских и замечательнейших особ их крови. СПб. : [б. и.], 1870. 88 с.

Шокарев С. Ю. К проблеме исследования родословной потомков смоленских князей // Русский родословец : альманах. Вып. 1. М. : Территория, 2001. С. 15–24.

References

Antonov, A. V. (1996). *Rodoslovnyye rospisi kontsa XVII v.* [Genealogical Numbering Systems of the Late 17th Century]. (Ser. Issledovaniya po russkoy istorii. Iss. 6). 414 p. Moscow, Arkheografichesky tsentr.

Astrov, N. A. (1872). Udel'nyy knyaz' Fedor Yur'evich Fominsky [Appanage Prince Fyodor Yuryevich Fominsky]. In *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. Part 163, pp. 61–75. St. Petersburg, Tipografiya V. S. Balasheva.

Belyakova, E. V. (Comp.). (2002). *Mazurinskaya Kormchaya: pamyatnik mezhslyavnyanskikh kul'turnykh svyazey XIV–XVI vv. : Issledovanie. Teksty* [Mazurinskaya Kormchaya Book: A Record of Inter-Slavic Cultural Connections of the 14th – 16th Centuries: Studies. Texts]. 853 p., [12] l. il. Moscow, Indrik.

Bernshtam, T. A. (2011). *Geroy i ego zhenshchiny: obrazy predkov v mifologii vostochnykh slavyan* [The Hero and His Women: Ancestors' Images in the Mythology of Eastern Slavs]. 371 p. St. Petersburg, MAE RAN.

Bychkova, M. E. (1975). *Rodoslovnyye knigi XVI–XVII vv. kak istorichesky istochnik* [Genealogy Books of the 16th – 17th Centuries as a Historical Source]. 215 p. Moscow, Nauka.

Bychkova, M. E. & Bochkareva, Z. I. (Comp.). (1977). *Novye rodoslovnyye knigi XVI v.* [New Genealogy Books of the 16th Century]. In *Redkie istochniki po istorii Rossii*. Iss. 2. 184 p. Moscow.

Buganov, V. I. (Comp.). (1966). *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [Genealogy Book of 1475 – 1598]. 616 p. Moscow, Nauka.

Dolgorukov, P. V. (1854). *Rossiyskaya rodoslovnaya kniga, izdavaemaya knyazem Petrom Dolgorukovym : v 4 ch.* [The Russian Genealogy Book Published by Prince Pyotr Dolgorukov]. Part 1. 350 p. St. Petersburg, Tipografiya Karla Vingebera.

Dobrovolskiy, V. N. (1902). Svadebnyy obryad v Kaluzhskoy gubernii : Selo Pyatnitskoye Mosal'skogo uyezda [The Wedding Ceremony in Kaluga Governorate: Pyatnitskoye Settlement, Mosalsk Uyezd]. In *Zhivaya starina*, Iss. 2. Otd. 2, pp. 218–229.

Grekov, B. D. (Ed.). & Golubtsov, I. A. (Comp.). (1964). *Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v. : v 3 t.* [Acts of the Social and Economic History of North-Eastern Rus of the Late 14th – Early 16th Centuries, 3 Vols.]. Vol. 3. 686 [2] p., [1] l. faks. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Gura, A. V. (1997). *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]. (Ser. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura slavyan. Sovremennye issledovaniya). 912 p. Moscow, Indrik.

Il'ina, T. S. & Toporkov, A. L. (2009). Mifologicheskoe v zhizni sovremennoy severnorusskoy derevni [The Mythological in the Life of the Contemporary North-Russian Village]. In Neklyudov, S. Yu. (Ed.). *Mif v fol'klornykh traditsiyakh i kul'ture noveyshego vremeni*. (Ser. Chteniya po istorii i teorii kul'tury. Iss. 57, pp. 5–34). Moscow, Izdatel'stvo RGGU.

Istrin, V. M. (1893). *Aleksandriya russkikh khronografov* [Alexandria of Russian Chronographers]. VIII, 362, II, 356 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Karamzin, N. M. (1819). *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo : v 12 t.* [History of the Russian State: 12 Vols.]. 2nd Ed. Vol. 4. 300, 255, [5] p.; Vol. 5. 412, 284, [4] p. St. Petersburg, Tipografiya N. Grecha.

Khoruzhenko, O. I. (2013). *Gerb v praktikakh formirovaniya rodovykh korporatsiy russkogo dvoryanstva XVII–XIX vv.* [The Coat of Arms in the Formation of Family Corporations of the Russian Nobility of the 17th – 19th Centuries]. 410, [5] p. Moscow, Kvadriga.

Khmyrov, M. D. (1870). *Alfavitno-spravochnyy perechen' gosudarey russkikh i zamechatel'nykh osob ikh krovi* [An Alphabetic Index of Russian Monarchs and Preeminent Persons of Their Blood]. 88 p. St. Petersburg, B. i.

Klitina, E. N., Manushina, T. N. & Nikolaeva, T. V. (Comp.), Rybakov, B. A. (Ed.). (1987). *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrja* [The Donation Book of the Trinity Lavra of St Sergius]. 439, [1] p., [2] l. il. Moscow, Nauka.

Kloss, B. M. (1998). *Izbrannye trudy : v 2 t.* [Selected Works: 2 Vols.]. Vol. 1. Zhitie Sergiya Radonezhskogo. 564 p. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

Kozlova, N. K. & Stepakhina, A. S. (n.d.). Syuzhety vostochnoslavjanskikh mifologicheskikh rasskazov o koldovstve na svad'be [Plots of the East-Slavic Mythological Stories of Wedding Hexes]. In *UN TsTSF* [ofitsial'nyy sayt]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/kozlova5.htm> (mode of access: 08.04.2016).

Kuchkin, V. A. (2003). *Dogovornye gramoty moskovskikh knyazey XIV veka: vneshnepoliticheskie dogovory* [Contract Decrees of Muscovite Princes of the 14th Century: Foreign Agreements]. 366, [1] p.: faks. Moscow, Drevlekhranilishche.

Kuchkin, V. A. (2013). Moskovskie Ryurikovichi (genealogiya i demografiya) [The Rurikids of Muscovy (Genealogy and Demography)]. In *Istorichesky vestnik, Vol. 4 (151), June*, pp. 6–73.

Kuz'min, A. V. (2004a). Knyaz'ya Mozhayska i sud'ba ikh vladeny v XIII–XIV v. : Iz istorii Smolenskoy zemli [Mozhaysk Princes and the Destiny of Their Lands between the 13th and 14th Centuries: From the History of Smolensk Land]. In *Drevnyaya Rus' : Voprosy medievistiki, 4 (18)*, pp. 107–122.

Kuz'min, A. V. (2004b). Familii, poteryavshie knyazhesky titul v XIV – pervoy treti XV v. (Ch. 1. Vsevolozh Zabolotskie, Volynskie, Lipyatiny) [Families that Lost Their Princely Titles between the 14th and 1st Half of the 15th Centuries]. In *Germenevika drevnerusskoy literatury, Iss. 11*, pp. 701–783. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, Progress-traditsiya.

Loginov, K. K. (1994). O svadebnoy “porche” v Zaonezh'e [On the Wedding “Malefice”]. In *Obrady i verovaniya narodov Karelii: chelovek i ego zhiznennyi tsikl : sbornik statey* (pp. 144–153). Petrozavodsk, KNTs RAN.

Nasonov, A. N. (1969). *Istoriya russkogo letopisaniya XI – nachala XVIII veka : ocherki i issledovaniya* [The History of Russian Chronicling between the 11th and Early 18th Centuries: Essays and Studies]. 555 p. Moscow, Nauka.

Nauchno-issledovatel'sky otdel Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki [The Research Department of the Russian State Library]. Stock 173 (Sobranie biblioteki Moskovskoy dukhovnoy akademii). Stock 304 (Sobranie biblioteki Troitse-Sergievoy lavry).

Novikov, N. V. (Comp., Foreword). (1971). *Russkie skazki v rannikh zapisyakh i publikatsiyakh (XVI–XVIII veka)* [Russian Fairytales in Early Registers and Publications (16th – 18th Centuries)]. 288 p. Leningrad, Nauka.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissiiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1853). Vol. 6. 358 p. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoy komissiiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published

upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1856). Vol. 7. 345 p. St. Petersburg, Tipografiya Eduarda Pratsa.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu povelenyu Arkheograficheskoy komissiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1885). Vol. 10. 244 p. St. Petersburg, Tipografiya ministerstva vnutrennikh del.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu povelenyu Arkheograficheskoy komissiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1922). Vol. 15. 2nd Ed. Iss. 1. Petrograd.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu povelenyu Arkheograficheskoy komissiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1913). Vol. 18. 316p. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu povelenyu Arkheograficheskoy komissiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1910). Vol. 20. 1-ya pol. 418 p. St. Petersburg, Tipografiya M. A. Aleksandrova.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu povelenyu Arkheograficheskoy komissiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1911). Vol. 22, Part 1. 580 p. St. Petersburg.

Polnoe sobranie russkikh letopisey, izd. po vysochayshemu povelenyu Arkheograficheskoy komissiy [A Complete Collection of Russian Chronicles Published upon the Supreme Order of the Archaeographic Commission]. (1949). Vol. 25. 464 p. Moscow, Leningrad.

Priselkov, M. D. (1950). *Troitskaya letopis': rekonstruktsiya teksta* [The Chronicle of the Trinity Lavra of St Sergius: Text Reconstruction]. 515 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Prokhazkova, K. (2008). *Ot mifa k volshebnoy skazke: zachem medvedyu snimat' shkuru* [From Myth to the Magical Fairytale: Why a Bear Needs to Take His Hide off]. In *Zhivaya starina: zhurnal o russkom fol'klоре i traditsionnoy kul'ture*, 1(57), pp. 5–9.

Rodoslovnaya kniga knyazey i dvoryan rossiyskikh i vyezhhikh, ...kotoraya izvestna pod nazvaniem Barkhatnoy knigi [The Genealogy Book of Russian and Foreign Princes and the Nobility Known as the Velvet Book]. (1787). Part 2. 453 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

"*Russky vremennik*", *soderzhashchy rossiyskuyu istoriyu ot 6370 (862) leta do 7189 (1681) leta* [The Russian Chronicle Containing Russian History from the Year 6370 (862) to 7189 (1681)]. (1820). Part 1. 365 p. Moscow, Sinodal'naya tipografiya.

Sakharov, A. N. & Langelier, A. (Eds.), Bychkova, M. E., Langelier, A. & Naydenova, L. P. (Comp.) (2009). *Proizvedeniya Maksima Greka: rukopis' iz Slavyanskogo sobraniya Parizhskoy natsional'noy biblioteki* [Works of Maximus the Greek: A Manuscript of the Slavic Collection of the National Library in Paris]. 704 p. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN.

Shokarev, S. Yu. (2001). *K probleme issledovaniya rodoslovnnoy potomkov smolenskikh knyazey* [On the Issue of Studying of the Genealogy of Smolensk Princes' Descendants]. In *Russky rodoslovet : al'manakh, Iss. 1*, pp. 15–24.

Spisok, kotorye boyare i deti boyar'skie poekhali knyazhny provozhati [Index of Boyars and Boyars' Children that Saw the Princess Home]. (1882). In *Sbornik imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva*. Vol. 35, pp. 163–164. St. Petersburg.

Tikhomirov, M. N. (1962). *Kratkie zametki o letopisnykh proizvedeniyakh v rukopisnykh sobraniyakh Moskvy* [Brief Notes on the Chronicles and Manuscript Collections of Muscovy]. 184 p. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Tupikov, N. M. (1903). *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [A Dictionary of Old Russian Proper Names]. [4], II, 857 p. St. Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova.

Uspensky, B. A. (1994). *Mena imen v Rossii v istoricheskoy i semioticheskoy perspektive* [The Changing of Names in Russia in the Historical and Semiotic Perspective]. In Uspensky, B. A. *Izbrannye trudy : v 3 t.* Vol. 2, pp. 151–163. Moscow, Gnozis.

Uspensky, B. A. (1982). *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: (relikty yazychestva v vostochnoslavlyanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyanskogo)* [Philological

Studies in the Sphere of Slavic Antiquities: (The Relics of Paganism in the East-Slavic Cult of Nicholas of Myra)]. 245 p. Moscow, Izdatel'stvo MGU.

Zimin, A. A. (1950). *Tysyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-kh godov XVI v.* [Book of a Thousand of 1550 and the Court Register of the 1550s]. 456 p. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

Zelenin, D. K. (1915). *Opisanie rukopisey Uchenogo arkhiva imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva* [A Description of Manuscripts of the Scientific Archive of the Russian Geographic Society]. Iss. 2. IV, 504 p. 2nd pag. Petrograd, Tipografiya A. V. Orlova.

The article was submitted on 30.06.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.183

УДК 94(470)"16/18"+342.25(09)+342.36(470)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПЕТРОВСКУЮ ЭПОХУ: ПАРАДОКСЫ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ*

Дмитрий Редин

Уральский федеральный университет,
Институт истории и археологии УРО РАН,
Екатеринбург, Россия

REFORMS OF LOCAL ADMINISTRATION IN THE PETRINE EPOCH: THE PARADOXES OF CENTRALISATION**

Dmitry Redin

Ural Federal University,
Institute of History and Archaeology,
Yekaterinburg, Russia

The article attempts to resolve the question of the efficiency of the local administrative system that arose in the course of Peter the Great's reforms. In the opinion of the author, two administrative systems existed in Russia in the first quarter of the 18th century: institutions created under the influence of Western models that were supposed to deal with everyday issues of governance and establishments that were targeted at problems which arose suddenly. The former type might be dubbed 'ordinary institutions' and the latter 'extraordinary institutions'. In the complex conditions of the first quarter of the 18th century, the ordinary institutions of local administration demonstrated low levels of efficiency. The system of military chancelleries that preceded them had performed more optimally. The full mobilisation of the state's resources could only be accomplished via a network of extraordinary institutions. These controlled their ordinary counterparts, stimulating

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования, научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры РФ (лаборатория эдиционной археологии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А.12.31.0004 от 26.06.2013 г.

** Citation: Redin, D. (2016). Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183.

Цитирование: Redin D. Reforms of Local Administration in the Petrine Epoch: The Paradoxes of Centralisation // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183 / Редин Д. Эффективность местного управления в Петровскую эпоху: парадоксы централизации // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 190–215. DOI 10.15826/qr.2016.3.183.

them via intense administrative pressure: however, they simultaneously made work more difficult, since they interfered regularly in their spheres of competence. In practice, this complicated administrative conglomerate destroyed the ideal model of 'correct' administration that lay at the basis of the *Polizeistaat* created by Peter, although it did achieve some short-term successes. In the final years of Peter's reign, the contradictions between the ordinary and extraordinary institutions, between cameralist ideals and the practice of 'manual control', caused the administrative machinery to clatter to a standstill. Peter's immediate successors demolished his bureaucratic agglomerate quickly and without any particular regret: they soon strove to build a new, simpler administrative system that united within it both the traditions of the military chancelleries and collegial innovations.

Keywords: the Petrine epoch; reforms; administrative efficiency; ordinary and extraordinary institutions; military chancelleries; collegial administration.

Предложено решение вопроса об эффективности местного государственного управления, возникшего в ходе реформ Петра Великого. По мнению автора, в России первой четверти XVIII в. сосуществовали две административные системы – это учреждения, создававшиеся под влиянием западных образцов (их деятельность должна была обеспечивать повседневные потребности управления), и учреждения для оперативного решения внезапно возникавших проблем. В них сочетались особенности приказов, осуществлявших руководство через разовые поручения, и черты коллежского администрирования (например, в организации делопроизводства). Первые именуются в статье ординарными, а вторые – экстраординарными, или чрезвычайными. Ординарные учреждения местного управления в сложных условиях первой четверти XVIII в. показали себя низкоэффективными. Предшествовавшая им приказно-воеводская система управления для своего времени была более оптимальной. Все мобилизационные усилия власти смогли реализоваться лишь при наличии целой сети экстраординарных учреждений. Последние контролировали ординарные, стимулировали их постоянными мерами жесткого административного давления, но одновременно затрудняли их деятельность, вторгаясь в сферу их компетенции. Этот сложный управленческий конгломерат на практике разрушал идеальную модель «правильного» администрирования, лежавшую в основе создававшегося Петром *Polizeistaat*, хотя и позволял добиваться краткосрочного эффекта в практических делах. В последние годы царствования Петра I противоречия между ординарными и экстраординарными учреждениями, камералистскими идеалами и практикой «ручного управления» в чрезвычайных условиях завели конструирование государственного механизма в тупик. Ближайшие преемники Петра, освободившись из-под тяжелой опеки императора, очень быстро и без особых сожалений ликвидировали сложное нагромождение ординарных и экстраординарных структур областного управления, выстроив новую, гораздо более простую управленческую систему, соединившую в себе приказно-воеводские традиции и коллежские новации.

Ключевые слова: Петровская эпоха; реформы; эффективность управления; ординарные и экстраординарные учреждения; приказно-воеводское управление; коллегиальное управление.

Семантические оттенки термина «эффективность», которые дают современные словари, могут быть сведены к базовому значению «обобщающая характеристика человеческой деятельности, измерение соотношений между ее результатами (эффектом) и затратами (живой труд и ресурсы)» [Кравченко]. Это определение вполне пригодно в качестве основы для рассуждений об уровне управления, которое может быть признано эффективным, если в результате деятельности государственного аппарата с минимальными издержками времени и ресурсов достигаются установленные цели. Если издержки слишком велики и/или цель оказывается достигнутой лишь отчасти, можно говорить о низкой эффективности управленческой деятельности. Если поставленные цели и задачи не достигаются вообще, то мы вправе считать подобное управление неэффективным.

Это самый общий смысловой контур, в границах которого возможно оперировать при оценке эффективности той или иной управленческой модели. Но если мы говорим о конкретной исторической ситуации, то общих формул обычно бывает недостаточно. Для истории не существует явлений и понятий «вообще», любое явление в историческом измерении имеет свое уникальное место и время бытия и при всех типологических или даже видовых сходствах с аналогами, при известной повторяемости не сводимо к абстрактным дефинициям. Кажущаяся ясность базового определения эффективности управления сталкивается с массой вопросов, задаваемых реальными ситуациями. Насколько эффективна была система государственного управления, созданная в ходе Петровских реформ? Каким образом ее измерить? Ответы на эти вопросы резонно найти путем сравнения петровской административной модели с предшествующей допетровской. Такой прием имеет давнюю историографическую традицию, берущую свое начало едва ли не в петровские же времена, но нуждается в корректировке. В самом деле, новое государственное управление создавалось царем-преобразователем в стремлении к более совершенным и, говоря современным языком, более эффективным управленческим механизмам. Тем самым, предшествующие структуры и практики (приказно-воеводского типа) априори признавались неэффективными, что укладывалось в общую культурную концепцию реформ Петра Великого [Лотман, т. 4, с. 13–337; Успенский, т. 1, с. 50–59]. Впоследствии такая оценка прочно укоренилась в специальной литературе и вошла в учебники по истории государственных учреждений и истории государства и права. Однако, на мой взгляд, прямое сравнение двух названных управленческих систем едва ли корректно, поскольку они действовали в разных исторических условиях, имели разную генетику, конструировались под влиянием разных обстоятельств и по разнящимся схемам. Было бы продуктивнее выяснить основные характерные принципы устройства и функционирования сравни-

ваемых систем и их способность решать поставленные перед ними задачи в конкретном хронотопе. Вследствие этого станет возможным выявить то самое отношение трудозатрат и затрат ресурсов к достигнутым результатам (эффекту), которое определяет общее представление об эффективности в применении к местным государственным учреждениям собственно петровского царствования.

Достоинства приказно-воеводской системы управления XVII в.

Основываясь на новейших исследованиях, приказную систему управления можно охарактеризовать следующим образом:

- Наличие компактного аппарата, относительно дешевого в содержании и при этом достаточного для решения поставленных задач.

- Незатратная система подготовки кадров (через практику), продуцировавшая формирование канцелярского работника универсального типа.

- Достаточно простая трехступенчатая организационная структура: воеводская власть на местах, наделенная широкой компетенцией в вопросах регулирования местного управления (приказы как органы центрального управления – высшая власть в лице царя и Думы).

- Относительно простая организация делопроизводства, по существу, исключавшая избыточный документооборот.

- Высокая степень инициативности, при которой верховная власть формулировала лишь важнейшие стратегические установки, возлагая решение задач текущего управления на административные штаты разного уровня.

- Стабильность и высокая степень адаптации управленческой структуры к меняющимся текущим нуждам, большой потенциал развития [Петров; Новохатко; Лисейцев].

Все перечисленные характеристики приказной системы приводили к искомому эффекту – способности оперативно решать поставленные верховной властью задачи и адекватно реагировать на вызовы и угрозы текущей ситуации. В полной мере это касалось и местного продолжения собственно приказной системы – воеводского управления, в общих и сущностных своих чертах воспроизводившего центральное приказное. По компетентному мнению О. В. Новохатко, именно в XVII в., в период, непосредственно предшествовавший Петровским реформам, в России было достигнуто «редкое равновесие», «единство столичной и провинциальной жизни, в том числе в стиле государственного управления». Основываясь на изучении управленческих реалий Переяславля-Залесского, типичного города Центральной России, автор сделала вывод о высокой степени адаптивности и эффективности воеводской власти как элемента общей системы управления предпетровской России [Кузнецов, Новохатко, Шахова,

с. 67, 223]. Еще раньше, опираясь на всесторонний анализ истории воеводского управления в Сибири XVII в., другой современный историк Е. В. Вершинин пришел к сходным оценкам, заключив, что при всех издержках альтернативы воеводскому управлению не было [Вершинин, с. 147]. Справедливость этой мысли убедительно демонстрирует и тот факт, что воеводская система как основа местной администрации просуществовала в России вплоть до екатерининских реформ 1770–1780-х гг. и никогда не исчезала вполне даже в годы наиболее яростных преобразований последних лет правления Петра I.

Нацелившись на организацию контроля государства над территорией, населением и материальными ресурсами и решая, по сути, мобилизационные задачи, осложненные плохими коммуникациями, хрупкой экономикой, недостатками финансовой системы, дефицитом полной и достоверной информации¹, приказно-воеводская система, качественно не меняясь в течение более чем столетия и прекрасно показав себя в жесточайших испытаниях Смуты, позволила России закончить XVII в., образно говоря, «с положительным салдо».

К началу 1680-х гг. была успешно завершена реформа вооруженных сил – одно из центральных преобразований, по своим последствиям выходящее далеко за пределы собственно военной сферы². Преодолев острый финансовый кризис, проявившийся наиболее ярко в рискованной авантюре с введением медной монеты, власти встали на перспективный путь реорганизации налоговой системы, направленной на упрощение структуры налогообложения с одновременным расширением налогооблагаемой базы (введением подворной подати). В духе европейских меркантилистских теорий менялось законодательное регулирование внешней и внутренней торговли (Торговые уставы 1653 и 1667 г.). Административные реформы рубежа 1670–1680-х гг. завершили длительный процесс оптимизации структур местного управления [Демидова; Талина; Kivelson и др.]³. Комбинируя методы насилия и компромисса, власть добилась консолидации элитных слоев столицы и провинции (Уложение 1649 г. и ряд указов о дворянской службе)⁴ и вышла победителем из самого серьезного испытания социального порядка – разинского восстания (1668–1671).

¹ Иными словами, всем тем, что было характерно для всех государств раннего Нового времени с конца XV по XVIII в. См, например: [Black, p. 328–331; Коллманн, с. 23–24]; сравнительный материал по отдельным странам Европы раннего Нового времени см.: [Burke; Collmann; Zemon-Davis; Kishlansky; Kivelson] (при всей дискуссионности хронологических границ и критериев модерна / Нового времени в отношении России [Трѣбст, с. 54–72]).

² Подробные обзоры по этой теме см. в новейших трудах по истории вооруженных сил России, в том числе в XVII в. [Малов, с. 30–59 и в целом указ. соч.; Курбатов, с. 481–494]; в зарубежной историографии темы отмечу: [Hellie; Keep].

³ С противоположными оценками реформ рубежа 1670–1680-х гг. можно ознакомиться в работах: [Богданов; Седов].

⁴ В новейшей российской историографии эти вопросы всесторонне исследованы Т. А. Лаптевой [Лаптева].

При всех издержках и неудачах страна добилась существенных результатов на внешних направлениях. Была выиграна длившаяся 13 лет война с Речью Посполитой, благодаря которой Россия не только с лихвой взяла реванш за поражения в Ливонской и Смоленской войнах, но беспрецедентно расширила свои границы на запад. В самом конце XVII столетия наметилось радикальное решение крымского вопроса и обозначились перспективы утверждения власти московских монархов в Черноморском бассейне, а русская экспансия на восток, до Тихого океана, сопоставимая, по оценкам Ф. Броделя и П. Шоню, с освоением Американского континента, стала «началом безграничного будущего» [Бродель, т. 3, с. 470–471; Шоню, с. 33].

Все сказанное не означает, что у России к концу XVII в. не существовало проблем и внутренних противоречий, но доказывает, на мой взгляд, что власть осознала весь комплекс стоящих перед ней проблем и была готова решать их методами, доступными в условиях конкретного места и времени, обладая для этого необходимым и эффективным инструментом – приказно-воеводской администрацией.

Конструирование новой системы управления Петром I

Ввязывание России в Северную войну радикально ухудшило положение страны. России пришлось вести войну (которая, на мой взгляд, вовсе не была фатально неизбежной и нужной для нее в то время) с одной из сильнейших военных держав Европы. Кроме того, война втянула Россию в глубокий контекст большой европейской политики и заставила «или принять вызов “христианского мира”, или сойти с исторической арены» (по, может быть, излишне резкой, но, по сути, верной оценке российского историка А. Р. Ивонина) [Ивонин, с. 167]. Соответствовать осложнившейся внешнеполитической ситуации было возможно только при радикализации преобразований в вооруженных силах, финансах, экономике в целом, что потребовало невероятных мобилизационных усилий, чрезмерных для возможностей страны. В связи с новыми задачами должен был действовать и госаппарат, и в первую очередь местный, непосредственно реализовывавший эту самую мобилизацию. Справилась бы с этими новыми задачами приказно-воеводская система – вопрос сложный, хотя бы потому, что он уводит нас на неблагоприятный путь неверифицированных предположений и конструирования «альтернативной истории». Вероятно, у верховной власти или, по крайней мере, лично у царя были обоснованные сомнения на этот счет. Создание нового аппарата, который бы соответствовал новым вызовам, и стало основной целью административных реформ Петра. Не игнорируя разнообразные и, несомненно, важные субъективные факторы, осложнявшие смысл преобразований (вроде увлеченности царя внешними видимыми

преимуществами западных управленческих практик, позже – камералистскими идеями и общей идеологией раннего Просвещения), следует, вероятно, акцентировать внимание именно на этом сугубо прагматическом мотиве. Но оказалось легче создать (или воссоздать, учитывая предшествующий опыт) армию нового типа и построить современный военно-морской флот, чем организовать новую действенную систему управления.

Петровская администрация, и местная в особенности, стала провальным проектом реформатора: ни на одном из этапов административных реформ петровского царствования властям не удалось достичь столь желанной четкости и бесперебойности работы государственного механизма, которые сулило внедрение камералистских принципов.

Первая проблема, связанная с конструированием новых систем управления, была обусловлена резким усложнением и хаотичностью их структуры. Особенно это было заметно в местном административно-территориальном звене. С одной стороны, Петр существенно дестабилизировал старую приказно-воеводскую структуру, но не уничтожил ее полностью (как до сих пор ошибочно декларирует учебная и обобщающая литература), а редуцировал, постаравшись между ее обломков встроить новые институты. С другой стороны, не имея четко продуманной программы реформ и действуя под давлением текущих обстоятельств, в жестком цейтноте, вызванном тяжелыми условиями неудачно начавшейся войны и следуя прихотливым переменам собственных взглядов на административное устройство, царь упразднял создаваемые учреждения или кардинально менял их статус и компетенцию, часто не давая времени хоть для какой-то стабилизации системы. Так, за 13 лет активных трансформаций регионального управления (с 1711 по 1724 г.) были предприняты три крупные попытки реформирования низового административно-территориального деления страны: эксперимент с организацией ландратских долей (с 1714 г.), дистриктов камер-коллежского подчинения (с 1719 г.) и дистриктов военного ведомства (с 1724 г.), сеть которых механически наложилась на прежде созданные камер-коллежские дистрикты. Параллельно с этим с 1708, а реально – с 1711 г. в два этапа произошло введение и переустройство укрупненных административно-территориальных единиц – губерний и провинций (первая и вторая областные реформы). Период «больших реформ» 1719–1725 гг. осложнил ситуацию тем, что ввел в местные системы управления принцип отраслевой специализации и соответствующие отраслевые территориальные единицы, иногда так или иначе совпадавшие с административно-территориальной сетью общего управления (как, например, в случае с судебными округами, подведомственными судам различной инстанции или, в известной мере, округами ведения Берг-коллегии), а иногда – нет (как в случае с упоминавшимися дистриктами ведения Военной коллегии).

Часто менявшаяся конфигурация территориального устройства вызвала к жизни соответствующие управленческие структуры и номенклатуру должностей, чья иерархическая соподчиненность зачастую не имела четкой нормативной регламентации и отличалась крайней неустойчивостью. Особенно показательна в этом отношении судьба ландратуры: административный статус ландратов и круг их компетенции кардинально менялись трижды за пять лет существования этого института (1714–1719). Не менее невнятно с нормативно-законодательной точки зрения (или вовсе никак) определялись взаимоотношения ландратов и комендантов в период первой областной реформы, губернаторов и провинциальных воевод в период второй областной реформы, подчиненность земских комиссаров вышестоящим начальникам общего и специального управления того же времени и т. д., и т. п. К этому следует добавить, что процессы организации областного управления никогда полностью не соответствовали даже имевшимся указным нормам и имели свою специфику едва ли не в каждом регионе России.

Нестабильности структуры местного управления сопутствовало усложнение административного делопроизводства и, как следствие, лавинообразный рост документооборота. Причиной тому были по меньшей мере два обстоятельства. Резко возросшие военные расходы, поглощавшие в разные годы петровского царствования от 50 до 96 % государственного бюджета⁵, траты на строительство новой столицы, сети судоходных каналов, рекрутские наборы до предела усложнили фискальную систему и связанную с ней документацию. Внедряемые новые принципы организации делопроизводства и умножение числа учреждений в разы, если не на порядок увеличили объемы и интенсивность документационных потоков (и межведомственных, и внутриучрежденческих). И хотя в литературе до сих пор нет специального обобщающего исследования по количеству и динамике административного делопроизводства в России первой четверти XVIII в., в подтверждение вышесказанного можно привести следующие примеры. В отличие от XVII столетия, нормы делопроизводства петровской поры требовали от любого учреждения изготовления не менее двух беловых копий исходящих документов [Новохатко, с. 544]; одно это обстоятельство, как минимум, удваивало исходящий документационный поток. Переписка между учреждениями, несомненно, тоже давала какой-то (пока не просчитанный) рост документации. Учитывая многочисленность административных инстанций и увеличение их количества по мере расширения масштабов реформ, можно предположить, что этот рост был также значительным. Возрастанию внутреннего документооборота способствовало введение принципов коллежского делопроизводства, особенно масштабно проявившее себя в последние годы правления Петра. Ведение протоколов, регистров, так называемых сборных книг, справок и экстрактов, обязательное документирование приговоров и выписок,

⁵ Подсчитано по: [Бескровный, с. 118].

поступавших из присутствия учреждения в его канцелярию и обратно (что было абсолютно не присуще приказной практике), уже упоминавшаяся фискальная документация, материалы переписей, в особенности масштабной Первой ревизии, создавали не поддающийся учету документационный массив. Сами принципы «правильного» бюрократического управления, ориентировавшие исполнителя не столько на решение дела по существу, сколько на *подтверждение правомочности своих действий*, провоцировали создание избыточных документов вроде рапортов о получении указов или указов о рассылке указов из вышестоящих в нижестоящие учреждения и обратно. Думаю, что если предположить, что один инициативный документ в петровское царствование мог порождать не менее десятка других, связанных с ним, то это не будет преувеличением⁶.

Колоссальная нагрузка легла на малочисленный штат канцеляристов. Широко распространенное мнение, что в ходе Петровских реформ количество канцелярских работников многократно возросло, следует признать ошибочным. Большое число вновь созданных структур и должностей не было прямо пропорционально количеству служащих: многие ставки просто оставались вакантными за недостатком пригодных к приказной работе людей. Число лиц, занятых в «статской» службе, увеличилось по сравнению с концом XVII в. весьма незначительно, главным образом за счет чинов руководящего состава и обслуживающего персонала, непосредственно в письмоводстве не занятого. Это можно понять из обобщающих цифр. Если, по подсчетам Н. Ф. Демидовой, общее количество приказных центрального и местного аппарата на начало 1680-х гг. составляло 4,6 тыс. чел. [Демидова, с. 37], то к концу первой четверти XVIII в. (с учетом фискального штата) их стало едва ли более 5,5 тыс. чел. – прирост, прямо скажем, не ошеломляющий⁷.

⁶ Е. В. Анисимов, осуществивший подсчет годового документооборота Коммерц-коллегии, установил, что через это не самое большое ведомство центрального звена управления с мая 1722 по май 1723 г. прошло около 4,5 тыс. документов (приблизительно по 34 документа на одного канцелярского работника). Допустив прямую связь между численностью канцелярских служащих и объемом канцелярской работы, а также репрезентативность соотношения канцеляристов Коммерц-коллегии и количества обработанных и созданных ими документов, историк предположил, что за первые пять лет работы всех коллегий через них могло пройти более 1 млн документов. «Если учесть, что в стране было около 10 млн жителей, то цифра эта кажется впечатляющей», – резюмировал автор [Анисимов, 1997, с. 178–179]. Мои собственные исследования документооборота одного из мелких местных учреждений – канцелярии Арамилской (Уктусской) земской конторы за 1722 г. показали, что через трех подьячих канцелярии прошли 173 входящих документа – по 56 единиц на человека – нагрузка еще более внушительная, чем на канцелярский штат Коммерц-коллегии. При этом надо учесть, что речь шла только о входящих! [Редин, 2007, с. 439–440]. Все эти расчеты носят, конечно, фрагментарный характер, но, несомненно, дают пищу для размышлений и оценок.

⁷ Приблизительно на эту цифру выводят расчеты, имеющиеся как в дореволюционной, так и в современной литературе [Градовский, т. 3, с. 92; Медушевский, с. 161]. Новейшее исследование Л. Ф. Писарьковой показывает более внушительную цифру – свыше 7 тыс. чел., но в это число включены чины руководящего состава и неканцелярские служащие [Писарькова, с. 194, 202].

Документы эпохи рисуют отчаянное положение в канцеляриях. Для разбора многолетних бумажных заторов и обслуживания текущей документации приказных нередко приходилось держать в конторах буквально под замком, продлевая их рабочий день до 19 часов в сутки⁸. Такой авральный стиль работы стал особенно характерным для 1720-х гг., в период проведения «больших реформ» (сенатской, коллежской, второй областной, судебной), когда положение с обработкой документационных потоков стало особенно тяжелым. Следует отметить еще одну типичную проблему администрирования петровского времени – несоответствие уровня профессиональной подготовки канцелярских кадров новым требованиям организации делопроизводства. Универсальный тип приказного работника, бывший сильной стороной предшествующей управленческой практики, оказался мало пригоден для ведения коллежского делопроизводства с присущей ему глубокой специализацией в оформлении документов. Недовольство высшей власти и центрального руководства тем, что отчетно-контрольные документы «сочиняются» в местных инстанциях «не против нового обрасца» – общее место в канцелярской практике эпохи. При этом попытки центральных и местных властей создать систему подготовки канцеляристов нового типа оставались фрагментарными и в целом малоуспешными. В канцеляриях, особенно на местах, продолжали преобладать работники, получавшие профессиональные навыки из практической деятельности, их количества (в связи с ростом обязанностей) катастрофически не хватало, как зачастую не хватало просто элементарно грамотных людей, «обыкших чтению и письму».

Неудивительно, что в силу перечисленных причин создаваемые Петром учреждения крайне плохо справлялись с поставленными перед ними задачами. Уровень исполнительской дисциплины как в решении дел по существу, так и в документационном обеспечении управленческих процессов был, судя по всему, низок⁹. Особенно чувствительно недостатки управления сказывались в важнейших сферах государственной деятельности: в сборе налогов, проведении переписей, наборе рекрутов. Конечно, недоимки или пресловутая приказная волокита – явления, свойственные управленческой практике и допетровской России, но, насколько мне известно, они, например, в XVII в. не пред-

⁸ Такие экстремальные картины представляют, например, донесения и протокольные записи Тобольской губернской канцелярии, Вятской провинциальной канцелярии, Сибирского обер-бергамта в Екатеринбурге, уральской Каменской заводской конторы – самых разнородных учреждений. Вероятно, они отражают общую ситуацию в стране [РГАДА. Ф. 24. Оп. 1. Д. 25. Л. 6 об.; Ф. 425. Оп. 1. Д. 8. Л. 210–211; ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 193. Л. 159 об., Л. 101 об. –102].

⁹ Более десяти лет назад мною было проведено специальное исследование, посвященное оценке исполнительской дисциплины на примере одного из местных учреждений [Редин, 2005, с. 138–152]. Изучив деятельность уже упоминавшейся Арамильской земской конторы за 1722 г., я обнаружил, что 63 % поступивших в нее указов по разным причинам не были исполнены. Я далек от мысли распространять эти локальные подсчеты на масштабы всей страны, но общие наблюдения, которые приводятся в настоящей статье, похоже, подтверждают масштабы проблемы.

ставляли глобальной угрозы для функционирования государства. В период же Петровских реформ ситуация явно изменилась к худшему, причем настолько, что уже П. Н. Милюков в начале XX в. вынужден был констатировать расстройство финансовой отчетности страны именно во время введения губернского устройства, специально посвятив этому вопросу параграф своей монографии [Милюков, с. 409–482].

В самом деле, все крупнейшие мобилизационные мероприятия власти, непосредственное проведение которых возлагалось на областные администрации, реализовывались чрезвычайно трудно.

Система областных учреждений России не выдержала уже самой первой проверки на прочность, когда в силу ряда именных и сенатских указов марта-октября 1711 г. началась кампания по финансовой ревизии губернского хозяйства с целью уменьшения местных расходов. Технически на губернские канцелярии была возложена обязанность составления приходорасходных книг по окладным, неокладным и таможенным сборам за 1710–1711 гг. и таблицы по переписям «дворового числа» 186 (1678) и 1710 г. Результатом этой процедуры должна была стать сводная ведомость, «сочинение» которой поручалось канцелярии Сената. Каждой губернии предписывалось послать для этой работы в Москву определенное количество приказных. Вероятно, что процесс рассылки указов и сбор необходимого числа исполнителей, с учетом скорости распространения информации и ресурсной недостаточности учреждений, затянулся. По мнению П. Н. Милюкова, попытка 1711 г. взять под сенатский контроль приходную и расходную часть губернских бюджетов провалилась. Тем не менее, 12 февраля 1712 г. был издан новый (сенатский) указ, расширивший правительственные намерения до проведения генеральной ревизии финансов и налогооблагаемой базы. Главой этой комиссии был назначен кн. М. И. Вадбольский в ранге обер-комиссара. В указе подробно в 14 пунктах перечислялись действия, которые следовало предпринять счетной комиссии Вадбольского, а также определялся ее канцелярский штат, в значительной мере комплектовавшийся и снабжавшийся за счет местных учреждений [РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 39–43; Кн. 37. Л. 341–345 об., 427–429, 491]¹⁰.

Комиссия Вадбольского столкнулась с трудностями, которые были вызваны неполной и некачественно составленной первичной финансовой и переписной документацией, предоставленной губерниями. Некоторые из них вообще не прислали требуемого; полностью была «считана» только Казанская. В силу этого через два года деятельность комиссии пришлось прекратить, а ее функции передать Счетному приказу Ближней канцелярии под руководством Н. М. Зотова. В дальнейшем ревизия губернских расходов стала практически непрерывной¹¹, но глав-

¹⁰ Подробнее о различных аспектах деятельности центральных властей по организации ревизии губернского хозяйства в 1711–1714 гг. см.: [Петровский, с. 278–280; Мрочек-Дроздовский, ч. 1, с. 345; Милюков, с. 307–311; Бабич, с. 98–100, 197–198].

¹¹ С декабря 1717 г. проведение ревизии вновь было передано Сенату [Мрочек-Дроздовский, ч. 1, с. 345].

ным препятствием для ее окончания была все та же неисполнительность местных органов. Разумеется, скверное состояние отчетности было сопряжено с низкой собираемостью средств, недопоставкой денег в «указные места», в первую очередь в армию и военные ведомства. Стремясь переломить ситуацию, царь возложил персональную ответственность за сбор налогов и его документальное оформление на первых лиц областного аппарата – губернаторов и ландрихтеров; в 1712 г. губернаторы лично вызывались в Москву с приходорасходными книгами для отчета «по многим неисправностям» [РГАДА. Ф. 248. Кн. 17. Л. 44–45 об.]. В 1716 г. (сенатским указом от 6 июля) губернаторов, вице-губернаторов и ландрихтеров поставили «на правож» за неприсылку денег на нужды Адмиралтейства за 1715 г. [РГАДА. Ф. 248. Кн. 154. Л. 676–677]. На следующий год под массовый правож попали местные чиновники всех уровней: вина была большей – недоимки по окладным сборам на нужды армии, выявленные с 1711 по 1717 г. На основании доноса обер-фискала А. Я. Нестерова сенатским указом от 3 апреля 1717 г. со всех чинов, получавших жалованье (кроме служилых людей и солдат регулярных гарнизонных частей), следовало взыскать деньги, полученные ими по окладам за 1714–1716 гг. [РГАДА. Ф. 248. Кн. 46. Л. 533 об.; Кн. 154. Л. 793–794, 808].

Штрафования высших руководителей губерний и даже массовые изъятия выданного жалованья не привели к принципиальному улучшению положения с исполнительской дисциплиной на местах, а на рубеже 1710–1720-х гг. оно еще более ухудшилось в связи с двумя масштабными реформами – податной и провинциальной (или второй областной). Проведение подушной переписи и ревизии ее результатов обернулось для областных администраций дополнительной и непосильной нагрузкой: обработка первичных данных («сказок») возлагалась на местных приказных, которые должны были составлять на их основе перечневые выписки, а после везти выписки вместе со сказками в Санкт-Петербург в Переписную канцелярию для сведения в общие ведомости. Пять указов (!), один, так сказать, иницирующий, от 22 января 1719 г. [ПСЗ. Т. 5. № 3287], и четыре «подтвердительных», изданных в течение того же года, о проведении переписи и установлении конечных сроков присылки сказок в столицу не смогли стимулировать процесс сбора и обработки необходимой информации. Одной из причин, препятствовавших проведению переписной кампании, явилось стремление податного населения и помещиков уклониться от учета, а в иных случаях – саботировать его [Анисимов, 1982, с. 68–75]. Но нельзя не признать и другой – неспособности местных администраций справиться с поставленной задачей.

Таким образом, даже из приведенных примеров видно, что система местных учреждений, созданная в ходе реформ Петра, отличалась крайне низкой степенью эффективности. Ее структура была сложной, громоздкой и очень нестабильной; организация делопроизводства отличалась высокой степенью бюрократизации, нацеленной на формальную фиксацию управленческих действий и порождавшей избыточный

документооборот. Петровские местные учреждения, кроме прочего, были скованы постоянной мелочной опекой со стороны высшей власти, отличались низкой инициативностью. Канцелярский штат оказался недостаточным как для заполнения новообразованных вакансий, так и для обслуживания резко возросшего объема документирования, а уровень подготовки служащих не соответствовал новым принципам организации управления и поставленным управленческим задачам.

Взаимодействие ординарных и экстраординарных учреждений управления

При очевидной несостоятельности системы местных учреждений государственная машина все-таки не рухнула. Несмотря на проблемы с мобилизацией ресурсов, бюджет в период петровского правления демонстрировал рост, армия и флот пополнялись новыми рекрутами, война была выиграна, Россия приросла новыми стратегически важными территориями в Прибалтике и стартовала как великая европейская держава. Как можно объяснить этот парадокс? Думаю, что в качестве рабочей гипотезы можно выдвинуть такое объяснение. Дело в том, что все вышесказанное относилось к учреждениям, которые Петр создавал под тем или иным влиянием западноевропейских образцов. Неудачно именовавшиеся в российской дореволюционной историографии «постоянными» учреждениями, они до сих пор остаются в фокусе исследовательского внимания, служа своеобразной визитной карточкой государственных преобразований первой четверти XVIII в. При этом целый комплекс других институций традиционно оставался на периферии научных интересов. Речь идет о так называемых «временных» учреждениях, в первую очередь различных чрезвычайных комиссиях, системная роль которых в общей административной архитектуре эпохи остается сильно недооценена и даже по-настоящему не осознана. Предлагаю называть первые ординарными, а вторые – экстраординарными, или чрезвычайными, я считаю необходимым посвятить дальнейшее изложение анализу их взаимодействия¹².

Итак, экстраординарные органы (по широкому определению – комиссии) так или иначе вызывали некоторый интерес историков и историков права еще с середины XIX в. Подробную характеристику наиболее многочисленной и заметной группы комиссий (так называемых «майорских канцелярий») дал в начале прошлого столетия

¹² Экстраординарными, или чрезвычайными учреждениями принято считать органы, созданные для экстренного, как правило, вневедомственного решения конкретных социально-политических, экономических или управленческих проблем. В то же время учреждения, чья деятельность направлена на обеспечение руководства текущими повседневными задачами, можно определить как ординарные. Прижившееся в литературе определение тех и других как «временных» и «постоянных» следует считать неудачным, особенно для динамичной эпохи Петровских реформ, когда ряд учреждений, в том числе и коллегий, явно замышлявшихся как «постоянные», существовал 5–7 лет, а иные «временные» комиссии вершили свое дело, обрстая новыми компетенциями, по 10–15 и более лет.

В. И. Веретенников [Веретенников]; осмысление комиссий как системы, своеобразного административного феномена XVIII в., принял Ю. В. Готье [Готье]. Наконец, самое развернутое исследование комиссий как существенного элемента управленческой структуры России первой трети XVIII в. принадлежит перу М. В. Бабич [Бабич; там же см. развернутую историографию вопроса, с. 7–22]. В частности, охарактеризовав комиссии петровского времени как органы чрезвычайного управления XVIII в., М. В. Бабич на солидной основе документальных комплексов, отложившихся в результате деятельности комиссий, предложила классификацию этих учреждений, убедительно показав, что их перечень был весьма внушителен (120 комиссий первой трети XVIII в.), а компетенция в совокупности простиралась на целый ряд важнейших отраслей государственного управления. Из многочисленных итоговых выводов, сделанных М. В. Бабич в ходе исследования деятельности петровских комиссий, в контексте настоящей статьи первостепенное значение имеет доказанное утверждение о том, что эти экстраординарные учреждения являлись «формообразующим элементом государственности», «полноправным элементом присущего эпохе правительственного механизма» [Бабич, с. 177, 153]. Хотя комиссии справедливо относятся автором к учреждениям центрального звена управления, их деятельность была зачастую непосредственно направлена на контроль и ревизию местных ординарных органов власти. Поэтому, оценивая эффективность местного управления, нельзя не учитывать фактор комиссий.

Однако представления о системе экстраординарных учреждений, их роли и месте в общей конструкции государственного управления переходной эпохи будут, как представляется, неполными, если ограничиться только комиссиями. Полагаю, что этот ряд следует продолжить еще, по меньшей мере, тремя группами учреждений, обладавших типовым, если не родовым сходством – институтом понудителей и военными администрациями – переписными канцеляриями и канцеляриями сбора подушных денег.

В отличие от комиссий, существование понудительства как административного феномена было краткосрочно и хронологически ограничено начальным периодом «больших» реформ рубежа 1710–1720-х гг. [Богословский; Анисимов, 1982; Смирнов; Серов; Редин, 2008]. Но этим обстоятельством различия понудительства и комиссий не исчерпываются. Комиссиям в целом были свойственны большая масштабность, известная «вездесущность», их использование высшей властью практически во всех важнейших сферах государственного регулирования, значительная кадровая оснащенность, достаточно высокий ранг руководителей большинства из них и т. п. Понудительство с первого момента своего возникновения было инструментом узкой направленности, первоначально призванным обеспечить контроль за сбором различной отчетной документации, в потоках которой буквально захлебнулись местные власти; штат понудителей был

минимальным, а сами понудители назначались, как правило, из рядового и сержантского состава гвардейских полков. Институт комиссий получил мощное развитие в Петровскую эпоху. Важные причины тому, по мнению М. В. Бабич, заключались в функциональной гибкости и мобильности комиссий, в их способности с минимальными материальными и кадровыми издержками заполнять лакуны в общей структуре ординарных учреждений, в возможности апробации по ходу их деятельности «деловых приемов» и правовой базы, пригодных для использования в дальнейшей административной практике, и т. п. [Бабич, с. 147–163]. Институт понудителей, напротив, имел очень скромную цель создания – «хоть как-то интенсифицировать работу оцепеневшего от перемен чиновничества» и бессмысленную задачу – «контролировать деятельность различных местных учреждений и заставлять (“понуждать”) их персонал скорейшим образом выполнять те или иные правительственные распоряжения» [Серов, с. 74]. В то же время совершенно очевиден экстраординарный характер понудительства, позволяющий рассматривать его, наряду с комиссиями, в едином административном контексте. Смысл понудительского контроля – немедленное, неотвратимое и жесткое воздействие на местные ординарные учреждения. Оперативная мобильность понудителей, простота их материального и организационного обеспечения (за счет подконтрольных и ревизуемых органов) также роднят их с чрезвычайными канцеляриями-комиссиями. Оценивая эффективность понудительского контроля, Д. О. Серов признал, что при всей затруднительности однозначного ответа она в значительной мере была высока. Мои собственные данные о деятельности понудителей в Сибирской губернии позволяют поддержать это мнение. Важно, что краткосрочная эффективность этого чрезвычайного института сочеталась со способностью к эволюции. Понудительский контроль, как попытался доказать Д. О. Серов, «стал одним из провозвестников утверждения на отечественной почве прокурорского надзора» [Серов, с. 74]. По моим наблюдениям, у института понудительства были и прямые преемники – сенатские комиссии по ревизии губерний, первая из которых была создана в 1722 г. и начала работу в 1726 г., а последние исчезли только вместе с Российской империей [Редин, 2008, с. 149].

Если деятельность комиссий и понудителей инициировалась царем под конкретные случаи и задачи, то появление переписных канцелярий и канцелярий сбора подушных денег стало явлением, возведшим чрезвычайные методы управления в ранг системы на законодательном уровне, хотя первоначально тоже было вызвано конкретной целью – контролем над проведением подушной переписи и организацией размещения и снабжения регулярной армии в мирное время.

Как известно, проведение подушной переписи было обусловлено намерением Петра перейти к новой схеме прямого налогообложения –

от подворной к подушной. В свою очередь, средства от нового налога предполагалось направить на содержание войск. Таким образом, уже изначально проведение переписи и введение в России подушной подати оказало влияние не только на состояние финансовой системы или экономики страны в целом. Оно имело гораздо более широкие социальные последствия, заложив основу новой модели учета населения, усилив процессы сословной консолидации, укрепив контроль государства над обществом, стимулировав развитие крепостничества и т. п. Кроме прочего, податная реформа серьезно повлияла на систему государственного управления Российской империи. Дело в том, что традиционно вопросы фиска находились в сфере компетенции ординарных гражданских администраций общего управления. Практически одновременно с разработкой и проведением начального этапа податной реформы (перепись мужского населения 1719 г.) в стране развернулись коллежская и вторая областная реформы, в ходе которых налоговые сборы передавались в ведение специализированных органов, подчиненных Камер-коллегии: канцелярий земских комиссаров – руководителей «камер-коллежских» дистриктов (уездный уровень) и камерирских контор во главе с земскими камерирами (провинциальный/губернский уровень). Таким образом, первоначально и организацию переписи (которую рассчитывали провести за один год), и внедрение нового налогообложения, и размещение и снабжение войск царь предполагал поручить местным ординарным администрациям (заметим, в тот момент, когда они в очередной раз подверглись реформированию!). Центральным ведомством, на долю которого выпала работа по сбору и обобщению данных подушной переписи, стала специально созданная Канцелярия переписных дел. Она располагалась в Петербурге, была подчинена Сенату и работала под руководством генерал-ревизора бригадира В. Н. Зотова, почему нередко и называлась (по традиции времени) Канцелярией генерал-ревизора Зотова. Местные администрации в очередной раз не оправдали надежд монарха. Первые шаги, связанные со сбором «сказок» о количестве душ мужского пола, давались очень трудно, и к концу 1719 г. перепись была еще далека от завершения [ПСЗ. Т. 5. № 3470]. К концу следующего 1720 г. выяснилось, что собранная информация неполна и недостоверна; это вызвало потребность в ее проверке – ревизии. Первоначально Пётр пытался вынудить душевладельцев самих подавать уточненные и дополненные сведения [Там же. Т. 6. № 3492], угрожая заслушанием конфискацией имений [Там же. № 3687]. Параллельно он предпринял меры для активизации деятельности местных администраций. Средство нашлось опробованное – гвардейцы-понудители, которые и раньше использовались в делах такого рода. Снабженные именными инструкциями государя, они обладали правом налагать на местных чиновников любого ранга административный арест и держать их в кандалах и на шейной цепи в канцеляриях до тех пор, пока не добивались исполнения искомого –

сбора недоимок или представления той или иной отчетной документации. Но и такие чрезвычайные меры не принесли ожидаемого эффекта, в связи с чем в январе 1721 г. Сенатом был издан указ о взятии воевод к розыску в Петербург и о конфискации их недвижимости [ПСЗ. Т. 6. № 3707]. В конце концов, разуверившись в способности гражданских властей обеспечить столь важное мероприятие, Пётр решил прибегнуть к последнему, но самому главному своему резерву – армии.

В январе 1722 г. вся деятельность по ревизии числа мужского тяглого населения в стране оказалась передана в руки уполномоченных генералов и штаб-офицеров; при них сформировались особые структуры, укомплектованные офицерами полков, которые должны были быть расквартированы в губерниях. Именуемые в источниках «генералитетом», или «переписчиками», эти структуры получили в литературе общее наименование переписных канцелярий¹³. Их деятельность подробно описана М. М. Богословским и существенно дополнена важными материалами, выявленными и проанализированными Е. В. Анисимовым [Богословский, с. 328–389; Анисимов, 1982, с. 80–100]¹⁴. Это избавляет от необходимости подробно останавливаться на данном сюжете и позволяет лишь в общих чертах обозначить ту роль и те функции, которые сыграли переписные канцелярии как экстраординарные органы в общей системе управления.

Практически с самого начала своего возникновения переписные канцелярии, помимо главной задачи – осуществления проверки данных переписи (а по сути – продолжения ее проведения), взяли на себя обязанности по размещению войск на зимних квартирах и организации аппарата взимания подушного налога, в первую очередь по проведению уездных съездов по выбору специальных чиновников – комиссаров от земли.

Расписание полков на постой по губерниям было процедурой, оказавшей очень серьезное влияние на состояние административно-территориального деления страны. Дело в том, что округ, на территории которого располагался полк и население которого обеспечивало содержание полка путем выплаты подушной подати, образовывал особую административно-фискальную территориальную единицу – полковой дистрикт. Сеть полковых дистриктов, таким образом, накладывалась на административно-территориальную сеть, образованную провинциями и дистриктами общего ведения, возникшими в ходе второй областной

¹³ Документы показывают гораздо большее разнообразие наименования этих органов: «канцелярия переписных дел», «канцелярия расположения полков», «канцелярия ревизии свидетельства мужеского полу душ», «канцелярия следования и ревизии», наконец, «канцелярия ведения генерала-маэора (бригадира, полковника) имярек». Подробнее см.: [Бабич, особенно с. 68–91].

¹⁴ Если М. М. Богословский уделял основное внимание взаимоотношениям переписных канцелярий с местными властями, то Е. В. Анисимов сосредоточился на мерах, предпринимаемых ревизорами-переписчиками по выявлению утайки плательщиков и наказанию виновных в этом помещиков и представителей вотчинных администраций.

реформы. Именно в рамках полковых дистриктов, чьи границы, как правило, не совпадали с границами существовавшего территориального устройства, должна была действовать еще одна административная структура – военно-податные органы, ответственные за сбор подушной подати. По устоявшейся историографической традиции эти органы ошибочно принято называть полковыми дворами. Как показывает осуществленный мною анализ источников, отложившихся в результате деятельности этих учреждений, они именовались (с вариациями) канцеляриями сбора подушных денег и находились в подчинении командиров своих полков [Подробнее см.: Редин, 2014, р. 51–69].

Развертывание в регионах широкой сети военных учреждений самым серьезным образом изменило административный ландшафт России с того момента, когда текущая жизнь области оказалась подчинена диктату переписных канцелярий – органов чрезвычайного, или экстраординарного управления. Их бесцеремонное вторжение в сферу компетенции ординарных органов общего и специального управления, созданных в ходе второй областной реформы, прекрасно описал М. М. Богословский. Характеризуя положение провинциальной администрации в 1720-х гг., историк замечал: «...кроме приставленного к ней гвардейца, надзор которого тяготел над нею (речь идет о гвардейцах-«понудителях». – Д. Р.), сверху ее давил властный и требовательный переписчик, с боков сжимали полковые командиры» [Богословский, с. 402].

При всем всевластии переписных канцелярий, парализовавших, по словам Богословского, провинциальные администрации и контролировавших деятельность полковых органов местного управления, они все-таки мыслились законодателем как временное явление управленческой системы. На это указывает сам процесс законодательного обеспечения деятельности переписных канцелярий: оно формировалось казуистически, на протяжении относительного длительного (по меркам очень динамичного петровского царствования) времени. После окончательного проведения переписи их предполагалось ликвидировать, что в конце концов и произошло. Полковые администрации и подчиненные им канцелярии сбора подушных денег, напротив, выстраивались как учреждения постоянного характера. Пётр, судя по всему, предполагал, что их век будет долг и именно поэтому снабдил эти учреждения единовременно опубликованным массивом нормативов, носивших столь же «пакетный» характер, какой был присущ нормативам функционирования ординарных областных администраций 1719 г. И это обстоятельство представляется крайне любопытным с точки зрения эволюции всей теории и практики государственного строительства Петровской эпохи. Не вдаваясь в подробности, отмечу, что сравнение актов, обеспечивавших работу местных органов военного управления и органов провинци-

ального управления, демонстрирует редукцию полномочий вторых в пользу первых по целому ряду основных направлений.

В этом легко убедиться, рассмотрев полномочия полковника и его офицеров, изложенные в инструкциях «Плакате» 1724 г. в сравнении с полномочиями воевод/губернаторов и чинов провинциальной администрации 1719 г. Даже с формально-юридической точки зрения это сравнение оказывается не в пользу последних. Инструкции 1719 г. в большинстве своем содержат обязывающие нормы права. По букве и духу они в предельной степени ставят чины местных администраций в положение механических исполнителей воли центральной власти, постоянно напоминая им: «Ты должен». Инструкции 1724 г., обращенные к полковнику и офицерам полка, скорее исполнены уполномочивающими нормами, предоставляя право совершать те или иные действия. Воеводы в соответствии с инструкцией 1719 г. наделялись достаточно широкими возможностями для участия в проводимой реформе и даже имели определенные контролирующие функции. Воеводе придавались функции третейского судьи «в обидах, ссорах и непорядках», которые могли возникать между военными и тяглецами; вменялся надзор за деятельностью комиссаров от земли в процессе раскладки и сбора подушной подати; он был уполномочен следить, чтобы крестьяне «не были обидимы» от военных как при сборе средств на их «жалованье и протчее», так и при осуществлении рекрутских наборов [ПСЗ. Т. 5. № 3294. П. 8, 11, 27, 35].

Все эти административные права были сведены на нет инструкциями 1724 г., изъясвшими весь круг вопросов, связанных со сбором подушного налога и отправлением рекрутской повинности, в пользу военных учреждений. Даже контроль над комиссарами от земли – представителями местного населения, подведомственного общим администрациям – оказался в руках полковников. Нормативно именно на них были возложены заботы о проведении уездных съездов по выбору комиссаров, а вопрос наказания нерадивых комиссаров решался таким странным образом, что оставлял большой простор для толкований, позволяя решать его по ситуации¹⁵. Воеводу полностью устранили от контроля за снабжением войск, проходящих маршем через вверенную ему провинцию¹⁶.

¹⁵ В соответствии с п. 4 ч. 1 «Плаката», провинившийся земский комиссар подлежал суду дворянского уездного съезда, подконтрольного командованию полка (на практике эти процедуры оказались в руках переписных канцелярий). Норма гласила, что в этом случае наказание виновных осуществлялось «не описываясь губернаторам и воеводам», если речь не шла о совершении земскими комиссарами тяжких преступлений, караемых смертью или «публичным наказанием» (в этом случае действовали полномочия надворного суда, и лишь при его отсутствии – воеводы) [ПСЗ. Т. 7. № 4533]. Явно противореча «Плакату», «Инструкция полковнику» однозначно предписывала отдавать провинившегося комиссара «земскому суду», «согласясь с губернатором или воеводою» [ПСЗ. Т. 7. № 4534. П. 11].

¹⁶ Ср. на этот счет положения «Инструкции, или наказа воеводам» (п. 11) и «Плаката» (п. 6) [ПСЗ. Т. 5. № 3294; Т. 7. № 4533].

Вопиющим изъятиям подверглись прерогативы ординарных областных администраций в сфере общего управления, полицейского контроля и судебных полномочий. «Инструкция» 1719 г. вменяла в обязанности воевод попечение о земской полиции; общий надзор за соблюдением законности (содержать всех подданных своей провинции «по государевым уложениям»; «стараться, чтоб никому насилия и грабежа чинено не было»); борьбу с «воровством и всякими разбоями и преступлениями»; давала право проводить розыск и осуществлять наказания [ПСЗ. Т. 5. № 3294. П. 12, 13, 14]. Совершенно иначе представляли акценты нормативно-законодательные акты 1724 г. Борьба с преступностью на территории полкового дистрикта отдавалась в исключительную юрисдикцию полковникам (шире – экстраординарной военной администрации). Эта норма, провозглашенная в общем в п. 11 ч. 2 «Инструкции полковнику», существенно уточнялась в указе «О должности полковника», перечеркивая всякое право воевод в подобных делах. Полковник прямо обязывался охранять «от всяких обид и налог» «уездных людей», а их «притеснителей» «арестовывать и писать» (п. 2) [ПСЗ. Т. 7. № 4534, 4535]. Под контроль военной администрации попадали также такие важнейшие административно-полицейские функции, как розыск и поимка беглых, пресечение укрывательства беглецов (включая наложение и взыскание штрафов с укрывателей), процедура выдачи паспортов и даже надзор за переводом крестьян внутри владений одного душевладельца. Воеводам и губернаторам во всех этих действиях отводилась исключительно вспомогательная роль. Так, например, пойманных беглых предписывалось сдавать под временное содержание воеводам; надо полагать, такая уступка была сделана лишь оттого, что в распоряжении последних имелись подходящие для этого тюремные помещения [ПСЗ. Т. 7. № 4533. Ч. 2. П. 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 17]. Судебная юрисдикция воевод была сведена до права участия в совместном разбирательстве конфликтов и правонарушений, возникших при столкновениях субъектов разной ведомственной принадлежности (между военными и гражданскими лицами) [ПСЗ. Т. 7. № 4535. П. 12, 13] – порядок, так живо и, в сущности, справедливо напомнивший М. М. Богословскому нормы «сместного» или «вопчего» суда, практиковавшегося в средневековой России [Богословский, с. 394].

Наконец, законодательство 1724 г. позволило военным учреждениям вторгнуться непосредственно во внутриведомственные распоряжения ординарных общих администраций: под контроль полковников были поставлены командирования воеводами приказных людей внутри уезда. Надо заметить, что поездки подьячих по селам и деревням зачастую являлись одной из форм вымогательства с населения «кормов». Такие поездки всегда характеризовались как «бездельные» и время от времени попадали в поле зрения местных властей, пытавшихся их если не запретить, то ограничить. Однако «Инструкция полковникам» предписала все случаи командирования приказных согласовывать с полко-

вым командиром расквартированной в местности части; последнему следовало выделить в сопровождение подьячему своих солдат, чтобы чиновники «порядочно и без разорения чинили, а не так как прежде было разорение от посланных» [ПСЗ. Т. 7. № 4533. Ч. 2. П. 1]. Оставим в стороне рассуждения о том, насколько действенен был новый порядок; документы свидетельствуют, что такие командировки, «усиленные» солдатами-надзирателями, приводили к еще большим «раззорениям» крестьян. В этой норме важно то, что она, как и все остальные, оказалась направленной на сужение полномочий местных ординарных администраций. В конечном итоге даже первые лица губерний и провинций оказались поднадзорны полковым командирам. Указ «О должности полковника» устанавливал право командира расквартированного полка отслеживать, насколько губернаторы и воеводы усердно исполняют посылаемые им сенатские и коллежские указы, обязывал докладывать в вышестоящие инстанции на нерадивых начальников и даже давал полномочие «чинить на них взыскание», если на то будет получена санкция соответствующего центрального органа [ПСЗ. Т. 7. № 4535. П. 20].

Таким образом, уже изначально на законодательно-нормативном уровне военным администрациям были приданы такие широкие возможности, что они вполне могли чувствовать себя хозяевами положения. Драматизм ситуации заключался, помимо прочего, еще и в том, что установления 1724 г. не отменяли инструкции 1719 г. Такая законодательная несогласованность, очень характерная для петровского царствования, создавала многочисленные зоны напряженности как в межведомственных отношениях, так и в отношениях между различными властными инстанциями и населением. Разумеется, она давала простор и для злоупотреблений, оставляя разрешение конфликтных ситуаций на волю случая, усиливая традиционное: «кто сильнее, тот и прав». В этом отношении чаще всего оказывались сильнее органы экстраординарного военного управления. На их стороне оказывалось не только покровительство могущественных переписчиков и Военной коллегии, но и реальные ресурсы – воинские контингенты. Практика показывает, что реализация власти на местах, в текущей повседневности, обычно осуществлялась даже не полковниками, а офицерами, ответственными за сбор подушной подати, – главами канцелярий подушных сборов, квартировавших на полковых дворах. Именно эти майоры, капитаны и прапорщики становились настоящими конкурентами воевод, предельно широко трактуя в свою пользу полномочия, предоставленные законодателем.

* * *

Ординарные учреждения местного управления, создаваемые Петром под влиянием западных образцов, показали себя низкоэффективными в сложных условиях первой четверти XVIII в. В этом смысле приказно-воеводская система управления для своего времени продемонстрировала гораздо более высокую результативность. Мобилизационные усилия власти в петровское царствование смогли реализовать-

ся лишь при наличии целой сети экстраординарных учреждений¹⁷. Последние, находясь в противоречивом взаимодействии с ординарными, контролировали их, стимулировали постоянными мерами жесткого административного давления, но одновременно затрудняли их деятельность, регулярно вторгаясь в сферу их компетенции. Этот сложный управленческий конгломерат на практике разрушал идеальную модель «правильного» администрирования, лежавшую в основе создаваемого Петром *Polizeistaat*, но позволял добиваться краткосрочного эффекта в удовлетворении текущих сиюминутных потребностей. В последние годы петровского царствования противоречия между ординарными и экстраординарными учреждениями, камералистскими идеалами и практикой чрезвычайщины, «ручного управления» завели конструирование государственного механизма в тупик. Понимал ли это император? Имелась ли у него альтернативная модель развития, план выхода из кризиса? На этот вопрос трудно ответить: самодержец умер, не успев оставить нам своего видения административной перспективы. Но его ближайшие преемники очень быстро, легко и без особых сожалений ликвидировали нелепое нагромождение ординарных и экстраординарных структур областного управления, выстроив новую, гораздо более простую управленческую систему, вполне гармонично соединившую в себе приказно-воеводские традиции и коллежские новации.

Список литературы

- Анисимов Е. В.* Податная реформа Петра I : Введение подушной подати в России 1719–1728 гг. Л. : Наука, 1982. 296 с.
- Анисимов Е. В.* Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. 331 с.
- Бабич М. В.* Государственные учреждения XVIII века : Комиссии Петровского времени. М. : РОССПЭН, 2003. 480 с.
- Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII веке : очерки. М. : Воениздат, 1958. 645 с.
- Богданов А. П.* Царь-реформатор Фёдор Алексеевич Романов (1676–1682) : Старший брат Петра. М. : Б. и., 2005. 696 с.
- Богословский М.* Областная реформа Петра Великого : Провинция 1919–1727 гг. М. : Университ. Тип., 1902. 521 + 44 с.
- Бродель Ф.* Время мира: материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. М. : Прогресс, 1992. Т. 3. 679 с.
- Веретенников В. И.* История Тайной канцелярии петровского времени. Харьков : Тип. «Печатное дело», 1910. 306 с.
- Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург : Муниципальный учеб.-метод. центр «Развивающее обучение», 1998. 204 с.
- ГАСО. Ф. 24 (Уральское горное управление).
- Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1913. Т. 1. 472 с. ; М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1941. Т. 2. 300 с.

¹⁷ Недавно к схожим выводам, правда, сделанным на основе более локального материала, пришла А. В. Жуковская. Оценивая уровень эффективности государства в сборе налогов при Петре I, она заметила, что высокая собираемость налогов в это время достигалась «путем применения предельно упрощенной системы сбора силами военных» и что «при попытке передать сбор в нормальный канал приказного делопроизводства налог перестает быть рентабельным» [Жуковская, с. 49].

Градовский А. Д. Начала русского государственного права : в 3 т. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1883. Т. 3. Органы местного управления. 392 с.

Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М. : Наука, 1987. 228 с.

Жуковская А. В. перемены в фискальном статусе дьяков и подьячих в царствование Петра I и их социальные последствия // *Cahiers du monde russe*. 2014. № 55 (1–2). Jan. – juin. P. 32–49.

Ивонин А. Р. Государство и общество в России XVII–XX вв.: этапы взаимодействия // *От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начала XX в.* Новосибирск: Сова, 2005. С. 162–175.

Коллманн Н. Ш. Соединенные чество : Государство и общество в России Раннего Нового времени. М. : Древлехранилище, 2001. 459 с.

Кравченко С. А. Социологический энциклопедический толковый словарь. М. : Изд-во МГИМО-ун-та, 2013. 914 с.

Кузнецов И. Н., Новохатко О. В., Шахова А. Д. Светское устройство и архитектурное благоустройство Переславля-Залесского в XVII веке. М. : Памятники ист. мысли, 2014. 584 с.

Курбатов О. А. Очерк историографии военных реформ в русском государстве в середине – второй половине XVII в. (до начала 1990-х гг.) // *Единорогъ : Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени*. М. : Фонд «Русские витязи», 2014. Вып. 3. С. 481–494.

Лантеева Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М. : Древлехранилище, 2010. 596 с., ил.

Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М. ; Тула : ИРИ РАН, 2009. 792 с.

Лотман Ю. М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // *Из истории русской культуры : в 5 т. 2-е изд.* М. : Языки рус. культуры, 2000. Т. 4. XVIII – начало XIX века. С. 13–337.

Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М. : Древлехранилище, 2006. 624 с.

Медушевский А. Н. Источники о формировании бюрократии в России в первой четверти XVIII в. // *Источниковедение отечественной истории : 1989*. М. : Наука, 1989. С. 153–169.

Милюков П. Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. Изд. 2-е. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 678 с.

Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года : Историко-юридическое исследование. Ч. 1. Областное управление первого учреждения губерний (1708–1717 гг.). М. : Университет. тип., 1876. 351 с.

Новохатко О. В. Разряд в 185 году. М. : Памятники ист. мысли, 2007. 640 с.

Петров К. В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII в. : Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2005. 144 с.

Петровский Т. О Сенате в царствование Петра Великого. М., 1875. 357 с.

Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М. : Наука, 2007. 743 с.

ПСЗ. Собрание первое. СПб., 1830. Т. 5. № 3294, 3470; Т. 6. № 3492, 3687, 3707; Т. 7. № 4533, 4534, 4535.

РГАДА. Ф. 24 (Разряд XXIV. Сибирский приказ и управление Сибирью); Ф. 248 (Сенат и его учреждения); Ф. 425 (Вятская провинциальная канцелярия).

Редин Д. А. Местные учреждения петровского времени как проводники и исполнители законодательства (опыт изучения канцелярского регистра 1720-х гг.) // *Проблемы истории России*. Вып. 6. От Средневековья к современности. Екатеринбург : Волот, 2005. С. 138–152.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху Петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург : Волот, 2007. 608 с.

Редин Д. А., Ревизия И. С., Арсеньева К. вопросу об эволюции чрезвычайных институтов Петровского времени // *Проблемы истории России*. Вып. 7. Источник и его интерпретации. Екатеринбург : Волот, 2008. С. 139–152.

Редин Д. А. Канцелярии сбора подушных денег : Статус и место в административной системе России (первая треть XVIII в.) // *Cahiers du monde russe*. 2014. № 55 (1–2). Jan. – juin. P. 51–69.

Седов П. В. Закат Московского царства : Царский двор конца XVII века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.

Серов Д. О. Понудители : (Из истории чрезвычайного контроля в России в первой четверти XVIII в.) // «Мы были!» : Генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Брюс и его эпоха : материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) : в 2 ч. СПб. : Б. и., 2004. Ч. 2. С. 74–76.

Смирнов Ю. Н. Роль гвардии в укреплении органов власти российского абсолютизма в первой половине XVIII в. // *Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма : межвуз. сб. Куйбышев : Изд-во Куйбышев. ун-та, 1989. С. 15–31.*

Талина Г. В. Выбор пути : Русское самодержавие второй половины XVII – первой трети XVIII века. М. : Русский Мирь, 2010. 448 с.

Трёбст Ш. Судьбоносный 1667 год? : К дебатам о «прорыве в новое время» Московского централизованного государства // *Quaestio Rossica*. 2013. № 1. С. 54–72.

Успенский Б. А. *Historia sub specie semioticae* // Успенский Б. А. Избр. тр. : в 3 т. М. : Языки рус. культуры, 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 50–59.

Шоню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 608 с.

Black J. Eighteenth Century Europe, 1700–1789. L. : Palgrave Macmillan, 1990. 458 p.

Burke P. The Historical Anthropology of Early Modern Italy : Essays on Perception and Communication. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. 281 p.

Collmann N. S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2012. 488 p.

Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. Chicago ; L. : S. n., 1971. 432 p.

Keep J. L. H. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford : Clarendon Press, 1985. 434 p.

Kishlansky M. Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1986. 276 p.

Kivelson V. Autocracy in the Provinces : The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century. Stanford : Stanford Univ. Press, 1996. 267 p.

Zemon-Davis N. Society and Culture in Early Modern France. Stanford : Stanford Univ. Press, 1965. 384 p.

References

Anisimov, E. V. (1982). *Podatnaya reforma Petra I : Vvedenie podushnoy podati v Rossii 1719–1728 gg.* [The Monetary Reform of Peter I: The Introduction of Capitation Tax in Russia between 1719 and 1728]. 296 p. Leningrad, Nauka.

Anisimov, E. V. (1997). *Gosudarstvennye preobrazovaniya i samoderzhavie Petra Velikogo* [The State Reforms and Autocracy of Peter the Great]. 331 p. St. Petersburg, Dmitry Bulanin.

Babich, M. V. (2003). *Gosudarstvennye uchrezhdeniya XVIII veka : Komissii Petrovskogo vremeni* [State Establishments of the 18th Century: Committees of the Petrine Time]. 480 p. Moscow, ROSSPEN.

Beskrovnyy, L. G. (1958). *Russkaya armiya i flot v XVIII veke : ocherki* [The Russian Army and Navy in the 18th Century: Essays]. 645 p. Moscow, Voenizdat.

Black, J. (1990). *Eighteenth Century Europe, 1700–1789*. 458 p. London, Macmillan.

Bogdanov, A. P. (2005). *Tsar'-reformator Fedor Alekseevich Romanov (1676–1682) : Starshiy brat Petra* [The Reformer Tsar Fyodor Alekseevich Romanov (1676–1682): Peter's Elder Brother]. 696 p. Moscow.

Bogoslovsky, M. (1902). *Oblastnaya reforma Petra Velikogo : Provintsiya 1919–1727 gg.* [Peter the Great's Provincial Reform: Province between 1719 and 1727]. 521 s. + (predislovie p. 3–9; prilozheniya pp. 1–44). Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Brodel', F. (1992). *Vremya mira: material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. : v 3 t.* [Peace Times: Material Civilization, Economy and Capitalism, 15th – 18th Centuries: 3 Vols.]. Vol. 3. 679 p. Moscow, Progress.

Burke, P. (1987). *The Historical Anthropology of Early Modern Italy : Essays on Perception and Communication*. 281 p. Cambridge, Cambridge University Press.

Collmann, N. S. (2012). *Crime and Punishment in Early Modern Russia*. 488 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Demidova, N. F. (1987). *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i ee rol' v formirovaniy absolutizma* [Service Class Bureaucracy in 17th Century Russia and Its Role in the Formation of Autocracy]. 228 p. Moscow, Nauka.

Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti [State Archive of Sverdlovsk Region]. Stock 24 (Ural'skoe gornoe upravlenie).

Got'e, Yu. V. (1913). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [The History of Regional Government in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 1. 472 p. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko.

Got'e, Yu. V. (1941). *Istoriya oblastnogo upravleniya v Rossii ot Petra I do Ekateriny II* [The History of Regional Government in Russia from Peter I to Catherine II]. Vol. 2. 300 p. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR.

Gradovsky, A. D. (1883). *Nachala russkogo gosudarstvennogo prava : v 3 t.* [The Emergence of Russian Public Law: 3 Vols.]. Vol. 3. *Organy mestnogo upravleniya*. 392 p. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Hellie, R. (1971). *Enserfment and Military Change in Muscovy*. 432 p. Chicago, London, The University of Chicago Press.

Ivonin, A. R. (2005). *Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XVII–XX vv.: etapy vzaimodeystviya* [The State and Society in Russia between the 17th and 20th Centuries: Stages of Interaction]. In *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni: etnosotsial'nye protsessy v Sibiri XVII – nachala XX v.* (pp. 162–175). Novosibirsk.

Keep, J. L. H. (1985). *Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874*. 434 p. Oxford, Oxford University Press.

Kishlansky, M. (1986). *Parliamentary Selection: Social and Political Choice in Early Modern England*. 276 p. Cambridge, Cambridge Univ. Press.

Kivelson, V. (1996). *Autocracy in the Provinces : The Muscovite Gentry and Political Culture in the Seventeenth Century*. 267 p. Stanford, Stanford Univ. Press.

Kollmann, N. Sh. (2001). *Soedinennye chest'yu : Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii Rannego Novogo vremeni* [Connected by Honor: The State and Society in Russia during Early Modern History]. 459 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Kravchenko, S. A. (2013). *Sotsiologichesky entsiklopedichesky tolkovyy slovar'* [A Sociological Encyclopaedic Explanatory Dictionary]. 914 p. Moscow, Izdatel'stvo MGIMO-universiteta.

Kurbatov, O. A. (2014). *Ocherk istoriografii voennykh reform v russkom gosudarstve v seredine – vtoroy polovine XVII v. (do nachala 1990-kh gg.)* [An Overview of Military Reforms in the Russian State during the Mid- 2nd Half of the 17th Century]. In *Edinorog' : Materialy po voennoy istorii Vostochnoy Evropy epokhi Srednikh vekov i Rannego Novogo vremeni*. Iss. 3, pp. 481–494. Moscow, Fond “Russkie vityazi”.

Kuznetsov, I. N., Novokhatko, O. V. & Shakhova, A. D. (2014). *Svetskoe ustroystvo i arkhitekturnoe blagoustroystvo Pereslavl'ya-Zalesskogo v XVII veke* [Lay Structure and Architectural Development of Pereslavl-Zalessky in the 17th Century]. 584 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Lapteva, T. A. (2010). *Provintsial'noe dvoryanstvo v Rossii v XVII veke* [The Provincial Nobility in 17th Century Russia]. 596 p., il. Moscow, Drevlekhranilishche.

Liseytshev, D. V. (2009). *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu Smuty* [The Prikaz System of Muscovy during the Time of Troubles]. 792 p. Moscow, Tula, IRI RAN.

Lotman, Yu. M. (2000). *Ocherki po istorii russkoy kul'tury XVIII – nachala XIX veka* [Essays on the History of Russian Culture between the 18th – Early 19th Centuries]. In *Iz istorii russkoy kul'tury : v 5 t.* 2nd Ed. Vol. 4 (XVIII – nachalo XIX veka), pp. 13–337. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

Malov, A. V. (2006). *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachal'nyy period svoey istorii, 1656–1671 gg.* [Muscovite Select Soldier Regiments in the Early Stages of Their Development, 1656–1671]. 624 p. Moscow, Drevlekhranilishche.

Medushevsky, A. N. (1989). *Istochniki o formirovaniy byurokratii v Rossii v pervoy chetverti XVIII v.* [Sources of Bureaucracy Development in Russia in the 1st Quarter of the 18th Century]. In *Istchnikovedenie otechestvennoy istorii : 1989* (pp. 153–169). Moscow, Nauka.

Milyukov, P. N. (1905). *Gosudarstvennoe khozyaystvo Rossii v pervoy chetverti XVIII stoletiya i reforma Petra Velikogo* [State Economy in Russia during the 1st Quarter of the 18th Century and Peter the Great's Reform] 2nd Ed. 678 p. St. Petersburg, Tipografiya M. M. Stasyulevicha.

Mrochek-Drozдовsky, P. (1876). *Oblastnoe upravlenie Rossii XVIII veka do Uchrezhdeniya o guberniyakh 7 noyabrya 1775 goda : Istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Provincial Rule in 18th Century Russia before the Governorate Reform of 1775: A Historical and Legal Study]. Ch. 1. Oblastnoe upravlenie pervogo uchrezhdeniya guberniy (1708–1717 gg.). 351 p. Moscow, Universitetskaya tipografiya.

Novokhatko, O. V. (2007). *Razryad v 185 godu* [Rank in the Year of 185]. 640 p. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli.

Petrov, K. V. (2005). *Prikaznaya sistema upravleniya v Rossii v kontse XV–XVII v. : Formirovanie, evolyutsiya i normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti* [Prkaz Government System in Russia between the Late 15th and 17th Centuries: Establishment, Evolution and Legal Groundwork]. 144 p. Moscow, St. Petersburg, Al'yans-Arkheo.

Petrovsky, T. O. (1875). *Senat v tsarstvovanie Petra Velikogo* [The Senate under Peter the Great]. 357 p. Moscow, Univ. tip. (Katkov i Ko).

Pisar'kova, L. F. (2007). *Gosudarstvennoe upravlenie Rossii s kontsa XVII do kontsa XVIII v. : evolyutsiya byurokraticheskoy sistemy* [State Rule in Russia between the 17th and Late 18th Centuries: The Evolution of the Bureaucratic System]. 743 p. Moscow, Nauka.

Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii [Complete Laws of the Russian Empire]. (1830). *Sobranie pervoe*. Vol. 5, № 3294, 3470; Vol. 6, № 3492, 3687, 3707; Vol. 7, № 4533, 4534, 4535. St. Petersburg, V tipografii Vtorogo otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 24 (Razryad XXIV. Sibirskiy prikaz i upravlenie Sibir'yu). Stock 248 (Senat i ego uchrezhdeniya). Stock 425 (Vyatskaya provintsial'naya kantselyariya).

Redin, D. A. (2005). *Mestnye uchrezhdeniya petrovskogo vremeni kak provodniki i ispolniteli zakonodatel'stva* (opyt izucheniya kantselyarskogo registra 1720-kh gg.) [Local Organizations of Petrine Time as Guarantors and Observers of the Law (A Study of the Bureaucratic Register of the 1720s)]. In *Problemy istorii Rossii*. Iss. 6. Ot Srednevekov'ya k sovremennosti (pp. 138–152). Yekaterinburg, Volot.

Redin, D. A. (2007). *Administrativnye struktury i byurokратиya Urala v epokhu Petrovskikh reform (zapadnye uyezdy Sibirskoy gubernii v 1711–1727 gg.)* [The Administrative Structure and Bureaucracy in the Urals during the Petrine Reforms (Western Uyezds of Siberian Governorate between 1711 and 1727)]. 608 p. Yekaterinburg, Volot.

Redin, D. A. (2008). *Reviziya I. S. Arsen'eva : K voprosu ob evolyutsii chrezvychaynykh institutov Petrovskogo vremeni* [I.S. Arsenyev's Inspection: On the Development of Special Institutes of the Petrine Time]. In *Problemy istorii Rossii*. Iss. 7. Istochnik i ego interpretatsii (pp. 139–152). Yekaterinburg, Volot.

Redin, D. A. (2014). *Kantselyarii sbora podushnykh deneg : Status i mesto v administrativnoy sisteme Rossii (pervaya tret' XVIII v.)* [Chancelleries of Capitation Tax Collection: Their Status and Place in the Administrative System of Russia (1st Third of the 18th Century)]. In *Cahiers du monde russe*, 55 (1–2), Jan. – juin, pp. 51–69.

Sedov, P. V. (2006). *Zakat Moskovskogo tsarstva : Tsarskiy dvor kontsa XVII veka* [The Decline of the Muscovite Tsardom: The Tsar Court of the Late 17th Century]. 604 p. St. Petersburg, Dmitry Bulanin.

Serov, D. O. (2004). *Ponuditeli : (Iz istorii chrezvychaynogo kontrolya v Rossii v pervoy chetverti XVIII v.)* [Enforcers: (From the History of Special Control in Russia in the 1st Quarter of the 18th Century)]. In “My byli! ” : General-fel'dtseykhnmeyster Ya. V. Bryus i ego epokha : materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (12–14 maya 2004 g.) : v 2 ch. Part 2, pp. 74–76. St. Petersburg, VIMAIV i VS.

Shonyu, P. (2004). *Tsivilizatsiya klassicheskoy Evropy* [The Civilization of Classic Europe]. 608 p. Yekaterinburg, U-Faktoriya.

Smirnov, Yu. N. (1989). *Rol' gvardii v ukreplenii organov vlasti rossiyskogo absolyutizma v pervoy polovine XVIII v.* [The Role of the Guards in the Strengthening of Russian Autocracy in the 1st Half of the 18th Century]. In *Pravitel'stvennaya politika i klassovaya bor'ba v Rossii v period absolyutizma : mezhvuzovskiy sbornik* (pp. 15–31). Kuybyshev, Izdatel'stvo Kuybyshevskogo universiteta.

Talina, G. V. (2010). *Výbor puti : Russkoe samoderzhavie vtoroy poloviny XVII – pervoy treti XVIII veka* [The Choice of Way: Russian Autocracy of the 2nd Half of the 17th – 1st Third of the 18th Centuries]. 448 p. Moscow, Russky Mir.

Trebst, Sh. (2013). *Sud'bonosnyy 1667 god? : K debatam o "proryve v novoe vremya" Moskovskogo tsentralizovannogo gosudarstva* [The Decisive Year of 1667?: On the Debate on the Muscovite Centralized State's Bursting into Modern History]. In *Quaestio Rossica*, 1, pp. 54–72.

Uspensky, B. A. (1994). *Historia sub specie semioticae* [Historia sub specie semioticae]. In Uspensky, B. A. *Izbrannyye trudy : v 3 t. Vol. 1. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* (pp. 50–59). Moscow, Yazyki russkoy kul'tury.

Veretennikov, V. I. (1910). *Istoriya Taynoy kantselyarii petrovskogo vremeni* [The History of the Secret Office of the Petrine Time]. 306 p. + (predislovie pp. 1–4). Kharkiv, Tip. "Pechatnoe delo".

Vershinin, E. V. (1998). *Voevodskoe upravlenie v Sibiri (XVII vek)* [Voivode Rule in Siberia (17th Century)]. 204 p. Yekaterinburg, Munitsipal'nyy uchebno-metodichesky tsentr "Razvivayushchee obucheniye".

Zemon-Davis, N. (1965). *Society and Culture in Early Modern France*. 384 p. Stanford, Stanford Univ. Press.

Zhukovskaya, A. V. (2014). *Peremeny v fiskal'nom statuse d'yakov i pod'yachikh v tsarstvovanie Petra I i ikh sotsial'nye posledstviya* [Changes in the Fiscal Status of Clerks and Podyachys under Peter I and Their Social Consequences]. In *Cahiers du monde russe*, 55 (1–2), Jan. – juin, pp. 32–49.

The article was submitted on 07.07.2016

DOI 10.15826/qr.2016.3.184

УДК 94(470-25)"18/2"+355.48(44:47)"1812"+929Наполеон(44)+1+316.472

МОСКВА ПРИ НАПОЛЕОНЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ КРОССКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА*

Владимир Земцов

Уральский государственный педагогический университет;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

MOSCOW UNDER NAPOLEON: THE SOCIAL EXPERIENCE OF CROSS-CULTURAL DIALOGUE**

Vladimir Zemtsov

Ural State Pedagogical University;
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The article is devoted to social aspects of cross-cultural contacts during the Napoleonic occupation of Moscow. A wide documentary base developed over two centuries allows us to define the forms and mechanisms of contact between the representatives of different cultural, ethnic, and social groups in a devastated urban environment. Serious differences between the actions taken by the various groups of Moscow's population were already evident before Russian troops left the city. The upper classes tried to abandon the city, leaving only their servants to guard assets: meanwhile, many representatives of the middle strata, including foreigners, could not afford such a course of action. They remained in the city, primarily to defend their houses and belongings: however, their actions could also be dictated by family circumstances and a sense of professional/public duty. The lower classes of the Russian capital were even less capable of leaving the city. Their mood quickly changed from patriotic exaltation, coupled with drunkenness and looting, to open hostility towards

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Иностранная оккупация как опыт межкультурного контакта: на материале Наполеоновских войн» (проект № 16-18-10041).

** Citation: Zemtsov, V. (2016). Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 217–234. DOI 10.15826/qr.2016.3.184.

Цитирование: Zemtsov V. Moscow under Napoleon: The Social Experience of Cross-Cultural Dialogue // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 217–234. DOI 10.15826/qr.2016.3.184 / Земцов В. Москва при Наполеоне: социальный опыт кросскультурного диалога // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 217–234. DOI 10.15826/qr.2016.3.184.

the authorities and 'masters' who had 'betrayed' them. A special category was made up of the sick and wounded Russian soldiers, some of whom were left to the mercy of the invaders because there was no opportunity to move them. Many of these people had no choice other than to face the cruelty of their fate, although those who managed to travel often engaged in robbery and looting. The actions of the Moscow mayor were largely determined by the desire to erect an insurmountable barrier between the European soldiers who occupied the capital and those residents who remained. Indeed, a great fire, which began on the evening of 14 September, and widespread looting and violence destroyed the contacts between the occupiers and the local population. After returning to the Kremlin on 18 September, Napoleon gave orders to systematically plunder Moscow. This caused even greater alienation between the people of Moscow and the troops occupying it. However, Moscow residents also had to anticipate the reestablishment of Russian control, which principally entailed maintaining their lives and property intact. This determined the features of future intercultural contacts and cross-cultural dialogue. This is the first part of the article.

Keywords: Patriotic War of 1812; Moscow in 1812; Napoleon; foreign occupation; intercultural dialogue; Napoleon's Russian Campaign.

Статья посвящена социальным аспектам межкультурных контактов в период наполеоновской оккупации Москвы. Широкая документальная база, сложившаяся за два столетия, позволяет выявить проявление противоречий и увидеть формы и механизмы налаживания контактов между представителями разных культурных, национальных и социальных групп в условиях разоренной городской среды. Серьезные различия в действиях различных групп московского населения проявились уже накануне оставления русскими войсками первопрестольной. Если верхи общества постарались покинуть город, оставив свою челядь для охраны имущества, то представители средних слоев, включая иностранцев, далеко не все могли это себе позволить. Их задерживали в городе необходимость сберечь дом и скарб, семейные обстоятельства, а нередко и чувство профессионального и общественного долга. Еще менее имели возможности, а то и желания выехать социальные низы, настроения которых быстро менялись от патриотической экзальтации, соединенной с пьянством и грабежами, до открытой враждебности к предавшей их власти и «господам». Особую категорию составляли больные и раненые русские солдаты, часть из которых, будучи нетранспортабельными или просто «забытыми» и оставленными на произвол оккупантов, должны были смириться с жестокостью своей судьбы, либо, имея возможность передвигаться, заняться разбоем и мародерством. Смысл действий московского градоначальника во многом определялся стремлением воздвигнуть непреодолимую преграду между солдатами Европы и теми, кто оставался в Москве. Грандиозный пожар, начавшийся вечером 14 сентября, а также грабежи и насилия расстроили завязывавшиеся было контакты между оккупантами и местным населением. После возвращения 18 сентября Наполеона в Кремль он отдавал приказы, по сути, санкционировавшие организованный грабеж города. Наступил период еще большего отчуждения между жителями

Москвы и оккупировавшими ее войсками. Однако перед Наполеоном с неизбежностью вставала задача вступления в контакт с императором Александром, а перед оставшимися в Москве жителями – спасения своих жизней и оставшегося имущества. Это и предопределило особенности дальнейших межкультурных контактов и даже кросскультурного диалога. В этом номере публикуется первая часть статьи.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Москва в 1812 г.; Наполеон; иностранная оккупация; межкультурный диалог; Русская кампания Наполеона.

Спустя много лет после пережитых им в Москве страшных событий 1812 г. Иоганн Амвросий Розенштраух, немец, осевший в России, вспоминал о последних днях перед вторжением в первопрестольную наполеоновской армии:

Мой кучер, молодой дерзкий парень с сатанинской физиономией, собирал... что ни день на нашем дворе толпу разделявших его взгляды молодых, с которыми он занимался военными упражнениями. Он часто говорил им, что все наконец переменится, крепостные станут господами, а прежние господа или будут убиты, или должны сделаться мужиками [Розенштраух, с. 227].

О подобных примерах обострения социальной ненависти крестьянства и городских низов в отношении прежде всего «московских иностранцев» перед сдачей Наполеону первопрестольной вспоминали многие современники. Но, как ни странно, социальной истории наполеоновской оккупации Москвы посвящено совсем мало работ. Бегло, часто в иллюстративном плане эта тема была затронута в эпоху «великих реформ» А. Н. Поповым [Попов], в начале XX в. писал об этом В. И. Семевский и другие авторы семитомника «Отечественная война и русское общество» [Семевский; Отечественная война, т. 4], в начале 1970-х гг. этим проблемам посвятил статью А. Г. Тартаковский [Тартаковский], а в наше время на них остановился американский историк А. Мартин [Мартин, 2012; 2015]. Между тем, социальные аспекты истории оккупированной Наполеоном Москвы теснейшим образом переплетены с проблемами кросскультурной коммуникации в ситуациях длительного социального стресса. Помимо того, что среди оставшихся в сентябре-октябре 1812 г. в Москве жителей большую долю составляли «московские иностранцы» (в основном выходцы из Франции и германских государств), сама армия вторжения являла собой как разноплеменный, так и социально неоднородный организм, взаимодействие между элементами которого отличала чрезвычайная противоречивость. Как следствие, в условиях крайне тяжелых обстоятельств, сложившихся в сгоревшей Москве, обострились противоречия самого различного характера и уровня: социальные, межна-

циональные, профессиональные и даже те, которые можно отнести к области взаимодействия природы и человека.

К настоящему времени в распоряжении исследователя имеется огромный корпус разнообразных материалов, накопленных исторической наукой за два столетия. Прежде всего это источники личного происхождения – дневники, мемуары и воспоминания [Андреев; Бургонь; Домерг; Жданов; Surugue; Castellane; Domergues; Fantin des Odoards и др.], письма [АВПРИ; РГАДА; Lettres interceptées; и др.] и даже такие материалы, которые сегодня принято относить к «устной истории» [Толычева, 1872; 1912]. Они дополняются делопроизводственной документацией разного уровня, связанной в том числе и со следственными действиями российских властей после завершения оккупации [ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110; Москва и Отечественная война]. По нашим подсчетам, материалы дают возможность реконструировать действия и выяснить с разной степенью точности мотивы поступков двух десятков представителей верхов русского общества, оставшихся в Москве; примерно такого же числа высших чинов Великой армии; более сотни русских, отнесенных нами к среднему городскому слою (чиновники, начиная от титулярного советника и заканчивая статским советником; офицерские чины гвардии, армии и полиции, и члены их семей; купцы и их домочадцы; профессора, врачи и т. д.); трех десятков офицеров и военных чиновников армии Наполеона; более 80 «московских иностранцев», которых также следует отнести к среднему городскому слою; более 40 человек, занимавших должности приказчиков, старост, чиновников низших классов, канцеляристов, лекарей, а также унтер-офицеров и мещан; до десятка лиц сержантского состава наполеоновской армии; более трех десятков представителей русского духовенства, от настоятелей и настоятелей монастырей до причетников и монахов; примерно трех десятков лиц из простонародья (слуги, дворовые, крепостные, «вечноцеховые», вольноотпущенные и т. д., представлявшие низы столицы), не включая сюда коллективные действия толпы, как русской, так и мародерствующих солдат армии вторжения. Особые категории составили старообрядцы, модистки, проститутки, уголовники, евреи, по которым также имеется информация, хотя и очень отрывочная. Наконец, в исключительных, наиболее неблагоприятных обстоятельствах оказались раненые, прежде всего русской армии.

В начале 1812 г. в Москве, по данным полиции, насчитывалось 270 184 жителя (157 152 мужского пола и 113 032 женского пола). В полицейских документах давалась численность и по отдельным категориям населения: духовенства – 5 104 чел., дворян – 17 442 чел., военных – 13 891 чел., купцов – 19 124 чел., мещан – 18 138 чел., дворовых людей – 80 540 чел., «всех прочих сословий» – 106 945 чел. [ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 160. Л. 3]. Однако, по убедительному мнению А. Г. Тартаковского, численность населения Москвы к лету 1812 г. должна была заметно уменьшиться за счет «сезонных жителей» –

помещичьих и государственных крестьян, которые приходили в столицу с поздней осени до весны на заработки для уплаты оброка и казенных податей [Тартаковский, с. 237]. Кроме того, А. Г. Тартаковский, опираясь на списки жителей Москвы, составленные летом 1813 г. для выявления тех, кто находился в Москве в период оккупации, и имея данные по 12 из 20 полицейских частей города, остановился на примерной цифре в 6 189 чел. [Тартаковский, с. 361–368]. Несмотря на то, что у нас имеются серьезные сомнения даже в относительной точности подобной цифры (полагаем, что в Москве без учета русских раненых и больных солдат осталось не менее 10 тыс. чел.), мы все же вынуждены принять расчеты А. Г. Тартаковского в отношении пропорциональной зависимости между числом оставшихся в Москве жителей и общей массой населения первопрестольной по отдельным социальным категориям. Согласно Тартаковскому, удельный вес крестьян во время оккупации понизился с 60,2 до 27 % населения, что было связано с их сезонным пребыванием в городе; удельный вес дворовых также понизился с 36,8 почти до 22 %, но в общей массе крестьян, бывших в Москве при французах, их доля сильно возросла и достигла 81,3 %. Заметно повысился в общей массе оставшегося в Москве населения удельный вес духовенства – с 2,1 до 10,7 %, в основном за счет служителей культа низшего звена, в то время как высшие иерархи поголовно выехали. Вырос удельный вес купцов – 12,4 вместо 6,6 % до начала оккупации, мещан – 17 вместо 5,5 %, разночинцев – 6,6 вместо 1,4 %, цеховых – 5,5 вместо 3,5 %. Резко увеличился удельный вес иностранцев в оккупированной Москве – с 1,1 до 8 % [Тартаковский, с. 361–368].

Попытаемся соотнести данные, предложенные А. Г. Тартаковским, с конкретными обстоятельствами, зафиксированными в источниках и предопределившими причины отказа людей от выезда из Москвы. Начнем с членов московского муниципалитета, созданного позже наполеоновской администрацией. Купец 2-й гильдии Г. Н. Кольчугин, обремененный большим семейством, включая восемь детей, объяснял свое решение несколькими причинами. Во-первых, сыграли свою роль «уверения начальства через печатные афишки» (афиши московского главнокомандующего Ф. В. Ростопчина), что Москва не будет сдана. Во-вторых, паспорта на выезд было решено выдавать только женам и детям. В-третьих, его держала в городе болезнь отца. В-четвертых, у него самого (а также и у отца) было в наличии казенного товара на 50 тыс. руб., а на руках как у гоф-маклера Коммерческого банка находились документы на очень значительные суммы. В-пятых, он располагал большим собственным движимым и недвижимым имуществом, которое невозможно было вывезти [Кольчугин, с. 46].

А. Д. Бестужев-Рюмин, надворный советник, служивший в Вотчинном департаменте, остался в Москве с целью сохранения департаментского архива, находившегося на третьем этаже Сенатского здания в Кремле, который не был своевременно вывезен из города. Ему пришлось оставить в Москве и семейство (жену, 12-летнего сына

и младенца семи недель) и перевезти его в здание архива [Бестужев-Рюмин, с. 367–368]. Иван Кульман, надворный советник, старший штаб-лекарь Московской управы благочиния, «не будучи извещен полицией о сдаче Москвы... остался в городе» [Наполеон в России, с. 72]. Остался на своем посту и главный надзиратель воспитательного дома 60-летний статский советник И. А. Тутолмин, на попечении которого было 1 125 воспитанников и воспитанниц младше 11 лет. По секретному распоряжению вдовствующей императрицы Марии Федоровны, августейшей покровительницы богоугодных заведений, этих детей было решено оставить до того момента, «пока опасность не станет неизбежной» [ОПИ ГИМ. Ф. 160. Ед. хр. 199. Л. 79]. В течение августа И. А. Тутолмин ежедневно осведомлялся у Ф. В. Ростопчина о положении дел. Однако вплоть до самого последнего момента – до вечера 1(13) сентября, когда стало известно о решении русского командования оставить столицу, Ростопчин убеждал Тутолмина в отсутствии явной опасности и тянул с эвакуацией.

Решая служебные вопросы, не смог выехать из Москвы вовремя протоиерей Кавалергардского полка М. Грацианский (Гратинский) и был 2 сентября (по старому стилю) «окружен на Никитской» с двумя чемоданами, в которых находилась церковная утварь, да еще и в сопровождении дьячков в военных мундирах [Рапорт, с. 732].

Остался один с престарелой матерью «для сохранения дому своего» неизвестный автор воспоминаний о московском пожаре (повидимому, из среднего слоя городских обывателей) [Долгова, с. 32]. Вполне убедительно о настроениях москвичей из этой среды вспоминал А. Алексеев, сын купца, которому в 1812 г. было 22 года:

У нас из соседей как есть никого не осталось. Иным и уйти некуда, а говорят: «Все равно, авось Господь не оставит, хоть Христовым именем кормиться станем...» А матушка-покойница говорит: «Хорошо так толковать, кто один душой, а у нас, Андрюша, трое сирот, куда мы с ними пойдем? Опять же и свое добро на разграбление покинуть не приходится. Останемся здесь на власть Божию» [Толычева, 1912, с. 24–25].

Получил разрешение от начальства остаться в городе П. В. Коленин, помощник квартального надзирателя. Помимо того, что он был обременен семейством, им двигало желание сберечь свое немногочисленное добро, которое надо было получше спрятать (добро он так и не сберег) [Толычева, 1872, с. 7]. Прибыл в Москву незадолго до сдачи города отставной титулярный советник Х. Донорович, дабы забрать малолетнюю дочь, но задержался, «а потом не имел способов выехать» [ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563. Л. 20, 22—22 об.].

Подобными обстоятельствами объяснялись и причины невъезда многих «московских иностранцев». Не смог достать лошадей «ни за какую цену» «и принужден был остаться в Москве» купец И.-А. Розенштраух, который к тому же «не мог оставить товар», так как впол-

не логично посчитал, что в дороге ему следовало ожидать не меньше опасностей, чем в городе [Розенштраух, с. 224, 226]. Оказалась в Москве одна с маленьким сыном жена А. Домерга, главного режиссера французского московского театра, который в числе 40 «подозрительных» иностранцев был арестован и выслан из города Ф. В. Ростопчиным [Земцов, 2010, с. 120–124]. Остался на своем посту кюре французской церкви Святого Людовика аббат А. Сюрюг с твердым намерением сохранить храм и помочь нуждающимся. Даже Ф. Виллерс, преподаватель французского языка, магистр Московского университета, содержатель учебного пансиона, принявший при оккупантах должность обер-полицмейстера, остался в Москве, по-видимому, из-за недостатка средств для вывоза имущества и детей.

Но вот у городских низов, почти поголовно принадлежавших к русскому населению, мотивы остаться, как правило, были иными. Во-первых, они не обладали практически никакой собственностью, которую хотели бы обезопасить. Во-вторых, немало было тех, кто надеялся поживиться за счет оставляемого в Москве отъезжавшими жителями добра (и последующие события это показали). В-третьих, как, к примеру, вспоминал мещанин П. Кондратьев, остались и те, «кому некуда было идти» [Толычева, 1872, с. 18].

Если в Москве во время оккупации было, по нашему мнению, не менее 10 тыс. жителей, то раненых и больных солдат в ней оказалось еще больше – от 10 до 15 тыс. чел. [Zemtsov]. В условиях поспешного отступления, расстройств тыловых служб, пренебрежения ряда чинов своими обязанностями большую часть нетранспортабельных раненых пришлось оставить в Москве фактически на произвол судьбы. К. Ф. Г. Клаузевиц, состоявший в те дни квартирмейстером 1-го резервного кавалерийского корпуса, вспоминал:

Самое тягостное зрелище представляло множество раненых, которые длинными рядами лежали вдоль домов и тщетно надеялись, что их увезут. <...> Все эти несчастные были обречены на смерть [Клаузевиц, с. 85].

Немалая доля вины за то, что от 10 до 15 тыс. беспомощных русских раненых были оставлены в Москве, лежит на Ф. В. Ростопчине. Всю вторую половину августа он, будучи занят изобретением все новых и новых способов поддержания в простонародье «патриотического возбуждения» и выискиванием среди «московских иностранцев» затаившихся врагов Отечества, вынашивал замысел поджога и уничтожения Москвы. При этом инспирированное Ф. В. Ростопчиным преследование «московских иностранцев» привело к тому, что среди простонародья стали составляться заговоры с целью массового избиения оставшихся иностранцев и разграбления их имущества [Земцов, 2010, с. 35]. Между тем, сам Ф. В. Ростопчин, бросив 2 (14) сентября на растерзание толпе купеческого сына М. Н. Верещагина, обвиненного им в измене Отечеству, благополучно отбыл из столицы.

То же успели сделать и многие представители высших слоев. Мещанин П. Кондратьев вспоминал:

Сперва-то народ роптал, что господа выезжают, а его выдают без защиты неприятелю... Начальство даже боялось, как бы от своих каких бед не произошло. Иные дворяне от страха наряжались в женское платье, а бакенбарды подвязывали, будто зубы болят, да так и выезжали из города... Сильно тогда все серчали на графа Ростопчина [Толычева, 1872, с. 17–18].

Кондратьеву вторит купец Г. Н. Кольчугин:

Начальство московское и полиция с 1-го на 2-е сентября в ночи все выбыло из города, оставя нас на произвол судьбы [Кольчугин, с. 47].

Выехали из Москвы и все иерархи русской православной церкви, не оставив своим подчиненным никаких ясных указаний насчет их действий.

2 (14) сентября во второй половине дня армия Наполеона начала входить в Москву. Казаки русского арьберггарда и французские кавалеристы, вступавшие в Москву первыми и двигавшиеся за ними по пятам, несколько раз смешивались между собой, при этом не только не проявляя вражды друг к другу, но и всячески демонстрируя приязнь и уважение. Когда голова французского авангарда, передвигаясь по улицам, проезжала через рынок, кавалеристы увидели открытые двери лавок. Перед дверями на улице валялись разбросанные в беспорядке товары, словно «здесь хозяйничали грабители» [Роос, с. 144]. Действительно, город уже второй день подвергался разгрому. Кем?

Через много лет бывший крепостной Василий Ермолаевич так вспоминал об этом:

Перед самым тем временем, как вступил француз в Москву, приказано было разбивать в кабаках бочки с вином. Народ-то на них и навалился, перепились пьянехоньки. Вино течет по улицам, а иные припадут к мостовой и камни лижут. Драки, крик! [Толычева, 1912, с. 68].

1 (13) сентября, как писал в ноябре 1812 г. чиновник почтамта А. Карфачевский, по улицам прохаживались «одни раненые солдаты, бывшие в деле под Можайском, разбивали питейные дома и лавочки на рынках» [Шукин, ч. 5, с. 165]. В донесении Синоду товарища директора Московской синодальной типографии П. Левашева читаем:

Второго числа, видя, что караулы в городе на гауптвахтах, притинах¹ и у будок сняты, чернь в буйстве своем таскает по улицам мертвое тело [М. Н. Верещагина?] и чинит разные беспорядки. <...> [Работники типо-

¹ Притин – место, где ставится часовой.

графии], вместе с чернью разбивая питейные дома, приходили в нетрезвом состоянии и приносили из арсенала ружья и сабли. Дерзость некоторых из них до того доходила, что они бегали по двору типографскому с обнаженными саблями и заряженными ружьями и изрыгали непристойные слова [Дубровин, с. 265–266].

«В это время можно было бояться русских мужиков более, нежели французов», – вспоминал воспитанник пансиона Г. Я. Козловский [Козловский, с. 113].

«Я сейчас видел, что по улицам пьяные таскают мертвое тело», – с ужасом сообщил А. Д. Бестужеву-Рюмину чиновник Вотчинного департамента [Бестужев-Рюмин, с. 369]. Чуть позже Бестужев-Рюмин, стоя у окон сенатского здания, увидел стычку этой пьяной толпы, тем временем уже бросившей тело несчастного Верещагина, с входившими в Кремль французами.

Один из участников этой стычки, офицер из свиты И. Мюрата, командующего резервной кавалерией Великой армии, рассказывал об этом через два дня с нескрываемой злобой пленному русскому офицеру В. А. Перовскому:

Это была толпа вооруженных жителей; выстрелы ранили несколько человек из свиты короля; не успели еще опомниться, как отчаянные с криком «Ура!» бросились на французов... Один большой сильный мужик бросился на него, ударил штыком в ногу, потом за ногу стащил с лошади, лёг на него и начал кусать в лицо; старались его стащить с офицера, но это было невозможно, на нём его и изрубили... Искусанный француз с негодованием уверял меня, что от мужика пахло водкой... Французы принуждены были выдвинуть два орудия и выстрелить по толпе несколько раз картечью; последние сии защитники Кремля все были побиты [Перовский, с. 1036].

Патриотическая экзальтация народной толпы натолкнулась на организованную силу и была моментально сломлена.

Добропорядочные москвичи в те трагические часы больше опасались «народных» погромов, чем вступавшего в первопрестольную неприятеля. Особенно сильный страх перед разгулом «народного патриотизма» испытали «московские иностранцы»:

Двери и подвалы кабаков были разнесены, и водка лилась по улицам. Чувство ужаса охватило иностранцев и мирных граждан, которые остались и теперь оказались в городе без полиции, без какой-либо администрации, будучи покинутыми и оказавшиеся во власти людей порочных, обуреваемых дурными намерениями [Surugue, p. 25].

О том же вспоминали И.-А. Розенштраух, Ф. д'Изарн и другие иностранцы.

Вполне понятно поэтому, что 2 (14) сентября при подходе к Москве Великой армии к французскому командованию отправилась группа московских иностранцев, человек 20, в которую определенно входили книгопродавцы Рис и Сессе (Сосэ), лектор Московского университета Ф. Виллерс, назначенный позже обер-полицмейстером Москвы, и типографщик Ламур, а также некий француз, «директор кабинета естественной истории Москвы». Эти люди, гонимые страхом, спешили, как написал суб-инспектор смотров в кабинете начальника Главного штаба армии Наполеона П. П. Деннье, «прибегнуть к защите под нашими знаменами». По их словам, губернатор Москвы принял все меры к тому, чтобы население покинуло город, и что теперь «Москва не более чем пустыня». Эта депутация была приведена к императору. Наполеон, сразу поняв, кто перед ним, тем не менее, пожелал поговорить с одним из пришедших. Вызвался некто Ламур, француз, оставшийся в Москве в качестве временно управляющего типографией Н. С. Всеволожского вместо высланного Ф. В. Ростопчиным Августа (Огюста) Семена. Ламур, горячий поклонник Наполеона, был чрезвычайно рад чести говорить с императором. Но ему удалось произнести только несколько фраз, а именно сообщить о том, что москвичи, которыми «овладел панический страх при вести о торжественном приближении вашего величества», очистили город в несколько дней, в то время как Ф. В. Ростопчин «решился уехать только 31 августа...» Здесь Наполеон прервал Ламура восклицанием: «Прежде сражения! Что за сказки!» Затем, повернувшись спиной к типографщику, явственно произнес: «Дурак» [Корбелецкий, с. 26; Denniée, р. 88–89; Soltyk, р. 269—270 etc.]. Этот диалог оказался чрезвычайно примечательным: Наполеон был не в состоянии понять поведение не только русских жителей Москвы, но и московских французов. Дело в том, что Ламур, уже долго живший в Москве, привык к юлианскому календарю, в то время как Наполеон, возможно, и слышавший о разнице между западноевропейским и русским календарями, не считал нужным принимать это во внимание.

Оставшееся в Москве русское население, несмотря на стычку авангарда И. Мюрата с пьяной толпой возле Кремля, пыталось в первый день найти контакт с новыми хозяевами столицы.

Я оказался один среди дюжины русских, которые меня не понимали. Они дали мне хорошего вина и ужин, и я устроился на ночлег в этом уединенном жилище...

– записал в дневник Э. В. Э. Б. Каstellан, адъютант Л. М. Ж. А. Нарбонна, генерал-адъютанта императора, ворвавшийся в один из домов [Castellane, р. 154]. Старался угодить И. Мюрату и его свите С. Соков, приказчик крупного предпринимателя И. Р. Баташева, принимая неаполитанского короля в доме своего хозяина. После того как И. Мюрату показали дом, он откушал один в «красной гостиной».

Ему приготовили сытный обед, к которому, по причине отсутствия белого хлеба и калачей, отобрали у дворовых детей четверть сайки. Свите короля ужин подавали «в столовой и в зале». Генералы и офицеры свиты, вначале категорически отказавшись от черного хлеба, требовали белого, но потом все же «были вынуждены смириться со своей тяжелой судьбой...» [Письмо приказчика Сокова, с. 0218–0219].

Пыталось найти общий язык с оккупантами и русское простонародье:

...Пришел ко мне мой родственник и говорил мне, что французы вошли самым благовидным образом, и что один французский офицер говорил со мной весьма ласково, и потчевал арбузом, за который он заплатил столько, сколько требовал лавочник...

– вспоминал неизвестный автор записки о московском пожаре [Долгова, с. 35]. Кое-кто из простонародья пытался даже установить с французами в первый же день «деловые отношения». Су-лейтенант Ж. Комб и его друг Паскаль, служившие в 8-м конно-егерском полку, въехав в Москву с северо-запада, встретили старуху. Одной рукой она остановила коня Ж. Комба, в то время как другой придерживала край своего фартука. Криками и жестами она предложила взять его содержимое. Ж. Комб нагнулся, запустил руку в фартук и вытащил оттуда печеную грушу. Су-лейтенант мечтал отнюдь не о таком угощении. Груша с презрением была брошена назад [Французы в России, т. 1, с. 189].

Радушно встречали французов московские проститутки. И.-А. Розенштраух вспоминал, что в дом его друга Г. Чермака вошли восемь французов,

остальные распределились по прочим домам. Сейчас же показались жившие в нашем переулке уличные девки и так по-свойски вели себя с этими чужеземными гостями, как будто они всегда были знакомы – хотя и не умели с ними говорить [Розенштраух, с. 233].

Вечером 2 (14) сентября в Москве начался пожар. Первые поджоги и взрывы были организованы переодетыми в гражданское платье чинами полиции, оставшимися в городе по приказу Ф. В. Ростопчина. Смену настроений среди чинов Великой армии 15 сентября хорошо отразило письмо ее главного хирурга Д. Ж. Ларрея, написанное в тот день жене. Он писал, что французы надеялись после «ужасной битвы» 7 сентября, во время которой, по его мнению, погибло более 30 тыс. русских, что те попросят мира, но они, как видно, предпочитают, чтобы их убивали, или же скрываются в лесах вместе с медведями. Впрочем, заметил Ларрей далее, существует большое сходство, физическое и моральное, между этими людьми и дикими зверями, поэтому почти все вельможи имеют нескольких прирученных зверей, они едят и спят вместе. «Суди о приятном обществе! О, этот отвратитель-

ный народ, как мне не терпится скорее расстаться с ним», – закончил главный хирург [Lettres inedites, l. 23–24].

В тот же день, миновав Тверскую заставу, отправился к центру Москвы капитан Э. Лабом. По мере продвижения к Кремлю он все чаще встречал настоящие толпы жителей и солдат, которые обменивались и торговали награбленными вещами. Своего рода эпицентром грабежа и торговли оказался Гостиный двор, который продолжал гореть и вокруг которого суетилось множество солдат и московского простонародья, отбиравших наиболее ценное и бросая на землю то, что либо нельзя было унести, либо представлялось им менее ценным. При этом не было слышно никаких восклицаний, раздавался только треск от огня и стук разбиваемых дверей: грабившие «работали» предельно сосредоточенно [Labaume, p. 149].

4 (16) сентября начальник Главного штаба Великой армии Л. А. Бертье издал приказ, в котором говорилось:

...Многие русские солдаты продолжают бегать по улицам, и их арестовывают при поджоге домов... Все русские солдаты, которые будут встречены на улицах, подлежат смерти [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 358. Л. 1].

И это не помогло. Секретарь-архивист Наполеона Ф. Ж. Ф. Фэн вспоминал те часы:

В Кремле воцарилось мрачное молчание, которое прерывалось только Восклицанием «Вот как они ведут войну! Цивилизация Петербурга нас обманула; они все еще остаются скифами» [Fain, p. 88].

Город – как горящие кварталы, так и те, которые не были охвачены огнем, – погрузился в хаос. Еще 3 (15) сентября сгорело здание Кудринского вдовьего дома (ныне Садово-Кудринская, 1). Его смотритель Н. Ф. Мирицкий в рапорте, составленном 27 ноября 1812 г. (по старому стилю), сообщал:

...Попечение в несчастном случае имел я, и при мне были писарь и один инвалидной солдат, а протчия вольнонанятые караульщики по вступлении неприятеля от страху разошлись; при раненых же и больных никаких чиновников и служителей не оставалось, и никаких невозможно было приложить способов к збережению Дома по великому числу зажигателей, которые не только вместе с зажигательством грабили, но и смерть наносили противящимся, сверх коих непрестанные толпы грабителей и крови жаждущих неприятелей шатались по всем местам, причем и я с семейством лишился всего моего имущества, подвергался опасности жизни, и в правую ногу в двух местах тесаком проколон, равномерно горестную участь имел и писарь Матвей Антонов с инвалидным солдатом Макаровым. <...> Так как никаких прислужников не было

при раненых и больных, то и неизвестно, какое число оных оставалось во Вдовьем доме, а примерно можно положить до 1500 человек, из коих 800, имевшие хотя малые силы, спаслись от гибели при пожаре. Кой во время пожара вышли на двор и в сад и в продолжении нескольких дней разошлись в разные стороны, поелику они оставались без всякого пропитания, а остальные до 700 человек сделались жертвою пламени, будучи не в силах спастись [Москва и Отечественная война, с. 49–50].

Подобные жуткие сцены имели место и в Спасских казармах (ныне Садово-Спасская ул., 1), где оказалось до 5 тыс. раненых.

Всюду происходил разнузданный грабёж, активное участие в котором принимали как наполеоновские солдаты, так и московские люмпены, сбежавшие уголовники и брошенные на произвол судьбы раненые русские солдаты. 4 сентября приказчик И. Р. Баташева М. Соков вместе с дворней бежал из господской усадьбы «через Язузу на Хованскую горку». Он писал:

Здесь, к ужасу, усмотрели беглых и раненых русских солдат или мародеров и после узнали, что они жили грабежом проходящих; однако как нас было много, то и не смогли до ночи нас грабить. Мы, отделяясь от всех и посадив в гряды капусты детей и жен, стояли вокруг их на карауле и через четверть часа услышали стонущего человека за сто шагов от нас. Часть наших ребят туда побежали и увидали, что русские раненые и беглые солдаты не только ограбили бедного обывателя, руки и ноги переломили, но и старались убить до смерти. Видя это, наши возвратились и просили позволения отомстить убийцам. Я, прибавив к ним еще несколько человек, отправился с дубьем в руках к укrywшимся разбойникам. Мы нашли 12 человек, лежавших в траве и кустах с подвязанными руками и с связанными головами; тут же были и те самые, которые только что ограбили и убили обывателя. Ребята мои, озлобясь, ударили в дубье, и мнимо раненые вскочили, хотели бежать, но были жестоко прибиты. После поля сражения мы нашли в воде, поросшей осокою, разного платья и прочих вещей, награбленных разбойниками, воза два [Письмо приказчика Сокова, с. 0222–0223].

Особенно уязвимыми как потенциальные и реальные жертвы грабежей стали московские иностранцы. А.-И. Розенштраух писал, что в те дни его знакомые г-н Кнауф и его жена были вчистую ограблены, «чему более всего способствовали их фабричные рабочие» [Розенштраух, с. 235].

Те из иностранцев, которые своевременно побеспокоились о испрашивании защиты от оккупационных властей, оказались в более благоприятном положении. Так, церковь Святого Людовика удалось спасти от огня благодаря роте фузилеров-гренадеров, после чего вокруг нее стало скапливаться множество иностранцев-католиков [Sugue, p. 35–36]. Но и «московские французы» не всегда находили

защиту у наполеоновских солдат. В ответ на просьбы Ф. д'Изарна о защите французский генерал заявил ему:

«Какое мне дело, что вы французы!.. Что вы здесь делаете? Разве какой-нибудь (собака) француз не присоединится к нам! Вы эмигранты!» Вот чем меня угощали каждый день раз двадцать... [д'Изарн, ст. 1423].

Именно на эти дни – 3 (15), 4 (16) и 5 (17) сентября – приходится большинство свидетельств о насилиях оккупантов над женщинами. Неизвестный московский обыватель, дом которого сгорел, а сам он с матерью оказался в каком-то подвале, 4 (16) сентября был свидетелем, как наполеоновский солдат «старался всячески обольстить» девицу, бывшую там, «но не имел успеха; обратил мысли свои на служанку, оставя девицу, взял ее и делал удовлетворение своим прихотям» [Долгова, с. 43]. В тот же день, 4 (16) сентября, неприятельские солдаты надругались над молодой монахиней в Алексеевском монастыре [Толычева, 1912, с. 104]. «Повторены здесь ужасные сцены робеспьерова времени, – писал неизвестный чиновнику Петербургского почтамта И. П. Оденталю. – Девочки 10 лет изнасилованы на улицах» [Дубровин, с. 252].

6 (18) сентября Наполеон возвратился в Кремль. Его суждения в отношении возможностей установления контактов с оставшимися жителями русской столицы резко изменились по сравнению с первыми днями пребывания в Москве. Он отдает приказы, санкционирующие организованный грабеж города. По этой причине наступает период еще большего отчуждения между жителями Москвы и оккупировавшими ее войсками, чем было ранее. Те французские военачальники, которые в начале оказывали помощь и защиту русскому населению, стали бояться это делать. Игуменья Зачатьевского монастыря, слышавшая о благородстве некоего «барона Таулета» (Речь идет об О. Ф. Талюэ-Бонамуре (Talhouet-Vonamour), шефе эскадрона, произведенном 4 октября 1812 г. в полковники 6-го конно-егерского полка [Quintin, p. 815]), «который стал известен в городе своим милосердием» и «защитил наших от грабежа и насилий», просила его оградить от разграбления монастырь. О. Ф. Талюэ на это ответил:

Я сделаю все, что зависит от меня, но должен вас предупредить, что я действую незаконно. Сегодня гвардия получила разрешение грабить [Толычева, 1912, с. 100; ОПИ ГИМ. Ф. 155. Ед. хр. 110. Л. 212 об. – 213].

Между тем, 8 (20) сентября Наполеон в поисках мира готовит письмо к Александру I. 12 (24) сентября состоится заседание Военной комиссии по делу «поджигателей», благодаря чему Наполеон решил отвести любые подозрения об ответственности его армии в организации поджогов. В тот же день будет организован и Московский муниципалитет, призванный навести в городе хотя бы видимость порядка

и прекратить грабежи. Наступит своего рода «классический период» оккупации Москвы, продлившийся до выхода основной части наполеоновской армии 6(18)–7(19) октября.

Итак, серьезные различия в действиях отдельных в социальном плане групп московского населения проявились уже накануне оставления русскими войсками первопрестольной. Если верхи общества постарались город покинуть, оставив свою челядь для охраны имущества, то представители средних слоев, включая иностранцев, далеко не все могли это себе позволить. Их задерживала в городе прежде всего необходимость сберечь дом и скарб, но также и семейные обстоятельства, а нередко и чувство профессионального и общественного долга. Еще менее имели возможности, а то и желания выехать низы русской столицы, настроения которых быстро менялись от патриотической экзальтации, соединенной с пьянством и грабежами, до открытой враждебности к предавшим их власти и «господам». Особую категорию составляли больные и раненые русские солдаты, часть из которых, будучи нетранспортабельными или просто «забытыми» и оставленными на произвол оккупантов, должны были смириться с жестокостью своей судьбы, либо, имея возможность передвигаться, заняться разбоем и мародерством.

Смысл действий московского градоначальника во многом определялся стремлением воздвигнуть непреодолимую преграду между подошедшими к Москве солдатами Европы и теми, кто оставались в первопрестольной.

Действительно, грандиозный пожар, начавшийся вечером 14 сентября, и сопровождавшие его грабежи и насилия расстроили завязавшиеся было контакты между оккупантами и местным населением. Однако далее перед Наполеоном с неизбежностью вставала задача вступления в контакт с русским императором Александром, а перед остававшимися в Москве жителями – спасения своих жизней и оставшегося имущества. Это и предопределило особенности дальнейших межкультурных контактов и даже кросскультурного диалога.

Список литературы

- Андреев А. Ю.* «Я служил городу, а не врагу» // Ист. архив. 1997. № 3. С. 44–53. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 1842.
- Бестужев-Рюмин А. Д.* Краткое описание происшествий в Москве в 1812 году // Русский архив. 1896. № 7. Кн. 2. С. 341–365.
- Бургонь А.-Ж.-Б.* Мемуары. М.: Наследие, 2003. 176 с.
- ГИМ. Отдел письменных источников. Ф. 155. Ед. хр. 109, 110; Ф. 160. Ед. хр. 198, 199.
- Долгова С. Г.* Неизвестное свидетельство о московском пожаре 1812 г. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы. 1998 г.: материалы VII всерос. науч. конф. Бородино: Б. и., 1999. С. 30–52.
- Домерг А.* Воспоминания о России // Исторический вестник. 1881. № 6. С. 343–363; № 7. С. 596–628; № 8. С. 862–887; № 9. С. 158–184; № 11. С. 620–641; № 12. С. 807–821. № 12. С. 816.
- Дубровин Н. Ф.* Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2006. 671 с.

- Жданов П.* Памятник французам, или Приключения Московского жителя П... Ж... СПб. : Тип. И. Байкова, 1813. 55 с.
- Земцов В. Н.* 1812 год. Пожар Москвы. М. : Книга, 2010. 138 с.
- Изарн Ф. д'* Воспоминания московского жителя о пребывании французов в Москве в 1812 году // Русский архив. 1900. № 11. Ст. 1406–1462.
- Клаузевиц К.* 1812 год. М. : Штрихтон, 1997. 212 с.
- Козловский Г. Я.* Москва в 1812 году, занятая французами : Воспоминания очевидца // Русская старина. 1890. № 1. С. 105–114.
- Кольчугин Г. Н.* Записки о 1812 годе московского гофмаклера Г. Н. Кольчугина // Русский архив. 1879. № 9. С. 45–60.
- Корбелецкий Ф. И.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву... СПб. : Типография Департамента внешней торговли, 1813. 85 с.
- Мартин А.* Москва в 1812 году и судьба имперского социального проекта // Новое лит. обозрение. 2012. № 6 (118). С. 114–142.
- Мартин А.* Просвещенный метрополис : Созидание имперской Москвы, 1762–1855. М. : НЛО, 2015. 464 с.
- Москва и Отечественная война 1812 г. : в 2 кн. М. : Изд-во Глав. архив. управления Москвы, 2011. Кн. 2. 640 с.
- Наполеон в России глазами русских. М. : Захаров, 2004. 320 с.
- Отечественная война и русское общество : в 7 т. М. : Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 4. 352 с.
- Перовский В. А.* Из записок покойного В. А. Перовского // Русский архив. 1865. Ст. 1031–1058.
- Письмо приказчика М. Сокова к И. Р. Баташову (сентябрь 1812 г.) // Русский архив. 1871. № 6. С. 0218–0228.
- Попов А. Н.* Французы в Москве в 1812 году. М. : Тип. Грачева, 1876. 185 с.
- Рапорт Кавалергардского полка протоиерея Грацианского обер-священнику армии и флота И. С. Державину // Русский архив. 1865. Ч. 4. С. 731–735.
- Розенштраух И.-А.* Исторические происшествия в Москве 1812 года во время присутствия в сем городе неприятеля / вступит. ст. и коммент. А. Мартина. М. : Новое лит. обозрение, 2015. 296 с.
- Роос Г.* С Наполеоном в Россию. М. : Сфинкс, 1912. XI, 334, IV с.
- РГАДА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 239–243, 245–254, 259–264, 266–270, 273–274, 278, 285.
- РГВИА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 92; Ф. 846. Оп. 16. Д. 358, 3605. Ч. 1–2.
- Семевский В. И.* Волнения крестьян в 1812 г. и связанные с Отечественной войною // Отечественная война и русское общество : в 7 т. М. : Тов-во И. Д. Сытина, 1911–1912. Т. 5. 1912. С. 74–113.
- Тартаковский А. Г.* Население Москвы в период французской оккупации 1812 г. // Исторические записки. 92. М. : Наука, 1973. С. 356–379.
- Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Катков и К., 1872. 54 с.
- Толычева Т.* Рассказы очевидцев о двенадцатом годе. М. : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1912. 115 с.
- Французы в России : 1812 год по воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. М. : Задруга, 1912. Ч. 1. VIII, 200 с.
- ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 8. Д. 563–564.
- Шукин П. И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. : в 10 ч. М. : Т-во типографии А. И. Мамонтова, 1897–1908.
- Castellane E. V. E. B.* Journal : in 3 t. Paris : Plon Nourrit, 1895. Т. 1. V, 477 p.
- Dennée P. P.* Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. Paris : S. n., 1842.
- Domergues A.* La Russie pendant les guerres de l'Empire : in 2 t. Paris : A. Bertran, 1835.
- Fain A. J. F.* Manuscrit de 1812 : in 2 t. Paris : Dulaunay, 1827. Т. 2. 495 p.
- Fantin des Odoards L. F.* Journal. Paris : Plon, 1895. 515 p.
- Labauume E.* Relation circonstancié de la campagne de Russie en 1812. Paris : Arléa, 2001. 325 p.
- Lettres inédits du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie // Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 160. Ед. хр. 291.
- Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812 / Publ. par S. E. M. Goriainow. Paris : La Sabretache, 1913. XVI + 440 p.
- Quintin D. et B.* Dictionnaire des Colonels de Napoleon. Paris : SPM, 1996. 978 p.

Soltyk R. Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie. Paris : A. Bertrand, 1836. II, 464 p.

Surugue A. Mil huit cent douze. Les Français à Moscou / Publ. par le R. P. Libercier. M. : F. Tastevin, [1909]. 72 p.

Zemtsov V. N. The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812 // J. of Slavic Military Studies. 2015. Vol. 28. Iss. 3. P. 502–523.

References

Andreev, A. Yu. (1997). “Ya sluzhil gorodu, a ne vragu” [“I Served the City, not the Enemy”]. In *Istorichesky arkhiv*, 3, pp. 44–53.

Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii [The Archive of Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 133. List 468. Dossier 1842.

Bestuzhev-Ryumin, A. D. (1896). *Kratkoe opisanie proisshestviyam v Moskve v 1812 godu* [A Short Account of the Moscow Events in 1812]. In *Russky arkhiv*, 7, Book 2, pp. 341–365.

Burgon', A.-Zh.-B. (2003). *Memuary* [Memoirs]. 176 p. Moscow, Nasledie.

Castellane, E. V. E. B. (1895). *Journal : in 3 t.* Vo. 1. V, 477 p. Paris, Plon Nourrit.

Denniée, P. P. (1842). *Itinéraire de l'Empereur Napoléon pendant la campagne de 1812*. 212 p. Paris, Paulin.

Dolgova, S. G. (1999). *Neizvestnoe svidetel'stvo o moskovskom pozhare 1812 g.* [Unknown Account of the Moscow Fire of 1812]. In *Otechestvennaya voyna 1812 goda : Istochniki. Pamyatniki. Problemy*. 1998 g. : materialy VII vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (pp. 30–52). Borodino.

Domergue, A. (1881). *Vospominaniya o Rossii* [Recollections of Russia]. In *Istorichesky vestnik*, 6, pp. 343–363; 7, pp. 596–628; 8, pp. 862–887; 9, pp. 158–184; 11, pp. 620–641; 12, pp. 807–821, 816.

Domergue, A. (1835). *La Russie pendant les guerres de l'Empire : in 2 t.* Paris, A. Bertran.

Dubrov, N. F. (2006). *Otechestvennaya voyna v pis'makh sovremennikov (1812–1815 gg.)* [The War of 1812 in the Letters of Contemporaries]. 671 p. Moscow, Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya biblioteka Rossii.

Fain, A. J. F. (1827). *Manuscrit de 1812 : in 2 t.* Vol. 2. 495 p. Paris, Dulaunay.

Fantin des Odoards, L. F. (1895). *Journal*. 515 p. Paris, Plon.

Frantsuzy v Rossii : 1812 god po vospominaniyam sovremennikov-inostrantsev : v 3 ch. [The French in Russia : The Year of 1812 according to Non-Russian Contemporaries]. (1912). Part 1. VIII, 200 p. Moscow, Zadruga.

Goriainov, S. E. M. (Publ.). (1913). *Lettres interceptées par les Russes durant la campagne de 1812*. XVI, 440 p. Paris, La Sabretache.

Gosudarstvennyy istorichesky muzey [The State Historical Museum]. Otdel pis'men'nykh istochnikov. Stock 155. Coll. item 109, 110; Stock 160. Coll. item 198, 199.

Izarn, F. d' (1900). *Vospominaniya moskovskogo zhitelya o prebyvanii frantsuzov v Moskve v 1812 godu* [Recollections of a Moscow Dweller about the French in Moscow in 1812]. In *Russky arkhiv*, II, Col. 1406–1462.

Klauzevits, K. (1997). *1812 god* [The Year of 1812]. 212 p. Moscow, Shtrikhton.

Kozlovsky, G. Ya. (1890). *Moskva v 1812 godu, zanyataya frantsuzami : Vospominaniya ochevidt'sa* [Moscow in the Year of 1812, Occupied by the French : Memories of a Witness]. In *Russkaya starina*, I, pp. 105–114.

Kol'chugin, G. N. (1879). *Zapiski o 1812 gode moskovskogo gofmaklera G. N. Kol'chugina* [Notes on the Year of 1812 by Moscow Court Broker G.N. Kolchugin]. In *Russky arkhiv*, 9, pp. 45–60.

Korbeletsky, F. I. (1813). *Kratkoe povestvovanie o vtorzhenii frantsuzov v Moskvu...* [A Short Account of the French Invasion of Moscow...]. 85 p. St. Petersburg, Tipografiya Departamenta vneshney torgovli.

Labauve, E. (2001). *Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812*. 325 p. Paris, Arléa.

Martin, A. (2012). *Moskva v 1812 godu i sud'ba imperskogo sotsial'nogo proekta* [Moscow in 1812 and the Fate of the Imperial Social Project]. In *Novoe literaturnoe obozrenie*, 6 (118), pp. 114–142.

Martin, A. (2015). *Prosveshchennyy metropolis : Sozidanie imperskoy Moskvy, 1762–1855* [Enlightened Metropolis. Constructing Imperial Moscow. 1762–1855]. 464 p. Moscow, NLO.

- Moskva i Otechestvennaya vojna 1812 g. : v 2 kn.* [Moscow and the War of 1812]. (2011). Book 2. 640 p. Moscow, Izdatel'stvo Glavnogo arkhivnogo upravleniya Moskvy.
- Napoleon v Rossii glazami russkikh* [Napoleon in Russia as Seen by Russians]. (2004). 320 p. Moscow, Zakharov.
- Otdel pis'mennykh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [The Department of Written Sources of the State Historical Museum]. Stock 160. Coll. item 291 (Lettres inedites du baron Dominique Larrey à sa Femme pendant la Campagne de Russie).
- Otechestvennaya vojna i russkoe obshchestvo : v 7 t.* [The War of 1812 and Russian Society : 7 Vols.]. (1912). Vol. 4. 352 p. Moscow, Tovarishchestvo I. D. Sytina.
- Perovsky, V. A. (1865). *Iz zapisok pokoynogo V. A. Perovskogo* [Excerpts from Late V. A. Petrovsky's Notes]. In *Russky arkhiv*, Col. 1031–1058.
- Pis'mo prikazchika M. Sokova k I. R. Batashovu (sentyabr' 1812 g.)* [A Letter from Clerk M. Sokov to I. R. Batashov]. (1871). In *Russky arkhiv*, 6, pp. 0218–0228.
- Popov, A. N. (1876). *Frantsuzy v Moskve v 1812 godu* [The French in Moscow in 1812]. 185 p. Moscow, Tipografiya Gracheva.
- Quintin, D. et B. (1996). *Dictionnaire des Colonels de Napoleon*. 978 p. Paris, SPM.
- Raport Kavalergardskogo polka protoiereya Gratsianskogo ober-svyashchenniku armii i flota I. S. Derzhavinu* [Report of the Horse Guards by Archpriest Gratsiansky to Ober-priest of the Army and Navy I.S. Derzhavin]. (1865). In *Russky arkhiv, Part 4*, Col. 731–735.
- Roos, G. S. (1912). *S Napoleonom v Rossiyu* [To Russia with Napoleon]. XI, 334, IV p. Moscow, Sfinks.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts]. Stock 30. List 1. Dossier 239–243, 245–254, 259–264, 266–270, 273–274, 278, 285.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv* [Russian State Military and Historical Archive]. Stock 151. List 1. Dossier 92. Stock 846. List 16. Dossier 358, 3605. Part 1–2.
- Rosenstrauch, J. A., (Martin, A. (Foreword)). (2015). *Istoricheskie proisshestviya v Moskve 1812 goda vo vremya prisutstviya v sem gorode nepriyatelya* [Historical Events in Moscow in 1812 at the Time of the Enemy's Presence in This City]. 296 p. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie.
- Semevsky, V. I. (1911). *Volneniya krest'yan v 1812 g. i svyazannye s Otechestvennoy voynoyu* [Peasants' Uprising in 1812 Connected with the Patriotic War]. In *Otechestvennaya vojna i russkoe obshchestvo : v 7 t.* Vol. 5, pp. 74–113. Moscow, T-vo I. D. Sytina.
- Shchukin, P. I. (1897–1908). *Bumagi, otnosyashchiesya do Otechestvennoy voyny 1812 g. : v 10 ch.* [Papers Remaining from before the 1812 Patriotic War]. Moscow, Tovarishchestvo tipografii A. I. Mamontova.
- Soltyk, R. (1836). *Napoléon en 1812. Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie*. II, 464 p. Paris, A. Bertrand.
- Surugue, A. (Libercier, R. P. (Publ.)). (1909). *Mil huit cent douze. Les Français à Moscou*. 72 p. Moscow, F. Tastevin.
- Tartakovskiy, A. G. (1973). *Naselenie Moskvy v period frantsuzskoy okkupatsii 1812 g.* [The Population of Moscow during the French Occupation of 1812]. In *Istoricheskie zapiski*, 92, pp. 356–379. Moscow, Nauka.
- Tolycheva, T. (1872). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 54 p. Moscow, Katkov i K.
- Tolycheva, T. (1912). *Rasskazy ochevidtsev o dvenadtsatom gode* [Witnesses' Accounts of the Year of 1812]. 115 p. Moscow, Tipografiya G. Lissnera i D. Sobko.
- Tsentrallyy istoricheskiy arkhiv Moskvy* [The Central Historical Archive of Moscow]. Stock 46. List 8. Dossier 563–564.
- Zemtsov, V. N. (2015). The Fate of the Russian Wounded Abandoned in Moscow in 1812. In *Journal of Slavic Military Studies*, Vol. 28, Iss. 3, pp. 502–523.
- Zemtsov, V. N. (2010). *1812 god. Pozhar Moskvy* [The Year of 1812. The Moscow Fire]. 138 p. Moscow, Kniga.
- Zhdanov, P. (1813). *Pamyatnik frantsuzam, ili Priklucheniya Moskovskogo zhitelya P... Zh...* [A Monument to the French or The Adventures of a Moscow Dweller P. Zh.]. 55 p. St. Petersburg, Tipografiya I. Baykova.

DOI 10.15826/qr.2016.3.185

УДК 94(470-25)"1904"+378.183:355.426+329.14(470-25)

**СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В МОСКВЕ
НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.:
АНАТОМИЯ ПРОТЕСТА***

Сергей Нефёдов

Институт истории и археологии УрО РАН;
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**THE STUDENT MOVEMENT IN MOSCOW
ON THE EVE OF THE 1905 REVOLUTION:
ANATOMY OF A PROTEST****

Sergey Nefedov

Institute of History and Archaeology,
Russian Academy of Sciences (Ural Branch);
Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The role played by the student movement in the political events of the late 20th-early 21st centuries should encourage researchers to carry out a more detailed analysis of similar events in the preceding century. The student community was one of the actors involved in the modernisation process which ultimately led to the three Russian revolutions. It is important to consider the events that occurred prior to the start of the Russian Revolution in 1905 and to clarify the extent to which the students were instigators of the revolution. Particular attention should be paid to the events that took place on 5–6 December 1904: the mass student demonstrations in Moscow, accompanied by violent clashes with the police. The analysis of police surveillance reports and documents from the Ministry of Education shows that one of the factors motivating the student

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01625).

** *Citation*: Nefedov, S. (2016). The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution: Anatomy of a Protest. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 235–253. DOI 10.15826/qr.2016.3.185

Цитирование: Nefedov S. The Student Movement in Moscow on the Eve of the 1905 Revolution: Anatomy of a Protest // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 235–253. DOI 10.15826/qr.2016.3.185 / Нефёдов С. Студенческое движение в Москве накануне революции 1905 г.: анатомия протеста // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 235–253. DOI 10.15826/qr.2016.3.185.

movement was the propaganda campaign launched by liberal newspapers in connection with the convention of the Provincial Congress and the subsequent 'banquet campaign.' The students were influenced by the mood which then captivated society; they listened to criticisms of the autocratic regime being spread by liberal professors and liberal newspapers. The students were moved by the enthusiasm inherent in youth: they eagerly took up the slogans advanced by the older generation and brought them onto the streets. The underground political parties, the Social Democrats and the Socialist Revolutionaries, had no significant impact on the students. The student movement was mainly spontaneous: the students independently joined the demonstration on 16 October and then made the Socialist Revolutionaries join the demonstration on 5 December. The participation of the SRs made this demonstration aggressive and provocative. The protesters themselves provoked the police to use force; thus, the police responded appropriately. The battles that erupted on the streets of Russia's capitals did not bring any benefits to the struggle for liberal reforms. These clashes were interpreted by Nicholas II as a consequence of the 'policy of trust' and opened the frightening prospect of growing instability. As a result, the unbridled desire of students for reform forced the government to give up the idea of making any changes.

Keywords: First Russian Revolution; student unrest; Russian Social Democratic Party; demonstration on 5–6 December 1904.

Роль, которую играет студенческое движение в политических событиях конца XX – начала XXI в., побуждает исследователей к более детальному анализу аналогичных событий предшествующего столетия. Студенчество было одним из акторов процесса модернизации, которая в конечном итоге привела к трем русским революциям. Автор рассматривает события, происходившие перед началом Первой русской революции 1905 г., и пытается прояснить вопрос о том, в какой степени студенчество исполняло роль ее застрельщика. Особого внимания, по его мнению, заслуживают события 5–6 декабря 1904 г. – массовые демонстрации студентов Москвы, сопровождавшиеся ожесточенными столкновениями с полицией. Анализ сводок полицейского надзора, а также документов Министерства народного просвещения показывает, что одним из стимулов студенческого движения была пропагандистская кампания, развернутая либеральными газетами в связи с созывом Земского съезда и последующей «банкетной кампанией». Студенты подчинялись охватившему общество настроению, прислушивались к той критике самодержавного режима, которая раздавалась на лекциях либеральных профессоров и в либеральных газетах. Ими двигал свойственный молодости энтузиазм, они с горячностью подхватывали лозунги, выдвигавшиеся старшим поколением, и шли с ними на улицу. Подпольные политические партии – социал-демократы и эсеры – не оказывали существенного влияния на студентов. Студенческое движение было в основном стихийным, студенты самостоятельно вышли на демонстрацию 16 октября, а потом фактически заставили эсеров присоединиться к демонстрации 5 декабря. Уча-

стие эсеров придало этой демонстрации агрессивный и провокационный характер; демонстранты сами спровоцировали полицию на применение силы, и полиция ответила соответствующим образом. Настоящие сражения, разразившиеся на улицах столиц как в Москве, так и в Петербурге, не принесли пользы делу либеральных реформ. Эти столкновения были истолкованы Николаем II и его окружением как следствие «политики доверия» и открыли пугающую перспективу нарастающей дестабилизации. В итоге необузданное стремление студенчества к переменам привело к отказу правительства от каких-либо перемен.

Ключевые слова: Первая русская революция; студенческие волнения; Российская социал-демократическая партия; демонстрация 5–6 декабря 1904 г.

В последнее время студенческое движение вновь привлекает к себе внимание в связи с той ролью, которую играли студенты в недавних политических переворотах – в частности, в событиях на площади Тахир в 2011 г. и в киевском «Майдане» 2014 г. При анализе этих событий естественно обращение к историческому опыту – к рассмотрению подобных ситуаций в прошлом, в частности, в период русской революции 1905 г. Вопросы, которые возникают при таком анализе, актуальны как для прошлого, так и для настоящего.

Студенчество было одним из акторов процесса модернизации, которая в конечном итоге привела к трем русским революциям. Студенческое движение в Москве накануне первой русской революции связывают главным образом с демонстрациями 5–6 декабря 1904 г., сопровождавшимися ожесточенными столкновениями студентов с полицией. Эти события упоминаются в общих работах, посвященных студенческому движению [Гусятников; Завадский; Георгиева; Ушаков; Kassow], однако специальных исследований на эту тему до сих пор не проводилось.

Наиболее подробно о демонстрациях 5–6 декабря и о предшествующих им событиях рассказывается в работе П. С. Гусятникова, но и здесь изложение укладывается в три абзаца, причем – что наиболее важно – допускается существенное искажение описываемых событий. Например, говоря о демонстрации 5 декабря, П. С. Гусятников пишет: «В полдень 5 декабря со Страстной площади демонстранты с пением революционных песен и с красными знаменами двинулись по Тверской улице к дому генерал-губернатора. Против булочной Филиппова демонстранты были остановлены и жестоко избиты заранее стянутыми сюда нарядами полиции» [Гусятников, с. 135]. Между тем, эта информация не соответствует действительности: как свидетельствуют источники, стоявший у булочной Филиппова первый полицейский заслон был прорван действовавшими железными прутьями демонстрантами, и их удалось остановить только у дома генерал-губернатора – при этом, пытаясь прорваться к дому, демонстранты

стреляли в полицию (см. ниже). Чрезвычайно характерно, что о последнем обстоятельстве умалчивают все упомянутые авторы. Далее П. С. Гусятников приводит выдержку из письма большевика С. Спандаряна, в котором утверждается, что якобы «было убито несколько студентов и курсисток» [Гусятников, с. 136]. Эта информация также не соответствует действительности: убитых не было.

Воспроизводимая П. С. Гусятниковым и другими авторами версия о «жестокоем избиении» ни в чем не повинных студентов, о зверствах полиции и об «убитых курсистках» является не чем иным, как частью пропаганды, распространявшейся еще в конце 1904 г., сразу после событий, и ее целью было всемерное очернение правящего режима. Целью данного исследования является установление реальных фактов, связанных с подготовкой и проведением демонстрации 5 декабря 1905 г., и их анализ для ответа на вопросы, насколько самостоятельным было студенческое движение, кто руководил студентами и каковы были возможные планы этих руководителей.

Исследование выполнено в основном на малоизвестных документальных материалах, представленных в архивах Москвы и Санкт-Петербурга, и на материалах периодической печати (газеты «Освобождение», «Искра», «Революционная Россия»), а также с использованием немногочисленных мемуарных свидетельств.

Обстоятельства возникновения и развития студенческого движения в России, а также смежные аспекты этой многогранной проблемы подробно разработаны в работах цитированных выше авторов. Отметим лишь, что студенческие выступления в 1899–1902 гг. достигли значительных масштабов; они проводились под лозунгами демократических свобод: свободы слова, собраний, свободы печати, гарантий личной неприкосновенности. Однако всех этих свобод студенты добивались в основном для себя – в рамках университетской автономии; это были те грани «академической свободы», которыми обладали студенты и преподаватели западных университетов, то есть движение шло в русле естественных процессов вестернизации и модернизации. Сосредоточенное в столицах и отличавшееся молодым задором студенчество представляло собой значительную силу – и вскоре политические партии обратили внимание на эту силу, стараясь привлечь ее под свои знамена. В обзоре Министерства народного просвещения (МНП), датированном началом 1905 г., говорится:

...Студентами умышленно пользуются как агитационным материалом решительно все: и социалисты, и земцы, и представители городов, выставляя вперед эту загнипнотизированную, отзывчивую, порывистую и самоотверженную рать [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 9 об.].

В 1904 г. наибольшим влиянием среди московского студенчества пользовались социал-демократы. Подчинявшаяся Московскому комитету РСДРП «Социал-демократическая организация московских

высших учебных заведений» насчитывала в своих рядах около 600 студентов. Однако летом МК РСДРП был ослаблен арестами, а затем в нем произошел раскол между большевиками и меньшевиками, так что он практически перестал функционировать. «Социал-демократическая организация» жаловалась в ЦК РСДРП на неработоспособность комитета, и в частности на то, что он прекратил снабжение студентов агитационной литературой [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 332. Л. 1].

Аресты нанесли урон и эсерам: весной 1904 г. были задержаны почти все члены Московского комитета Партии социалистов-революционеров (МК ПСР). На свободе остался лишь Владимир Зензинов, вчерашний студент, недавно вернувшийся после учебы в Германии. В Берлине Зензинов близко сошелся с Ильей Фундаминским и Абрамом Гоцем; трое друзей (которым в будущем было суждено войти в число лидеров ПСР) происходили из богатейших купеческих семей Москвы и прониклись революционным духом под влиянием старшего брата Абрама Гоца Михаила, в то время признанного вождя эсеров [Зензинов, с. 30–70].

Летом 1904 г. вся деятельность МК ПСР сводилась к тому, что Зензинов с другом, студентом университета Андреем Никитским, в подмосковном лесу печатали на мимеографе листовки. Эти листовки вкладывали в пачки с папиросами и раздавали направлявшимся на фронт солдатам. Комитет был восстановлен лишь осенью, после возвращения студентов с каникул; кроме Зензинова и Никитского, в него вошли по крайней мере четыре студента, трое рабочих и другие лица. Один из этих студентов, Б. Н. Черненков, уже имел некоторый пропагандистский опыт и даже (в качестве приглашенного) присутствовал на съезде ПСР в Женеве. Теперь у комитета была подпольная типография с настоящим печатным станком, и появилась возможность массового распространения листовок. Возобновилась кружковая работа, в частности, в университете функционировала «группа социалистов-революционеров» [Зензинов, с. 74–78; РГАСПИ. Ф. 673. Оп. ПСР. Д. 338 (ненумерованные листы); ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц». Т. 3. Л. 160 об –161; там же. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97 об.].

Помимо социалистов-революционеров и социал-демократов, среди студентов вел агитацию либеральный «Союз освобождения». В статье, опубликованной 7 сентября в журнале «Освобождение», П. Б. Струве писал, что «необходимо в определенных политических целях организовать и студенческую, и профессорскую среду. Организация же должна выработать операционный план кампании...» [П. С., с. 99]. Предполагалось организовать агитацию через либерально настроенных преподавателей общественных наук, которые могли в завуалированной форме пропагандировать идеи «Союза освобождения». Среди профессоров Московского университета было много ученых, известных своими либеральными взглядами, например, К. А. Тимирязев, А. А. Мануйлов, С. Н. Трубецкой, Е. Н. Трубецкой,

П. И. Новгородцев, В. О. Ключевский, В. И. Вернадский; некоторые из них позднее стали видными деятелями кадетской партии.

Полицейский аналитик П. С. Статковский позднее писал, что беспорядки, происходившие в столичных высших учебных заведениях, «являются результатом попустительства части профессоров, с одной стороны... и преступной деятельности другой части профессоров, не только примкнувших по своим убеждениям к конституционно-демократической партии, но весьма часто стоявших чуть ли не на левом фланге развернутого строя русских политических партий» [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 253. Д. 38. Л. 51].

В упомянутом обзоре МНП отмечается:

Самым прискорбным, но серьезным фактором, с ясностью впервые проявившимся в истории студенческих волнений, является ближайшее касательство и даже участие в них многих господ профессоров высших учебных заведений... В конце сентября и начале октября студенческие демонстрации носили еще сравнительно невинный характер. Студенты в большей части случаев собирались для обсуждения собственных нужд и проявляли достаточные признаки послушания... В то же время некоторые из профессоров Московского университета, по-видимому, занялись организацией тенденциозных собраний под своим председательством. Весь ход этих собраний тщательно скрывался от лиц инспекции... Первым устроившим такое собрание был профессор князь С. Н. Трубецкой. 6 октября в ауд. № 1 нового юридического корпуса состоялось собрание студентов историко-филологического общества... Настроение заседавших под председательством профессора князя Трубецкого студентов было таково, что, уходя из университета, вся эта толпа запела песню предосудительного содержания («Отречемся от дряхлого мира») [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 8 об., 11—11 об.]

Одно из перехваченных полицией студенческих писем упоминает о том, что в университете началось брожение, и он наводнен нелегальной литературой. В другом письме говорится, что надзор над читальной поручен двум профессорам, которые смотрят сквозь пальцы на присутствие в ней запрещенных изданий [Там же. Л. 51, 97]. Настроение студентов проявилось во время инцидента, произошедшего 15 октября на Ярославском вокзале. До 200 студентов съехались на вокзал, чтобы проводить своих призванных на военную службу товарищей, офицеров запаса. В зале первого класса один из студентов, встав на стол, произнес речь, в которой призвал бороться не с внешним врагом, а с внутренним, и закончил восклицанием «Долой самодержавие!» Студенты дружно повторили этот призыв, после чего запели «Марсельезу». Полицейский унтер-офицер попытался задержать оратора, но его товарищи не позволили это сделать. На шум сбежались носильщики и солдаты, ждавшие поезда; многие из них были в нетрезвом виде. Простонародье вступило за полицию и «государя императора»,

завязалась потасовка, в которой пострадали несколько студентов. Жандармам удалось разнять дерущихся, шестеро участников беспорядков были задержаны, но, по сведениям полиции, за медицинской помощью никто не обращался [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97; РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 16; Д. 173. Л. 24].

Агитаторы поспешили представить этот инцидент как жестокое избиение студентов полицией, говорили о тяжелораненых и убитых [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 17]. Уже на следующий день появились листовки, взывавшие к мести. Это вызвало беспокойство попечителя Московского учебного округа П. Некрасова, который запросил разъяснения у обер-полицмейстера Д. Ф. Трепова, и Трепову пришлось оправдываться. В конце концов товарищ министра С. Лукьянов сдержанно ответил Некрасову, что необходимо вести разъяснительную работу среди студентов, а иначе «студенты, вызвавшие против себя негодование толпы, начинают затем жаловаться на грубое обращение со стороны представителей низших классов населения» [Там же. Д. 173. Л. 29].

16 октября после лекции В. О. Ключевского, на которую обычно собиралось много слушателей, несколько сот студентов остались в аудитории и устроили сходку. Очевидцы происшествия на вокзале рассказывали о подробностях избиения следующим образом: «Был, например, такой случай: багажный схватил одну курсистку за волосы и бил ее после того, как она упала на землю» [Студенческая манифестация, с. 159]. Уже через 20 минут возбужденные студенты покинули аудиторию и двинулись по Никитской улице, распевая «Марсельезу» и размахивая сделанным из красной рубашки флагом. По свидетельству одного из студентов, они намеревались идти в рабочие кварталы – поднимать на борьбу пролетариат. Однако на Садовой улице демонстранты натолкнулись на многочисленный полицейский наряд и после короткой схватки были рассеяны [Там же; Караваев, с. 21; РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 196. Л. 17 об.; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97].

Демонстрация 16 октября получилась стихийной и неорганизованной, что вполне характеризует состояние студенческого движения в Москве. На сходке студентов-медиков 18 октября студенты старших курсов стали возражать против организации новых демонстраций, и сходка не приняла никакой резолюции [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 18—18 об.]. 20 октября после лекции А. А. Кизеветтера около 300 студентов остались в аудитории, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию. По свидетельству инспектора, предлагались различные способы выражения недовольства: забастовка, уличная демонстрация и даже террор. «В течение спора около 80 человек удалились из аудитории, а остальные вступили между собой в пререкания и разошлись, недовольные друг другом» [Там же. Л. 18 об. – 19].

Произнесенное на сходке слово «террор» напугало руководство МНП, и оно обвинило ректора университета в промедлении с принятием решительных мер. По мнению руководства, «учебное началь-

ство Московского округа отличалось в это время крайним добродушием» [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 196. Л. 20 об.]. Это проявилось в том, что попечитель Некрасов снова вступился за студенчество, указав, что «речи студентов, рекомендовавших прибегнуть к обструкции или террору, успеха не имели», и необходимо тщательное расследование, чтобы установить степень вины или невинности каждого участника сходки. Некрасов отметил также и то обстоятельство, что после 20 октября «нарушений порядка нигде в университете не произошло» [Там же. Д. 173. Л. 30–30 об.]. Действительно, департамент полиции констатировал:

...За отсутствием прочной организованности в среде московского студенчества старания революционных групп вызвать обширное движение успеха не имели, тем более что большинство революционеров признавали обострение движения несвоевременным [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 97 об.].

Один из студентов писал другу:

В университете в настоящее время спокойно. Были в некоторых высших учебных заведениях сходки, участники которых решили, что устраивать теперь уличные демонстрации пока не имеет смысла. Особенно благодаря неорганизованности студенчества [Там же. Л. 52].

6–9 ноября в Петербурге проходил Земский съезд. В то время как петербургские студенты вместе с местными социал-демократами готовили в эти дни общенародную демонстрацию, в Москве было тихо. Студенты университета ограничились посылкой адреса, выражая свою убежденность, что «без свободы слова, совести и собраний, без всеобщего, тайного и равного избирательного права нет пути прогресса для русского народа» [Съезду, с. 6]. Под этим посланием съезду подписались две тысячи студентов.

Однако после окончания съезда в департамент полиции поступили тревожные сведения о подготовке в Москве «грандиозной демонстрации» рабочих и студентов. Демонстрацию готовили эсеры, и членам МК ПСР, студентам Б. Н. Черненко и И. И. Высоцкому, было поручено наладить агитацию на фабриках. Предполагалось закупить для демонстрантов оружие, причем, по предположению департамента полиции, деньги должны были поступить от Зензинова и Фундаминского. Время демонстрации предполагалось приурочить к падению Порт-Артура или же провести ее в конце декабря – начале января [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц»; Т. 3. Л. 6, 11, 12].

15 ноября эсеры устроили первую за год крупную агитационную акцию: они спровоцировали беспорядки и разбросали листовки на концерте в Российском благородном собрании. В этой акции в числе прочих участвовали студенты университета Б. Н. Черненко, Н. Н. Иванченко и только что вернувшийся в Россию друг Зензинова

Илья Фундаминский [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 61 об.]. Вместе с Фундаминским в Москву вернулась вся «берлинская компания», в том числе жена Фундаминского Амалия Гавронская, и Абрам Гоц. С появлением в Москве этих отпрысков богатейших купеческих семей финансовые средства эсеров значительно увеличились.

21 ноября эсеры организовали большую сходку в Сельскохозяйственном институте. Сходка проходила под видом танцевального вечера, в котором участвовали полторы тысячи студентов. Некоторые участники пришли на вечер в красных рубахах; имел место диспут между эсерами, «чистыми социал-демократами» и «социал-демократами-либералами» (вероятно, меньшевиками). На вечере говорили о том, что демонстрация состоится не раньше конца декабря [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. 85–86]. 30 ноября должен был состояться суд над убийцей В. К. Плеве Е. Сазоновым и его напарником Л. Сикорским, однако, как говорит полицейское донесение,

...Московский комитет Партии социалистов-революционеров, желая ознаменовать сегодняшний день и не находя в настоящее время возможной демонстрацию ввиду недостаточной подготовки рабочих, ограничился выпуском... прокламации [Там же. Л. 96].

Правда, какая-то независимая от МК «группа социалистов-революционеров» вела агитацию, пытаясь организовать однодневную студенческую забастовку, так что на занятия в этот день пришло меньше студентов, чем обычно [Там же. Л. 95 об.].

Таким образом, еще 30 ноября МК ПСР не считал возможным организацию демонстрации до конца декабря по причине неготовности рабочих, и решение о ее проведении 5 декабря было для него вынужденным; оно было принято не комитетом, а стихийно собравшимися студентами. Студент университета Я. С. Розен в своей (перехваченной полицией) рукописи следующим образом объясняет ход событий:

Возбуждение, охватившее наше общество в последнее время, не могло не отразиться на нашей молодежи. Молодежь, как и все общество, ждала от правительства категорически обещанных реформ... Возбуждение росло. Нужен был только случай, чтобы это возбуждение прорвалось наружу. И этот случай скоро представился. В газете «Русские ведомости» появилась статья профессора Московского университета Тимирязева «Академическая свобода»... [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 33].

В статье, опубликованной 27 ноября, К. Тимирязев писал:

После долгого оцепенения русское общество как будто встрепенулось... На этот раз вопрос поставлен ясно, идти ли нам тем же путем, которым шли обогнавшие нас цивилизованные народы, или сохранить дорогие нашим охранителям исконные самобытно-византийские устои?..

Свобода совести, свобода слова и собраний, гарантии основных прав личности, все под защитой свободного народного представительства – вот ежедневно напоминаемые основы, без которых счастливый гражданин каждой истинно цивилизованной страны не может себе представить ее мирного нормального преуспеяния [Тимирязев, с. 2].

С одной стороны, это были естественные «мысли вслух старого профессора», с другой – агитационная статья в рамках проводившейся либералами антиправительственной кампании.

Отклик на эту статью показывает, насколько большую роль в студенческом движении играла позиция профессуры, воспринимаемая как агитация. В тот же день, 27 ноября, толпа студентов явилась к аудитории, в которой Тимирязев обычно читал лекции. Но лекции в этот день не было, тогда толпа пошла к дому Тимирязева и устроила под окнами овацию; возвращаясь в университет, студенты пели революционные песни [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 45]. В день следующей лекции Тимирязева (1 декабря) его близ аудитории приветствовала тысячная толпа студентов; в ответной речи профессор выразил надежду, что студенты станут свидетелями «второго освободительного движения» [Там же. Л. 45 об.; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. 101, 107]. После этого напутствия часть студентов отправилась к актовому залу (который был закрыт), выломала двери и устроила сходку. Предполагалось обсудить вопрос о выражении протеста по поводу суда над Сазоновым и Сикорским, и хотя еще накануне никто не планировал устроить демонстрацию, всеобщее возбуждение было таково, что многие предлагали сейчас же идти на улицу. Однако большинство постановило устроить демонстрацию в воскресенье 5 декабря и предварительно обратиться за поддержкой к эсерам и социал-демократам [Там же. Л. 104, 107; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213. Л. 3].

Зензинов отмечает, что возбуждение студентов было вызвано по большей части не судом над Сазоновым и Сикорским (их приговорили к пожизненной каторге), а жестоким избиением демонстрантов 28 ноября в Петербурге [Зензинов, с. 78]. Нужно учитывать и другие события, повышавшие градус студенческих эмоций. С 20 ноября собиравшаяся на митингах-банкетах интеллигенция требовала от правительства скорейшего созыва Учредительного собрания. 30 ноября с требованием созыва «выборных от населения» выступила Московская городская дума [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 1250. Л. 106]. Профессор В. И. Герье отказался голосовать за эту резолюцию Думы и был освистан курсистками Высших женских курсов, не давшими почтенному ученому взойти на кафедру [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 49].

Спонтанное решение университетской сходки о демонстрации 5 декабря оказалось неожиданным для МК ПСР. Начальник Московского охранного отделения подполковник В. В. Ратко докладывал директору департамента полиции А. А. Лопухину, что эсеры решили

действовать «по настоянию радикальной части учащейся молодежи» [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц», Т. 3. Л. 18]. Как видим, П. С. Гусятников не прав и в этом случае, утверждая, что инициатива исходила от МК ПСР [Гусятников, с. 135].

Зензинов с помощью двух товарищей спешно принялся за печатание листовок, призывавших рабочих и студентов на демонстрацию 5 и 6 декабря [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц», Т. 3. Л. 18]. Одна из листовок, обостряя ситуацию, предупреждала, что при повторении 5 декабря петербургского избиения «вся ответственность за зверства падет на головы генерал-губернатора Сергея и полицмейстера Трепова», что «комитет не остановится перед тем, чтобы казнить их» [Последние известия, с. 24; РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 51]. «Возбуждение царило очень сильное», – писал корреспондент «Искры» [Москва, с. 5]. Ходили слухи, что в демонстрации будут участвовать 12 тыс. рабочих, что целью вооруженных демонстрантов является разгром дворца московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича [Там же]. Ратко докладывал, что Фундаминский выделил две тысячи рублей на вооружение рабочих железными прутьями и на водку, которой «предполагалось угостить рабочих перед демонстрацией для поднятия их настроения». Всем имеющим какое-либо оружие было предложено взять его с собой; активисты должны были иметь револьверы, кроме того, готовились зажигательные бутылки с керосином [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц»; Т. 3. Л. 18].

Ратко просил у Лопухина разрешение на арест активистов, но тот ответил, что решение должен принять обер-полицейстер, а Трепов не отдал никаких распоряжений на этот счет [Там же. Л. 17]. Подполковник был в смятении, он обратился к своему бывшему начальнику С. В. Зубатову с призывом о помощи:

Дорогой родной Сергей Васильевич!.. Если это вас не затруднит, не откажите... приехать хотя бы на денек и немного поддержать нравственно. Я совсем измучен: все ходит ходуном, силы и средства для борьбы совершенно парализованы – не знаешь, что и делать. Ответственность не снята, а сделано все для революционного настроения и сознания, что самое главное, полной безнаказанности. Цинизм либералов и нахальство революционеров дошли до maximum'a, и кажется, дальше уже идти нельзя. 5-го и 6-го назначена вооруженная демонстрация, организованная освобожденцами сверху и социал-демократами и, главное, эсерами снизу. Рабочих будут предварительно поить водкой, вооружат железными прутьями. Многие явятся с револьверами. Д. Ф. [Трепова] хотят обязательно укокошить, а в доме великого князя бить стекла... [Козьмин, с. 40—41].

Зензинов подтверждает, что некоторые демонстранты были вооружены толстыми железными прутьями, которые поначалу прятали под пальто [Зензинов, с. 79].

К счастью для подполковника Ратко, его опасения не оправдались: из 12 тыс. обещанных эсерами рабочих на демонстрацию пришли лишь несколько десятков человек. Повторилось то, что уже было 28 ноября в Петербурге, – неявка рабочих привела к тому, что студенты остались один на один с полицией. Тем не менее, начало демонстрации было угрожающим, могло показаться, что демонстранты попытаются взять штурмом дворец генерал-губернатора. Вот как описывает события «Революционная Россия»:

Около 12 часов 5-го числа на Тверскую улицу со всех сторон устремилась масса народа, преимущественно интеллигентной публики и учащейся молодежи... Часть демонстрантов, человек 600–700, состоявшая почти исключительно из учащихся, сейчас же была окружена полицией, которая пыталась вырвать знамена и захватить знаменосцев... Попытки полиции остановить демонстрантов, однако, не имели сначала успеха, и последние, тесня полицию, начали быстро, почти бегом, двигаться к дому генерал-губернатора. Демонстранты двигались среди огромной толпы зрителей в несколько тысяч человек... Когда демонстранты добежали до дома генерал-губернатора, отношение полиции моментально изменилось, усиленная подоспевшими новыми отрядами, она моментально выхватила шашки и начала бить ими участников демонстрации... Из толпы раздалось несколько револьверных выстрелов, произошло некоторое замешательство, задние ряды остановились... [Из общественной жизни, с. 17].

В результате схватки произошло следующее:

...Часть демонстрантов рассеялась, часть была арестована, на месте побоища осталось в бессознательном состоянии четыре человека... Разбитые демонстранты попытались перенести демонстрацию в другие части города... Такое же точно избиение, как на Тверском бульваре, произошло одновременно и около Кузнецкого моста, где также было сделано несколько выстрелов. Выстрелы, несомненно, оказывали свое действие, но вооруженных револьверами, в общем, оказалось слишком мало... [Там же].

Несмотря на угрозы эсеров, обер-полицмейстер Трепов лично командовал полицейским нарядом у губернаторского дворца. Он докладывал руководству МВД, что первый ряд полицейских был опрокинут ударами палок, кистеней и железных прутьев, и приказ обнажить шашки был отдан им лишь после первого выстрела [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 5]. Студенты впоследствии издали брошюру, в которой утверждали, что они стреляли в целях самозащиты и что полицейские тоже стреляли в демонстрантов [Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213. Л. 5–9]. Однако различные комиссии (в том числе и общественные) зафиксировали, что огнестрельные ранения были только у полицейских. Полицейские специально обращали внимание зрителей на выстрелы из толпы; один околоточный даже пожаловался публике, что «господа студенты изволят стрелять» [Там же. Л. 6].

6 декабря студенты по призыву эсеров пытались повторить демонстрацию, но на Тверскую пришло лишь около 300 человек, которые были быстро рассеяны полицией [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Л. «А». Т. 2. Л. 5; Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213. Л. 9]. В результате двухдневных столкновений ранения получили 17 демонстрантов и 16 полицейских; 150 демонстрантов были задержаны, но большинство их отпустили в тот же день; под стражей остались 22 человека [ГАРФ. Ф. 124. Оп. 43. Д. 1570. Л. 1–3].

Интересно посмотреть на социальный состав наиболее активных участников демонстрации. В числе 21 демонстранта, привлеченного к судебному следствию, были 12 дворян и почетных граждан, двое из купеческого сословия и сын полковника – три четверти обвиняемых принадлежали к обеспеченным слоям общества. Еще более показательной была картина среди тех, кто не были привлечены к следствию, но сразу получили от двух до трех месяцев административного ареста. Таковых было десять человек, среди них шесть дворян (даже один князь) и двое из купеческого сословия [ГАРФ. Ф. 102. Д. 7. 1904. Оп. 201. Д. 3497. Л. 5, 9]. В числе задержанных оказалась сестра Ильи Фундаминского Ида, недавно вернувшаяся в Москву после учебы за границей. Зензинов и члены МК ПСР сумели избежать задержания, хотя они были в первых рядах демонстрантов и участвовали в столкновении с полицией [Зензинов, с. 79].

Несмотря на проявленное мужество, эсерам не удалось избежать обвинений со стороны рядовых демонстрантов. «Искра» писала:

12 000 рабочих не оказалось. Это произвело удручающее впечатление на студенческую неосведомленную и политически незрелую массу, которая пришла, повинувшись одному чувству. Приходилось слышать возгласы: «Нас обманули!» [Москва, с. 5].

В свою очередь, эсеры обвиняли социал-демократов в том, что они не поддержали демонстрацию [Из общественной жизни, с. 18].

7 декабря еще не остывшие от уличных схваток студенты собрались на сходку в университете. Некоторые (в том числе и председатель сходки) были в бинтах и повязках. Обсуждался вопрос о необходимости вооруженного сопротивления. Перепуганное начальство вызвало полицию, и она окружила здание университета. После переговоров студентов выпустили из здания при условии, что они подпишут принятую на сходке резолюцию, то есть сообщат полиции свои имена. Резолюция содержала призыв к проведению всеобщей студенческой забастовки и организации после Рождества большой вооруженной демонстрации с непереносимым на этот раз участием рабочих. Резолюцию подписали 550 человек, а на следующий день число подписей достигло 1100 [Из общественной жизни, с. 18; ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 35 об.].

7 и 8 декабря состоялись сходки на Высших женских курсах. Инспекция доносила, что «под влиянием ложных слухов о пострадавших ожесточение части присутствовавших достигло небывалых размеров» [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 61]. В итоге курсистки решили присоединиться к всеобщей забастовке, причем непокорных предполагалось заставить бастовать силой [Там же]. Полиция сообщала:

...После событий 5 и 6 декабря учащиеся высших учебных заведений столицы... находятся в крайне возбужденном состоянии, и во всех учебных заведениях ведется усиленная агитация за выражение протеста действиями полиции прекращением посещения лекций до наступления рождественских каникул... Такое же возбуждение замечено и среди различных групп лиц свободных интеллигентных профессий (присяжные поверенные, литераторы, профессура), где ведется агитация по тому же поводу. Одним из наиболее деятельных в этом отношении является... присяжный поверенный С. И. Шаховский, который организовал производство следствия о действиях полиции в дни беспорядков и по собиранию сведений о числе пострадавших демонстрантов... В агитационных целях распространяются слухи о многих будто бы случаях убийств и тяжелых поранений [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 25—25 об.].

Студенты обратились к университетским профессорам с призывом поддержать их протест против «полицейского насилия». 15 профессоров и 18 приват-доцентов адресовали министру внутренних дел П. Д. Святополк-Мирскому телеграмму с просьбой «прекратить напрасное кровопролитие» и провести гласное расследование действий полиции [Там же. Л. 12]. Агитаторы приходили к профессорам на квартиры – приходили и к С. Н. Трубецкому, но он отказал, говоря, что «не может, зная дело, подписаться под такой телеграммой и находит, что полиции не оставалось ничего иного, как драться, когда в нее стреляли» [Трубецкая, с. 290].

8 декабря в университете началась студенческая забастовка. Три группы активистов ходили по аудиториям и призывали студентов прекратить занятия. В большинстве случаев студенты и профессора следовали этому призыву, лишь математики-первокурсники воспротивились и заставили агитаторов удалиться. 9 декабря лекции шли при малом числе слушателей или совсем не состоялись из-за неявки студентов [РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 64]. В этот день профессора впервые пришли на студенческую сходку, чтобы поддержать своих учеников. Это произошло на медицинском отделении университета, в анатомо-патологическом институте, где шесть профессоров и преподавателей по поручению своих коллег не только выразили сочувствие студентам, но и предложили им созвать массовую «общестуденческую и общепатологическую» сходку [Там же. Л. 72–74; Д. 196. Л. 28 об.]. Комментируя эту ак-

цию профессоров университета, цитируемая выше записка МНП констатирует:

...Очевидно, господа профессора признали своевременным не скрывать более свое соучастие мятежным действиям и открыто выступили в своих поощрениях всего студенческого движения [Там же. Д. 196. Л. 28].

11 декабря на заседании университетского совета профессора создали комиссию из 16 членов для «обсуждения настоящего положения в университете». В состав этой комиссии вошли В. О. Ключевский, С. Н. Трубецкой, Р. Г. Виппер, А. Б. Фохт и ряд других профессоров, известных своими либеральными взглядами. 14 декабря комиссия представила Совету свой доклад. В нем утверждалось:

...Нормальная академическая жизнь возможна лишь при обновлении всего политического строя России на началах неприкосновенности личности, свободы совести, печати и слова, собраний и союзов, обеспеченных участием народных представителей в осуществлении законодательной власти [РГИА Ф. 733. Оп. 152. Д. 173. Л. 75, 78, 93, 105 об.].

Этот доклад, вопреки сопротивлению ректора, был одобрен советом.

12 декабря, несмотря на воскресный день, около 500 студентов университета собрались на сходку с участием профессоров и преподавателей. На этот раз полиции удалось установить личности этих профессоров-«зачинщиков»: это были медики И. К. Спижарный, В. К. Рот и Н. С. Сперанский. Выяснилось также, что перед этим около 40 профессоров (из 90 профессоров университета) собрались в клинике профессора П. И. Дьяконова на совещание о представлении официального протеста против насилия полиции [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 36]. На сходке было принято решение обратиться к Московской городской думе, которая еще 30 ноября приняла либеральную резолюцию с требованием «выборного представительства». В этом обращении студенты писали об убитых демонстрантах, о множестве раненых и выражали надежду, что Дума защитит жителей Москвы от «дикого полицейского разгула» [Там же. Ф. 124. Оп. 43. 1570. Л. 6]. 14 декабря депутация из 30 студентов вручила соответствующий адрес городскому голове князю Голицыну [Там же. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 44].

Между тем, в среде интеллигенции продолжалась компания бурных протестов против «дикого полицейского разгула». В донесении полиции говорилось:

Особенно выделялись в этом отношении корпорации литераторов и присяжных поверенных, причем на собраниях первых, устраиваемых по инициативе поэта Константина Бальмонта... и последних – по инициативе секретаря совета присяжных поверенных... Сергея Старынкевича предпо-

лагалось ответить на действия полиции устройством новой демонстрации с тем, чтобы в таковой приняли участие и лица названных корпораций [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц», Т. 3. Л. 28].

Раздавались призывы к эсерам выполнить свое обещание и казнить Трепова и великого князя Сергея Александровича [Там же. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 25, 45]. 2 января 1905 г. студент А. А. Полторацкий несколько раз стрелял в Трепова. Зензинов готовил покушение и на великого князя, но за осуществление этой акции взялся лично один из вождей Боевой организации эсеров Б. В. Савинков [Зензинов, с. 81]. 4 февраля 1905 г. Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной террористом Иваном Каляевым.

Трепов и великий князь Сергей Александрович были вождями «реакционной партии», противниками проводимой Святополком-Мирским «политики доверия». Неприязнь доходила до такой степени, что Святополк-Мирский предполагал, будто московское начальство поощряло беспорядки 5–6 декабря, дабы представить их как результат его политики [Святополк-Мирская, с. 271]. Под влиянием распространявшихся либералами слухов о «кровавой расправе» Мирский 6 декабря телеграфировал Трепову, что его боевые качества могут быть с большим успехом применены против Японии [Кавторин, с. 310]. В Петербурге в это время проходили заседания комиссии, рассматривавшей проект Мирского о введении в Государственный совет представителей сословий: предполагалось пойти на уступки либералам и осуществить (хотя бы частично) их главное требование о создании народного представительства. Сергей Александрович поспешно приехал в северную столицу и, неожиданно появившись на совещании, резко выступил против Мирского. А. А. Лопухин вспоминал, что «великий князь Сергей... выдвинул самый страшный для чиновничьей среды жупел – подозрение в измене престолу» [Лопухин, с. 51].

В знак протеста против политики Мирского Сергей Александрович и Трепов демонстративно подали в отставку; после провала его проекта это был вынужден сделать и министр внутренних дел [Крылова, с. 131, 173]. Таким образом, обострив отношения в окружении императора, события 5–6 декабря способствовали резким переменам в правительственных сферах. Эти перемены означали конец «политики доверия».

Вялотекущая война между министром внутренних дел и московским начальством еще продолжалась в течение декабря 1904 г., пока действующие лица ожидали распоряжений о передаче дел своим преемникам. Ссылаясь на коллективный протест профессоров Московского университета, Мирский возбудил расследование действий полиции 5–6 декабря. Прокуроры выясняли вопрос о жертвах, справлялись в больницах о раненых и искали убитых, о которых говорили студенты, но не нашли. Сергей Александрович энергично протестовал против «исследования неизвестных мне злоупотреблений, совер-

шенных неизвестными лицами», и в конечном счете расследование окончилось ничем [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Л. 35 об., 52, 56].

Подготавливаемая студентами вооруженная демонстрация также не состоялась. С 15 декабря учащиеся разъехались на рождественские каникулы, а затем новые грандиозные события – «Кровавое воскресенье» – заслонили собой все, что происходило ранее. После этих событий новое полицейское начальство поспешило в превентивных целях арестовать весь состав МК ПСР; все герои 5 декабря оказались за решеткой, кроме Ильи и Амалии Фундаминских, которые успели уехать за границу [ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц». Т. 3. Л. 163].

Подводя итоги, можно констатировать, что либеральная агитация побуждала студентов к действию, они обостренно воспринимали критику самодержавного режима, читали либеральные газеты и прислушивались к мнениям либеральных профессоров. Статья Тимирязева в какой-то степени стала спусковым крючком в новом подъеме студенческих волнений. Многие преподаватели и профессора поддерживали студенческое движение, что с полной ясностью проявилось после 5 декабря. Однако либеральная профессура не руководила студенческим движением и не подстрекала студентов к демонстрациям. Студенческое движение было в основном стихийным, что ярко проявилось в событиях 16 октября. Расправа над студентами в Петербурге вызвала волну протестов среди московского студенчества, и студенты фактически заставили эсеров присоединиться к демонстрации 5 декабря. Участие эсеров придало этой демонстрации агрессивный и провокационный характер, и на улицах Москвы разыгрались форменные сражения. Однако студенческие протесты не принесли пользы делу либеральных реформ. Столкновения в Петербурге и Москве были истолкованы Николаем II и его советниками как следствие непродуманных обещаний в рамках «политики доверия». В итоге необузданное стремление студенчества к переменам привело к отказу правительства от каких-либо перемен.

Список литературы

- Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 213.
ГАРФ. Ф. 102. Д. 7. 1904. Оп. 201. Д. 3497; ДП. ОО. 1898. Оп. 226. Д. 80. Л. «Ц». Т. 3; ДП. ОО. Оп. 253. Д. 38; ДП. ОО. 1904. Оп. 232. Д. 3. Ч. 10; Д. 3. Ч. 10. Т. 2.; Д. 3. Ч. 10. Т. 2. Л. «А». Д. 1250; Ф. 124. Оп. 43. Д. 1570.
Георгиева Н. Г. Революционное движение в России в конце XIX – начале XX в. М. : Высш. школа, 1986. 190 с.
Гусятников П. С. Революционное студенческое движение в России : 1899–1907. М. : Мысль, 1971. 264 с.
Завадский Н. Г. Студенчество и политические партии в 1901–1914 гг. СПб. : Нестор, 1998. 221 с.
Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1953. 414 с.
Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX века : Социально-историческая судьба. М. : Политич. энцикл., 1999. 414 с.

- Из общественной жизни // Революционная Россия. 1904. № 57. С. 17.
- Кавторин В. В. Первый шаг к катастрофе : 9 января 1905 года. Л. : Лениздат, 1992. 427 с.
- Караваев П. Н. В дооктябрьские годы : На партийной работе, в тюрьме и ссылке. М. : Госполитиздат, 1953. 160 с.
- Козьмин Б. П. Зубатов и его корреспонденты. М. : Госиздат, 1928. 139 с.
- Крылова Е. А. Петр Дмитриевич Святопок-Мирский и деятельность министерства внутренних дел : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 196 с.
- Лонухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М. : Госиздат, 1923. 99 с.
- Москва // Искра. 1904. №. 81. С. 5.
- П. С. Что же теперь? : (К началу учебного года) // Освобождение. 1904. № 56. С. 98–99.
- Последние известия // Революционная Россия. 1904. № 56. С. 24.
- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 332; Ф. 673. Оп. ПСР. Д. 338.
- РГИА. Ф. 733. Оп. 152. Д. 173, 196.
- Святополк-Мирская Е. А. Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки. 1965. Т. 77. С. 236–293.
- Спешков С. Ф. Записка, составленная по поручению Министра Народного просвещения членом Совета тайным советником Спешковым о различных организациях среди учащихся в различных учебных заведениях Министерства Народного просвещения. СПб. : Б. и., 1908. 60 с.
- Студенческая манифестация в Москве // Освобождение. 1904. № 59. С. 159.
- Съезду земских деятелей // Искра. 1904. № 78. С. 6.
- Тимирязев К. Академическая свобода (мысли вслух старого профессора) // Русские ведомости. 1904. № 330. С. 2–3.
- Трубецкая О. Из пережитого // Современные записки. Париж. 1937. Т. 64. С. 277–318.
- Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895–1904. М. : Мысль, 1976. 239 с.
- Kassow S. Students, Professors, and the State in Tsarist Russia. Berkeley : Univ. of California Press, 1989. 438 p.

References

- Arkhiv Rossyskoy Akademii Nauk* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. Stock 518. List 4. Dossier 213.
- Gosudarstvennyy arkhiv Rossyskoy Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. D. 7. 1904. List 201. Dossier 3497; DP. OO. 1898. List 226. Dossier 80. Leaf “Ts”. T. 3; DP. OO. List 253. Dossier 38; DP. OO. 1904. List 232. Dossier 3. Part 10; Dossier 3. Part 10. Vol. 2.; Dossier 3. Part 10. Vol. 2. Leaf “A”. Dossier 1250; Stock 124. List 43. Dossier 1570.
- Georgieva, N. G. (1986). *Revolutsionnoe dvizhenie v Rossii v kontse XIX – nachale XX v.* [Revolutionary Movement in Russia in the Late 19th – Early 20th Centuries]. 190 p. Moscow, Vysshaya shkola.
- Gusyatnikov, P. S. (1971). *Revolutsionnoe studencheskoe dvizhenie v Rossii : 1899–1907* [Revolutionary Student Movement in Russia: 1899–1907]. 264 p. Moscow, Mysl’.
- Ivanov, A. E. (1999). *Studenchestvo Rossii kontsa XIX – nachala XX veka : Sotsial’no-istoricheskaya sud’ba* [Russian Students of the Late 19th – Early 20th Centuries: Socio-Historical Fate]. 414 p. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya.
- Iz obshchestvennoy zhizni* [From Social Life]. (1904). In *Revolutsionnaya Rossiya*, 57, p. 17.
- Karavaev, P. N. (1953). *V dooktyabr’skie gody : Na partynoy rabote, v tyur’me i ssylke* [Before the October Years: At Party Work, in Prison, and in Exile]. 160 p. Moscow, Gospolitizdat.
- Kassow, S. (1989). *Students, Professors, and the State in Tsarist Russia*. 438 p. Berkeley, Univ. of California Press.
- Kavторин, V. V. (1992). *Pervyy shag k katastrofe : 9 yanvarya 1905 goda* [The First Step Towards a Catastrophe: January 9, 1905]. 427 p. Leningrad, Lenizdat.
- Koz’min, B. P. (1928). *Zubатов i ego korrespondenty* [Zubatov and His Correspondents]. 139 p. Moscow, Gosizdat.

Krylova, E. A. (2006). *Petr Dmitrievich Svyatopok -Mirsky i deyatelnost' ministerstva vnutrennikh del : dis... kand. ist. nauk* [Pyotr Dmitrievich Svyatopolk-Mirsky and the Activity of the Ministry of Internal Affairs: PhD Thesis Abstract (History)]. 196 p. St. Petersburg.

Lopukhin, A. A. (1923). *Otryvki iz vospominany* [Memoirs: Excerpts]. 99 p. Moscow, Gosizdat.

Moskva [Moscow]. (1904). In *Iskra*, 81, p. 5.

P. S. (1904). *Chto zhe teper'?* : (K nachalu uchebnogo goda) [What now? (For the Beginning of a School Year)]. In *Osvobozhdenie*, 56, pp. 98–99.

Poslednie izvestiya [The Latest News]. (1904). In *Revolyutsionnaya Rossiya*, 56, p. 24.

Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Socio-Political History]. Stock 17. List 1. Dos. 332; Stock 673. List PSR. Dos. 338; Stock 733. List 152. Dos. 173, 196.

S"ezdu zemskikh deyatley [For the Congress of Zemstvo Representatives]. (1904). In *Iskra*, 78, p. 6.

Speshkov, S. F. (1908). *Zapiska, sostavlenneya po porucheniyu Ministra Narodnogo prosveshcheniya chlenom Soveta taynym sovetnikom Speshkovym o razlichnykh organizatsiyakh sredi uchashchikhsya v razlichnykh uchebnykh zavedeniyakh Ministerstva Narodnogo prosveshcheniya* [A Report Written on the Order of the Minister of Education by Soviet Member, Secret Advisor Speshnikov on Different Students Organizations in Various Educational Establishments of the Ministry of Education]. 60 p. St. Petersburg.

Studencheskaya manifestatsiya v Moskve [Students' Demonstration in Moscow]. (1904). In *Osvobozhdenie*, 59, p. 159.

Svyatopolk-Mirskaya, E. A. (1965). *Dnevnik kn. Ekateriny Alekseevny Svyatopolk-Mirskoy za 1904–1905 gg.* [Yekaterina Alekseevna Svyatopolk-Mirskaya's Diary for 1904–1905]. In *Istoricheskie zapiski*, Vol. 77, pp. 236–293.

Timiryazev, K. (1904). *Akademicheskaya svoboda (mysli vslukh starogo professora)* [Academic Freedom (Old Professor Thinking Aloud)]. In *Russkie vedomosti*, 330, pp. 2–3.

Trubetskaya, O. (1937). *Iz perezhitogo* [From the Lived Through]. In *Sovremennye zapiski*, Vol. 64, pp. 277–318. Paris.

Ushakov, A. V. (1976). *Revolutsionnoe dvizhenie demokraticheskoy intelligentsii v Rossii. 1895–1904* [The Revolutionary Movement of Democratic Intelligentsia in Russia, 1895–1904]. 239 p. Moscow, Mysl'.

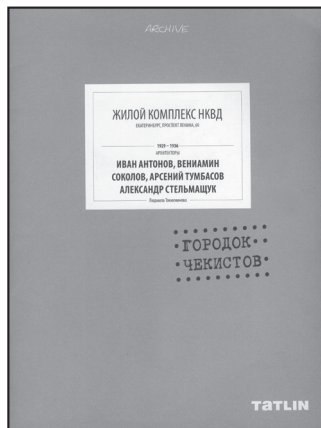
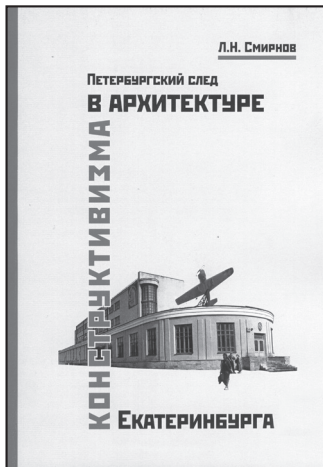
Zavadsky, N. G. (1998). *Studenchestvo i politicheskie partii v 1901–1914 gg.* [Students and Political Parties between 1901 and 1914]. 221 p. St. Petersburg, Nestor.

Zenzinov, V. M. (1953). *Perezhitoe* [The Lived Through]. 414 p. New York, Izdatel'stvo imeni Chekhova.

The article was submitted on 15.04.2016

Recensiones

DOI 10.15826/qr.2016.3.186
УДК 725.1(470.5)(09)+72.038.11

THE HISTORY OF CONSTRUCTIVISM IN THE URALS: 21ST-CENTURY STUDIES*

Sergey Postnikov

Leonid Smirnov

Ural State University of Architecture and the Arts,
Yekaterinburg, Russia

The article features a comprehensive review of recent research on the history of Constructivism in the Urals. Various experimental urban solutions in Ural cities and towns, innovative models of quarter planning, and the typological diversity of public, residential, and industrial buildings built in Constructivist style makes Ural region distinct from other parts of the country. The introduction of contemporary building materials and designs and novel research into the usage of space can be seen in diverse buildings in Perm, Chelyabinsk, Magnitogorsk, Kurgan, Nizhny Tagil, Sverdlovsk, Zlatoust, Nadezhdinsk, and others. The social and artistic direction of Constructivism as an ultra-modern creative movement greatly influenced the new architectural look of cities in the Urals. It also transformed the language of architecture and the visual imagery of buildings: it allowed for the creation of new, unprecedented architectural types and changed people's ideas about convenience, style, and quality of life. From the mid-1930s until the early 1990s, many towns in the Urals were closed off to foreign researchers: the publication of books and articles about Constructivism was also prohibited. This is why the first serious publications about the Constructivist heritage of the Urals appeared only at the beginning of the 21st century. Thus began a rise in scholarship on this subject.

Keywords: history of architecture; Constructivism; Urals monuments of history and culture.

Статья посвящена научному обзору и анализу трудов современных исследователей по истории архитектуры конструктивизма на Урале. Наличие в крупных и малых городах Урала различных экспериментальных градостроительных решений и приемов квартальной застройки, типологического разнообразия общественных, жилых, производственных зданий и сооружений, реализованных в стилистических формах кон-

* *Citation:* Postnikov, S., Smirnov, L. (2016). The History of Constructivism in the Urals: 21st-Century Studies. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 257–267. DOI 10.15826/qr.2016.3.186.

Цитирование: Postnikov S., Smirnov L. The History of Constructivism in the Urals: 21st-Century Studies // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 257–267. DOI 10.15826/qr.2016.3.186.

структивизма, существенно выделяет Уральский регион от других районов страны. По решению ЦИК СССР в 1923 г. была создана Уральская область с целью увеличения промышленно-хозяйственного потенциала страны, и попутно с целью решения основных проблем реконструкции «культуры и быта». Внедрение современных строительных материалов и конструкций, новаторские поиски в архитектуре объемно-пространственных решений, различных по типологии объектов в рациональной стилистике широко использовалось в застройке таких городов как Пермь, Челябинск, Магнитогорск, Курган, Нижний Тагил, Свердловск, Златоуст, Надеждинск и др. Социальная и художественная направленность современного по тем годам творческого течения повлияла на формирование новой структуры уральских городов, преобразовала архитектурный язык и облик построек, позволила создать новые, ранее не встречающиеся в архитектурной практике типы зданий, изменила представление людей об удобстве, стиле и качестве жизни. С середины 1930-х до начала 1990-х гг. многие уральские города решением правительства страны были закрыты для зарубежных исследователей советской авангардной архитектуры, а на публикации книг и статей об объектах конструктивизма в стране было наложено табу. Поэтому одни из первых серьезных публикаций конструктивистских объектов, сооруженных в уральских городах, появились только на рубеже XX–XXI вв. С начала нового века стала складываться научная школа истории уральской авангардной архитектуры, известными представителями которой являются А. А. Барabanов, Е. В. Кобышева, Л. Н. Смирнов, А. А. Стариков, Л. И. Токменинова, Л. П. Холодова и другие ученые.

Ключевые слова: история архитектуры; конструктивизм; Урал; памятники истории и культуры.

The number of studies on Constructivism in the Urals increased considerably at the beginning of the 21st century. The two-volume *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoy oblasti* (Collection of the Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Region) deserves special mention. Volume 1 contains a review of the architectural heritage of Ekaterinburg, the biggest city in the Urals. This review includes a history of city planning and the experimental buildings in Sverdlovsk (the Soviet name for Ekaterinburg), the capital of the Ural region between 1923 and 1934. The first volume offers articles on more than 50 Constructivist sites that have been preserved until the present day and were designed by well-known Russian architects. Among them are large residential complexes, like the Gorsovet House (architect S. Dombrovsky, 1928–1929), the Uraloblsovnet House (architects M. Ya. Ginzburg and A. L. Pasternak, 1930–1933), the so-called *Gorodok chekistov*, the residential quarters of the NKVD, (architects I. P. Antonov and V. D. Sokolov, 1929–1936), the Bolshoy Ural Hotel (architects S. E. Zakharov and V. I. Smirnov, 1928), the House for Ural Industry and Trade (architect D. F. Fridman, 1931–1937), the House

of Communications (architect K. I. Solomonov, 1932), the main building of the Ural Polytechnical Institute (architect S. E. Chernyshov, 1929–1940), and the Dinamo sports complex architect (V. D. Sokolov, 1932).

The second volume describes Constructivist sites located in various towns of the region, such as Nizhniy Tagil, Serov, Kamensk-Ural'skiy, and Nevyansk. Among some of the more famous buildings in the Urals, the book considers the Krasniy kamen' compound in Nizhniy Tagil (architect M. Ya. Ginzburg, 1924), the Metallurgists' Palace of Culture in Serov (architects I. P. Antonov and V. D. Sokolov, 1928), and the aluminium workers' compound in Kamensk-Ural'skiy (built by the Leningrad project bureau *Montazhproektaluminiumy*, 1934). The text in both volumes is accompanied by schematics and historical photographs [Свод памятников истории и культуры].

The history of architecture does not consist merely of building schematics. Design and construction are creative processes, and the Urals had the good fortune that its construction sites saw a panoply of outstanding architects whose names have been forever inscribed onto the history of both Ural and Russian architecture. An encyclopaedic directory entitled *Architects of Ekaterinburg and the Sverdlovsk Region*, released in 2003 by the Sverdlovsk branch of the Union of Architects of Russia [Бандровская; Вилесова], aroused the interest of researchers working on the architecture of Ekaterinburg and the central Urals. The directory featured personal data on around 500 architects, including members of the Ural branch of the Society for Modern Architecture (founded in 1928). This list includes many famous Constructivists from Sverdlovsk, like M. V. Reysher, I. I. Robachevskiy, S. E. Zakharov, A. M. Tumbasov, E. S. Balakshina, and V. P. Paramonov. This edition undoubtedly has great social, cultural, and practical significance, especially since the biographies of these architects include lists of the sites that they designed.

The phenomenon of Soviet avant-garde architecture in the 1920s and at the beginning of the 1930s has not yet been studied thoroughly, which makes I. A. Kazus' monograph, *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya* (Soviet Architecture of the 1920s: The Organisation of Planning), a valuable source for historians of architecture. This is a reference encyclopaedia that fills a significant gap in our knowledge about the organisation of architectural and city-building projects, as well as the functioning and structure of major architectural, artistic, and construction bureaus in Moscow, Leningrad, and provincial centres, such as Sverdlovsk, Chelyabinsk, Nizhny Tagil, and Magnitogorsk.

The book contains a pioneering exploration of the formative years of specialised construction organisations in the Ural region, such as Uralgiprommez, Uralpromstroy, Sverdlovskstroy, and Uralgiprogor. The research examines the creative personalities behind these organisations. Uralgiprommez, for example, kick started the careers of such prominent Sverdlovsk architects as I. P. Antonov, V. D. Sokolov, and A. M. Tumbasov. In the mid-1920s, these architects designed the first avant-garde style

factories of the Magnitogorsk metallurgy plant, as well as manufacturing sites in Lys'va, Alapaevsk, and other locations. Later, the same bureau designed and built residential and public buildings. The monograph reveals the previously unknown fact that the Uralgiprogor institute was involved in designing projects in more than 30 towns in the Urals. The study finds that the institute employed famous architects like T. A. Golubev, V. I. Smirnov, P. I. Lantratov, and V. V. Emelyanov, who designed various sites during these years. Kazus provides a detailed list of their works. The same institute, under the direction of architect S. V. Dombrovsky, designed the general plan for the greater Sverdlovsk region. Some particularly significant Ural buildings in the architectural avant-garde style are displayed for the first time in the form of photos, plans, and drawings [Казусь].

The reference book *Arkhitektory i arkhitekturnye pamyatniki Permskogo Prikam'ya* (Architects and Architectural Monuments of the Perm-Kama Region), edited by N. V. Kazarinova and T. D. Kantorovich, attempts to compile short dossiers on the region's most significant historical and cultural monuments from the 19th and 20th centuries and their many talented architects. These monuments were created in typologically diverse styles, including the architectural avant-garde. In the 1920s and early 1930s, a large number of experimental residential, public, and industrial buildings were erected in Perm, Berezniki, Solikamsk, Krasnokamsk, and Lysva in a Constructivist style. One of the first buildings that conformed to the ascetic style of the new architecture was the so-called *Dom chekista* (the club for NKVD officers), which, according to specialists, was a threshold between 'Gubernia Perm' and 'Socialist Perm'. The selection and analysis of many Constructivist sites reflect the development of the avant-garde in Kama architecture, from the proto-Constructivism of the early 1920s to the Postconstructivism of the mid-1930s. The main virtue of this book that serves to distinguish it from similar offerings lies in its wide scope: it includes some avant-garde monuments and sites previously unknown to professionals, art critics, and the wider audience in the Perm region [Казаринова; Канторович].

Constructivism in architecture is a worldwide phenomenon. Thus, it is only natural that, at the beginning of the 21st century, Russian and German scholars established close links to study this style. In November 2007, a major academic seminar on the subject was held in Ekaterinburg. It covered a wide range of questions, including the study, preservation, use, and maintenance of the heritage of modernism in Germany and Russia in accordance with the example of the Urals. The seminar included a report on the experience of a joint conservation endeavour in Weimar, a cultural heritage site, between students from both Bauhaus University and the Ural State Academy of Architecture and the Arts. Discussions revolved around the theoretical problems of the modernist architectural heritage in Europe and the Urals and the practicalities of reconstructing the Commercial Chamber and the Uralmash factory-kitchen. The seminar served as a stimulus for in-depth studies of Ural architecture by specialists from

Russia and Germany, as well as for the preservation and restoration of avant-garde architectural monuments with the participation of German architects. The seminar materials were published in two volumes in 2008 and 2010 [Баухауз на Урале, 2008, 2010].

Soviet avant-garde architecture has attracted substantial interest from many foreign researchers. A good example is the fundamental work *Lost Avant-garde* by Richard Pair, first published in 2007 in the United States: a translation was published in Russia by the Tatlin Publishing House in the same year. Among the Constructivist sites found in the ten biggest Russian cities, examples from the Ekaterinburg avant-garde were not neglected. In this book, a major foreign researcher looks at some important Constructivist sites in the Ural capital, such as *Gorodok chekistov*, the Uraloblssovet complex, the House of Justice, a residential house in 'Justice town', and the famous *Belaya bashnya* (White Tower), for the first time. The book provides brief descriptions of the architectural sites, along with photographs [Пэп].

Among the more general works on the cultural history of the region, one should not ignore the book *Ural. Marshruty kul'tury* (The Urals. Cultural Itineraries) (2012), which presents a summary of the 'cultural landscape' of the Urals. One of the chapters in the book is dedicated to regional architecture. This study comprehensively represents the rich palette of Ural culture: it includes a novel section on Constructivism as represented by the Sverdlovsk architectural avant-garde. The work emphasises that a sizable part of the Constructivist heritage of the central Urals is concentrated in Sverdlovsk/Ekaterinburg, where many talented architects, educated in Leningrad, Tomsk, Kharkiv, and Kiev, designed sites in the 1920s and 30s. Constructivist buildings in Ekaterinburg represent the entire typology of the style; there are administrative and residential buildings, clubs, nurseries and residential complexes, factory-kitchens, bath and laundry factories, schools, sports facilities and other structures. Through these sites, the researchers trace the entire evolution of Constructivism in the Urals and the country as a whole. All of the buildings are characterised by simple architectural solutions and laconic geometrical forms. The most famous sites of Sverdlovsk Constructivism, such as *Dom svyazi* (the House of Communications), *Dom kontor* (the House of Offices), *Dom justitsii* (the House of Justice), and *Belaya bashnya*, are properly illustrated with photographs and short descriptions [Урал. Маршруты культуры].

A. I. Vilesov's book, *O vozniknovenii, stanovlenii i razvitii obshchestvennoy tvorcheskoy organizatsii sverdlovskikh arhitektorov* (On the Rise, Establishment, and Development of the Public-Artistic Organisation of Sverdlovsk Architects), was published for the 75th anniversary of the Sverdlovsk branch of the Russian Union of Architects. The author bases the study on unique documentary evidence and his own private memoirs: at the end of the 1920s, he was one of the active members of the Ural branch of the Society of Modern Architects and repeatedly met the head of the Union, M. Ya. Ginzburg, in Moscow. The work provides valuable

historical data on early Constructivist sites from the 1920s and early 1930s. The research also provides invaluable information in the form of the names of the major construction companies and their teams involved in creating avant-garde sites in Sverdlovsk and the greater region. For the first time in the history of Ekaterinburg's architecture, the author briefly describes the artistic development of the Ural Union of Architects, whose meetings at the turn of the 1920s included discussions of the theoretical and practical issues of architectural design, as well as general problems of the development of modern architecture in the Ural region [Вилесов].

The monograph *Pamyatniki arhitektury Kamensk-Ural'skogo* (Architectural Monuments of Kamensk-Ural'skiy) (2008) explores the unique architectural ensembles of this town, as well as the story of the architects who created its distinctive look. The section entitled "Kamensk architecture between the 1930s and the 1950s" describes in depth the two major styles, late Constructivism and Postconstructivism, that are most typical of the town. The principles of avant-garde architecture were realised widely in Kamensk-Ural'skii in the first half of the 1930s, when planning was underway for a new settlement type: the 'social town', built according to the principles of 'new urban aesthetics'. These principles included the complex process of planning a 'plant town', where residential and public quarters were located around a major plant, and the organic introduction of housing into the environment. The authors dedicate much energy to examining the urban specificities of residential and industrial areas and their functional connections: they demonstrate the new experimental plans for communal housing, housing for specialists, and separate public and manufacturing buildings, all built in an avant-garde style. The descriptive section is amply supplied with the plans for these 'social towns', archival photographs, and the sketches made by Leningrad, Moscow, and Ural architects during the first half of the 1930s. Many of these drawings are published for the first time [Памятники архитектуры Каменска-Уральского].

The most significant study on the architecture of the Urals is the six-volume series *Stili v arhitekture Sverdlovskoy oblasti* (Styles in the Architecture of Sverdlovsk Region) (2008), which received high praise from academics and the general public, as well as the Governor of Sverdlovsk Region award. One of the volumes, authored by L. N. Smirnov, focuses on Constructivism in the central Urals. The value of this book not only derives from its unprecedentedly wide coverage and the extensive material and illustrations provided, but also the in-depth analysis of the avant-garde architectural style in its historical and socio-cultural dynamics. The history of Constructivism in Sverdlovsk region is represented by the author as a complex process, which he follows from the idea's origin to its creative embodiment in individual buildings and architectural ensembles that have intrinsic artistic value. Some Constructivist buildings and quarters today define and shape the architectural appearance of many streets and squares in Ural cities.

A true chronicler of Ekaterinburg and its architects is G. N. Elagin, an architect himself. His book *Zhizn' posvyashchayu gorodu* (I Dedicate My Life to the City) (2011) features 30 essays about famous Ural architects, including the Constructivists G. V. Valenkov, S. V. Dombrovsky, P. V. Oransky, and M. V. Reysher. The work presents an objective assessment of the creativity of architects and their contribution to the development of the city, as well as introducing new archival materials into circulation. The author devotes a separate section to the description of various important monuments of history, culture, and architecture in Ekaterinburg/Sverdlovsk. The Constructivist City Hall and Central Train Station generate especial interest. The book also features a selection of previously unpublished historical photographs of avant-garde architecture [Elagin].

L. N. Smirnov's research, *Ekaterinburg: nasledie konstruktivizma* (Ekaterinburg: A Heritage of Constructivism) (2009), presents this unique architectural style in all its variety and detail. The publication has pictures of more than 140 buildings that have become symbols of 1920s–1930s avant-garde architecture in Ekaterinburg. Numerous avant-garde architectural sites are systematised by author and divided into three sections representing the evolution of Constructivism in the Urals. The first section shows 'proto-Constructivist' buildings built between 1924 and 1927. These include the bus depot, the Commodity Exchange, the Tsentral'naya Hotel, the residential building of the Ural'skiy starozhil Company, and others. However, the author notes that most buildings erected in Sverdlovsk belong to the period of High Constructivism (1928–1933). The book ends with a description of buildings in urban areas that were constructed in the Postconstructivist style between 1934 and 1937: the Madrid Hotel, a residential house of a refinery, the residential house of the Vostokostal organisation, etc.). The texts are provided both in Russian and English [Смирнов, 2009].

E. V. Konyshева's book, *Gradostroitel'stvo i arhitektura Chelyabinska kontsa 1920–1950kh godov v kontekste razvitiya sovetskogo zodchestva* (City Construction and the Architecture of Chelyabinsk from the End of 1920s to the 1950s in the Context of the Development of Soviet Architecture) (2005), dedicates a whole section to the Constructivist and Post-Constructivist heritage within a big industrial city. The monograph provides a detailed analysis of the search for new urban planning principles (open-plan quarters, the compulsory introduction of public areas and green zones, etc.). It shows the many experimental mass housing projects and public buildings erected in Chelyabinsk during those years. The author also considers planning specifications and the development of working towns, reflecting a transitional period in the country's urban development. The book describes the process of designing the optimal solution for constructing the Chelyabinsk Tractor Plant, Russia's largest, and the creative trajectory behind an 'exemplary' *Sotsgorodok* (social town), a large-scale construction project with an experimental system of cultural and community service. Many leaders of the Constructivist movement took part in these projects: M. Ya. Ginzburg, A. K. Burov, and Ya. A. Kornfeld, among others [Конышева].

A substantial contribution to the study of historical and cultural monuments in Ekaterinburg is the book *Ekaterinburg: istoriya goroda v arhitekture* (Ekaterinburg: The History of the City in Architecture) (2008), edited by Professor A. A. Starikov. Based on comprehensive research by a large team of co-authors, the book presents the architectural designs of unique historical buildings from various periods. Several sections are devoted to avant-garde architecture erected in accordance with the 'Greater Sverdlovsk' plan: the *Vtuzgorodok* complex, the 'Medical Town', the residential quarters of GospromUral, the Bol'shoy Ural hotel, etc. In the sections describing various Constructivist buildings and complexes, the authors supply master plans, historical photos, and original drawings by the architects involved in designing experimental urban infrastructure.

Another interesting book, published in 2007, charts the cultural heritage of historic towns in the Urals: *Znamenitnye pamyatniki arhitektury Sverdlovskoy oblasti* (Remarkable Monuments of Architecture in Sverdlovsk Region), by A. A. Starikov, V. I. Siminenko, and V. M. Pozdnykin, starts by briefly outlining the history of architecture in the central Urals. The section 'The Time of Constructivism' lists the most significant examples of the style in Ekaterinburg: the Defence House complex, the Builders' Club, the House of Printing, the NKVD town, the Dinamo sport complex, and the White Tower. The authors provide biographies of famous Ural architects and builders, as well as a glossary of architectural terms [Стариков, Симиненко].

Architectural heritage sites are often intrinsically interwoven with the profiles of the architects. Indeed, it is often through such biographies that it is possible to discover a particular epoch's characteristics. L. N. Smirnov's book, *Peterburgskiy sled v arhitekture konstruktivizma Ekaterinburga* (The Petersburg Footprint in the Constructivist Architecture of Ekaterinburg) (2015), offers insights into the lives of the most important Sverdlovsk architects, of whom some had received their education in Petersburg either before the Revolution or in the 1920s–1930s. Together they created in the capital of the Urals a number of experimental sites, some of which are now regarded as true masterpieces of Constructivism. These graduates of St Petersburg architectural schools made the greatest contribution to the establishment and development of avant-garde architecture in 'Greater Sverdlovsk', turning it from a provincial town with low-rises and dilapidated buildings into a major administrative, industrial, and cultural centre, with structurally sound high-rises and well-planned complexes. Between 1925 to 1934, numerous groups of architects arrived in Sverdlovsk from St Petersburg to sate their creative appetites during the construction boom in the Ural capital. Subsequently, some of them became famous architects: they won many All-Union and regional tenders for building Constructivist buildings and ensembles in major Ural cities. Apart from the biographies of these architects, the book familiarises the reader with their works via drawings, schematics, photos, and sketches. The author persuasively demonstrates that the artistic legacy of St Petersburg architects

continues to actively shape the appearance of individual streets, squares and neighbourhoods in the city [Смирнов, 2015].

A major contribution to the study of iconic objects in Ekaterinburg's Constructivist legacy was made by L. I. Tokmeninova, who prepared and published five albums of extraordinary avant-garde monuments in Sverdlovsk. She provides little-known background information about the design and construction of many unique sites, as well as extensive data on the project designers, all of them outstanding Sverdlovsk or Moscow architects. The albums contain generous selections of photos and unique archival drawings, and the author pays special attention to the novel solutions and materials used in avant-garde architecture [Токменинова].

In their monograph *Arhitektura konstruktivizma goroda Nizhnego Tagila* (The Constructivist Architecture of Nizhniy Tagil) (2008), L. N. Kozlova and L. P. Kholodova research the typology of avant-garde buildings in Nizhny Tagil. In three sections on residential buildings, public buildings, and manufacturing buildings, the book shows the most luminous examples of Constructivist and Postconstructivist architecture in the city and its industrial zones. The main goal of the authors is the identification and study of the architectural details of buildings constructed in the middle of the 1930s, the very end of the Constructivist period. Several buildings in the city are connected to the artistic legacy of M. Ya. Ginzburg, A. M. Mostakov, N. N. Smirnov, and other famous Moscow architects. The monograph is solidly based on field studies, photography, and a considerable number of drawings of building facades. The research includes many previously unknown avant-garde architectural sites. This is important because it is possible that, in the near future, a number of Constructivist and Postconstructivist buildings in various urban areas might be lost due to partial collapse or intentional demolition [Козлова, Холодова].

It can be said, therefore, that architects, historians, and art critics have recently spent a great deal of time and energy on documenting the architectural history of Constructivism in the Urals. However, the scope of the research needs to be extended territorially and chronologically; most importantly, scrupulous generalisation and systematisation is required in order to preserve and restore the many marvellous Constructivist monuments in the Urals.

Список литературы

Архитекторы Екатеринбурга и Свердловской области / под общ. ред. Л. П. Бандровской, Н. А. Вилесовой. Екатеринбург : Урал. рабочий, 2003. 430 с.

Баухауз на Урале : От Соликамска до Орска : материалы междунар. науч. конф., 12–16 ноября 2007 г., Екатеринбург. Екатеринбург : Вебстер, 2008. 175 с.

Баухауз на Урале : Сохранение наследия : материалы междунар. науч. семинара, 22–24 авг. 2008 г., Екатеринбург / науч. ред. Л. И. Токменинова. Екатеринбург : Вебстер, 2010. 154 с.

Вилесов А. И. О возникновении, становлении и развитии общественной творческой организации свердловских архитекторов. Екатеринбург : Татлин, 2010. 127 с.

Гаврилова С. И., Зенкова Л. В. и др. Памятники архитектуры Каменска-Уральского. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008. 101 с.

- Елагин Г. Жизнь посвящая городу. Екатеринбург : Татлин, 2011. 312 с.
- Казаринова Н. В., Канторович Т. Д. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья. Пермь : Книж. мир, 2003. 145 с.
- Казусь И. А. Советская архитектура 1920-х годов: организация проектирования. М. : Прогресс-традиция, 2009. 463 с.
- Козлова Л. Н., Холодова Л. П., Конструктивизм города Нижнего Тагила. Екатеринбург : Архитектон, 2008. 86 с.
- Коньшова Е. В. Градостроительство и архитектура Челябинска конца 1920-х –1950-х годов в контексте развития советского зодчества. Челябинск : ИПГУ, 2005. 164 с.
- Пэр Р. Потерянный авангард : Русская модернистская архитектура 1922–1932 / Екатеринбург : Татлин ; Фонд содействия сохранению культурного наследия «Русский авангард», 2007. 347 с.
- Свод памятников истории и культуры Свердловской области : в 2 т. / отв. ред. В. Е. Звагельская. Екатеринбург : Сократ, 2007–2008. Т. 1. Екатеринбург. 535 с. Т. 2. Свердловская область. 645 с.
- Смирнов Л. Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области, Екатеринбург : НИИМК, 2008. 160 с.
- Смирнов Л. Н. Екатеринбург: наследие конструктивизма. Екатеринбург : НИИМК, 2009. 160 с.
- Смирнов Л. Н. Петербургский след в архитектуре конструктивизма Екатеринбурга. Екатеринбург : Архитектон, 2015. 148 с.
- Стариков А. А., Звагельская В. Е. и др. Екатеринбург: история города в архитектуре. Екатеринбург : Сократ, 2008. 253 с.
- Стариков А. А., Симиненко В. И., Поздников В. М. Знаменитые памятники архитектуры Свердловской области. Екатеринбург : Сократ, 2007. 164 с.
- Токменинова Л. И. Водонапорная башня УЗТМ : Моисей Рейшер. Екатеринбург : Татлин. 2011. 24 с.
- Токменинова Л. И. Дом физкультуры : Вениамин Соколов. Екатеринбург : Татлин, 2012. 32 с.
- Токменинова Л. И. Институты физиотерапии и профзаболеваний : Георгий Голубев. Екатеринбург : Татлин, 2012. 48 с.
- Токменинова Л. И. Жилой комплекс НКВД : Иван Антонов, Вениамин Соколов, Арсений Тумбасов, Александр Стельмашук. Екатеринбург : Татлин, 2012. 48 с.
- Токменинова Л. И. Дом промышленности и торговли : Александр Стельмашук, Даниил Фридман, Глеб Глушенко, Петр Пастернак. Екатеринбург : Татлин, 2013. 60 с.
- Урал : Маршруты культуры / под ред. И. Н. Борисовой. Екатеринбург : Сократ, 2012. 321 с.

References

- Bandrovskaya, L. P. & Vilesova, N. A. (Eds.). (2003). *Arkhitektory Ekaterinburga i Sverdlovskoy oblasti* [Architects of Yekaterinburg and Sverdlovsk Region]. 430 p. Yekaterinburg, Ural'skiy rabochy.
- Baukhauz na Urale : Ot Solikamska do Orska : materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. Ekaterinburg, 12–16 noyabrya 2007 g.* [From Solikamsk to Orsk: Materials of an International Conference. Yekaterinburg, Nov. 12–16, 2007]. (2008). 175 p. Yekaterinburg, Vebster.
- Borisova, I. N. (Ed.). (2012). *Ural : Marshruty kul'tury* [The Urals: Cultural Itineraries]. 321 p. Yekaterinburg, Sokrat.
- Elagin, G. (2011). *Zhizn' posvyashchayu gorodu* [I Devote My Life to the City]. 312 p. Yekaterinburg, Tatlin.
- Gavrilova, S. I. & Zenkova, L. V. (2008). *Pamyatniki arkhitektury Kamenska-Ural'kogo* [Kamensk-Uralsky Architectural Monuments]. 101 p. Yekaterinburg, Bank kul'turnoy informatsii.
- Kazarinova, N. V. & Kantorovich, T. D. (2003). *Arkhitektory i arkhitekturnye pamyatniki Permskogo Prikam'ya* [Architects and Architectural Monuments of Perm Prikamye]. 145 p. Perm, Knizhnyy mir.
- Kazus', I. A. (2009). *Sovetskaya arkhitektura 1920-kh godov: organizatsiya proektirovaniya* [The Soviet Architecture of the 1920s: Designing Organization]. 463 p. Moscow, Progress-traditsiya.

Konyshva, E. V. (2005). *Gradostroitel'stvo i arkhitektura Chelyabinska kontsa 1920–1950-kh godov v kontekste razvitiya sovetskogo zodchestva* [Urban Planning and Architecture of Chelyabinsk of the Late 1920s – 1950s in the Context of Soviet Architecture Development]. 164 p. Chelyabinsk, IPGU.

Kozlova, L. N. & Kholodova, L. P. (2008). *Konstruktivizm goroda Nizhnego Tagila* [Constructivism in the City of Nizhny Tagil]. 86 p. Yekaterinburg, Arkhitekton.

Per, R. (2007). *Poteryanny avangard : Russkaya modernistskaya arkhitektura 1922–1932* [The Lost Avant-garde: Russian Modernist Architecture]. 347 p. Yekaterinburg, Tatlin.

Smirnov, L. N. (2008). *Konstruktivizm v pamyatnikakh arkhitektury Sverdlovskoy oblasti* [Constructivism in the Architectural Monuments of Sverdlovsk Region]. 160 p. Yekaterinburg, NIIMK.

Smirnov, L. N. (2009). *Ekaterinburg: nasledie konstruktivizma* [Yekaterinburg: Constructivist Heritage]. 160 p. Yekaterinburg, NIIMK.

Smirnov, L. N. (2015). *Peterburgskiy sled v arkhitekture konstruktivizma Ekaterinburga* [The Petersburg Influence on the Constructivist Architecture of Yekaterinburg]. 148 p. Yekaterinburg, Arkhitekton.

Starikov, A. A., Siminenko, V. I. & Pozdnykin, V. M. (2007). *Znamenitye pamyatniki arkhitektury Sverdlovskoy oblasti* [Famous Architectural Monuments of Sverdlovsk Region]. 164 p. Yekaterinburg, Sokrat.

Starikov, A. A. & Zvageľ'skaya, V. E. (2008). *Ekaterinburg: istoriya goroda v arkhitekture* [Yekaterinburg: The History of the City in Architecture]. 253 p. Yekaterinburg, Sokrat.

Tokmeninova, L. I. (Ed.). (2010). *Baukhauz na Urale : Sokhranenie naslediya : materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara. Ekaterinburg 22–24 avgusta 2008 g.* [Bauhaus in the Urals: Heritage Conservation: Materials of an International Research Seminar. Yekaterinburg, Aug. 22–24, 2008]. 154 p. Yekaterinburg, Vebster.

Tokmeninova, L. I. (2011). *Vodonapornaya bashnya UZTM : Moisey Reysher* [The Tank Tower of the UZTM: Moisey Reischer]. 24 p. Ekaterinburg, Tatlin.

Tokmeninova, L. I. (2012). *Dom fizkul'tury : Veniamin Sokolov* [The House of Physical Culture: Veniamin Sokolov]. 32 p. Yekaterinburg, Tatlin.

Tokmeninova, L. I. (2012). *Instituty fizioterapii i profzabolevaniy : Georgy Golubev* [Institutions of Physiotherapy and Occupational Diseases: Georgy Golubev]. 48 p. Yekaterinburg, Tatlin.

Tokmeninova, L. I. (2012). *Zhiloy kompleks NKVD : Ivan Antonov, Veniamin Sokolov, Arseny Tumbasov, Aleksandr Stel'mashchuk* [The NKVD Residential Community: Ivan Antonov, Veniamin Sokolov, Arseny Tumbasov, Aleksandr Stelmashchuk]. 48 p. Yekaterinburg, Tatlin.

Tokmeninova, L. I. (2013). *Dom promyshlennosti i trgovli : Aleksandr Stel'mashchuk, Daniil Fridman, Gleb Glushchenko, Petr Pasternak* [The House of Industry and Trade: Aleksandr Stelmashchuk, Daniil Friedman, Gleb Glushchenko, Petr Pasternak]. 60 p. Yekaterinburg, Tatlin.

Vilesov, A. I. (2010). *O vozniknovenii, stanovlenii i razvitiy obshchestvennoy tvorcheskoy organizatsii sverdlovskikh arkhitektorov* [On the Emergence, Establishment, and Development of the Public Creative Organization of Sverdlovsk Architects]. 127 p. Yekaterinburg, Tatlin.

Zvageľ'skaya, V. E. (Ed.). (2007). *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoy oblasti : v 2 t.* [A Collection of Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Region: 2 Vols.]. Vol. 1. Ekaterinburg. 535 s. Vol. 2. Sverdlovskaya oblast'. 645 s. Yekaterinburg, Sokrat.

*The article was submitted on 28.07.2016
Translated by Anna Dergacheva*

DOI 10.15826/qr.2016.3.187

УДК 94(470)"19"+325.1:34+325.1:36

**«ШИРОКА СТРАНА МОЯ РОДНАЯ»:
ИЗМЕРЕНИЯ РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИИ***

Рец. на: Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century.* Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. XVII + 421 с.

Олег Горбачёв

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

**«BROAD IS MY NATIVE LAND»:
THE DIMENSIONS OF RUSSIAN MIGRATION****

Rev. of: Siegelbaum L. H., Moch L. P. *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century.* Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. XVII + 421 p.

Oleg Gorbachev

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

The review of the book of American researchers Lewis H. Siegelbaum and Leslie Page Moch is focused on the authors' concept of the Russian migration in the 20th century. It places not the state in the center of the research, that is usual for the Russian studies, but the migrants themselves. In accordance with this concept, the aim is to establish the relationship between the individual migration practices (*repertoires*) and migration regimes formed by the state. It assesses the strengths and weaknesses of the migrants' typology resulting from the authors' task. The proposed concept makes the traditional division of migration into voluntary and

* Тема публикации поддержана грантом Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

** *Citation:* Gorbachev, O. (2016). "Broad Is My Native Land": The Dimensions of Russian Migration. In *Quaestio Rossica*. Vol. 4. № 3, p. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.

Цитирование: Gorbachev O. "Broad Is My Native Land": The Dimensions of Russian Migration // *Quaestio Rossica*. Vol. 4. 2016. № 3. P. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187 / Горбачёв О. «Широка страна моя родная»: измерения российской миграции // *Quaestio Rossica*. Т. 4. 2016. № 3. С. 268–281. DOI 10.15826/qr.2016.3.187.

coerced unnecessary. As a result, conflicts are bound to arise, as in the Russian history of the last century the coercion factor is difficult to ignore. On the other hand, the proposed approach allows the author for the first time in historiography to characterize a large number of manifestations of Russian migration activity, which was not easy, based on the status and availability of the necessary resources. The undoubted merit of the authors is their desire to enter the migration history of Russia in the global context. The author emphasizes the doubtless scholarly importance and relevance of the work of Siegelbaum and Moch.

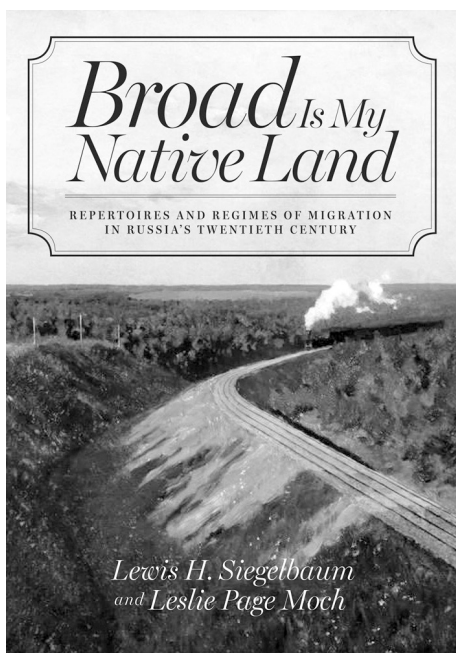
Keywords: Russia in the 20th century; migration; repertoires of migration; migration regimes; types of migration.

В рецензии на книгу американских исследователей Льюиса Сигельбаума и Лесли Пейдж Мох основное внимание концентрируется на авторской концепции российской миграции в XX в., ставящей в центр рассмотрения не государство, как это обычно принято в исследованиях по истории России, а самих мигрантов. В соответствии с этой концепцией ставится цель установить соотношение между индивидуальными миграционными практиками и государственными миграционными режимами. Оцениваются сильные и слабые стороны типологии мигрантов, вытекающей из авторской задачи. Обращается внимание на то, что предложенная концепция делает необязательным традиционное деление миграций на добровольные и принудительные. В результате неизбежно возникают противоречия, поскольку в российской истории XX столетия фактор принуждения игнорировать сложно. С другой стороны, предложенный подход позволил едва ли впервые охарактеризовать максимально большое количество проявлений российской миграционной активности, что было непросто, исходя из состояния и доступности необходимых источников. Безусловной заслугой авторов является их стремление вписать миграционную историю России в общемировой контекст. Делается вывод о несомненной научной значимости и востребованности работы Сигельбаума и Мох.

Ключевые слова: Россия в XX веке; миграция населения; индивидуальные миграционные практики; режимы миграции; типология миграции.

В последние несколько лет миграционная тематика пользуется повышенным (если не сказать ажиотажным) вниманием со стороны научной общественности. Явившись миру в виде исследовательского тренда эпохи глобализации, она явно претендует на большее, чем роль очередной модной исследовательской игрушки. В сегодняшнем подвижном мире миграция вдруг оказалась нужна экономистам, историкам семьи, политологам, социологам, культурологам и т. д. Не остались в стороне и историки.

Книга, представленная известным специалистом по миграции Лесли Пейдж Мох и не менее известным знатоком истории России XX в. Льюисом Сигельбаумом, не единственная, в которой затрагиваются

проблемы российской миграции, но, пожалуй, первая, где предпринята попытка рассмотрения миграции на территории России – СССР в XX в. в самых разнообразных ее проявлениях. По этой причине она получила активный отклик в академическом сообществе, в том числе в российском [Болдовский; Campbell]. К масштабности располагает и название, для которого использована известная песенная строчка «Широка страна моя родная». Эта фраза, как считают авторы, имеет двойной смысл, предполагающий одновременно и гордость за огромную территорию, и понимание проблем, связанных с ее наличием.

Уточняющий подзаголовок – «миграционные практики и режимы миграции в России в XX веке» – является отражением авторской концепции, предполагающей сочетание намерений мигрантов и государства (именно в такой последовательности). Как поясняют авторы, тем самым они пытаются отойти от стереотипов, сформированных специалистами по истории России, в соответствии с которыми государство в XX столетии было единственным актором, и стремятся доказать, что самостоятельная деятельность мигрантов оказывалась не менее (а иногда даже более) значимой.

До настоящего времени, пишут Сигельбаум и Мох, Россия была «Сибирью миграционных исследований – далекой и не обещающей ничего хорошего» (“foreboding”) (р. 298)¹. Ими ставится задача способствовать включению миграционной истории России в европейскую и мировую.

Действительно, сегодня существует разрыв между российскими и зарубежными исследователями миграции. Западный читатель достаточно хорошо знаком с теми ее аспектами, которые сопровождают историю ГУЛАГа, но находится в неведении относительно многих других проявлений российской миграционной активности. С другой стороны, российские работы по миграции в большинстве своем опираются на агрегированные статистические сведения, содержащиеся в государственных архивах. Отечественная исследовательская тради-

¹ Здесь и далее номера страниц рецензируемой книги приводятся в круглых скобках по электронной версии книги из поисковой системы Google Books.

ция оставляет без внимания индивидуальные миграционные траектории, что вызвано несколькими факторами:

- отсутствием либо труднодоступностью определенных категорий источников,
- сохраняющимся скептицизмом по отношению к источникам личного происхождения и художественным текстам,
- отсутствием традиции написания биографических историй повседневности.

Поэтому, говоря об односторонности западных историков и отдавая должное качеству российских исследований, Сигельбаум и Мох отмечают уязвимость последних с точки зрения отсутствия микроданных и персональных историй, особенно наглядную у авторов работ по послесталинской миграции (р. 115).

Как объясняют авторы, «мы постарались выйти за рамки репутации России как страны принудительной миграции – хотя во многом и заслуженной – и представить полный диапазон миграционных перемещений. Отсюда большой территориальный охват. Мы хотели расширить понимание того, что может и чего не может амбициозное государство в сфере контроля за передвижением населения и освоением территории» (р. 298). Названия глав работы отражают авторские намерения и выводят на первый план именно мигрантов, а не государство: «Переселенцы», «Сезонные мигранты», «Мигранты в города», «Карьерные мигранты», «Военные мигранты», «Беженцы и эвакуированные», «Депортированные», «Свободно перемещающиеся» (*Itinerants*).

Позиция авторов предопределила непривычное отсутствие противопоставления добровольной и вынужденной миграции. «Любая миграция, – пишут Сигельбаум и Мох, – предполагает принуждение, в том числе принуждение обстоятельств» (р. 294). Именно этим (а возможно, и соображениями стиля) вызвана неопределенность используемых характеристик: в разных местах книги вынужденные миграции атрибутируются как *coercive*, *violent* и *involuntary* («принудительные», «насильственные» и «недобровольные»), заставляя читателя задуматься относительно содержательных различий между ними.

Итак, в книге сопоставляются индивидуальные *repertoires* (что можно перевести как «повторяющиеся практики») и государственные режимы (*regimes*) миграции. Содержание понятия «режим» совпадает с предложенным группой российских исследователей: «политика, практики и инфраструктура, предназначенные как для усиления, так и для сдерживания движения населения» [В движении добровольном и вынужденном, с. 16]. Использование данного концепта эвристически перспективно, поскольку позволяет уйти от традиционной привязки к одной из форм миграции и осуществить комплексный анализ процесса. Вместе с тем, нельзя не заметить размытости понятия «режим миграции» в понимании авторов. К примеру, в первой главе оговаривается его соответствие лишь одной форме движения населе-

ния (переселению); здесь же подчеркивается изменчивость режимов во времени. «За кадром» остаются условия изменения режима, возможности его применения к другим видам миграции. Подвижность понятия «режим миграции» очевидно затрудняет концептуализацию авторского подхода.

По мнению авторов, миграционные режимы и практики не находятся в оппозиции: «Институциональная и семейная необходимости дополняли друг друга» (р. 294). В этой связи чрезвычайно важно подчеркивание роли семьи в миграции, что следует считать еще одной отличительной чертой монографии. Именно на семью, по мысли авторов, опирались и государство при формировании режимов миграции, и сами мигранты (р. 33). От наличия и взаимодействия членов семьи зависели возможность перемещения из деревни или колхоза, право жить в «режимном» городе или вернуться в него после долгого отсутствия. Семейный аспект монографии придает тексту дополнительную актуальность, поскольку эта проблематика является весьма востребованной в последнее время.

Книга насыщена фактическим материалом, и большое количество самостоятельных сюжетов делает невозможным их сколько-нибудь подробный обзор даже в пространной рецензии. Поэтому остановимся на наиболее важных.

В первой главе речь идет о переселенцах, теме вполне обычной и для российского исследовательского поля. Авторы отмечают, что переселение в процессе колонизации применялось не только в России, но и в других странах, при этом специально оговаривается, что термин «переселение» (*resettlement*) более соответствует концепции работы, чем привычное, но более тенденциозное понятие «перемещение населения» (*population transfer*) (р. 59).

В соответствии с логикой «практик» и «режимов» утверждается, что с завершением строительства Транссибирской магистрали в начале XX в. инициированные государством миграционные режимы впервые максимально совпали с индивидуальными миграционными практиками, обеспечив эффективное переселение на Восток. В дополнение к распространенной в отечественной литературе концепции «малоземелья» в Европейской части страны как основной побудительной причине движения за Урал Сигельбаум и Мох обращают внимание на геополитическую мотивацию властей (необходимость уравновесить влияние японцев и китайцев в приграничье). Такая оценка содержательно сближает досоветские и сталинские переселения.

Подчеркивая, что на фоне нарастающей принудительной миграции в 1930-е гг. по-прежнему значимыми были ее добровольные формы, авторы очевидно полемизируют с представителями «тоталитарного» направления, отдающими предпочтение насильственной миграции. В качестве примера приводятся одиночники, желавшие таким образом сбежать от налогов (либо элементарно выжить).

На фоне хорошо изученных переселений первой трети XX в. сюжет о перемещениях периода Великой Отечественной войны выглядит неожиданным, в первую очередь из-за неизбежного смешения разных категорий мигрантов в эпоху большой миграционной подвижности. Авторы относят к переселенцам участников наборов рабочей силы в рыбные колхозы и на перерабатывающие предприятия в 1942–1944 гг., что не является бесспорным: в отечественной историографии такие перемещения обычно рассматриваются в контексте «трудовых мобилизаций».

Тем не менее, приводимые в этой связи данные очень интересны. Обращается внимание на то, что в составе переселенных в рыбные колхозы было большое количество эвакуированных, что вытекало из политики властей в местах выхода: местные чиновники, выполняя план по переселению в рыбные колхозы, стремились сохранить «своих»; кроме того, женщины, чьи мужья находились на фронте, не собирались куда-либо уезжать. О «вынужденной добровольности» переселений по причине тяжелого материального положения свидетельствует большая доля многосемейных среди переселенцев (р. 53).

Информативная первая глава включает также сюжеты о послевоенном сельскохозяйственном переселении, ликвидации «неперспективных деревень» на рубеже 1960–1970-х гг., об этнических переселениях (от депортации на восток польских «осадников» после начала Второй мировой войны до провальной попытки заселить Нечерноземье выходцами из Узбекистана в 1970-е гг.) и т. п.

Во второй главе рассматриваются сезонные мигранты. По признанию авторов, временные трудовые миграции, от традиционных крестьянских «отходников» до позднесоветских «шабашников», являются для них наиболее важными (*our point* (р. 298)). Именно на этом материале оказывается наиболее удобным связать воедино персональные, семейные и властные (*personal, familial and governmental*) мотивы миграции. К числу сезонных мигрантов относят и паломников, преимущественно женщин, ежегодное количество которых только в Черноземье составляло до революции не менее миллиона (р. 68).

Характеризуя эволюцию отходничества в советских условиях, авторы учитывают мнение Ш. Фитцпатрик, полагающей, что коллективизация имела целью нанести удар по нему [Fitzpatrick, 1993, р. 32–33]. Однако при этом они полагают, что задолго до окончания первой пятилетки сезонный труд интегрировался в советскую экономику в качестве адаптивной практики, компенсируя недостаток рабочих рук в промышленности и давая сельским жителям возможности для выживания (р. 79).

Органичной частью главы является анализ причин и проявлений феномена «шабашничества», который редко привлекает внимание российских исследователей из-за мало разработанной источниковой базы [см., например: Валетов]. Базируясь на документальном кино перестроечного периода, мемуарном «Житии одного шабашника»

В. Гальченко, апеллируя к опыту студенческих строительных отрядов, авторы раскрывают специфику сезонного труда в позднесоветскую эпоху [Гальченко].

Сигельбаум и Мох внесли свой вклад и в привычную тему миграции из села в город, посвятив ей третью главу. Они отмечают, что в 1930-е гг., когда в Западной и Центральной Европе эта разновидность миграции сошла на нет, в России произошел ее взрывной рост. Одновременно высказывается предположение, что советское переселение сельских жителей в города стало проявлением наиболее интенсивной урбанизации в мировой истории. Под термином «урбанизация» подразумевается именно количественный рост городского населения. В очередной раз исследователи полемизируют с «тоталитарным» подходом западной историографии, в рамках которого движение населения в СССР было полностью подчинено государственной воле. «Мужчины и женщины перемещались, преследуя собственные цели, реализуя собственные планы (когда это было возможно), и эти планы не всегда видны историку» (р. 107). В качестве иллюстрации приводятся убедительные данные об объемах неорганизованной миграции на строительство Магнитки (48 % в 1931 г.), причем количество прибывших было сопоставимо с количеством убывших (р. 108).

В то же время авторы не питают иллюзий относительно причин переезда, сравнивая советскую ситуацию с европейской: «Если в Западной Европе сельские жители переезжали в город от чувства безысходности, порожденного структурными изменениями в системе землепользования, занятости, демографических структурах, то советские крестьяне 1930-х гг. ехали от тяжелых условий, определенных государством» (Ibid.).

Интересным в общем контексте значимости семьи в миграционных перемещениях является замечание о том, что в советский период ввиду более позднего вступления в брак увеличилась доля мигрантов-одиночек. Отмечается большая приверженность традиционному семейному быту у переселявшихся в старые города, такие как Москва, в сравнении с районами нового освоения («в городах типа Магнитогорска прежние крестьянские формы организации не выживали благодаря более тесным контактам между рабочими и менее крепким семейным связям» (р. 111)). Это интересное суждение было бы еще более весомым, если бы удалось сравнить Магнитогорск не с Москвой, всегда обладавшей в миграциях особым статусом, а с другим старым городом, хотя бы близлежащим Челябинском.

С сельско-городской миграцией тесно связана проблема эволюции советской паспортной системы от сталинских крестьян к «лимитчикам» брежневского периода. Ее основным предназначением, отмечается в работе, было «держать людей определенного типа вдали от определенного типа мест» (Ibid.). К сожалению, Сигельбаум и Мох не идут дальше констатации изменений, хотя вывод о смене политиче-

ских (репрессивных) мотивов экономическими в регулировании миграции в города явно напрашивается.

Экономическая составляющая важна и в характеристике ситуации с так называемой «северной надбавкой» – еще один нестандартный сюжет в контексте миграции в города. В тексте отмечается, что надбавки были введены еще в 1945 г. на фоне развитой системы принудительного труда на Севере для лагерного персонала и администрации местных предприятий. Следовало бы отметить, что в хрущевское время надбавки действовали в качественно иных условиях: не только расширился контингент их получателей, но и стала доминирующей экономической мотивация, которая вытеснила внеэкономическое принуждение к труду. О значимости «северной надбавки» красноречиво свидетельствует пример об активной миграции с Сахалина в результате сокращения надбавки в 1959 г. после посещения острова Н. С. Хрущевым (р. 121).

Сюжет перехода от внеэкономических к экономическим факторам миграции населения в города завершается констатацией постсоветской ситуации: «после распада СССР миграционные режимы в большей степени формируются экономикой, нежели бюрократией» (р. 124).

В отличие от предыдущей, тема профессиональной мобильности (четвертая глава) редко поднимается российскими исследователями миграции. Как и в других главах, здесь делается попытка объединить в рамках одного понятия выходцев из разных социальных слоев в резко меняющихся общественных условиях. И если в случае с чиновником землеустроительного ведомства А. А. Татищевым определение «карьерный мигрант» адекватно, то по отношению к рабочим-«двадцатипятидесятникам», направленным в колхозы в начале политики коллективизации, применить его гораздо труднее.

Следуя взятой линии на выяснение того, как воля государства сочеталась с пожеланиями самих мигрантов, авторы проследили перемещения А. А. Татищева в 1914–1920 гг. и составили карту его путешествий. Этот материал, сам по себе любопытный, не дает больших возможностей для теоретических выводов за пределами констатации разнообразия маршрутов. С другой стороны, интересным является анализ местных землячеств, помогавших «карьерным мигрантам» в реализации профессиональных стратегий.

Сигельбаум и Мох не оговаривают причину своего особого интереса к профессиональным миграциям представителей сельскохозяйственных, переселенческих и силовых ведомств. Предметом рассмотрения являются даже лагерные охранники, многие из которых занимали свои должности в силу обстоятельств. С другой стороны, за рамками исследования остался особый миграционный режим партийных управленцев, чьи переезды в сталинские годы регламентировались по-военному жестко и безальтернативно.

К «карьерным мигрантам» авторы относят и выпускников вузов, в книге подробно рассматривается система их распределения в со-

ветские годы. В связи с этим упоминается Ш. Фитцпатрик, которая изучала становление советской интеллигенции, но не рассматривала превращение студента в молодого специалиста [Fitzpatrick, 2002]. Не затрагивала она и территориальный аспект проблемы, анализируемый Сигельбаум и Мох. Несмотря на ограниченность источниковой базы, авторам удалось убедительно показать изначальную неэффективность системы распределения с момента ее введения в 1933 г. В условиях недостатка специалистов, особенно в отраслях, связанных с НТР, оно становилось бессмысленным. Местные власти, предполагая, что молодые специалисты все равно уедут, создавали им заведомо плохие условия. Они и уезжали – так получался замкнутый круг (р. 159).

Еще одна небесспорная постановка вопроса: можно ли считать мигрантами участников военных действий (пятая глава)? Сигельбаум и Мох отвечают на него положительно на том основании, что в ходе войны имели место не только территориальные, но и социальные перемещения, и опираются в этом суждении на мнение Джошуа Санборна [Sanborn, p. 291]. Привычное соотнесение государственной воли и собственных устремлений мигрантов усматривается в добровольчестве и дезертирстве комбатантов.

Как и в случае с карьерными мигрантами, знание о разнообразии перемещений в годы войны не дает оснований для обобщающих выводов. В результате мы имеем дело с тривиальной констатацией, что «во время войны люди в большей степени перемещались по ее законам, а не по собственной воле» (р. 180). Впрочем, авторы хотят показать, что могло быть и иначе. В книге приводятся жизненные истории, герои которых находили в себе силы противиться обстоятельствам и в конечном счете сами определяли направление своего передвижения во время войны.

На том основании, что солдаты во время войны оказывались на территориях, где говорили на других языках, Сигельбаум и Мох вслед за Яном и Лео Лукассенами предлагают квалифицировать их как межэтнических мигрантов (*cross-community migrants* (р. 180) [Lukassen, Lukassen]).

Содержательно и убедительно в исследовании показаны преимущественные направления демобилизации после Великой Отечественной войны². Для западного читателя могут показаться любопытными специфические советские правила, определявшие необходимость несения воинской службы в мирное время вдали от дома. Заслуживают внимания проблема взаимоотношений между советскими военнослужащими срочной службы разной этнической принадлежности и анализ феномена «дедовщины».

По мысли авторов, в качестве своеобразного символа российских военных миграций (если все же согласиться с термином) можно воспринимать снятый в 1990-е гг. фильм об узнике чеченской войны

² Специального упоминания заслуживает использование в книге названия «Великая Отечественная война» вместо обычного для англоамериканской русистики «Вторая мировая война».

«Кавказский пленник», содержащий аллюзию как на поэму Пушкина, так и на рассказ Толстого. «Вечный сюжет» демонстрирует, что в течение столетий военные миграции были связаны с пересечением межэтнических границ.

В названии шестой главы («Беженцы и эвакуированные») заложена антиномия, в очередной раз иллюстрирующая авторскую идею о сочетании индивидуальных практик и государственных режимов миграции: беженцы бегут сами, а эвакуированные перемещены государством. В целях демонстрации упорядоченности и подконтрольности процесса государство, естественно, предпочитало второе наименование (в книге говорится об «особой советской враждебности по отношению к стихийности» (р. 203)). Кроме того, обращается внимание на противоречивость интерпретации термина «беженцы» в советской административной практике, восходящей к долго существовавшим пробелам в международном праве и определявшей сложное к ним отношение: кто они в первую очередь – сеятели паники и болезней либо беззащитные жертвы?

В отличие от некоторых других глав, в шестой авторы сочли нужным обратить более пристальное внимание на источники, которым отдавали предпочтение. Так, информация о беженцах и эвакуированных периода Великой Отечественной войны содержится в письмах во власть, делопроизводственных документах и воспоминаниях (в форме интервью или мемуаров). Взятые вместе, они позволяют проанализировать «основные измерения опыта эвакуированных». Верные дихотомическому принципу, Сигельбаум и Мох утверждают, что, несмотря на огромные эвакуационные усилия государства, люди, перемещавшиеся на восток в 1941 г., по большей части были беженцами, а не эвакуированными (то есть имела место «самоэвакуация») (р. 207).

В этой части работы показаны реальные масштабы эвакуации в годы войны, много говорится о положении эвакуированных. Специальное внимание уделено эвакуации из блокадного Ленинграда. Вопреки подходам, утвердившимся в отечественной историографии, Сигельбаум и Мох полагают, что ключевое значение для внесения конкретной семьи в списки эвакуированных имели не столько транспортные возможности властей, сколько наличие в тылу обустроенного жилья. Именно поэтому на эвакуацию в первую очередь могли рассчитывать те блокадники, которые имели согласие на размещение от своих родственников.

В книге рассматривается еще один важный сюжет – трудности, возникавшие у горожан во время реэвакуации. Их основной причиной был ограниченный жилой фонд, еще более сократившийся в годы войны. Жители Москвы, самого привилегированного города СССР, стремились вернуться как можно быстрее. Дело в том, что решение московского горсовета, изданное в июне 1944 г., предписывало, что квартира в Москве оставалась в пользовании прежних жильцов, только если за нее без задержек вносилась квартплата. В других го-

родах ситуация подчас была не лучше – горсовет Воронежа и вовсе лишил эвакуированных прав на прежнее жилье (р. 219).

Впечатленные масштабом процессов, происходивших на территории СССР в годы войны, Сигельбаум и Мох сочувственно отмечают: «мы видим всю нацию в движении, а также государство, которое пытается реализовать сразу несколько целей: защитить своих граждан от оккупации, сохранить производственный потенциал страны и нанести поражение агрессору» (Ibid.).

К «беженцам и эвакуированным» послевоенного времени авторы обоснованно причисляют жителей населенных пунктов, затопленных в ходе строительства Волго-Донского канала и гидроэлектростанций, а также пострадавших от стихийных бедствий – землетрясений в Ташкенте и Армении и техногенной катастрофы на Чернобыльской АЭС. Как и в других частях книги, внимание привлекают не столько миграционные последствия катаклизмов (они более или менее известны русскоязычному читателю), сколько их неожиданное объединение в рамках одной темы.

В конце главы обозначены ключевые характеристики беженцев 1990-х гг. Отмечены выраженная этническая составляющая процесса миграции, отсутствие половых и возрастных диспропорций в составе мигрантов, а также полное неучастие государства в их судьбе, что позволяет квалифицировать их именно как беженцев.

Как уже было отмечено, Сигельбаум и Мох почти не рассматривают насильственные миграции из-за бесперспективности сопоставления в этом контексте индивидуальных миграционных мотиваций и государственного режима миграции. Исключением является седьмая глава монографии, посвященная депортированным, которая призвана проиллюстрировать «противоречие между депортацией и желанием вернуться» (р. 229). Авторы устанавливают различие между высылками и депортациями, полагая, что в депортациях более важной была не собственно высылка, а освоение места назначения. Тезис спорный, особенно если вспомнить о депортациях репрессированных народов в 1940-е гг. Полагаем, что мотив освоения территории в российских условиях сопутствовал любой высылке.

В книге подчеркивается принципиальная схожесть высылки в России и других воюющих странах в годы Первой мировой войны. Обращается внимание на сложность отнесения мигрантов к определенной категории в 1930-е гг.: считать ли, например, поляков, переселенных из Западной Белоруссии в 1930-е гг., переселенцами или депортируемыми? (Как уже отмечалось, польские «осадники» фигурируют в книге и в главе о переселенцах.)

Довольно обильные материалы о побегах спецпоселенцев в этой главе снова возвращают нас к индивидуальным траекториям миграции, противостоящим миграционным «режимам». Малое количество статистических сведений объясняется рисками деперсонализации и дегуманизации процесса, возникающими при перечислении цифр.

Самой неожиданной по содержанию следует признать восьмую главу, где рассматриваются *itinerants*, или «переезжающие с места на место». Под таковыми авторы подразумевают кочевников, беглецов из мест заключения, цыган, бродяг. Основную сложность в живописании «бурных взаимоотношений между мигрантами и антимиграционным режимом, целей и практик беглецов, бродяг и кочевников» (р. 241) Сигельбаум и Мох видят в малочисленности и специфичности имеющих источники.

Самое значительное место в главе отведено эволюции кочевых практик народов Севера и Казахстана. Основной причиной их перевода на оседлость считаются действия государства. «Наша главная цель, – осторожно пишут Сигельбаум и Мох, – в доказательстве, что ослабление и последующее исчезновение кочевых практик у казахов, как и у народов Севера, произошло не из-за изначальной их неэффективности, а ввиду способности других людей применять силовые методы, исходя из экономической либо идеологической необходимости» (р. 282). Отмечая разрушительные последствия государственного вмешательства для северного кочевого быта, авторы в то же время не склонны абсолютизировать эти последствия по отношению к казахским кочевникам: «Влияние русских нельзя рассматривать как просто перевод казахов на оседлость в контексте модернизации казахского быта. Имело место встречное движение» (р. 284). Говоря о пагубном воздействии коллективизации на казахское общество, Сигельбаум и Мох, тем не менее, отмечают, что дело не в социализме или колониализме: опыт Саудовской Аравии, Эфиопии и Танзании доказывает, что существуют общие принципы проведения политики оседлости.

Масштабный труд Льюиса Сигельбаума и Лесли Пейдж Мох будит воображение и заставляет пересмотреть устоявшиеся стереотипы. В этом смысле книга представляет интерес как для западных, так и для российских читателей, которые получают шанс приобщиться к впечатляющей масштабной картине миграционных перемещений на территории огромной страны в течение столетия. Предложенная концепция, уделяющая одинаково большое внимание как усилиям государства в проведении миграционной политики, так и мотивам обычных граждан, способна поколебать устоявшиеся представления об определяющей роли авторитарного государства в миграционных процессах; при этом следует признать, что авторы не всегда одинаково убедительны в отстаивании своей идеи.

В заключительной части книги приводится тезис, наилучшим образом демонстрирующий намерения авторов: «Специалисты по России долго подчеркивали огромную роль государственных инициатив, особенно в сталинский период. Мы показываем, что главные мероприятия этих десятилетий (коллективизация, индустриализация, массовый террор, сопротивление агрессии и территориальная экспансия) были невозможны без людей, перемещающихся или перемещаемых...

Государство было занято освоением природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока, но при этом оно было не в состоянии обеспечить мигрантам нормальные условия жизни, несмотря на обещания». Однако люди не были игрушкой в руках государства, подчеркивается в книге. Они находили в себе и силы, и ресурсы для выживания (р. 297).

Вслед за Чарльзом Тилли, который отождествляет историю миграции в Европе с историей европейского общества, американские авторы совершенно справедливо полагают, что изучение движения населения в России дает очень многое для понимания истории страны в XX в.

Итак, можно констатировать, что современная миграциология пополнилась содержательным и очень интересным исследованием, которое не только способствует сближению позиций разных школ изучения истории миграции, но и делает значимый шаг вперед в деле включения российских миграционных процессов в европейский и общемировой контекст.

Список литературы

Болдовский К. А. Рецензия на книгу: Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch «Broad is my Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century» // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 287—290.

В движении добровольном и вынужденном: постсоветские миграции в Евразии / под ред. А. В. Вяткина, Н. П. Космарской, С. А. Панарины. М. : Наталис, 1999. 319 с.

Валетов Т. Я. Самоорганизованные сезонные бригады (шабашники) в СССР в 1960–1980-х гг.: экономические и социальные аспекты // Экономическая история. Обзорение. Вып. 14 / под ред. Л. И. Бородкина. Труды исторического факультета МГУ. Вып. 40. М. : Изд-во МГУ, 2008. С. 203–226.

Гальченко В., Максимова Н. Житие одного шабашника // ЭКО. 1987. № 3. С. 104–108.

Campbell I. Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century by Lewis H. Siegelbaum, Leslie Page Moch (rev.) // J. of Interdisciplinary History. 2016. № 46 (4). P. 594–596.

Fitzpatrick Sh. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. 368 p.

Fitzpatrick Sh. Stalin's Peasants : Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford Univ. Press, 1993. 386 p.

Lukassen J., Lukassen L. The Mobility Transition Revisited, 1500–1900 : What the Case of Europe Can Offer to Global History // J. of Global History. 2009. № 4 (3). P. 347–377.

Sanborn J. A. Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I // The J. of Modern History. 2005. № 77. P. 290–324.

Siegelbaum L. H., Moch L. P. Broad is my Native Land : Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century. Ithaca : Cornell Univ. Press, 2014. 421 p.

References

Boldovsky, K. A. (2016). *Retsenziya na knigu: Levis H. Sigelbaum, Leslie Page Moch "Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century"* [Rev. of: "Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century"]. In *Noveyshaya istoriya Rossii*, 1, pp. 287—290.

Campbell, I. (2016). *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century* by Lewis H. Siegelbaum, Leslie Page Moch (rev.). In *Journal of Interdisciplinary History*, № 46 (4), pp. 594–596.

Fitzpatrick, Sh. (2002). *Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934*. 368 p. Cambridge Univ. Press.

Fitzpatrick, Sh. (1993). *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. 386 p. Oxford Univ. Press.

Gal'chenko, V. with N. Maksimova. (1987). *Zhitie odnogo shabashnika* [The Life of a Shabashnik], ECO, 3: 104–108.

Lukassen, J. and Lukassen, L. (2009). The Mobility Transition Revisited, 1500–1900: What the Case of Europe Can Offer to Global History, *J. of Global History*, 4(3): 347–377.

Sanborn, J. A. (2005). Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I," *The J. of Modern History* 77: 290–324.

Siegelbaum, L. H., Moch, L. P. (2014). *Broad Is My Native Land: Repertoires and Regimes of Migration in Russia's Twentieth Century*. 421 p. Ithaca, Cornell Univ. Press.

Valetov, T. Y. (2008) *Samoorganizovannye sezonnye brigady (shabashniki) v SSSR v 1960–1980-h gg.: ekonomicheskie i social'nye aspekty* [Self-organized Seasonal Teams (Shabashniki) in the USSR in 1960–1980s: The Economic and Social Aspects], in: Borodkin, L. I. (Ed.), *Ekonomicheskaya istoriya (Rev.)*. Vol. 14. Moscow, Moscow State Univ., p. 203–226.

Vyatkin, A. V., Kosmarskaya, N. P. and Panarin, S. A. (Eds.) (1999). *V dvizhenii dobrovol'nom i vynuzhdennom: postsovetskie migracii v Evrazii* [The Voluntary and Involuntary Movement: Post-Soviet Migration in Eurasia]. 319 p. Moscow, Natalis.

The article was submitted on 05.03.2016

ОБ АВТОРАХ ON THE AUTHORS

Аракчеев Владимир Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
arakk@rambler.ru

Бугров Константин Дмитриевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
k.d.bugrov@gmail.com

Горбачёв Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор, кафедра документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет.
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19.
og_06@mail.ru

Дадыкина Маргарита Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (кампус в Санкт-Петербурге).
198099, Россия, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17.
margaret15@mail.ru

Земцов Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Уральский государственный педагогический университет; Уральский федеральный университет.
620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
vladimirzemtsov@yandex.ru

Ильченко Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН.
620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16.
msilchenko@mail.ru

Кароли Дорена, доктор исторических наук, профессор, Университет Мачераты.
Италия, Le Scalette, 8, Мачерата МС.
dorena.caroli@unimc.it

Коньшева Евгения Владимировна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры теологии, культуры и искусства, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет).
454080, Россия, Челябинск, пр. Ленина, д. 76.
e_kon@mail.ru

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, Институт российской истории Российской академии наук; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
117036, Россия, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
Liseitsev@mail.ru

Нефёдов Сергей Александрович, доктор исторических наук, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук; Уральский федеральный университет.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
hist1@yandex.ru

Постников Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, ректор, Уральская государственная архитектурно-художественная академия.
620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 23.
sppostnikov@mail.ru

Редин Дмитрий Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Уральский федеральный университет.
620137, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16.
volot@mail.ru

Селин Адриан Александрович, доктор исторических наук, профессор, директор центра исторических исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
198099, Россия, Санкт-Петербург, ул. Промышленная, д. 17.
aselin@hse.ru

Смирнов Леонид Николаевич, кандидат архитектуры, профессор, заведующий кафедрой архитектурно-строительной экологии, член Союза архитекторов России, Уральский государственный архитектурно-художественный университет.
620075, Россия, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, д. 23.
lsmirnov@bk.ru

Тимофеев Михаил Юрьевич, доктор философских наук, профессор, Ивановский государственный университет.
153023, Россия, Иваново, ул. Ермака, д. 37.
timofeev.01@gmail.com

Флирль Томас, независимый исследователь, Берлин, Германия.
mail@thomasflierl.de

Хоруженко Олег Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук.
117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.
khoruzhenko1@yandex.ru

Arakcheev Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), Ural Federal University.

16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
arakk@rambler.ru

Bugrov Konstantin, PhD (History), Associate Professor, research fellow, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), Ural Federal University.

16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
k.d.bugrov@gmail.com

Caroli Dorena, Doctor of History, Professor, University of Macerata. Italy, Le Scalette, 8, Macerata MC.

dorena.caroli@unimc.it

Flierl Thomas, Independent Researcher, Berlin, Germany.

mail@thomasflierl.de

Gorbachev Oleg, Dr. Hab. (History), Professor, Department of Document and Information Support of Management, Ural Federal University.

19 Mir Str., 620002, Yekaterinburg, Russia.
og_06@mail.ru

Dadykina Margarita, PhD (History), Associate Professor, National Research University Higher School of Economics.

17 Promyshlennaya Str., 198099, St. Petersburg, Russia.
margaret15@mail.ru

Il'chenko Mikhail, PhD (Politics), Institute of Philosophy and Law (Russian Academy of Sciences, Ural Branch).

16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
msilchenko@mail.ru

Khoruzhenko Oleg, PhD (History), Senior Scientist, Institute of Russian History (Russian Academy of Sciences).

19 Dmitry Ulyanov Str., 117036, Moscow, Russia.
khoruzhenko1@yandex.ru

Konysheva Evgeniya, PhD (Art Studies), Associate Professor, Department of Theology, Culture and Fine Arts, South Urals State University, Senior Researcher, Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning (Moscow).

76 Lenin Ave., 454080, Chelyabinsk, Russia.
e_kon@mail.ru

Liseitsev Dmitry, Dr. Hab. (History), Institute of Russian History, (Russian Academy of Sciences); National Research University Higher School of Economics.

19 Dmitry Ulyanov Str., 117036, Moscow, Russia.
Liseitsev@mail.ru

Nefedov Sergey, Dr. Hab. (History), Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch); Ural Federal University.
16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
hist1@yandex.ru

Postnikov Sergey, Dr. Hab. (History), Professor, Rector, Ural State University of Architecture and Arts, member of the Russian Union of Architects and member of the Russian Association of Designers.
23 K. Liebknecht Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
sppostnikov@mail.ru

Redin Dmitry, Dr. Hab. (History), Professor, Institute of History and Archaeology (Russian Academy of Sciences, Ural Branch), Ural Federal University.
16 S. Kovalevskaya Str., 620137, Yekaterinburg, Russia.
volot@mail.ru

Selin Adrian, Dr. Hab. (History), Professor, Head of the Centre of Historical Studies, National Research University Higher School of Economics.
17 Promyshlennaya Str., 198099, St. Petersburg, Russia.
aselin@hse.ru

Smirnov Leonid Nikolaevich, PhD (Architecture), professor, head of the Department of Architecture and Construction Ecology, State University of Architecture and Arts, member of the Russian Union of Architect.
23 K. Liebknecht Str., 620075, Yekaterinburg, Russia.
lsmirnov@bk.ru

Timofeev Mikhail, PhD (Philosophy), Professor, Ivanovo State University.
37 Yermak Str., 153023, Ivanovo, Russia.
timofeev.01@gmail.com

Zemtsov Vladimir, Dr. Hab. (History), Professor, Ural State Pedagogical University; Ural Federal University.
26 Kosmonavty Ave., 620017, Yekaterinburg, Russia.
vladimirzemtsov@yandex.ru

СОКРАЩЕНИЯ

ABBREVIATIONS

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
AVPRI – Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii

АМГ – Акты Московского государства, изданные Императорской академией наук

AMG – Akty Moskovskogo gosudarstva, izdannye Imperatorskoy akademiey nauk

АРИ – Архив русской истории
ARI – Arkhiv russkoy istorii

АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века
ASZ – Akty sluzhilykh zemlevadel'tsev XV – nachala XVII veka

АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в.

ASEI – Akty sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Severo-Vostochnoy Rusi kontsa XIV – nachala XVI v.

ГАВО – Государственный архив Вологодской области
GAVO – Gosudarstvennyy arkhiv Vologodskoy oblasti

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
GARF – Gosudarstvennyy arkhiv Rossyskoy Federatsii

ГАСО – Государственный архив Свердловской области
GASO – Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti

ГИМ – Государственный исторический музей
GIM – Gosudarstvennyy istorichesky muzey

ДАИ – Дополнения къ актамъ историческимъ, собранныя и изданныя археографическою комиссією : в 12 т.

DAI – Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannyya i izdannyya arkheograficheskoyu kommissieyu : v 12 t.

НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел Российской государственной библиотеки

NIOR RGB – Nauchno-issledovatel'sky otdel Rossyskoy gosudarstvennoy biblioteki

ПРП – Памятники русского права
PRP – Pamyatniki russkogo prava

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
PSZ – Polnoe sobranie zakonov Rossyskoy imperii

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей, изданных по Высочайшему повелению Археографической комиссией
PSRL – Polnoe sobranie russkikh letopisey, izdannyykh po Vysochayshemu poveleniyu Arkheograficheskoyu komissieyu

РИБ – Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией
RIB – Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu

РГАДА – Российский государственный архив древних актов
RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
RGASPI – Rossyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
RGVIA – Rossyskiy gosudarstvennyy voenno-istoricheskiy arkhiv

РГИА – Российский государственный исторический архив
RGIA – Rossyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv

СПб ИИ – Научный архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук
SPb II – Nauchnyy arkhiv Sankt-Peterburgskogo instituta istorii Rossyskoy akademii nauk

ЦИАМ – Центральный исторический архив Москвы
TsIAM – Tsentral'nyy istoricheskiy arkhiv Moskvу

RA – Riksarkivet, Stockholm

NOA – Ockupationsarkivet från Novgorod // Riksarkivet, Stockholm

ПАМЯТКА АВТОРА

Информация о журнале

Научный журнал «Quaestio Rossica» издается с 2013 г. Учредителем и издателем журнала является ФГАОУ «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина». Журнал является периодическим изданием (выходит четыре раза в год).

Журнал «Quaestio Rossica»

- зарегистрирован как научное периодическое издание Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-56174 от 15.11.2013);

- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации серийных изданий (International Standard Serial Numbering) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-911X;

- включен в объединенный каталог «Пресса России», индекс № E43166.

- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета (<http://urfu.ru/science/proceedings/>) и на собственном сайте журнала (<http://qr.urfu.ru>). Журнал индексируется в *Web of Science*, основная коллекция.

- При цитировании статей из «Quaestio Rossica» необходимо указывать DOI.

Редакционная политика журнала ориентируется на современные гуманитарные исследования, свободные от идеологических штампов, базирующиеся на использовании различных научных парадигм, введении в научный оборот новых источников. Приветствуется академический уровень подачи материала, историографическая полнота и дискуссионность. Редколлегия журнала следует правилам научного либерализма, предусматривающего публикацию мнений вне зависимости от идеологических взглядов.

Порядок приема и движения рукописи

- Журнал рассматривает научные статьи объемом не более одного учетно-издательского (авторского) листа (40 000 знаков с пробелами).

- К публикации в журнале принимаются не публиковавшиеся ранее научные статьи, обзоры и рецензии, освещающие актуальные вопросы российской *истории, филологии, культуры и искусства*, а также исследования компаративистского характера.

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии, сопровождается аннотацией на русском и английском языках, с указанием темы и цели работы, методологии исследования, источников, основных результатов (от 250 до 300 слов), перечнем ключевых слов на русском и английском языках. Заполняется анкета автора (см. ниже).

- Страницы рукописи **нумеруются**.

- Иллюстрации к статье даются отдельным файлом в формате .jpeg с максимальным качеством (разрешение не ниже 600 dpi), с подписями на русском и английском языках, указанием места иллюстрации в статье.

- К статье прилагаются таблица со сведениями об авторах и таблица со сведениями о статье.

- Рукописи высылаются по электронному адресу журнала: qr.urfu.ru или электронным адресам редакторов соответствующих разделов, указанных на сайте журнала.

- Статьи принимаются к рассмотрению в течение всего года.

- Редколлегия уведомляет автора рукописи о том, принят или не принят к публикации материал.

Требования к авторскому оригиналу

Подготовка электронного варианта рукописи

- **Формат бумаги** – А4 (210 x 279 мм), ориентация книжная.
- **Программа** – Word, **гарнитура** – Times.
- **Поля** – все по 2 см.
- **Размер шрифта** (кегель) – 14 (алгоритм набора: Формат – Шрифт – Размер – 14)
- **Межстрочный интервал** – полуторный (Формат – Абзац – Междустрочный – Полуторный).
- **Межбуквенный интервал** – обычный.
- **Абзацный отступ** – 1,25 (Формат – Абзац – Первая строка – Отступ – 1,25).
- **Выравнивание текста по ширине** (Формат – Абзац – Выравнивание – По ширине).
- Нумерация страниц (Вставка – Номер страницы – Внизу, справа).
- Переносы обязательны (Сервис – Язык – Расстановка переносов – Автоматическая расстановка переносов).
 - Квадратные скобки – на латинской клавиатуре (переход на латиницу с помощью клавиш Shift и Ctrl, нажатых одновременно).
 - **Межсловный пробел** – в один знак. Пробелы обязательны после всех знаков препинания (включая многоточие), в том числе в сокращениях *т. е.*, *т. п.*, *т. д.*, *т. к.* Два знака пунктуации подряд пробелом не разделяются, например: *М.*, 1995. В личных именах все элементы разделяются пробелами, например: *А. С. Пушкин.*
 - **Дефис** должен отличаться от тире, например: *Творчество Н. Заболоцкого конца 1920-х – начала 1930-х гг.*
 - **Тире** должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах, например: *1941–1945 гг.*, с. 8–61.
 - **Кавычки** должны быть одного начертания по всему тексту («...» – внешние, «...» – внутренние).
 - **Точка, запятая и точка с запятой** при слове с надстрочным знаком сноски ставятся после знака сноски, например: *«Наши дети – энциклопедисты по самому характеру своего мышления», – говорил Маршак¹.*
 - **Римские цифры** набираются с помощью латинской клавиатуры.
 - **Буква ё/Ё** заменяется буквой е/Е за исключением важных для смысловых различия контекстов, например: *Всем обо всём.*
 - При наборе не допускается использование стилей, не задаются колонки.
 - Не допускаются пробелы между абзацами.
 - Цитирование исторических источников и художественных текстов производится на языке оригинала с переводом в примечаниях на язык статьи.

Виды и приемы выделений в тексте

- Основные виды выделений в рукописи – **рубрикационные** (заголовки, подзаголовки) и **смысловые** (термины, значимые положения, логические усиления).
- Смысловые выделения в авторском тексте оформляются разрядкой (Формат – Шрифт – Интервал – Разреженный – 2).
- Короткие примеры в авторском тексте выделяются светлым курсивом, при необходимости используется полужирный курсив, например: «Неблаговучны громкие стечения согласных на стыке слов (*пусть встреча состоится*)». Отдельные фрагменты прозаического текста выделяются мелким шрифтом с отбивками от основного текста.

Примечания и библиографические ссылки

- Примечания оформляются с помощью подстрочника и арабской цифры-индекса в качестве знака сноски. Ссылки на литературу в составе примечания даются по правилам оформления ссылок.
 - Ссылки – затекстовые, оформляются в соответствии с национальным стандартом РФ ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка», введенным с 1 января 2009 г. Обязательны указания на количество страниц в издании и на страницы цитируемых статей. Ссылки на иностранные источники следуют после русскоязычных.
 - Отсылки в тексте – в квадратных скобках с указанием фамилий авторов (если документ создан 1–3 авторами) или названий (4 и более авторов, коллективные сборники), а также при необходимости номера тома и страницы при прямом цитировании.

нии. Например: [Толстой, т. 4, с. 287]. Год издания указывается лишь в том случае, если есть ссылки на другие книги этого автора.

- Для ссылок на электронные ресурсы используют аббревиатуру URL (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса) и дату обращения. Например: URL: <http://www.prognosis.ru> (дата обращения: 13.03.2015).

- В список литературы могут быть включены только те издания, ссылки на которые приводятся в тексте статьи.

Примеры оформления списка литературы.

Полдников Д. Ю. Этапы формирования цивилистической договорной теории *ius commune* // Государство и право. 2012. № 6. С. 106–115.

Смирнов М. И. Адмирал Александр Васильевич Колчак (краткий биографический очерк). Париж, 1930. 62 с.

РГАВМФ. Ф. 406, 418, 609, 701, 716. Р-181, Р-183, Р-187.

Ђосић Д. Косово. Београд, 2004. 281 с.

Bryson G. Man and Society. The Scottish Inquiry of the Eighteenth century. Princeton, 1945. 287 p.

Emerson R. The social composition of Enlightened Scotland: the Select Society of Edinburgh 1754–1764 // Studies on Voltaire and the eighteenth century, CXIV. 1973. P. 291–329.

United States Department of State // Foreign relations of the United States diplomatic papers, 1941. General, The Soviet Union (1941). URL: <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/FRUS.FRUS1941v01> (дата обращения: 12.07.2013).

Сведения об авторе на русском и английском языках

Фамилия / Surname	
Имя, отчество / Name, middle name	
Ученая степень, звание / Academic degree, rank	
Организация (с указанием страны и города) / Organization (with the indication of the country and city)	
Должность / Position	
Почтовый адрес и телефон места работы / Postal address and phone of the place of employment	
Сфера научных интересов / Sphere of academic interests	
E-mail	
Контактный телефон / Contact phone	
Адрес для почтовой рассылки / Address for the mailing group	

Анкета статьи (таблица РИНЦ)

ФИО автора / Author	
Организация / Organization	
Страна / Country	
Город / City	
E-mail:	
Наименование статьи / Title of article	
Аннотация / Abstract (250–300 слов)	
Ключевые слова / Keywords (5–8 слов)	
Список библиографических ссылок в алфавитном порядке	

Электронный адрес: qr.urfu.ru

Научное издание

Quaestio Rossica

Vol. 4, № 3, 2016

Редакторы	<i>Е. Березина</i> <i>А. Иванова</i> <i>Дж. Уайт (английский текст)</i>
Верстка	<i>А. Матвеев</i>
Editors	<i>Ekaterina Berezina</i> <i>Anastasia Ivanova</i> <i>James White (English)</i>
Imposition	<i>Alexey Matveev</i>

Подписано в печать 23.09.2016. Формат 70x100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,8.
Тираж 500 экз. Заказ № 354.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru